УЧИЛИЩЕ
БЛАГОЧЕСТІЯ,

или

ПРИМѢРЫ

ХРИСТІЯНСКИХЪ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ,

выбранные

изъ

ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе девятое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1864.

Digitized by Google

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется, Марта 21 дня, 1863 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій*.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА

(Б. Мѣщанская, 8).

PVG 351250
PVG 351252

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Принося искреннюю благодарность за снисхожденіе, съ каковымъ благочестивые читатели приняли первыя двѣ части «Училища Благочестія», и за благосклонные отзывы, въ журналахъ помѣщенные, представляю почтеннѣйшей публикѣ продолженіе трудовъ моихъ. Избави меня Боже отъ самолюбиваго мнѣнія, будто первый мой опытъ въ самомъ дѣлѣ достоинъ похвалы за свое совершенство! Если въ немъ что-нибудь заслуживаетъ одобреніе Христіянъ, то это есть не что иное, какъ мое доброе намѣреніе.

Сіе намѣреніе, кромѣ усерднаго желанія доставить наипаче юнымъ соотечественникамъ порожденныя святою вѣрою повѣсти, состояло и въ томъ, чтобы показать, коль драгоцѣнное сокровище заключается въ нашихъ Четь-Минеяхъ и побудить къ прилежному чтенію оныхъ. Это есть источникъ, который поистинѣ можно назвать неисчерпаемымъ; ибо чѣмъ болѣе будемъ читать оныя, тѣмъ болѣе будемъ извлекать оттуду полезныхъ и душеспасительныхъ для себя примѣровъ и наставленій. Это есть море, въ которомъ всегда можно доставать драгоцѣнный жемчугъ. Стоитъ только приложить благочестивое вниманіе и читать житія Святыхъ не изъ любопытства только, но для пользы ума и сердца.

При семъ, мнѣ должно дать отвѣтъ нѣкоторымъ изъ читателей.— Многіе желали въ «Училищѣ» Благочестія

между краткими повѣстями видѣть и полныя жизнеописанія нѣкоторыхъ святыхъ. Съ радостію бы исполнилъ волю ихъ, но, признаюсь откровенно, сей трудъ превосходитъ мои силы; къ тому же, поступивъ такимъ образомъ, я посупилъ бы противу моего намѣренія,—собрать только духовные анекдоты. Впрочемъ, въ удовольствіе читателей, въ предлагаемыхъ нынѣ частяхъ помѣстилъ я нѣсколько почти цѣлыхъ житій; а въ другихъ мѣстахъ нужное къ свѣдѣнію объяснилъ въ примѣчаніяхъ.

Если не воспрепятствуютъ мнѣ какія-либо непредвидимыя обстоятельства, я постараюсь усовершить «Училище Благочестія», А теперь молю Бога, дабы Христіяне, прочитавъ мое *извлеченіе*, возжелали прочесть и самую Четь-Минею. Они увидятъ, что языкъ старыхъ Русскихъ книгъ труденъ не отъ того, будто самъ по себѣ непонятенъ, но отъ того только, что мы, никогда не читая оныхъ, начали забывать его.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Видѣніе воина-патріота	1
Вѣрность къ господамъ	2
Каждое дѣло должно начинать съ благословеніемъ	4
Забвеніе обѣтовъ, данныхъ Богу, есть великій грѣхъ	6
Примѣръ избранія наставниковъ для юношества и уваженіе къ онымъ	7
Арсеніево бѣгство отъ двора Царскаго	9
Разговоръ съ самимъ собою	12
Посѣщеніе по пути	12
Ругательство, обращенное на главу ругателей	13
Доказательство Пресвятыя Троицы отъ солнца	14
Разность между обидами частными и обидами общественными	15
Необходимость имѣть и читать съ благоговѣніемъ сочиненія святыхъ Отцевъ	16
Пренебреженіе къ начальству, Богомъ наказанное	20
Милосердіе къ бѣднымъ, не у мѣста оказанное	22
Узы Господнихъ заповѣдей	23
Совершенный безсребренникъ	24
Смиреніе Правовѣрныхъ и гордость зловѣрныхъ	26
Наказанное ослушаніе	27
Лукавство и дерзость: духа-искусителя	28
Польза отъ слова Божія, кто бы ни проповѣдывалъ оное	29
Гордость, сама собою низверженная	33
Непорочность не имѣетъ нужды въ притворствѣ	31
Выборъ чиновниковъ	32
Ужасный поступокъ сребролюбія	33
Желаніе инока	34
Урокъ о постничествѣ	34
Не должно просить Бога о погубленіи даже лютѣйшихъ беззаконниковъ	35

Неустрашимый защитникъ Православія. 36
Врачующій инокъ 39
Гнѣвъ Божій за удаленіе отъ обязанностей, свыше возлагаемыхъ 40
Снисходительность къ грѣшникамъ и строгость противу грѣховъ. 42
Правило, какъ жить съ другими. 43
Небесная стража . . . . . —
О томъ, коль спасительно въ несчастіяхъ призывать на помощь Угодниковъ Божіихъ 46
Нарушитель вѣры непремѣнно будетъ нарушителемъ и правъ народныхъ. 47
Истинное покаяніе 50
Попеченіе въ высшемъ степени, чтобы не опечалить ближняго 51
Дитя, уважающее великихъ людей. . . . . —
Россійскіе Первомученики 53
Сила Господнихъ заповѣдей 55
Молитва объ удаленіи смертнаго часа 56
Три брата, знаменитые въ Россійской древности. 57
Снисхожденіе къ ближнему 59
Общая всѣмъ слабость 61
Истинный смыслъ, въ какомъ должно принимать *умерщвленіе тѣла*. —
Средство, безъ приказанія заставлять что-нибудь сдѣлать. . . —
Примѣръ, какъ святые Отцы дорожили покоемъ другихъ. . . 62
Святый Пророкъ и Боговидѣцъ Моисей . . . . . —
Смерть Св. Пророка Захаріи. 64
Злоба духа-соблазнителя 65
Богоотцы Іоакимъ и Анна 67
Святая Великомученица Евпмія. 69
Потребна осторожность, когда на кого-нибудь жалуются другіе . 71
Дщери Премудрости, Вѣра, Надежда и Любовь 72
Смиренномудріе преподобнаго Сергія, Игумена Радонежскаго . 74
Добродѣтель, въ очахъ истиннаго Христіанина, есть высочайшее достоинство 75
Безъ правовѣрія спатися невозможно 76
Покровъ Пресвятыя Богородицы 77

Свыше просвѣщенный 79
Змій сребролюбія 81
Обращеніе въ Христіанскую вѣру Св. Священномученика Діонисія Ареопагита 83
Небесное руководство. 85
Видѣніе о грѣшникѣ, принявшемъ твердое намѣреніе жить непорочно 86
Слава и безславіе 88
Забывать добродѣтели предковъ — есть грѣхъ, достойный Божескаго наказанія. 89
Видѣніе матери, сѣтующей о смерти сына 91
Мысли святыхъ Отцевъ 93
Нѣчто о святыхъ Тайнахъ 97
Іоаннъ Милостивый 98
Обязанность матери къ сыну и сына къ матери 101
Ужасное вѣроломство, Богомъ наказанное, или чудо святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива 104
Наказанное кощунство 112
Христіанскій Сцевола. 113
Жизнь по привиламъ 114
Слезы Святыхъ. 115
Страданія святаго Михаила, Великаго Князя Тверскаго. . . . 116
Внезапное покаяніе разбойника 119
Предметъ истиннаго просвѣщенія 120
Поведеніе Св. Амвросія, Архіепископа Медіоланскаго, въ сомнительное время тиранства Евгеніева 123
Битва благочестиваго Царя съ нечестивымъ тираномъ . . . 125
Встрѣча Императора съ Архипастыремъ 133
Истина, просто представляемая, въ устахъ Праведника сильнѣе и убѣдительнѣе всякаго целемудрія и хитрословесности. . . 134
Безмолвное доказательство Святыя Троицы 135
Чудотворное превращеніе золота въ змію. 136
Явленіе Царя славы 137
Богоносецъ 141
Отчего на два хора поютъ церковную службу 142
Святый Архидіаконъ и Первомученникъ Стефанъ . . . . . —

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Знаменитые и святые друзья, или примѣръ, какъ дѣти должны себя вести въ общенародныхъ училищахъ. 147
Суетность человѣческихъ начинаній противу судебъ Господнихъ. 152
Мысли о раздачѣ нищимъ своего имѣнія. 157
Разлука и свиданіе благочестиваго семейства. . . . . —
Незлобіе великаго старца. 116
Свиданіе преподобнаго Ефрема съ Василіемъ Великимъ. . . . —
Коль великій подвигъ есть послушаніе. 154
Совѣтъ инока отрекающемуся отъ свѣта. 165
О томъ, сколь ужасно оскорблять родителей 166
Наилучшее богоугожденіе 167
Безпристрастіе къ себѣ и справедливость къ другимъ, или о томъ, что общую пользу должно предпочитать своей пользѣ . 168
Наказанный оскорбитель Святыни 170
Каковъ подвигъ, такова и награда 172
Спасительная бесѣда 173
Свыше вдохновенно любопытство 175
Христіянское общество, или разность между Христіянами и не-Христіянами въ отправленіи обязаностей, возлагаемыхъ Отечествомъ 177
Сила молитвы 179
Раскаяніе одного и незлобіе другаго 180
Молитва и смерть подвижника Христова 181
Святое дерзновеніе 183
Порокъ безобразитъ не только душу, но и самую наружность человѣка 186
Небесная помощь 187
Совершенство безмолвія . . . . . —
Единочасное покаяніе 189
Мщеніе Святаго человѣка 191
Ужасный долгъ, съ милосердіемъ исполняемый. 192

О томъ, какъ должно поступать въ случаѣ противуборства одной обязанности съ другою 193
О томъ, сколько святые люди старались истребить чуть зарождающіяся въ сердцѣ ихъ возмутительныя страсти 194
Молитва мученика въ часъ смертный. 195
Злый совѣтъ обращается на главу совѣтодателя 196
О томъ, сколь иногда опасно дѣло благотворенія поручать другимъ. 197
Средство изъ обыкновенныхъ разговоровъ извлекать душевную пользу. . . . . —
Постъ и трапеза страннолюбія. 198
Инокъ XIV вѣка 199
Необходимо нужный, но по всѣмъ извѣстный урокъ родителямъ и дѣтямъ. 200
Видѣніе о святыхъ людяхъ 202
Сродство усмирять жесточайшихъ враговъ 203
Добрымъ намѣреніямъ содѣйствуетъ Богъ 204
Предметъ путешествія 205
О томъ, до какой степени злочестіе иногда ожесточается противу добродѣтели и слѣпотствуетъ противу истины . . . . . —
Уставъ преподобнаго Паисія 208
Мудрый совѣтъ о милостынѣ 209
Всякое званіе должно избирать съ разсужденіемъ и молитвами . 210
Неустрашимость за правду 211
Урокъ испытующимъ тайны 212
Военачальствующій Пустынникъ . . . . . —
Христолюбивое воинство 214
Отроческая страсть къ ученію 222
Достойный человѣкъ не долженъ удаляться отъ общественныхъ обязанностей. 223
Удаляйся и невинныхъ случаевъ воспользоваться чужимъ достояніемъ 224
Неосторожность въ осужденіи, человѣколюбиво обличенная . . 226
Кто осуждаетъ ближняго, тотъ святотатски предвосхищаетъ право Господне. 228
Важная наука не согрѣшать языкомъ 229
Воспитаніе и жизнь преподобной Макрины 230

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Черта образа Божія	239
Седмь Ефесскихъ святыхъ отроковъ	245
Подвиги преподобнаго Симеона	251
О томъ, коль ненавистна Богу жертва, не отъ чистаго сердца приносимая	256
Священномученикъ Вавила	257
Гнѣвъ Божій за оскорбленіе святыхъ Мощей	259
О томъ, сколько споспѣшествуетъ къ нашему спасенію милостыня	261
Прилежаніе и трудъ, а паче молитва, все преодолѣваютъ	264
Духъ смиренномудрія	266
Откровеніе преподобному Сергію о духовномъ его потомствѣ	—
Христова невѣста	268
Любопытство святаго путешественника	270
Улыбка Праведника	272
Юные исповѣдники имени Христова	—
Награды должно ожидать не въ началѣ, но въ концѣ подвига	274
Красота Евангельскаго слога	—
Истинное человѣколюбіе	275
Безопасное мѣсто для сбереженія сокровищъ	—
Безтрепетный пастырь стада Христова	276
Инокъ, ходатайствующій за свою родину	277
Мать, наказанная безчадствомъ	279
Хвала богохульныхъ устъ для любящихъ Бога есть хула	280
Благочестивый вымыслъ, или рѣдкій урокъ дѣтямъ	282
Примѣрная супруга	—
Домъ земный и домъ небесный	284
Нелицепріятіе при подаяніи нищимъ	285
Каково подаяніе, таково и воздаяніе	—
Слушай бѣдныхъ, если хочешь, чтобы слушалъ тебя Богъ	287
О томъ, сколь трудно исправить сребролюбца	—

Digitized by Google

Не только сами милостынодавцы, но и дѣти ихъ Богомъ не оставляются. 289
Защитникъ Церкви и Отечества 290
Мученикъ младенецъ 292
Духовное братолюбіе 294
Мѣсто свято тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ богоугодно 295
Дерзновеніе за вѣру 296
Казнь лжесвидѣтельницы 297
Безсовѣстнѣйшее коварство. 298
Священный ужасъ Тѣла и Крови Господней 301
О томъ, сколь ужасно возвращаться на прежніе грѣхи . . . 302
Патріотизмъ Инока 30
Не осуждай другихъ, а наипаче, гдѣ кроется что-нибудь для тебя непонятное 304
Нѣтъ ничего пагубнѣе для каждаго сословія, какъ буйство и непокорность подчиненныхъ. 306
Изъ каждаго происшествія можно извлекать пользу для сей и будущей жизни 308
Чтобъ быть хорошимъ начальникомъ, должно быть прежде хорошимъ подчиненнымъ 309
Время угождать Богу втайнѣ, и время угождать Богу въявѣ . 311
Наказанная жестокость 312
Желаніе слѣпца и употребленіе чувства зрѣнія . . . . . —
Правило, какъ жить на свѣтѣ 313
Самъ Богъ не велитъ безъ нужды подвергаться опасностямъ . 314
Наказанный сребролюбецъ 315
Поступокъ св. Спиридона съ хищниками. 317
Хищничество не обогощаетъ, но паче разоряетъ . . . . . —
Горькій плодъ роптанія 318
Возможность спастися не есть исключительная принадлежность нѣкоторыхъ только состояній 319
Урокъ, сколько надобно удаляться сообщенія съ нечестивыми . 321
Торжество Христіянскаго смиренія 322
Святость насильно исторгаетъ почтеніе 323
Жертва вѣрѣ, принесенная вельможею 324

Digitized by Google

Digitized by Google

BIBLIOTECA RUSSA ROMA

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Видѣніе воина-патріота (*).

Когда Іуда Маккавей за отечество и церковь Божію ополчался противу злочестиваго Антіоха, то однажды, въ глубокомъ размышленіи воспоминая славу Израиля и чудную помощь отъ небесъ толикократно ему ниспосилаемую, потомъ разсуждая объ ужасныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени и изыскывая стредства спасти народъ свой, вдругъ узрѣлъ въ видѣніи Архіерея Онію (**), мужа благоговѣйнаго, кроткаго и благодѣтельнаго. Первосвященникъ *(такъ видѣлъ Маккавей)*, воздѣвая руки на небо, молился о мирѣ и спасеніи всего народа Іудейскаго... Благочестивый военачальникъ только что хотѣлъ повергнуться на землю и съ нимъ же изліять сердце свое къ Богу, какъ вдругъ явился другой мужъ, сѣдинами убѣленный, небесною славою сіяющій и подобный болѣе Божеству, нежели человѣку. . . Тогда Онія сказалъ: «Се Іеремія, Пророкъ Божій!. . . » и Іеремія, въ то же мгновеніе простерши руку свою къ Маккавею, подалъ ему златый мечъ и возгласилъ: «пріими даръ Божій; имъ

(*) Изъ житія святаго Пророка Іереміи, котораго память Мая въ 1 день.

(**) II. Макк. XV. 12.

сокрушишь всѣхъ враговъ вѣры и отечества.» — Послѣ сего Пророкъ и Архіерей стали невидимы.

Христолюбивые воины! изъ сего видѣнія, котораго свыше удостоился величайшій изъ военачальниковъ, познайте, что святые угодники Божіи и по кончинѣ своей молятся за васъ къ Господу и вспомоществуютъ вамъ противъ супостатовъ.

Вѣрность къ господамъ.

Благочестивые супруги, Есперъ и Зоа, и дѣти ихъ Киріакъ и Ѳеодулъ (*) были рабы нѣкотораго Римлянина, именемъ Катала. Не взирая на то, что господинъ ихъ и весь домъ поклонялись идоламъ, они жили по заповѣдямъ Іисуса Христа: были трудолибивы; что возлагали на нихъ, исполняли съ усердіемъ и вѣрностію отличались предъ всѣми домочадцами,

Въ одно время блаженный Есперъ, по приказанію господина, отправленъ былъ въ дальнее помѣстье, отчего Киріакъ и Ѳеодулъ почувствовали огорченіе вскорѣ и начали задумываться. Святая Зоа приписывала печаль дѣтей своихъ то ихъ нездоровью, то безпрестаннымъ работамъ, то разлукѣ съ родителемъ; но, къ удивленію своему, вскорѣ узнала другое; ибо когда съ матернею нѣжностію начала вывѣдывать у нихъ причину душевнаго разстройства, дѣти сказали ей:—«Любезная родительница! мы не можемъ болѣе жить съ нечестивымъ Каталомъ; ты сама изъ Священнаго писанія говорила намъ: *не бывайте удобъ приложены къ иному ярму, якоже*

(*) Святые мученики Есперъ, Зоа, Киріакъ и Ѳеодулъ жили въ царствованіе Императора Адріана во II вѣкѣ. См. Житія Святыхъ подъ 2 числомъ Мая.

невѣрніи (*) Какъ же сохранимъ заповѣди Господни, если не уйдемъ отъ идолопоклонниковъ? Мы боимся, чтобы, обращаясь между ними, не были отъ Бога поставлены съ ними вмѣстѣ ошуюю и не погибли на вѣки. Благослови насъ: мы хочемъ бѣжать.»—Благочестивая мать изумилась, услышавъ предложеніе дѣтей своихъ, и, съ гнѣвомъ воззрѣвъ на нихъ, отвѣчала: «какъ могло прійти на мысль вамъ столь нелѣпое намѣреніе? Вы толкуете неправильно слова Спасителя нашего: отъ васъ только требуется, чтобы отъ чистоты Христіянской вы не прилагались къ нечистотамъ языческимъ. А что касается до повиновенія господамъ своимъ, то послушайте, что заповѣдуетъ ревностнѣйшій ученикъ Христовъ: *Раби*, говоритъ онъ, *послушайте Господей своихъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа: не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы; но якоже рабы Христовы, творяще волю Божію отъ души: вѣдяще, яко кійждо, еже аще творитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободъ* (**). Подумайте же, имѣете ли хотя малѣйшее право уйти отъ господъ своихъ, когда они имѣютъ полную власть надъ тѣломъ нашимъ? Ваше дѣло служить имъ до смерти; а кого поставить одесную и кого ошуюю, это, судя по дѣламъ ихъ и вашимъ, рѣшитъ самъ Господь послѣ смерти.»

Тогда послушныя дѣти познали свое заблужденіе и, умоляя мать свою, чтобы простила ихъ, сказали: «по крайней мѣрѣ, подражая Христу, Который предалъ Себя въ руки Іудеевъ, дабы чрезъ то искупить отъ геенскаго ига весь родъ человѣческій, позволь и намъ, любезная родительница, искупить себя отъ заблуждающаго Катала

(*) II. Кор. VI. 14. (**) Ефес. VI. 5, 8.

своею кровію, если будетъ принуждать насъ къ жертвоприношенію своимъ идоламъ.»—Святая Зоа на подвигъ страдальчества благословила Киріака и Ѳеодула и страшилась только, чтобы мученія не поколебали твердости ихъ въ вѣрѣ Евангельской.

Рабы нынѣшнаго свѣта! изъ сей повѣсти научитесь, какъ должно служить господамъ своимъ Къ несчастію, укрывательства и побѣги у васъ въ обыкновеніи. Бойтесь прогнѣвать Бога: повинуйтесь всѣмъ сердцемъ и душею. Если же (*чего не дай Боже!*) господинъ будетъ принуждать васъ къ нечестію или злодѣянію, съ кротостію представьте ему невозможность исполнить волю его. Если онъ образумится—возблагодарите Бога, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ служите ему; если онъ въ злочестивомъ намѣреніи ожесточится—пострадайте, но на чредѣ вашего служенія.

Каждое дѣло должно начинать съ благословеніемъ.

Однажды преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго (*) посѣтилъ Великой Князь Изяславъ и остался у него обѣдать. На простомъ столѣ поставлена была простая пища, какую употребляли въ праздничные дни иночествующіе постники: но сія пища Великому Князю показалась чрезвычайно вкусною. Видя хлѣбъ не такъ бѣлый и обыкновенные плоды, Изяславъ не понималъ, отъ чего съ такою сладостью вкушаетъ онъ, и наконецъ съ удивленіемъ спросилъ о причинѣ своего удовольствія за сто-

(*) Преподобный Ѳеодосій постригся въ 1023, а преставился въ 1074 лѣто по Р. Х. Память его празднуется Мая въ 3 и Августа въ 14 день.

ломъ старческимъ:—«У меня, сказалъ онъ, всего довольно:—припасы лучшіе; разныя приправы выписываются изъ чужихъ земель; повара́ свое дѣло знаютъ: но рѣдко могу ѣсть съ нѣкоторымъ только побужденіемъ къ пищѣ.»— «Государь! отвѣчалъ Ѳеодосій, у насъ братія, когда хотятъ варить яствы, или печь хлѣбы, имѣютъ слѣдующій уставъ: сначала приходятъ къ настоятелю и берутъ у него благословеніе; потомъ сдѣлаютъ три поклона предъ святымъ алтаремъ и, возжегши свѣчу отъ елея, горящаго предъ образомъ Господнимъ, ею разводятъ огонь въ поварнѣ или въ хлѣбнѣ; также когда надобно лить въ котелъ воду, служитель говоритъ старѣйшинѣ: *благослови Отче!* а старѣйшина отвѣчаетъ: *Богъ да благословитъ тебя!* Такимъ образомъ у насъ все дѣлается съ благословеніемъ, и вотъ причина, что пища наша имѣетъ вкусъ и сладость. Напротивъ того, ваши рабы каждое дѣло начинаютъ съ ропотомъ, досадуя другъ на друга; а гдѣ есть грѣхи, тамъ можетъ ли быть удовольствіе? Сверхъ того, ваши дворецкіе иногда бьютъ служителей за малѣйшую неисправность; ихъ слезы также прибавляютъ много горькости въ ваши брашна, сколь бы они драгоцѣнны ни были.»

Великій Князь согласился, что святый старецъ говоритъ правду и, принявъ отъ него благословеніе, возвратился въ домъ свой. Согласимся и мы, Христіяне, что урокъ Ѳеодосіевъ особливо для насъ нуженъ: ибо мы, по вѣтренности, или, лучше сказать, въ угожденіе иностраннымъ лжеучителямъ, не только безъ благословенія принимаемся за каждое дѣло, но и садясь за столъ, чтобы насытиться дарами Господними, не только оставили благочестивое обыкновеніе предковъ нашихъ, помолиться Богу, но, къ несчастію, иногда почитаемъ за стыдъ — даже перекреститься.

Забвеніе обѣтовъ, данныхъ Богу, есть великій грѣхъ (*).

Въ игуменство преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, бояринъ Судиславъ Гедевичь, отправляясь на брань съ Великимъ Княземъ Изяславомъ, далъ обѣтъ Богу—если здравъ возвратится въ домъ свой, приложить въ Печерскую Лавру двѣ гривны золота и сдѣлать изъ того же металла вѣнецъ на образъ Пресвятыя Богородицы. Брань кончилась для Россіянъ благополучно; враги были разсѣяны и обращены въ бѣгство: но Климентъ *(Христіянское имя Судислава)*, возвратясь въ Кіевъ съ отрядомъ своимъ здравъ и невредимъ, забылъ обѣщаніе.

Чрезъ нѣсколько дней, когда Судиславъ послѣ обѣда легъ отдохнуть и заснулъ, вдругъ загремѣлъ надъ нимъ страшный голосъ, по имени его называющій. . . Климентъ воспрянулъ и, узрѣвъ предъ собою икону Пресвятыя Богородицы, услышалъ укоризну, отъ нея исходящую: *почто, Клименте, еже обѣщался еси дати, не далъ еси? но се нынѣ глаголю тебѣ, потщися исполнити обѣщаніе твое.* Посреди сего гласа святая икона *бысть* невидима, а бояринъ, пораженный ужасомъ, въ то же мгновеніе бросился въ сокровищехранительницу и, взявъ трепещущими руками нужное количество золота, пошелъ въ Печерскую Лавру.

Сія повѣсть написана, кажется, единственно для нашего времени. Каждый изъ насъ великой охотникъ давать обѣты Богу, когда предстоитъ опасность, и не исполнять ихъ, когда минуетъ опасность. . . Богачъ обѣщаетъ Богу злато и сребро, бѣдный—свѣчу, порочный клянется, что будетъ безпороченъ. Но гдѣ обѣты? гдѣ клятвы? Все

(*) Изъ житія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго.

разноситъ попутный вѣтръ. . . Христіяне! Тотъ, который все создалъ и всемъ управляетъ, Тотъ, которому небо служитъ престоломъ, а земля подножіемъ, не имѣетъ нужды въ нашихъ приношеніяхъ. Онъ только хочетъ, чтобы мы, какъ чада его, были благосерды; но какое благосердіе можетъ имѣть лжецъ, обманщикъ? *Уне есть тать, нежели присно лжай: оба же пагубу наслѣдятъ* (*). А тотъ, кто не исполняетъ своихъ обѣтовъ, есть и татъ и лжецъ. — Лжецъ, поелику не сдержалъ слова; тать, поелику вещь, другому обѣщанная, уже не наша. И такъ если грѣшно обмануть ближняго своего, то коль ужаснѣйшій грѣхъ обмануть Бога!

Примѣръ избранія наставниковъ для юношества и уваженія къ онымъ (*).

Императоръ Ѳеодосій Великій, видя сына своего Аркадія, въ возрастъ приходящаго, торжественно объявилъ его *Августомъ*. Народъ восклицаніемъ своимъ и празднествами изъявилъ радость; но порфироносный отецъ болѣе старался о воспитаніи, нежели о возвышеніи дѣтей своихъ. Пріятная для родительскаго сердца мысль, что кровь его будетъ царствовать на престолѣ вселенныя, подавляема была воображеніемъ, что дѣти ему могутъ быть недостойны толь священнаго сана; онъ увѣренъ былъ, что не только безполезно, но и пагубно оставить имъ обширныя области, не снабдивъ мудростію управлять оными; и для того неусыпно искалъ добродѣтельнаго и просвѣщеннаго человѣка.

Долго благочестивое желаніе Ѳеодосія не могло ис-

(*) Сирахъ. XX. 15.

(*) Изъ жизни преподобнаго Арсенія Великаго, котораго память празднуется въ 8 день Мая.

полниться: ибо хотя и много было мудрецовъ и витій, но они или привязаны были къ язычеству, или, будучи Христіянами, не имѣли Христіянскихъ добродѣтелей. Видно, царь-отецъ думалъ о воспитаніи юношества не такъ, какъ думаетъ большая часть нынѣшнихъ родителей, которые, оставляя въ сторонѣ не только любовь къ Богу, но и любовь къ отечеству, богатствомъ и почестями ихъ осыпающему, ищутъ въ учителѣ только учености и, что хуже всего, иноземнаго лжеумствованія. . .

Наконецъ Ѳеодосій принужденнымъ нашелся просить западнаго Императора Граціана и Папу Дамаса, чтобы они избрали и прислали въ Царь-градъ кого признаютъ способнымъ къ толь великому званію. Выборъ обратился на Арсенія (*), Діакона Римской церкви, котораго добродѣтели и ученость Папѣ совершенно были извѣстны; и сей-то Священнослужитель пуедставленъ былъ Ѳеодосію какъ мудрый и благочестивый человѣкъ, который при Дворѣ можетъ жить, не повреждая своихъ нравовъ, и будетъ подавать не только Князьямъ достодолжное наставленіе, но и придворнымъ хорошій примѣръ.

Императоръ принялъ Арсенія какъ особливый даръ неба, и просилъ его прилагать всевозможное попеченіе о воспитаніи юныхъ Царевичей и употреблять надъ ними отеческую власть, чтобы сдѣлать ихъ мудрыми и благочестивыми Государями. Онъ повелѣлъ Аркадію и Онорію быть ему послушными и имѣть къ нему почтеніе, часто повторяя: «дѣти мои! помните, что вы болѣе будете одол-

(*) Преподобный Арсеній, уроженецъ Римскій, происходилъ отъ знаменитаго дома, былъ совершенно свѣдущъ въ Греческой и Латинской Словесности, Философіи и Священномъ писаніи. Но сколь ни достоинъ былъ большихъ чиновъ и первыхъ достоинствъ въ Церкви, однако не имѣлъ другихъ попеченій, кромѣ своего спасенія. Впрочемъ, отъ честнаго сообщества не удалялся, за что, какъ пустынникамъ, такъ и свѣтскимъ людямъ былъ равно любезенъ.

жены учителю, нежели мнѣ самому; отъ меня получили вы жизнь и получите царство; а чрезъ него получите вѣчную жизнь и Царство небесное.»

Святый Арсеній старался учениковъ своихъ не только научить мудрости и всѣмъ изящнымъ знаніямъ, но и наставить ихъ въ вѣрѣ и Христіянскихъ добродѣтеляхъ: извѣдывалъ ихъ склонности и, стараясь искоренять злыя, утверждалъ добрыя. Благодарный Ѳеодосій сдѣлалъ его Сенаторомъ, всегда уважалъ голосъ его въ тайныхъ совѣтахъ и называлъ его не иначе, какъ отцемъ Императорскаго дома; а нѣкоторые изъ историковъ утверждаютъ, что Арсеній былъ воспріемникомъ обоихъ Царевичей отъ купели святаго Крещенія (*).

Христіяне! вотъ поучительный примѣръ, какъ избирать учителей для дѣтей вашихъ и какія имъ внушать къ наставнику своему чувствованія! Въ противномъ случаѣ, бойтесь, чтобы чада ваша когда нибудь не укорили васъ нерадѣніемъ о ихъ воспитаніи.

Арсеніево бѣгство отъ двора царскаго.

Аркадій, старшій сынъ Ѳеодосія Великаго, имѣлъ острый разумъ, нравъ веселый и пріятный, благородныя мысли и душу, по природѣ склонную къ благочестію и правосудію, но труды ненавидѣлъ, былъ непостояненъ въ дружбѣ, склоненъ къ принятію всякихъ внушеній и вѣрилъ болѣе тѣмъ, которые льстили его порокамъ, нежели тѣмъ, которые желали исправить оные.

Арсеній, предвидя печальныя слѣдствія, которыя могли произойти въ наслѣдникѣ престола отъ толь худыхъ склонностей, и тщетно употребляя благоразуміе къ от-

(*) Въ то же время принимали святое крещеніе не въ младенчествѣ, но въ юношескомъ возрастѣ.

вращенію оныхъ, принужденъ былъ принять строгія мѣры, и къ выговорамъ наконецъ присовокупилъ наказаніе. Аркадій почелъ усердіе за обиду и захотѣлъ отъ него освободиться. Онъ открылъ предпріятіе свое одному изъ придворныхъ чиновниковъ, къ которому имѣлъ великую довѣренность, и приказалъ ему избавить себя отъ толь несноснаго, по его мнѣнію, человѣка. Сей чиновникъ *(видно боялся Бога)*, опасаясь, чтобы другому не сдѣлать того же препорученія, обѣщался исполнить волю его, а самъ тайно пошелъ къ Арсенію и сказалъ, чтобы онъ, не теряя времени, помышлялъ о своей безопасности.

Арсеній, хотя и видѣлъ, что приказъ Царевича былъ только слѣдствіемъ дѣтскаго гнѣва, но, разсуждая о несчастіи Государей, которые почти отъ рожденія своего любятъ льстецовъ и почитаютъ непріятелями наставниковъ, не могъ удержаться отъ слезъ и принялъ твердое намѣреніе оставить званіе, которое угрожало ему смертію, если пребудетъ постояненъ въ своей твердости, и вѣчнымъ наказаніемъ, если станетъ поступать слабо и нерадиво. Само небо благословило его предпріятіе; ибо когда онъ, съ пламенною молитвою, просилъ Бога, дабы научилъ его, что должно дѣлать для своего спасенія, услышалъ гласъ небесный: *убѣгай міра; се единое средство къ твоему спасенію.*

Арсеній возблагодарилъ Провидѣніе и чрезъ нѣсколько дней, переодѣвшись страннически, вышелъ изъ Царяграда и удалился въ Египетскую пустыню, гдѣ жилъ около пятидясяти лѣтъ, не имѣя сообщенія съ міромъ, питался однѣми травами, день и ночь препровождалъ въ молитвахъ и слезахъ и, потерявъ надежду въ особѣ дѣтей Ѳеодосіевыхъ спасти свое отечество отъ угрожа-

ющаго ему паденія, пекся единственно о своемъ спасеніи до девяноста пяти лѣтъ своей жизни.

Императоръ услышалъ объ Арсеніевомъ бѣгствѣ тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ, что не зналъ оному причины. Онъ велѣлъ искать его по всему государству; но Богъ восхотѣлъ сокрыть его отъ міра, чтобы представить въ немъ совершенный образъ своихъ Угодниковъ. Аркадій не понималъ полученнаго имъ чрезъ то урона, но народы почувствовали оный, когда, заматорѣвъ въ страстяхъ своихъ и будучи управляемъ женщинами и евнухами, возвышая и низвергая своихъ любимцевъ, сей Государь далъ поводъ къ перемѣнамъ, которыя Римское Государство наконецъ разорили до основанія (*).

Любезныя дѣти! не сердитесь на вашихъ учителей, если они иногда и строго накажутъ васъ. Послушайте, какъ добродѣтельные старые люди отзываются о наставникахъ своего юношества: воспоминая о наказаніи своихъ дѣтскихъ шалостей, они всегда приговариваютъ: *учитель мнѣ желалъ добра*. . . Придетъ время, когда и вы сдѣлаетесь отцами или воспитателями, и должны будете также наказывать другихъ. Непослушный въ юности своей будетъ нѣкогда имѣть то неудовольствіе, что и его не будутъ слушать въ старости. Сіе Божіе нака-

(*) Аркадій, изгнавъ Арсенія Великаго, чрезъ то погубилъ и себя и своего брата, Онорія; ибо они были одинъ другаго не лучше. Въ доказательство, чего они въ Арсеніи лишились, приведемъ слова Георгія Кедрина. Онорій, говоритъ онъ, имѣлъ попугая, котораго чрезвычайно любилъ и называлъ его Римомъ. Однажды пришелъ къ нему Министръ, весь въ трепетѣ, и печально сказалъ: «Государь! Римъ пропалъ.»—«Какъ! воскликнулъ Царь, больше его испугавшись, я теперь только видѣлъ его.» — Государь! возразилъ Министръ: я говорю не о попугаѣ, но о Римѣ, столицѣ вселенныя; его осадили непріятели. «Слава Богу! теперь я отдохнулъ, сказалъ Онорій; пропалъ городъ Римъ? такъ и быть, лишь бы живъ былъ попугай-Римъ.»

заніе для насъ непримѣтно; но спросите у несчастныхъ стариковъ, сколь оно чувствительно ихъ сердцу!

Разговоръ съ самимъ собою.

Арсеній Великій, обитая въ пустынѣ, часто самъ у себя спрашивалъ: «Арсеній, почто сюда пришелъ ты?» и потомъ отвѣчалъ: «не для покоя, но для трудовъ; не для лѣности, но для подвиговъ: подвизайся убо; лѣность Арсенія содѣлаетъ не Арсеніемъ.»

О, если бы всѣ званіеносцы, отъ вельможи до раба, чаще сами у себя спрашивали: для чего они вступили въ званіе свое! тогда бы всѣ были тѣмъ, чѣмъ быть должны; тогда не говорили бы: «онъ имѣетъ выгодное мѣсто; онъ имѣетъ спокойную должность!»

Посѣщеніе по пути.

Нѣсколько иноковъ пошло въ Ѳиваиду для покупки пряденаго льна, и по пути вздумали посѣтить святаго Арсенія. Но когда служащій ему ученикъ доложилъ, что братія, прибывшіе изъ Александріи, желаютъ видѣть его, великій старецъ приказалъ спросить у нихъ, какая была причина столь дальняго путешествія? Узнавъ, для чего отлучились они изъ своей обители, ученикъ объявилъ о томъ Арсенію.—«И такъ не увидятъ лица моего, сказалъ старецъ: поелику вышли изъ дому не для меня, но для своего дѣла; прими ихъ, угости и, когда отдохнутъ, отпусти съ миромъ; а обо мнѣ скажи, что не могу видѣться съ ними.»

Не такъ ли и мы приходимъ иногда въ церковь Божію? Убоимся, дабы Господь не отвратилъ отъ насъ лица своего.

Ругательство, обращенное на главу ругателей.

Въ Самарѣ, столицѣ Срацинскаго Князя Амирмумны (*), паче всѣхъ невѣрныхъ странъ, были ненавидимы Христіяне. Злобожные Агаряне, вѣрою и поступками будучи не лучше демоновъ, гнушались людьми Христовыми, какъ демонами; почему на вратахъ каждаго Христіянина, по приказанію варварскаго правительства, былъ изображенъ сей духъ лжи и злобы. Святый Константитъ (**), бывшій въ Самарѣ по дѣламъ, до вѣры касающимся, съ сердечнымъ сокрушеніемъ удивлялся ненависти противу Христіянъ; но Срацины хотѣли издѣваться и надъ философомъ Христіянскомъ и, указывая на изображенія демоновъ, спросили у него: «мудрый Константинъ, можешь ли угадать, что значитъ это?»—«Я вижу адскихъ духовъ, отвѣчалъ философъ, и думаю, что тутъ живутъ Христіяне.»— Агаряне хотѣли продолжать коварные вопросы, но Константинъ немедленно присовокупилъ: «сіи демоны не смѣютъ войти ни въ одинъ Христіянскій домъ, и потому остаются внѣ вратъ; а гдѣ сихъ демонскихъ изображеній нѣтъ, тамъ они, какъ друзья и родные живутъ вмѣстѣ съ людьми.» Сказавъ сіе, святый Константинъ бросилъ значительный взглядъ на вельможъ Срацинскихъ.

(*) Убійца 42 мучениковъ, иже въ Амморіи, пострадавшихъ въ царствованіе Ѳеофила иконоборца.

(*) Святый Константинъ, въ схимонашествѣ нареченный Кирилломъ, съ братомъ своимъ, преподобнымъ Меѳодіемъ, проповѣдывалъ Евангеліе народамъ Славянскаго племени, изобрѣлъ азбуку, доселѣ у насъ употребляемую, преложилъ на языкъ Славянскій нѣсколько священныхъ книгъ и, сдѣлавшись въ Моравіи Епископомъ, началъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Память его и святаго Меѳодія празднуется въ 11 день Мая. См. Житія Святыхъ.

Доказательство Пресвятыя Троицы отъ солнца.

Однажды Срацинскіе мудрецы спросили у святаго Константина: «какъ вы, Христіяне, единаго Бога раздѣляете на три Бога? у васъ есть Отецъ, Сынъ и Духъ Святый...» «Не злословьте Пресвятыя Троицы, отвѣчалъ богодухновенный мудрецъ, Отецъ и Сынъ и Духъ Святый суть три Ипостаси, существо же едино. Воззрите на солнце, отъ Бога въ образъ Святыя Троицы на небеси поставленное: въ немъ три вещи: кругъ, сіяніе и теплота; также и въ Пресвятой Троицѣ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Солнечный кругъ есть подобіе Бога Отца: ибо какъ кругъ не имѣетъ ни начала, ни конца, такъ и Богъ есть безначаленъ и безконеченъ: и какъ отъ круга солнечнаго происходитъ сіяніе и теплота, такъ отъ Бога Отца раждается Сынъ и происходитъ Духъ Святый. Сіяніе, отъ солнца происходящее и всю поднебесную просвѣщающее, есть подобіе Бога Сына, отъ Отца рожденнаго и весь міръ Евангеліемъ просвѣтившаго; а теплота солнечная, отъ того же круга вмѣстѣ съ сіяніемъ происходящая, есть подобіе Бога Духа Святаго, который отъ того же Отца исходитъ предвѣчно. И такъ разсмотрите солнце и познайте Пресвятую Троицу. Солнце состоитъ ихъ трехъ веществъ: изъ круга, сіянія и теплоты, но раздѣляется ли на три солнца, хотя каждая вещь особливое имѣетъ свойство? Одно есть кругъ, другое—сіяніе, третіе—теплота; но кто скажетъ, что не одно, а три солнца? Такъ и Пресвятая Троица, хотя имѣетъ три лица: Отца и Сына и Святаго Духа; однако Божествомъ не раздѣляется на три Бога, но Единъ есть Богъ.»—Срацинскіе мудрецы не знали, что сказать противу доказательства Константинова и обратили разговоръ свой на другіе предметы.

Разность между обидами частными и обидами общественными.

«Христосъ есть Богъ вашъ, сказали Срацинскіе мудрецы святому Константину: для чего же вы не поступаете такъ, какъ Онъ повелѣваетъ вамъ? Іисусъ заповѣдалъ вамъ молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ и гонящимъ васъ, біющимъ въ ланиту обращать другую ланиту: а вы—что дѣлаете? Если кто обидитъ васъ, изощряете оружіе, исходите на брань, убиваете.» — Выслушавъ сіе, святый мудрецъ спросилъ у нихъ: «если въ какомъ либо законѣ будутъ написаны двѣ заповѣди, то который человѣкъ будетъ совершенный хранитель закона: тотъ ли, кто исполняетъ одну, или тотъ, кто исполняетъ обѣ заповѣди?» Кагда Агаряне указали на втораго, онъ продолжалъ: «Христосъ Богъ нашъ, повелѣвшій намъ молиться за обидящихъ насъ и имъ благотворить, сказалъ также, что большей любви никто изъ насъ въ жизни сей явить не можетъ, развѣ кто положитъ душу свою за други своя. И такъ—мы выликодушно терпимъ обиды, причиняемыя намъ, какъ людямъ частнымъ, но въ обществѣ другъ друга защищаемъ, жертвуя своею жизнію, чтобъ вы, плѣнивъ нашихъ согражданъ, вкупѣ съ тѣломъ не плѣнили и душъ ихъ, принудивъ къ богопротивнымъ дѣяніямъ. Наши Христолюбивые воины, съ оружіемъ въ рукахъ, охраняютъ святую Церковь, гдѣ Спаситель міра присутствуетъ невидимо; охраняютъ Государя, въ священной особѣ коего почитаютъ власть и силу Царя небеснаго; охраняютъ отечество, съ разрушеніемъ котораго неминуемо падетъ отечественная власть и поколеблется вѣра Евангельская. Вотъ драгоцѣннѣйшіе залоги, за которые до послѣдней капли крови должны стражаться воины; и если они на полѣ брани положили души свои, Церковь

причисляетъ ихъ лику святыхъ мучениковъ и нарицаетъ молитвенниками предъ Богомъ о спасеніи ихъ отечества.»

Христолюбивые Всеросійскіе воины! какое для васъ побужденіе подвизаться противу враговъ отечества! Какая неизреченная награда, если за Церковь, Царя и родимую страну проліете кровь вашу! Любовь есть легчайшій путь въ Царство небесное: но *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (*).

Необходимость имѣть и читать съ благоговѣніемъ сочиненія святыхъ отцевъ.

Святый Константинъ имѣлъ пламенную любовь и благоговѣніе къ Угоднику Божію Григорію Богослову, непрестанно читалъ его книги и нѣкоторыя мѣста училъ наизустъ. Будучи седми лѣтъ отъ рожденія, онъ изобразилъ на стѣнѣ Крестъ и подъ нимъ написалъ: «Святитель Христовъ Григорій! ты тѣломъ былъ человѣкъ, но житіемъ Ангелъ; уста твои, яко уста Серафимскія, прославили Бога, и твое правовѣрное ученіе просвѣтило вселенную. Умоляю тебя, пріими меня, съ вѣрою и любовію къ тебѣ прибѣгающаго, и буди моимъ наставникомъ и просвѣтителемъ.»

Такимъ образомъ чувствовали и поступали всѣ Христіяне, сподобившіеся быть участниками блаженства Ангельскаго. Преподобный Козма (**) столько благоговѣлъ къ отцамъ и учителямъ церковнымъ, что, разговаривая однажды съ другимъ старцемъ о спасеніи души, и въ подтвержденіе истины приведя свидѣтельство Аѳанасія,

---

(*) Іоан. XV, 13.

(**) См. въ житіи преподобнаго Козмы отшельника подъ 3 числомъ Августа.

Архіепископа Александрійскаго, сказалъ: «если гдѣ найдешь что либо изъ сочиненій святыхъ Отцевъ и не имѣешь бумаги, то напиши на твоихъ одеждахъ.»—Если умники нынѣшняго вѣка спросятъ: что въ сихъ книгахъ заслужило столь великое благоговѣніе? я буду отвѣчать устами святаго страстотерпца Тимоѳея чтеца:—«*Не веси ли*, сказалъ онъ (*), точно на такой же вопросъ мучителя Аріана, *яко егда книги о Бозѣ чту, обстоятъ мя Ангели Божіи.*»

Такъ, Христіяне! кто хочетъ сдѣлать пріобрѣтеніе для души, то необходимо нужно имѣть Христіянскія книги. Самый взглядъ не сію безцѣнную собственность—говоритъ святый Епифаній, Епископъ Кипрскій—производитъ въ насъ омерзеніе къ пороку и воспламеняетъ любовію къ добродѣтели. Надпись, выставленная въ заглавіи, уже предостерегаетъ, совѣтуетъ, укоряетъ, утѣшаетъ, ободряетъ. Напротивъ того, невѣдѣніе святыхъ писаній есть, такъ сказать, измѣна для души, желающей спастися; неуваженіе оныхъ—есть глубокая бездна.

Горе человѣку, который мечты воображенія, бредъ страстей, лжеумствованія разума, юродство иноземной мудрости предпочитаетъ симъ душеспасительнымъ наставленіямъ! Тамъ, подъ розами, кроется змія, съ сотами растворенъ ядъ. Здѣсь слово и жизнь помогаютъ другъ другу; здѣсь добродѣтель объемлется съ мудростію; здѣсь воплощенная философія (**). Произведенія свѣта имѣли началомъ своимъ разныя страсти: святые отцы писали, будучи осѣняемы наитіемъ Духа Святаго. Это такая истина, которую осмѣлится отвергать развѣ совершенный безбожникъ: ибо она утверждается безчисленными истори-

(*) См. въ его страданіи Мая въ 3 день.

(**) Выраженія святаго Исидора Пилусіота.

ческими доказательствами. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

Преподобный Іосифъ Пѣснописецъ (*), создавъ въ обители своей церковь во имя святаго Апостола Варѳоломея, желалъ возвеличить память его похвальными пѣснями, но сомнѣвался, угодно ли будетъ Апостолу его усердіе: почему прилежно молилъ святаго Варѳоломея, дабы открылъ ему свою волю и свыше испросилъ премудрость составить пѣнія Богоугодныя. Іосифъ проводилъ четыредесятъ дней въ постѣ и слезахъ. Когда насталъ день памяти Апостольской, въ навечеріи праздника святый Варѳоломей, одѣянъ въ бѣлыя ризы, внезапно явился въ алтарѣ и, отнявъ завѣсу отъ царскихъ вратъ, мановеніемъ руки призвалъ къ себѣ Іосифа. Іосифъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ приблизился, и святый Варѳоломей, взявъ съ Божественнаго престола Евангеліе, возложилъ ему на перси и сказалъ: «да благословитъ тебя десница всесильнаго Бога и да истекутъ на языкъ твой воды небесныя премудрости: буди сердце твое жилищемъ Духа Святаго, и твои пѣсни да усладятъ вселенную.» — Святый Апостолъ *бысть* невидимъ, а преподобный Іосифъ, исполнившись неизреченной радости и ощутивъ въ себѣ благодать премудрости, простерся на землю и со слезами благодарилъ Бога. Съ сего времени, онъ началъ писать церковные гимны и пѣсненные *каноны*, которыми украсилъ не только празднество святаго Варѳоломея, но и другихъ угодниковъ Божіихъ, а особливо возвеличилъ Пречистую Богоматерь и Святителя Христова Николая— отчего получилъ и названіе Пѣснописца.

Святый Папа Леонъ (**), написавъ посланіе къ святому

(*) См. Апрѣля въ 4 день.

(**) Память его празднуется Февраля въ 18 день. См. житія Святыхъ.

Флавіану, Патріарху Цареградскому, въ обличеніе лжемудрія Евтихіева и Несторіева, положилъ на гробъ первоверховнаго Апостола Петра и, пребывъ тутъ нѣсколько дней въ колѣнопреклоненіи и постничествѣ, молился великому ученику Христову: «ежели я, какъ слабый человѣкъ, что либо опустилъ, сказалъ превратно, не довершилъ: благоволи исправить ты, яко Апостолъ Господа нашего.»—По прошествіи сорока дней, явился ему Апостолъ Господень и сказалъ: *читахъ и исправихъ*. . . Святый Пана съ благоговѣйнымъ восторгомъ взялъ съ гроба Апостольскаго рукопись, развернулъ и узрѣлъ поправки и дополненія, рукою Ученика Христова содѣланныя.

Когда святый Іоаннъ Златоустъ (*) писалъ толкованіе на посланія Павловы: въ одну ночь нѣкто изъ гражденъ, имѣя до Святаго нужду, просилъ доложить о немъ. Святый Проклъ (бывшій тогда келейникомъ, а послѣ Патріархомъ Цареградскимъ), рѣшившись войти къ Патріарху, сначала посмотрѣлъ сквозь скважину двери, дабы увидѣть, что дѣлаетъ Іоаннъ—и что же узрѣлъ? Христіяне! благоговѣйте къ твореніямъ Іоанновымъ. . . Златоустъ сидитъ при возженной свѣщѣ и пишетъ; а нѣкоторый благообразный старецъ, стоя позади его и преклонясь къ уху патріаршему, тихо бесѣдуетъ съ нимъ. Проклъ, объятый священнымъ ужасомъ, не зналъ, что о семъ думать? кто съ Іоанномъ бесѣдуетъ? и какъ вошелъ онъ? ибо двери отвсюду заключены. Но изумленіе его еще увеличилось, когда примѣтилъ, что сей старецъ совершенно похожъ на образъ святаго Апостола Павла, который стоялъ на стѣнѣ предъ Іоанномъ. . . Сіе видѣніе было не единожды, но продолжалось нѣсколько времени. Часто святый Проклъ

(*) См. въ житіи святаго Іоанна Златоуста Ноября 13 дня.

дожидался всю ночь, не выйдетъ ли сей таинственный собесѣдникъ: но какъ скоро начинали благовѣстить къ утреннему славословію и Златоустъ вставалъ изъ-за стола, чтобы итти въ церковь, старецъ дѣлался невидимъ. Наконецъ Проклъ осмѣлился спросить у самого Іонна: кто ночью съ нимъ бесѣдуетъ?—«У меня никого не было и быть не можетъ»—отвѣчалъ Іоаннъ. Тогда Проклъ разсказалъ ему подробно какъ и когда смотрѣлъ сквозь скважину двери и видѣлъ человѣка стараго и благообразнаго, который нѣчто шепталъ ему на ухо, тогда какъ писалъ онъ... Іоаннъ изумился; а святый Проклъ, возрѣвъ на образъ Павловъ, сказалъ: «Старецъ былъ точно таковъ.»

Златоустъ позналъ изъ сего, что трудъ его исправляетъ самъ святый Апостолъ, возблагодарилъ Бога и послѣ того съ бо́льшимъ дерзновеніемъ началъ толковать Божественныя книги: чрезъ что Церкви оставилъ по себѣ безцѣнное сокровище.

Пренебреженіе къ начальству, Богомъ наказанное.

Въ началѣ епископства Епифаніева (*), Римлянинъ, именемъ Евгномонъ, человѣкъ добропорядочный и честный, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ задолжился у Саламинскаго жителя Дракона; и поелику должникъ изъ Рима долго не получалъ денегъ, а заимодавецъ не хотѣлъ

(*) Святый Епифаній родился въ Іудействѣ, принялъ святое крещеніе въ отрочествѣ, будучи шестидесяти лѣтъ удостоенъ архіерейскаго сана по особливому избранію Господню; ибо плывя на кораблѣ мимо Саламины, къ сему острову былъ прибитъ бурею. Здѣсь, по откровенію Божію, остановленъ Соборомъ Епископовъ и противъ воли рукоположенъ въ Епископа. Умеръ въ царствованіе Аркадія отъ рожденія своего ста шестнадцати лѣтъ. Память его Мая въ 12 день.

ждать, то Евгномонъ и заключенъ былъ въ темницу. Никто за странника не хотѣлъ поручиться: одинъ только Святитель Христовъ Епифаній надъ нимъ сжалился и, не имѣя собственныхъ денегъ, заплатилъ долгъ изъ церковнаго сокровища и выкупилъ его изъ темницы.

Весь городъ благословлялъ милосердіе Епифанія... Только діаконъ Каринъ, человѣкъ гордый, непокорный, злобный и завистливый, началъ роптать на Святителя и всѣхъ клириковъ подвигнулъ къ роптанію.—«Посмотрите, безпрестанно говорилъ онъ, что дѣлаетъ Епископъ! какъ пришелецъ, онъ не жалѣетъ церковной собственности. Страшитесь, чтобы послѣ не заставили насъ отвѣчать за его расточительность.»—Хотя священнослужители сначала не слушали мятежника и увѣряли его, что Архипастырь имѣетъ полную власть надъ церковнымъ сокровищемъ, особливо когда восхощетъ расточать оное на дѣла милосердыя: но хитрый Каринъ наконецъ успѣлъ столько, что всѣ заговорили вслухъ, что съ такимъ Епископомъ Церковь скоро обнищаетъ... «Пусть отдастъ златницы, вопіяли они, или пусть уйдетъ, откуда пришелъ!»—Святитель слушалъ мятежную молву равнодушно и молчалъ, пока Евгномонъ не возвратился изъ Рима. Сей благочестивый мужъ не только съ лихвою возвратилъ сокровище, но и всю жизнь свою посвятилъ на служеніе Богу. Тогда всѣ церковнослужители раскаялись, что, по своей глупости столь жестоко оскорбили угодника Божія. Но Каринъ съ гордостію вездѣ хвалился: «*истязаніемъ истязахъ* злато церковное!»

Мятежная душа и симъ не удовольствовалась, но свое буйство простерла далѣе. Однажды Святитель Христовъ пригласилъ всѣхъ Священнослужителей къ обѣду и, сидя за столомъ, объяснялъ имъ нѣкоторыя мѣста изъ Священнаго писанія. По случаю предъ самое окно келліи

прилетѣлъ вранъ и громко началъ каркать. Злобный Каринъ, издѣваясь надъ ученіемъ святительскимъ, спросилъ у собесѣдниковъ: «знаетъ ли кто изъ нихъ, о чемъ говоритъ этотъ вранъ?» Съ великитъ вниманіемъ слушая Епископа, никто не отвѣчалъ Карину. Но презритель власти и святыни тотъ же вопросъ сдѣлалъ въ другой и въ третій разъ.—За безсовѣстнаго человѣка устыдились всѣ бесѣдующіе... Тогда святый Епифаній, воззрѣвъ на него съ жалостію, сказалъ: «я знаю, что̀ говоритъ вранъ... Онъ говоритъ, что ты, несчастный, отселѣ не будешь діяконствовать.»—Мгновенно, отъ слова святительскаго, Карина объялъ ужасъ, все тѣло поразила тяжкая болѣзнь такъ, что не могъ сидѣть за столомъ.—Рабы унесли его на рукахъ въ домъ свой, а назавтра Каринъ умеръ.

Милосердіе къ бѣднымъ, не у мѣста оказанное.

Святый Епифаній имѣлъ при себѣ Іеродіакона, именемъ Савина (*), человѣка благоразумнаго, цѣломудреннаго и, притомъ, весьма искуснаго въ чистописаніи: почему и поставилъ его судіею духовныхъ дѣлъ.

Однажды пришли къ Савину два человѣка, имѣющіе между собою ссору, одинъ богатый, другой бѣдный, и каждый, жалуясь другъ на друга, объяснялся, въ чемъ состояло его требованіе. Всѣ обстоятельства дѣла показывали, что первый былъ правъ, а послѣдній виноватъ: но Савинъ, по врожденному милосердію къ бѣднымъ, не могъ проникнуть истины и, почитая ихъ беззащитными, оправдывалъ убогаго и обвинялъ богатаго. На тотъ разъ Епифаній, желая знать, какъ Савинъ исправляетъ свою

(*) Сей Савинъ по смерти Св. Епифанія, былъ Архіепископомъ Кипрскимъ.

должность, пришелъ туда и, ставъ въ сокровенномъ мѣстѣ, къ удивленію своему, услышалъ, что судія его поступаетъ неправедно. Святитель Христовъ немедленно показывается и тихо уличаетъ Савина: «сынъ мой! иди, пиши книги и содержи Божественныя словеса въ умѣ твоемъ, да научишься судить праведно. Пророкъ и законодавецъ Моисей сказалъ: *не милуй нищаго, и не презри лица сильнаго, но по правдѣ да судиши ближнему твоему* (*). Конечно, убогіе требуютъ отъ насъ милосердія и заступленія; ибо часто бываютъ обидимы отъ богатыхъ; но есть и нищіе съ дурными нравами; есть и богатые съ добрымъ сердцемъ. Даже не взирая, добродѣтельна ли, порочна ли жизнь тѣхъ и другихъ, мы часто видимъ случаи, въ которыхъ добрый человѣкъ бываетъ виноватъ, а худой—правъ. Вотъ для чего судія долженъ быть сколько милосердъ, столько же и нелицепріятенъ.» — Сказавъ сіе, святый Епифаній самъ началъ разбирать дѣло и съ того времени, не возлагая на другихъ должности судейской, отъ утра до вечера самъ принималъ требующихъ суда; всѣхъ выслушивалъ, какъ отецъ, и отпускалъ, какъ судія.

Узы господнихъ заповѣдей.

Когда святая мученица Гликерія (**) за исповѣданіе имени Христова представлена была на судъ: Савинъ, Ахайскій намѣстникъ, приказалъ побить ее каменіемъ, Но кому небесный *Помощникъ и Покровитель* восхощетъ быть *во спасеніе*, надъ тѣмъ изнемогаетъ вся сила тирановъ. Сколько изувѣрный народъ ни металъ на нее

(*) Лев. XIX. 15.

(**) Сія мученица была сирота знатнаго происхожденія, родилась въ Римѣ и въ нѣжной юности пострадала въ Траянополѣ Ѳракійскомъ, въ царствованіе Антонина. Память ея празднуется Мая въ 18 день.

камней, они, не прикасаясь къ мученицѣ, падали окрестъ и, какъ бы руками человѣческими слагаясь въ ограду, окружали ее. Ожесточенный Савинъ, не признавая силы Господней, непремѣнно хотѣлъ умертвить святую дѣвицу и, обѣщаясь вымыслить новую, неслыханную казнь, повелѣлъ ее отвесть въ темницу.—«Свяжите эту волшебницу, сказалъ онъ стражамъ, и содержите крѣпко: она посредствомъ чародѣйствъ можетъ убѣжать и послѣ скажетъ, что Іисусъ избавилъ ее: чѣмъ прельститъ множество изъ легкомысленной черни.»—«Ослѣпленный человѣкъ! отвѣчала съ кротостію святая Гликерія тирану, ужели не понимаешь ты, что я и безъ твоихъ узъ связана заповѣдями Бога моего и не хочу разрѣшиться отъ сихъ любезныхъ мнѣ узъ, ни бѣжать отъ страдальческаго подвига, на который иду добровольно за Христа Спасителя моего.»—Сказавъ сіе, страдалица спокойно пошла въ темницу.

Христіяне! мы живемъ въ блаженныя времена: у насъ не можетъ быть страдальчества за вѣру Христову. Но *всякъ, въ неже призванъ есть, въ томъ да пребываетъ предъ Багомъ*. Каждый человѣкъ, по своему званію, имѣетъ подвиги, на которые долженъ идти добровольно, съ радостію. О! если бы всѣ, подобно святой Гликеріи, имѣли узы заповѣдей Господнихъ, тогда бы не было преступниковъ; никто бы не оставлялъ своихъ обязанностей; всѣ бы государственныя сословія, отъ вельможи до раба имѣли не наемниковъ, но усердныхъ званіеносцевъ.

Совершенный безсребренникъ.

Преподобный Серапіонъ (*), отъ юности возлюбивъ жизнь пустынническую, былъ совершенный образецъ ино-

(*) Его память Мая въ 14 день.

чества—былъ такъ не сребролюбивъ, что ничего не имѣлъ у себя. Вертепъ въ пустынѣ былъ его келліею, мантія—всегдашнею одеждою, святое—Евангеліе единственнымъ сокровищемъ.

Однажды, идучи въ Александрію, человѣкъ Божій встрѣтился съ нищимъ, который дрожалъ отъ холода. Серапіонъ остановился и подумалъ самъ съ собою: «меня почитаютъ постникомъ и Христовымъ послѣдователемъ; я, между тѣмъ, ношу ризу! а сей рабъ Христовъ погибаетъ отъ холода! безъ сомнѣнія, буду убійцею, если бѣдный человѣкъ замерзнетъ.»—Немедленно снялъ онъ съ себя епанчу и отдалъ нищему.

Серапіонъ сѣлъ на распутіи, держа подъ пазухою святое Евангеліе, которое повсюду носилъ съ собою; и когда одинъ мимопроходящій спросилъ у него: «что ты, отецъ Серапіонъ, безъ мантіи?»—«Сія Божія книга раздѣла меня,» показавъ святое Евангаліе, отвѣчалъ онъ.

Едва безсребренникъ выговорилъ сіе, какъ увидѣлъ, что ведутъ мимо его должника въ темницу. Серапіонъ не думалъ много: тотчасъ продалъ Евангеліе и удовлетворилъ заимодавца. Несчастный пошелъ домой, благословляя равноангельнаго незнакомца.

Когда Серапіонъ пришелъ въ келлію, ученикъ спросилъ у него: «гдѣ одежда твоя?»—«Я отослалъ ее туда, отвѣчалъ безсребренникъ, гдѣ можно вмѣсто нея получить лучшую.»—«А гдѣ святое Евангеліе?» опять спросилъ ученикъ.—«Сынъ мой! сказалъ праведный мужъ, оно безпрестанно твердило мнѣ: *продаждь имѣніе твое и раздаждь нищимъ*; а ты знаешь, что оно только одно составляло все мое имѣніе: и такъ—я продалъ его и отдалъ нищимъ.»

Христіяне! подражайте, хотя нѣсколько, добродѣтели преподобнаго Серапіона, и—вы спасетесь.

Смиреніе правовѣрныхъ и гордость зловѣрныхъ. (*)

Нѣкога къ преподобному Пахомію пришли еретики, такъ называемые, *постники*, власяными одеждами внутренній ядъ прикрывающіе, и остановясь за монастырскими вратами, велѣли доложить ему:—«Мы присланы отъ нашего отца спросить у тебя, воистинну ли ты человѣкъ Божій и совершенно ли уповаешь, что онъ послушаетъ тебя? Если такъ, то пройди съ нами, какъ по суху, находящуюся близь монастыря рѣку, да разумѣемъ, кто изъ насъ имѣетъ большее дерзновеніе, мы или ты?» Услышавъ толь гордое предложеніе, преподобный Пахомій почелъ за грѣхъ даже видѣться съ сими волками въ овчей одеждѣ; но чрезъ одного изъ учениковъ отвѣчалъ имъ:—Попущеніемъ Божіимъ и еретики могутъ черезъ рѣку пройти немокренно, но только съ помощію діавола, который симъ чудомъ успѣетъ очаровать слабыхъ и утвердить соблазны еретичества. Что касается до меня, я не прошу у Бога чуда, дабы ходить по водамъ: этотъ помыслъ не иноческій и не Христіянскій. Пусть узнаютъ они, что я на Бога надѣюсь, но на дѣла мои надѣяться не могу; признаю себя грѣшникомъ и не хочу искушать Господа Бога моего, подобно діаволу. Пусть узнаютъ они, что Пахомій проситъ помощи у Бога только въ томъ, дабы безъ вреда пройти вражескія искушенія.»—Услышавъ толь поучительный отвѣтъ, еретики устыдились и пошли безмолвно.

(*) Изъ житія преподобнаго Пахомія Великаго, котораго память Мая въ 15 день.

Наказанное ослушаніе.

Преподобный Пахомій Великій, отлучаясь въ Панополь для устроенія тамъ иноческаго общежитія, приказалъ, чтобы въ отсутствіе его ни въ чемъ не нарушали уставовъ манастырскихъ. Но какъ скоро возвратился, отрокъ, бывшій подъ искусомъ, пришелъ къ нему жаловаться, что братія безъ него не варили ни зелени, ни каши. Святый старецъ съ улыбкою сказалъ ему: «не досадуй, сынъ мой! я велю, чтобы все было по прежнему.»—Потомъ пошелъ къ иноку, служащему при поварнѣ, и спросилъ, почто безъ него оставленъ былъ уставъ, въ разсужденіи пищи? Инокъ началъ извиняться тѣмъ, что старцы довольствуются сухоядѣніемъ, а для однихъ дѣтей, находящихся въ *новоначаліи*, ему не хотѣлось держать крупъ и масла; «впрочемъ, чтобы не сидѣть праздно, продолжалъ онъ, я дѣлалъ корзины.»—«Принеси же ихъ сюда» — сказалъ Пахомій. Инокъ повиновался. Тогда святый настоятель приказалъ развесть огонь и, сожигая труды двухъ мѣсяцевъ, говорилъ: «ты пренебрегъ мою заповѣдь о пищи братіи, и я не щажу твоего рукодѣлія. Не уважать повелѣнія отеческія, служащія къ общей пользѣ — великой грѣхъ. Развѣ не знаешь, что имѣетъ отъ Бога воздаяніе только тотъ, кто постится самоизвольно; а кто не ѣстъ поневолѣ, тотъ не долженъ ожидать награды. Твоя лѣность, или упрямство, или скупость содѣлали, что воздержаніе братіи потеряло всю цѣну.»—Инокъ, почувствовавъ всю силу наставленія Пахоміева, съ покаяніемъ припадалъ къ ногамъ его и самъ подавалъ ему свое рукодѣліе для сожженія.

Лукавство и дерзость духа-искусителя.

Однажды преподобный Пахомій, удалившись изъ монастыря, нѣсколько времени пребылъ въ пустынной келліи. Духъ соблазна почелъ уединеніе праведника удобнѣйшимъ для себя случаемъ, чтобы искусить его, и, принявъ на себя богоподобный образъ, явился Пахомію. «Радуйся, старецъ, столько мнѣ угодившій, сказалъ онъ: азъ есмь Христосъ и пришелъ къ тебѣ, яко къ другу моему».—Пахомій изумился и, неробко смотря на привидѣніе, началъ разсуждать: «Христово пришествіе къ человѣку сопровождается радостію; сердце не чувствуетъ никакого страха; всѣ помышленія въ тотъ часъ исчезаютъ; умъ дѣлается очами Серафимскими и весь вперяется въ зрѣніе славы Господней; душа забываетъ время; человѣкъ тогда дѣлается безплотнымъ, а я теперь смущаюсь, боюсь... нѣтъ, это не Христосъ!»—Потомъ, оградившись крестомъ, съ дерзновеніемъ сказалъ: «отыди отъ меня, духъ злобы! будь проклято лукавство всѣхъ твоихъ начинаній!» — Мгновенно призракъ *бысть* яко прахъ; храмина исполнилась смрада; по воздуху восшумѣлъ вѣтръ.

Христіяне! столь же лукавы и дерзновенны страсти, *на душу воюющія*. Каждый изъ насъ, думаю, коль иногда блистательный и любезный принимаютъ онѣ на себя образъ; гнуснѣйшія изъ нихъ обѣщаютъ намъ блаженство и кажутся споспѣшествующими нашей пользѣ и спокойствію; но когда войдемъ въ сердце наше, что почувствуемъ?... смущеніе, грусть, угрызеніе, тайный страхъ и вмѣстѣ какую-то ненасытимость, какъ червь, поядающую наше сердце... Это ли блаженство человѣческое? Одна только добродѣтель, всегда сама собою довольная, истинно спокойна и счастлива. Бурныя страсти возму-

щаютъ душу и наполняютъ ее нечистотами; послѣ ихъ остается въ сердцѣ одна пустота и раскаяніе. Блаженъ человѣкъ, который, почувствовавъ поползновеніе къ пороку, подобно святому Пахомію, скажетъ: «отыди отъ меня, духъ погибельный!»

Польза отъ слова Божія, кто бы ни проповѣдывалъ оное.

Преподобный Ѳеодоръ (*), ученикъ святаго Пахомія былъ добродѣтеленъ, благоразуменъ, легко толковалъ Священное писаніе и книги святыхъ отцевъ, и имѣлъ способность убѣждать разумъ и приводить въ умиленіе сердце слушателей: почему святый Пахомій, уважая столь полезныя дарованія, однажды велѣлъ ему сказать слово Божіе изустно. Двадцатилѣтній юноша, не дерзая прекословить великому старцу, сталъ посредѣ собора и началъ отъ Божественнаго писанія проповѣдывать, показуя путь спасенія... Братія услаждались его бесѣдою; но нѣкоторые изъ старцевъ, ничего въ Ѳеодорѣ не видя, кромѣ юности, не хотѣли слушать его и начали роптать: «се новоначальный учитъ насъ! юноша наставляетъ! стыдъ для старцевъ слушать его!» Съ досадою они вышли изъ церкви.

Преподобный Пахомій съ сокрушеніемъ примѣтилъ соблазнъ братіи и когда святая служба кончилась, призвавъ къ себѣ, спросилъ у нихъ: «для чего вышли изъ церкви и не слушали слова Божія?»—«Для того, отвѣчали иноки, что старцамъ, въ монастырѣ столько лѣтъ препроводившимъ, поставленъ учителемъ юноша».—Пахомій вздохнулъ изъ глубины сердца и сказалъ: «неразумные! вы чрезъ свое высокомѣріе погубили всю вашу добродѣ-

---

(*) Его память Мая въ 16 день.

тель: вы презрѣли не Ѳеодора, но слово Іисуса Христа и лишились Духа Святаго. Развѣ не видѣли вы, съ какимъ вниманіемъ и я, старшій васъ въ иночествѣ, слушалъ его со вниманіемъ? Языкъ былъ Ѳеодоровъ, но ученіе Христово, и я получилъ великую отъ него пользу».

Гордость, сама собою низверженная (*).

Когда святый мученикъ Петръ и прочіе воины Христовы мужественно подвизались за православную вѣру, тогда представленъ былъ на судилище Месопотамецъ, именемъ Никомахъ, который безпрестанно и громко вопіялъ: «я Христіянинъ! я Христіянинъ!» и когда мучитель началъ принуждать его, чтобы принесъ жертву богамъ язычества, онъ отвѣчалъ надменно: «развѣ ты не знаешь, что Христіяне идоламъ не жертвуютъ?» Послѣ чего и дано повелѣніе, съ прочими Христіянами испытать надъ нимъ различныя мученія.

Нѣсколько времени Никомахъ равнодушно принималъ всѣ раны и, между тѣмъ, какъ другіе молились Господу, дабы ниспослалъ имъ свою помощь и укрѣпилъ совершить подвигъ страданія, дерзновенно восклицалъ: «я Христіянинъ! Христіанской твердости поколебать не можно!»

Уже Никомахъ былъ близь конца своихъ подвиговъ; уже небесный вѣнецъ имѣлъ какъ-бы въ рукахъ своихъ, но сила Божія не могла быть въ сосудѣ, гордостію оскверненномъ; ибо не любовь къ сладчайшему Іисусу, а желаніе прославиться великодушіемъ и терпѣніемъ противу ужасовъ смерти вызвало его на священный подвигъ страдальчества. Никомахъ внезапно перемѣнилъ свой го-

---

(*) См. въ житіи святыхъ мучениковъ Петра, Діонисія, Павла и другихъ съ ними Мая въ 18 день.

лосъ и закричалъ: за что столь нещадно біете меня? Я никогда не былъ Христіяниномъ».—Въ то же мгновеніе сняли его съ мучилища, разрѣшили узы, осыпали похвалами. Но какъ скоро отступникъ началъ поклоняться идоламъ, нечаянный ударъ повергъ его на землю. Никомахъ возбѣсновался, началъ грызть языкъ свой, точить изъ устъ нѣну и тогда же злѣ извергнулъ душу свою.

И мы не должны хвалиться ни дарованіями, ни твердостію въ дѣлахъ вѣры и общежитіи, но должны просить помощи небесной, которая одна можетъ просвѣтить нашъ разумъ и укрѣпить сердце на труды богоугодные и общеполезные. У самохвала всегда дѣйствуетъ одинъ только языкъ.

Непорочность не имѣетъ нужды въ притворствѣ (*).

Въ одинъ жаркій полдень, когда преподобный Ѳеодоръ сидѣлъ при вратахъ своей келліи въ раздранной одеждѣ, пришелъ нѣкоторый міряпинъ принять отъ него благословеніе. Ученикъ тотчасъ вынесъ другую одежду; но святый Ѳеодоръ съ неудовольствіемъ отослалъ его назадъ и началъ разговаривать съ пришельцемъ о средствахъ *спастися*. Когда міряпинъ ушелъ, ученикъ сказалъ святому Ѳеодору: «что ты, Авва, дѣлаешь? вѣдь этотъ человѣкъ приходилъ воспользоваться, а не соблазниться!»—«Я свое дѣло исполнилъ, отвѣчалъ Ѳеодоръ, а прочее да идетъ мимо. Кто хочетъ пользоваться, пусть пользуется; а кто хочетъ соблазняться, пусть соблазняется. Я не хочу примѣняться къ лицамъ и времени; какъ ме-

(*) См. въ Прологѣ подъ 16 числомъ Мая.

ня застанутъ, такъ и встрѣчаю всѣхъ приходящихъ . . . И впредь повелѣваю тебѣ всѣмъ сказывать о мнѣ сущую правду и не поступать такъ, какъ поступаютъ въ мірѣ. Когда ѣмъ, скажи, что Ѳеодоръ ѣстъ; когда сплю, скажи, что Ѳеодоръ спитъ — словомъ, что̀ бы ни дѣлалъ я, пусть дѣла мои всѣмъ будутъ извѣстны. Того нельзя назвать совершенно честнымъ въ душѣ своей, кто имѣетъ причину скрываться.

Выборъ чиновниковъ (*).

Повѣствуютъ, что Императоръ Константій, отецъ Константина Великаго, хотя по наружности казался идолопоклонникомъ, но втайнѣ благоговѣлъ предъ Іисусомъ Христомъ, на Него только надѣялся и любилъ Христіянъ—что и было побужденіемъ къ слѣдующему поступку.

Желая видѣть на всѣхъ государственныхъ мѣстахъ людей добродѣтельныхъ и благонадежныхъ, сей Государь хотѣлъ испытать любовь къ отечеству и вѣрность къ верховной власти любовію къ Богу и постоянствомъ въ вѣрѣ. Для сего, созвавъ къ себѣ всѣхъ чиновниковъ, сказалъ имъ: «кто мнѣ вѣренъ и хочетъ служить отечеству, тотъ да покланяется богамъ моимъ и приноситъ имъ жертву: вотъ единственное условіе, съ которымъ всѣ могутъ быть моими друзьями и истинными служителями государства; иновѣрные пусть отъ меня удалятся».— Немедленно чиновники раздѣлились на двѣ части: истинные Христіяне, оставляя чины и знаки отличія, удалялись въ переднія комнаты; а малодушные наперерывъ старались засвидѣтельствовать свою покорность и усер-

---

(*) Изъ житія святаго Равноапостольнаго Царя Константина Великаго, котораго память празднуется Мая въ 21 день. См. житія Святыхъ.

діе къ Государю. Но Константій вдругъ оставилъ притворство... «Вы Богу вашему служите вѣрно, остановивъ непоколебимыхъ Христіянъ, сказалъ онъ: васъ только хочу имѣть слугами, совѣтниками и друзьями: поелику надѣюсь, что будете и мнѣ столь же вѣрны, сколько вѣрны вашему Богу. А вы, обратясь къ отступникамъ, продолжалъ онъ, вы не можете быть при дворѣ моемъ: кто измѣняетъ своему Богу, тотъ не будетъ вѣренъ своему Государю».

Язычники, взирая на поступокъ Императора, скрежетали зубами.. Но вѣра Христіянская въ то время уже такъ усилилась и всѣ государственныя сословія столько имѣли Христолюбивыхъ членовъ, что зловѣрные не могли предпринять ничего для Государя вреднаго.

Ужасный поступокъ сребролюбія (*).

Преподобный Никита, уроженецъ Переяславльскій, съ самаго постриженія въ иночество, для удрученія плоти и усмиренія страстей (поелику прежде былъ суровъ, сварливъ и злонравенъ), надѣлъ на себя вериги и никогда не снималъ ихъ. Отъ долговременнаго употребленія и безпрестанныхъ трудовъ, отъ земныхъ *метаній* и колѣнопреклоненій, онѣ обтерлись и сдѣлались весьма свѣтлы. Однажды пришли къ преподобному Никитѣ нѣкоторые изъ родственниковъ и, подумавъ, что вериги на немъ серебряныя, молящагося въ уединенной келліи святаго инока (злодѣйство, о которомъ и говорить ужасно!) умертвили. Столько-то сильно сребролюбіе, что родные по плоти—тѣ, которые пришли единственно для принятія благословенія отъ праведника, не могли воспроти-

(*) См. въ Прологѣ подъ 24 числомъ Мая.

виться ослѣпляющему блеску его и рѣшились на поступокъ, болѣе нежели звѣрскій! Христіяне! изреките проклятіе идолу сребролюбія.

Желаніе инока.

Святый Михаилъ (*), чернорізецъ обители святаго Саввы, будучи по дѣламъ монастырскимъ въ Іерусалимѣ, который тогда находился уже подъ властію Агарянъ, имѣлъ несчастіе цѣломудреннаго Іосифа — но поелику имѣлъ и непоколебимость сына Іаковля, то предъ Срацинскимъ Княземъ былъ оклеветанъ, будто хулитъ магометанскую вѣру. Князь, въ силу закона, который хулителя вѣры заставляетъ принимать ту самую вѣру и, притомъ, видя, что благовидный и рослый Михаилъ можетъ быть храбрымъ оруженосцемъ, сказалъ ему: «проси у меня, чего хочешь, только будь мусульманиномъ». — Изъ трехъ прошу у тебя одного, отвѣчалъ святый инокъ, или отпусти меня къ моему старцу, или во имя Бога моего крестись, или мечомъ твоимъ пошли меня ко Христу».— Раздраженный Князь въ ту же минуту исполнилъ послѣднее требованіе святаго Михаила.

Урокъ о постничествѣ.

Авва Силуанъ и ученикъ его Захарія пришли въ нѣкоторую обитель для посѣщенія братіи. Препроводивши тутъ цѣлыя сутки, когда начали сбираться домой, какъ гости, принуждены были вкусить нѣсколько пищи.—Когда были въ дорогѣ, Захарія, увидѣвъ источникъ, хотѣлъ напиться; но Силуанъ сказалъ ему: «сегодня постъ!»—

(*) Память его Мая въ 25 день.

«А развѣ мы не ѣли, Авва?» возразилъ Захарія.—«Это была трапеза страннолюбія, отвѣчалъ Силуанъ: а мы, чадо, должны наблюдать постъ свой. Еслибы мы не уважили усердія гостепріимной братіи, то вдругъ согрѣшили бы дважды: оскорбили бы своихъ ближнихъ и вострубили бы предъ всѣми, что Силуанъ и Захарія постники... И впредь, сынъ мой, постись втайнѣ».

Не должно просить Бога о погубленіи даже лютѣйшихъ беззаконниковъ (*).

Одинъ идолопоклонникъ отвратилъ отъ Церкви Христіянина и преклонилъ его къ своему зловѣрію. Святый Карпъ, ученикъ Апостола Павла, у котораго въ духовной паствѣ сіе случилось, въ подобныхъ обстоятельствахъ былъ всегда терпѣливъ и обыкновенно старался отступника обратить на путь истины увѣщаніями, а соблазнителя преодолѣть своею благостію; но на сей разъ человѣкъ Божій чрезмѣрно оскорбился и, стоя на молитвѣ, неотступно просилъ Господа, да огнь спадетъ съ неба и попалитъ нечестивыхъ.—Въ полночь внезапно потряслась храмина и разступилась надвое. Воззрѣвъ вверхъ, святый Карпъ увидѣлъ небо отверзтое и Іисуса на престолѣ, окруженнаго сонмами Ангеловъ. Пораженный Божественною славою, Апостолъ преклонилъ очи свои долу и узрѣлъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи земля разсѣлась и открыла пропасть глубокую и темную—увидѣлъ, что надъ бездною стоятъ виновники его скорби, соблазнитель и отступникъ—они ужасались и трепетали и, поражаемы невидимою силою, уже готовы были

(*) См. въ житіи святаго Апостола Карпа Мая въ 26 день, а пространнѣе Октября въ 3 день, гдѣ повѣствуетъ о семъ святый Діонисій Ареопагитъ.

низвергнуться въ пропасть, гдѣ пресмыкался посреди пламени и скрежеталъ на нихъ великій и страшный змій. Святый Карпъ почувствовалъ удовольствіе и не столько смотрѣлъ на небо и на Іисуса, сколь на погибель двухъ грѣшниковъ; ждалъ казни ихъ и продолжалъ молиться о томъ... Но се! Іисусъ возсталъ отъ престола славы своея и, спустясь долу, приступилъ къ пропасти; онъ простеръ къ погибающимъ руку помощи, а Ангели, воспріявъ ихъ, отвели далѣе отъ бездны.—Тогда Іисусъ сказалъ святому Карпу: «мучь меня, если хощешь; я готовъ за спасеніе человѣческое паки распятъ быти; мнѣ любезны страданія, только бы люди мои возненавидѣли грѣхи свои; для чего же ты желаешь погибели братіямъ? Подражай мнѣ и не желай *смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*. Ужели не видишь, гдѣ лучше жить: съ симъ ли ужаснымъ зміемъ, или съ Богомъ и человѣколюбивыми его Ангелами? Желай и другимъ того же, чего себѣ желаешь».

Сія священная повѣсть учитъ и насъ желать грѣшникамъ не казни и смерти, но покаянія и молить Бога не о томъ, да погубитъ ихъ, но—да своею благодатію обратитъ ихъ и помилуетъ.

Неустрашимый защитникъ православія.

Православный Исаакъ *Далматскій* (*), подражая святому Пророку Иліи, почти не показывался міру; но Богъ, воздвигшій Даніила на защищеніе невинной Сусанны, воздвигъ и его на защищеніе своей невѣсты, православной Церкви, которая терпѣла ужасное гоненіе отъ Валента, глубоко Аріянствомъ зараженнаго. Руководимый Духомъ Святымъ, Исаакій пришелъ въ Царьградъ.

(*) Его память Мая въ 30 день.

Въ то время у Греко-Римлянъ загорѣлась война съ Готѳами. Варвары, подъ предводительствомъ царя Фритигерна, осадили Адріанополь и угрожали самой столицѣ. Императоръ Валентъ, извѣстившись, что войска его разбиты, собралъ новыя силы и готовился къ походу... Преподобный Исаакій, провидя духомъ гнѣвъ Божій, грядущій на гонителей вѣры, приступилъ къ Валенту тогда, какъ онъ съ отборными полками выступалъ изъ Царяграда, и съ дерзновеніемъ святаго человѣка сказалъ: «Государь! престань утѣснять православныхъ; отвори имъ церкви—и Господь добрѣ устроитъ путь твой предъ тобою». — Но императоръ презрѣвъ его, какъ невѣжду, даже не хотѣлъ отвѣчать и пошелъ далѣе. На другой день блаженный старецъ опять предупредилъ Валента на слѣдующемъ ночлегѣ, и опять сказалъ: «Государь, отвори церкви православнымъ—и брань будетъ благополучна: ты побѣдишь враговъ, возвратишься здравъ и принесешь миръ твоимъ народамъ». — Императоръ поколебался въ зловѣріи и велѣлъ было заготовить указъ для обузданія дерзости Аріанской: но окружающіе его еретики употребили всѣ лукавства, чтобы перемѣнить мысли Валентовы, и такъ его ожесточили, что святый Исаакій получилъ нѣсколько заушеній... Но ревность человѣка Божія чрезъ сіе не упала: онъ предварилъ Императора и въ третій день, остановилъ на дорогѣ и, взявъ за узду коня его, началъ просить и умолять: «Государь! умири церковь: дай отраду православнымъ; мщеніе Божіе не укоснитъ, если не оставишь заблужденія». — Тогда раздраженный Валентъ повелѣлъ святаго Исаакія бросить въ зыбкое болото, обросшее терніемъ, которое тогда на пути случилось.

Погибъ бы тутъ угодникъ Божій, но невидимая десница извлекла его изъ топкой дебри. Исаакій палъ на ко-

лѣна и, воздавъ благодареніе Господу, въ четвертый разъ пошелъ за Императоромъ... Валентъ, увидѣвъ его, ужаснулся и удивился въ безмолвіи; а преподобный старецъ съ Апостольскою ревностію воскликнулъ: «ты хотѣлъ меня уморить въ терніи и болотѣ, но Господь сохранилъ меня. Государь! послушай меня, престань гонить православіе, да побѣдишь враговъ и возвратишься увѣнчанъ славою и честію; за ослушаніе и самъ погибнешь и все воинство погубишь. Государь, если не трогаетъ тебя собственная смерть, то пожалѣй отечество: оно гибнетъ за грѣхи твои». Императоръ, хотя на тотъ разъ принялъ безъ гнѣва дерзновеніе инока, даже удивлялся свѣтлости лица его, но жестокое сердце, отъ Бога отлученное, не могло принять истины. Прозорливый Исаакій подъ стражею отправленъ въ Царьградъ; уходя отъ лица Валентова, онъ воодушевился ревностію пророческою и воззвалъ къ нему: *аще возвращая возвратишися въ миръ, то не глагола Господь мною* (*): *глаголю же тебѣ, яко сведеши свои на брань, и не возможеши варваровъ одолѣти, но побѣгнеши отъ лица ихъ, и ятъ будеши, и живъ огнемъ сожжешися* (*)».

Вскорѣ исполнилось пророчество человѣка Божія. Валентъ, по прибытіи въ Адріанополь, далъ битву и потерялъ оную: двѣ трети Греко-Римскихъ войскъ изрублено; остальные разсѣялись по лѣсамъ, или ушли въ разные города; лучшіе полководцы убиты; Императоръ обратился въ бѣгство, но, будучи раненъ стрѣлою, упалъ съ коня и перенесенъ служителями въ находящійся на полѣ небольшой домъ; и сему кратковременному спасенію способствовала одна только темнота ночи. Но едва уняли ему кровь и перевязали рану, какъ толпа отлучив-

(*) 3 Царств XXII 28. (**) Выраженія Минеи-Четьи.

шихся отъ войска Готѳовъ туда прибѣжала, въ намѣреніи ограбить домъ, не зная, кто тамъ находится; они хотѣли отбить двери, но видя сопротивленіе, зажгли его со всѣхъ сторонъ и пошли далѣе.

Въ семъ-то мѣстѣ Валентъ, удрученный болѣзнію и угрызеніемъ совѣсти, сгорѣлъ живый.—Онъ получилъ жребій безбожныхъ Государей, будучи въ жизни своей отъ всѣхъ ненавидимъ, а по смерти никѣмъ не оплаканъ.

Врачующій инокъ.

Назадъ тому слишкомъ семьсотъ лѣтъ, Россія имѣла уже великихъ и святыхъ врачей, которыхъ имена достойны вѣчной памяти. Агапитъ (*), изъ Кіева пришедшій въ пещеру преподобнаго Антонія и тамъ постригшійся, врачевалъ иноковъ и всѣхъ бѣдныхъ людей. Его состраданіе простиралось такъ далеко, что, услышавъ о болѣзни кого-нибудь изъ братій, немедленно оставлялъ свою келлію и у недужнаго оставался дотолѣ, пока искусствомъ и молитвами не возвратитъ ему здравія. Сверхъ того, Печерскій монастырь всегда видѣлъ множество болящихъ пришельцовъ, которые возвращались домой — здравы.

Вскорѣ утѣхи врачеванія такъ прославили Агапита, что Черниговскій Князь, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, находясь въ тяжкой болѣзни и уже не надѣясь получить помощи отъ придворныхъ врачей, отправилъ *нарочитаго* просить святаго Антонія, чтобы прислалъ къ нему Агапита. Но преподобный отшельникъ отрекся идти въ Черниговъ.—«Я не могу оставить святой обители, сказалъ онъ, для снисканія славы человѣческой, ко-

(*) Память его Іюня въ 11 день.

торой убѣгать до послѣдняго издыханія далъ клятву самому Богу» — и съ посланнымъ отъ Мономаха болярином отправилъ лекарства, вмѣсто діэты—воздержаніе, молитву и добрыя дѣла. Князь, скоро и совершенно выздоровѣвъ, самъ пріѣхалъ въ Печерскій монастырь, чтобы щедро наградить своего избавителя; но святый Агапитъ скрылся, и Владиміръ принужденъ былъ привезенные для него дары оставить Игумену. Въ изъявленіе своей благодарности, онъ вторично послалъ одного изъ своихъ придворныхъ также съ дарами: но истинный и безкорыстный врачъ бѣдныхъ и богатыхъ и тогда, не принявъ оныхъ, сказалъ посланному: «я никогда ни отъ кого и ничего не бралъ; ибо не мое искусство, но сила Христова исцѣляетъ болящихъ: пусть Государь твой раздастъ нищимъ, именемъ Христа милостыни просящимъ не только сіи дары, но и всѣ избытки отъ сокровищъ княжескихъ, изъ которыхъ мы, отходя въ вѣчность, ничего взять съ собою не можемъ».

Сей преподобный врачъ и молитвенникъ, за три мѣсяца предузнавъ свою кончину, не преставалъ лечить болящихъ братій и пришельцевъ до послѣдняго часа жизни. Умеръ въ глубокой старости и погребенъ въ пещерѣ преподобнаго Антонія.

Гнѣвъ Божій за удаленіе отъ обязанностей, свыше возлагаемыхъ.

Преподобный Зосима Киликійскій, инокъ Синайской горы (*), отъ юности возжелавъ уединенной жизни, удалился въ Ливійскія пустыни и тамъ служилъ единому Бо-

(*) Сей преподобный Отецъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Іюня въ 4 день.

гу. Однажды, ходя по необитаемымъ мѣстамъ, онъ увидѣлъ старца, одѣяннаго власяницею и, приближаясь къ нему, хотѣлъ принять благословеніе; но старецъ, предваривъ Зосиму, сказалъ: «Зосима, почто сюда пришелъ? возвратись въ Синай; Богъ не благоволитъ твоему здѣсь пребыванію».—Удивленный Зосима спросилъ, почему онъ знаетъ его?... «За два дня, отвѣчалъ пустынникъ, явился мнѣ нѣкто, по образу чудный, и сказалъ: «къ тебѣ идетъ Синайскій инокъ Зосима; вели ему отсюда уйти на прежнее мѣсто: поелику хощу поручить ему Вавилонскую церковь въ Египтѣ» (*).—Потомъ, нѣсколько отступивъ, онъ помолился Богу, облобызалъ Зосиму и сказавъ: «миръ тебѣ, чадо! погреби тѣло мое и молися о душѣ моей» — возлегъ на землю и скончался. Зосима отдалъ послѣдній долгъ усопшему и, помня его пророчество, возвратился въ Синай, чтобы ожидать тамъ событія онаго.

Но сколько преподобный отецъ ни принуждалъ себя жить въ иноческомъ обществѣ, не могъ преодолѣть стремленія къ пустынному безмолвію и опять дерзнулъ оставить гору Синайскую. Взявъ ученика своего, Іоанна, онъ ушелъ въ пустыню, нарицаемую Порфиротъ и, встрѣтивъ тамъ двухъ отшельниковъ, Павла и Ѳеодора, близь ихъ поселился. Но Богъ вскорѣ наказалъ его непослушаніе. Въ одинъ день ученика его, Іоанна, ужалила змія столь жестоко, что отъ яда въ тотъ же часъ повредилось все тѣло, и юноша умеръ. Сѣтующій Зосима пошелъ къ Павлу и Ѳеодору, чтобы въ бесѣдѣ ихъ нѣсколько утѣшиться: но святые пустынники, встрѣчая его,

---

(*) Древле были два Вавилона, одинъ въ Халдеѣ, гдѣ царствовалъ Навуходоносоръ; другой, меньшій и построенный въ позднѣйшія времена въ Египтѣ переселенцами изъ Великаго Вавилона.

напередъ спросили, неужели умеръ ученикъ его? Зосима удивился ихъ прозорливству и, сказавъ о горестномъ приключеніи, повелъ ихъ къ мертвецу. Пустынники совѣтовали ему не сокрушаться; и увидѣвъ же усопшаго, воскликнули:—«Юноша, возстани! старецъ имѣетъ въ тебѣ нужду, поелику ему должно идти въ Синай, чтобы принять тамъ Епископство Вавилонской церкви въ Египтѣ.»—Мгновенно Іоаннъ ожилъ; а Зосима, воспомянувъ волю Господню, открытую ему прежнимъ пустынникомъ, узрѣлъ въ смерти ученика своего начало Божескаго гнѣва за непокорство. Онъ не смѣлъ сдѣлать никакого вопроса преподобнымъ чудотворцамъ и въ то же время принявъ отъ нихъ благословеніе, опять возвратился въ Синай.

Вскорѣ настоятель послалъ святаго Зосиму за нѣкоторымъ монастырскимъ дѣломъ въ Александрію. Тамъ Патріархъ Аполлинарій удержалъ его и рукоположилъ въ Епископа Вавилону Египетскому.

Вы, которые изъ любви къ праздности и нѣгѣ, или по какимъ нибудь маловажнымъ неудовольствіямъ оставляете общественныя мѣста, гдѣ бы съ пользою могли служить отечеству, замѣтьте исторію преподобнаго Зосимы. Онъ уединялся только для того, чтобы въ безмолвіи служить Богу и, однакожь, былъ наказанъ. Наше удаленіе отъ обязанностей, свыше на насъ возлагаемыхъ, по большей части имѣетъ причины неизвинительныя.— Да убоимся гнѣва Божія!

Снисходительность къ грѣшникамъ и строгость противу грѣховъ.

Нѣкоторый братъ за согрѣшеніе отлученъ былъ отъ святаго общества. Когда же начали изгонять его изъ

обители, преподобный Виссаріонъ (*) возсталъ и пошелъ съ ними вмѣстѣ, сказавъ: «и я такой же грѣшникъ». — Но сколько человѣкъ Божій наставлялъ учениковъ своихъ милосердію къ грѣшникамъ, столь же мужественно совѣтовалъ имъ противоборствовать грѣхамъ.— «Иноку должно стараться, говорилъ онъ, да будетъ весь око, якоже Херувимъ и Серафимъ: ибо грѣхъ пресмыкается невидимо. Противъ кого не воюютъ страсти, тотъ паче да блюдется и смиряетъ себя предъ Богомъ, чтобы надежда на самого себя не свергнула его тѣмъ стремительнѣе. За самомнѣніе многіе преданы были на брань; напротивъ того, Господь часто отвращаетъ брань плоти отъ немощныхъ, чтобы до конца не погибли».

Подражая преподобному Виссаріону, не должно осуждать ближняго, видя сучецъ въ глазу его: а лучше смотрѣть, нѣтъ ли у насъ чего нибудь болѣе...

Правило, какъ жить съ другими.

Одинъ братъ спросилъ у преподобнаго Виссаріона: «какъ должно вести себя, живучи съ другими?»—«Говори только тогда, когда нужно, отвѣчалъ старецъ: а особливо не мѣряйся съ братіею».

Сей совѣтъ весьма полезенъ въ каждомъ духовномъ и свѣтскомъ состояніи—даже въ каждомъ семействѣ.

Небесная стража.

Когда преподобный Кириллъ (**) созидалъ и украшалъ Бѣлоезерскій монастырь: окрестные жители весьма удив-

(*) Его память Іюля въ 26 день.

(**) Сей Бѣлоезерскій чудотворецъ родился въ Москвѣ отъ благородной и благочестивой четы и, осиротѣвъ, постригся въ отрочествѣ. Былъ

лялись успѣху работъ и думали, что старецъ имѣетъ великія богатства; а нѣкоторый корыстолюбивый и злонравный помѣщикъ, забывъ все, что ни есть священнаго, отважился учинить разбой и послалъ слугъ своихъ, чтобы святаго Кирилла и его обитель ограбили.

Въ вечеру злодѣи собрались въ близлежащемъ лѣсу и и дожидались ночи, чтобы на спящихъ иноковъ напасть нечаянно; но, подъѣхавъ къ монастырю, увидѣли вокругъ ограды множество вооруженныхъ людей, изъ которыхъ иные стрѣляли изъ лука, иные ходили съ копьями, иные держали въ рукахъ обнаженныя сабли. Разбойники думали, что какой нибудь воевода съ отрядомъ оруженосцевъ пришелъ къ преподобному Кириллу ради благословенія и молитвъ: почему опять ушли въ лѣсъ и смотрѣли, когда воины удалятся отъ обители; но, тщетно прождавъ почти до разсвѣта, положили навѣрное, что Богомолецъ, замедливъ, остался тутъ ночевать и, возвратясь домой, разсказали господину своему все, что видѣли. Злочестивый помѣщикъ приказалъ имъ сдѣлать то же покушеніе въ слѣдующую ночь; но разбойники увидѣли тогда еще болѣе вооруженнаго народа, и въ трепетѣ опять прибѣжали домой.

Тогда жадный корыстолюбецъ послалъ въ монастырь одного изъ сообщниковъ разбоя, чтобы искуснымъ образомъ спросилъ у иноковъ, кто вчера и третьяго дня былъ у нихъ; но какъ служитель принесъ въ отвѣтъ, что въ монастырѣ болѣе недѣли не было ни богомольцевъ, ни посѣтителей, то Ѳеодоръ (*такъ назывался помѣщикъ*)

у братіи служителемъ, потомъ Архимандритомъ въ Симоновомъ монастырѣ. На шестидесятомъ году отъ рожденія онъ ушелъ оттуда и хотѣлъ остатокъ дней своихъ проводить въ пустынномъ безмолвіи: но видя собирающуюся къ нему изъ разныхъ мѣстъ братію, построилъ монастырь, нареченный Бѣлоезерскимъ. Скончался девяноста лѣтъ въ 1527. Память его празднуется въ 9 день.

удивился и ужаснулся: онъ позналъ, что Богъ ополчаетъ Ангеловъ и, страшась, да не постигнетъ его судъ Господень, немедленно пошелъ къ святому Кириллу и, обливаясь слезами, исповѣдалъ свой грѣхъ и чудное видѣніе двухъ ночей. Святый настоятель, возблагодаривъ Бога, спасающаго своихъ избранныхъ, довольно поучилъ Ѳеодора отъ Божественнаго писанія и, даровавъ ему прощеніе, сказалъ: «повѣрь мнѣ, чадо! и другимъ скажи, что я, съ самаго вступленія въ иночество, ничего у себя не имѣю, кромѣ одежды, которую на мнѣ видишь, и нѣсколькихъ книгъ; а деньги на сооруженіе и украшеніе святой обители доставляетъ тотъ же, кто сохраняетъ оную».

Раскаявшійся помѣщикъ возвратился домой, радуясь и благодаря Бога, что не допустилъ его оскорбить угодника своего; и съ того времени сдѣлался первымъ почитателемъ добродѣтелей Кирилловыхъ и щедродателемъ для его святой обители.

Христіяне! если чистое сердце есть достойнѣйшая обитель и веколѣпнѣйшій храмъ для Бога: то и всѣ добродѣтельные люди должны ожидать отъ него такой же помощи, какую получилъ преподобный Кириллъ. Онъ *Ангеламъ своимъ* заповѣдуетъ о каждомъ праведникѣ, *хранить* его *во всѣхъ путѣхъ* его (*): *яко на мя упова*, вѣщаетъ Онъ устнами порфироноснаго Пророка, *и избавлю его, покрыю его, яко позна имя мое: воззоветъ ко мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его.*

(*) Псал. 90, ст. 11, 14, 15.

О томъ, коль спасительно въ несчастіяхъ призывать на помощь угодниковъ Божіихъ.

Когда святый Вассіанъ (*), бывшій послѣ Епископомъ Лаодикійскимъ, жилъ въ Равеннѣ при церкви Священномученика Аполлинарія: отъ Императора Валентиніана къ тамошнему градоначальнику пришло повелѣніе предать смерти чиновника, именемъ Виѳимнія, единственно по клеветѣ злобныхъ людей. Немедленно несчастный былъ окованъ и, безъ суда, приведенъ на мѣсто казни.—Чувствуя свою невинность, Виѳимній воспомянулъ святаго Вассіана и, сказавъ самъ въ себѣ: «рабъ Божій, благодатію, тебѣ отъ Бога данною, будь мнѣ нынѣ помощникомъ!»—приклонилъ главу свою. Но едва исполнитель смертнаго приговора поднялъ сѣкиру, чтобы ударить по выи Виѳимнія, сѣкира вывалилась изъ рукъ его и упала на землю.—Изумленный палачъ схватилъ оную и опять, держа крѣпко, направилъ ударъ: но сѣкира невидимою силою опять исторглась и упала; то же случилось и въ третій разъ. Градоначальникъ, думая, что тутъ кроется умыселъ, чтобъ пощадить преступника, повелѣлъ другому исполнить судъ царевъ; но и тотъ, къ общему удивленію, равнымъ образомъ трижды тщетно поднималъ руку свою на Виѳимнія: сѣкира всегда исторгалась и упадала безъ дѣйствія. Народъ, громко вопія, требовалъ освобожденія узнику, столь явно Богомъ покровительствуемому. Градоначальникъ не зналъ, чему приписать сіе чудо и, приказавъ содержать его крѣпко, но человѣколюбиво, подъ стражею, отнесся къ Императору о толь чрезвычайномъ происшествіи, и въ истинѣ онаго свидѣ-

(*) Святый Вассіанъ былъ сынъ намѣстника Сиракузскаго, вѣрою Эллина; отправившись въ Римъ для усовершествованія себя въ наукахъ, принялъ тамъ святое крещеніе вмѣстѣ съ дядькою. Потомъ былъ Пресвитеромъ въ Равеннѣ и наконецъ Епископомъ. Жилъ въ царствованіе Валентиніана, Ѳеодосія Великаго, Аркадія и Ѳеодосія Втораго. Умеръ девяноста лѣтъ. Память его Іюня въ 10 день.

тельствовался всѣмъ городомъ. Валентиніанъ, не менѣе удивляясь тому, предписалъ разсмотрѣть доносы на Виѳимнія, и увидѣвъ одни происки непріятелей, повелѣлъ немедленно освободить невиннаго и возвратить ему всѣ чины и достоинства.

Виѳимній всенародно прославилъ имя угодника Божія Вассіана и, прямо изъ темницы прибѣгнувъ къ нему, омылъ слезами благодарности его руки и ноги. Съ того времени народъ почиталъ святаго Вассіана не иначе, какъ Ангеломъ-хранителемъ.

Нарушитель вѣры непремѣнно будетъ нарушителемъ и правъ народныхъ.

Святые мученики Мануилъ, Савелъ и Измаилъ (*), родные братія, были Персіяне, тайно въ Христіянскомъ благочестіи воспитанные. Занимая важныя государственныя мѣста въ отечествѣ, они отправлены были Государемъ своимъ къ Грекоримскому Императору Юліану Отступнику, для утвержденія мира между обѣими державами. Посланники сначала приняты были съ честію: но, презрѣвшій святую вѣру, вскорѣ презрѣлъ и святость правъ народныхъ — что происходило слѣдующимъ образомъ.

Наступилъ языческій праздникъ въ честь Аполлону. Юліанъ, какъ усердный поклонникъ идоловъ и притомъ желая показать чужестранцамъ пышность двора своего, захотѣлъ отправить оный, какъ можно, великолѣпнѣе и приказалъ царедворцамъ, чиновникамъ и народу быть въ Виѳиніи. Тамъ воскурились жертвы, загремѣла музыка, начались пиршества и показались всѣ мерзости

(*) Ихъ память празднуется Іюня въ 17 день.

какими только когда нибудь отличались язычники. Рабы Христовы Мануилъ, Савелъ и Измаилъ, по обязанности всюду быть съ Императоромъ, хотя находились также въ Виѳиніи, однако не хотѣли и смотрѣть на богопротивное празднество, но въ уединеніи оплакивали заблужденіе народа, а наипаче Государя, рожденнаго въ Христіянской вѣрѣ. Когда Юліанъ приказалъ спросить у нихъ для чего не принимаютъ участія въ набожности и удовольствіяхъ Государя? Святые братья отвѣчали кротко, что они, какъ Христіяне, не могутъ воздавать чести идоламъ. Греческій чиновникъ намекнулъ имъ, что чрезъ такую грубость неминуемо подвергнутся они гнѣву императорскому... Тогда посланники, уважая свой санъ, сказали: «мы имѣемъ необходимость быть у его величества только тогда, когда дѣло идетъ о взаимной пользѣ государства. Доложите вашему Государю, что и мы здѣсь—намѣстники великаго Государя».—Услышавъ сіе, Юліанъ воспылалъ гнѣвомъ и повелѣлъ благочестивыхъ Персіянъ взять подъ стражу. Видно, богоотступникъ давно искалъ случая оскорбить Персію и вызвать противу себя Государя, который искалъ мира. Иначе нельзя объяснить въ Царѣ-Философѣ (*) сей поступокъ, на который рѣдко отваживаются и варварскіе владѣльцы.

Въ слѣдующій день Юліанъ потребовалъ ихъ къ себѣ и началъ укорять въ зловѣріи (*такъ богоотступникъ называлъ правовѣріе*)... «Возможно ли вамъ, говорилъ онъ, заступать при мнѣ мѣсто вашего Государя, когда не наблюдаете вѣры его? Возможно ли стараться о пользѣ отечества, когда презираете боговъ отечественныхъ?

(*) Около 1500 лѣтъ прошло, какъ Юліана величаютъ Царемъ-Философомъ ученые и неученые безъ разбору... Кто же первый почтилъ его симъ именемъ? Софисты. За что? за то, что онъ, по ихъ внушенію, отрекся Христа и сочетался сатанѣ. Вотъ Царь-Философъ!...

Будьте единодушны съ нами въ вѣрѣ, тогда будемъ единодушны и въ договорахъ о пользѣ государствъ. — «Государь, отвѣчали святые юноши, обязанности посланниковъ извѣстны тебѣ и намъ; мы имѣемъ наставленіе отъ своего Двора, о чемъ съ тобою договариваться: безопасность границъ, дружественное сношеніе и торговля— вотъ предметы, для которыхъ нашъ Государь отправилъ къ тебѣ посольство. Препираться о вѣрѣ, которой должно держаться, не есть наша обязанность. Что же касается до нашей вѣрности къ Государю и усердія къ отечеству, узнаешь тогда, когда будешь разсуждать о выгодахъ Рима и Персіи.» — Защищая свой санъ, а особливо ревнуя по Христіянскомъ благочестіи, они употребили нѣсколько выраженій, непріятныхъ для богоотступника—чѣмъ столько раздражили его, что Юліанъ вышелъ изъ предѣловъ человѣчества... «Я угожду пріятнѣйшимъ образомъ Царю вашему, сказалъ онъ, если предамъ пыткамъ и казни предателей его вѣры и оскорбителей моего союзника»—и повелѣлъ истощить на святыхъ братій всѣ мученія, а потомъ отсѣчь имъ головы.

Такъ пострадали и умерли за Христа Спасителя святые мученики Мануилъ, Савелъ и Измаилъ.—Но тиранъ, поправшій всѣ права божественныя и человѣческія, не былъ доволенъ оскорбленіемъ Персіи въ лицѣ ея посланниковъ: онъ собралъ силы всѣхъ почти извѣстныхъ тогда народовъ и пошелъ мстить, не зная за что, той державѣ, которая имѣла полное право отмстить ему жесточайшимъ образомъ.

Всякому извѣстно, какой имѣло конецъ сіе предпріятіе богоотступника, запечатлѣнное кровію святыхъ мучениковъ: Юліанъ погибъ.

Истинное покаяніе (*).

Въ нѣкоторомъ городѣ была женщина красивая, но безчестная. Градоначальникъ, любя ее и желая осчастливить, предложилъ ей свою руку, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы впредь вела себя чисто и непорочно. Женщина дала клятвенное обѣщаніе, и Градоначальникъ вступилъ съ нею въ супружество. Прежніе любимцы, узнавъ о томъ, сказали другъ другу: «Правитель области взялъ къ себѣ нашу подругу: какъ бы ее выманить оттуда? Если пойдемъ въ домъ его, онъ узнаетъ и жестоко накажетъ насъ; пойдемъ лучше мимо его жилища и, подавъ знакъ свистомъ, вызовемъ ее. Она узнаетъ нашъ голосъ и вѣрно сама выйдетъ къ намъ.»—Какъ вздумали, такъ и сдѣлали. . . Но что жь? Женщина, едва услышала свистъ, заткнула уши и, убѣжавъ въ сокровеннѣйшую комнату своего супруга, тамъ замкнулась.

Толкованіе: красивая, но потерявшая честь свою, женщина есть душа; любимцы ея—страсти; Градодержецъ—Христосъ; супружество—покаяніе; свистъ—соблазны міра; внутренній покой—жизнь по заповѣдямъ Господнимъ. О, еслибы и наша душа такимъ образомъ всегда прибѣгала къ Господу! . . .

(*) Притча преподобнаго Іоанна Колова, который былъ наставникомъ Арсенія Великаго въ иноческихъ подвигахъ и написалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ пустынножителей.

Попеченіе въ высшей степени, чтобы не опечалить ближняго.

Преподобный Іоаннъ (Коловъ) однажды съ нѣкоторыми братьями пошелъ изъ скита. Дорогою застигла ихъ ночь, и провожатый, къ несчастію, сбился съ пути... «Авва, что намъ дѣлать? сказали Іоанну спутники: скитаясь здѣсь, можно погибнуть.»—«Не говорите провожатому ничего, отвѣчалъ старецъ: бѣдный устыдится и будетъ печалиться, досадовать и, можетъ быть, роптать... Лучше сдѣлаемъ вотъ что: я притворюсь будто боленъ; скажу, что не могу идти далѣе и останусь здѣсь, пока не разсвѣтетъ.»—Такимъ образомъ и поступилъ. Прочіе объявили, что останутся съ нимъ; всѣ пребыли тутъ до утра и не причинили сокрушенія брату.

Вотъ высокій примѣръ, какъ должно каждому изъ насъ дорожить спокойствіемъ ближняго!

Дитя, уважающее великихъ людей.

Преподобный Паисій Великій (*) былъ столь славенъ благочестіемъ и всѣми добродѣтелями, что современники называли его не иначе, какъ *Божественнымъ*, и почитали за высшее счастіе, если сподобятся слышать отъ него священные уроки и принять благословеніе. Блаженный Пименъ (**), имѣя тогда не болѣе седми лѣтъ отъ рожденія, также чрезвычайно желалъ увидѣть святаго Паисія; но долго не могъ удовольствовать нетерпѣли-

(*) Преподобный Паисій родился въ Египтѣ, постригся въ отрочествѣ по совѣту Ангела, который въ сновидѣніи явился его матери, и былъ величайшій въ постникахъ того времени. Память его Іюня въ 19 день.

(**) Память его Августа въ 27 день.

вость своего сердца: поелику думая о немъ, какъ объ Ангелѣ, не смѣлъ приступить къ нему . . . Наконецъ началъ просить преподобнаго Павла (*), друга Паисіева, чтобы сходилъ съ нимъ къ человѣку Божію; но и сей старецъ сказалъ ему: «ты еще дитя; какъ поведу тебя къ толь великому мужу, когда и мы, состарѣвшіеся въ постничествѣ, приходимъ къ нему съ большою осторожностію, въ извѣстное только время, единственно для пользы душевной и, какъ можно строже, испытавъ свою совѣсть? Повѣрь, чадо! я стыжусь идти съ тобою къ великому Паисію.»—«Но я, отвѣчалъ юный Пименъ, по-крайней-мѣрѣ постоялъ бы у его келліи. . . Ты войди къ нему одинъ и начни душеспасительный разговоръ: счастливъ буду, если услышу его мудрыя наставленія; а если невозможно и сіе, спокоенъ останусь, если прикоснусь къ эго келліи и облобызаю слѣды ногъ его! Отецъ мой! не лиши меня хотя этого благословенія.»—Преподобный Павелъ, видя толь пламенную ревность въ дитяти, наконецъ согласился взять его съ собою и, достигши келліи Паисіевой, оставилъ за дверьми. Но великій пустынникъ, едва встрѣтилъ его, какъ вдругъ спросилъ: «гдѣ твой юный сопутникъ?» ибо святый душевными очами издалека увидѣлъ Пимена.—«Онъ остался внѣ келліи, стыдясь безпокоить тебя,» отвѣчалъ Павелъ. . . Паисій немедленно кликнулъ отрока, самъ ввелъ его и, благословляя, сказалъ: «и намъ старымъ людямъ вѣщаетъ Спаситель: *аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.* Повѣрь мнѣ, любезный о Христѣ братъ, обратясь къ Павлу, продолжалъ онъ: сіе дитя спасетъ много мужей и старцевъ; ибо съ нимъ десница Господня.»—Потомъ, возложивъ руки свои на главу Пи-

(*) См. въ житіи преподобнаго Паисія листъ 135 на оборотѣ.

мена, вторично благословилъ его и, послѣ продолжительной бесѣды *о спасеніи*, отпустилъ ихъ съ миромъ.

Дѣти! сей малолѣтный Пименъ, который столь пламенно желалъ слушать поученія отъ великаго Паисія, самъ послѣ названъ былъ Пименомъ Великимъ, и его старались увидѣть Христолюбивые люди съ такимъ же нетерпѣніемъ. Любезныя дѣти! Если хочете быть утѣшеніемъ родителей, надеждою отечества, наслѣдіемъ Христовымъ: то болѣе всего ищите случая бесѣдовать съ людьми старыми, умными и благочестивыми.

Россійскіе первомученики.

Святый мученикъ Ѳеодоръ (*), родомъ Варягъ, въ бытность свою въ Греціи принявшій Христіянскую вѣру, по торговымъ дѣламъ жилъ съ сыномъ своимъ Іоанномъ въ Кіевѣ и, жалѣя о заблужденіи столь храбраго и, впрочемъ, добродѣтельнаго народа, немолчно вопіялъ противу многобожія—за что идолопоклонники ненавидѣли его, а жрецы искали случая отмстить ему, не подвергая опасности свою честь.

Тогда Великій Князь Владиміръ Святославичъ, еще непросвѣтившійся крещеніемъ, возвратился въ Кіевъ съ побѣдою, которую одержалъ надъ Ятвягами, жившими по рѣкѣ Бугу; и поелику покореніе многочисленнаго, бранноноснаго и неукротимаго народа (**) было весьма пріятно Владиміру и Россіи, то опредѣлено было въ благодарность богамъ принесть чрезвычайную жертву: заклать на алтарѣ

(*) Память святыхъ мучениковъ Ѳеодора и Іоанна Іюля въ 13 день.

(**) Изъ сего браннаго народа никто въ плѣнъ живой не отдавался; даже и жены смерть плѣну предпочитали. Владиміръ побѣдилъ ихъ въ 983 году. См. Опытъ о Россійской Исторіи Г. Елагина въ житіи Владиміра Великаго.

изувѣрства юношу или дѣвицу. Въ собраніи отличныхъ людей кинули жребій, кому пролить кровь свою: но хитрые жрецы направили жертвенный ножъ на Іоанна, сына Θеодорова. Немедленно посланы къ нему нарочные, которые именемъ боговъ, Князя и народа потребовали юнаго Христіянина.»—Боги возлюбили твоего сына, говорили они, и угодно имъ взять его къ себѣ.»—Ревнующій по Христѣ Θеодоръ, вмѣсто того, чтобы искать способа, избѣгнуть отъ ярости невѣрныхъ, почелъ сей случай удобнѣйшимъ, дабы сильнѣе прежняго уличить ихъ въ постыдномъ многобожіи.—«Боги ваши, сказалъ онъ, не суть боги, но идолы, сдѣланные изъ древа; нынѣ есть, а вскорѣ изгніютъ. Сами видите, что они бездушны и безчувственны; не видятъ, не слышатъ, не говорятъ: какъ же могли потребовать моего сына? Они не ѣдятъ, не пьютъ: на что имъ Іоанна? Несчастные! Познайте наконецъ, что единъ есть Богъ, безначальный и вѣчный, въ трехъ Лицахъ поклоняемый, въ Котораго вѣруютъ Греки и я съ сыномъ. Онъ сотворилъ небо и землю, солнце, луну, звѣзды и человѣка. Онъ далъ нашему Князю и нынѣшнюю побѣду надъ супостатами.»—Но какъ посланцы начали проповѣдывать гнѣвъ своихъ боговъ, имѣющій изливаться на его непокорную главу, то святый Θеодоръ изгналъ ихъ съ безчестіемъ.

Народъ, узнавъ отвѣтъ Христіянина, воспылалъ гнѣвомъ и, подстрекаемый жрецами, съ бѣшенствомъ бросился къ дому Θеодора съ оружіемъ и дрекольями; началъ ломать ворота и нагло кричалъ: «выдай намъ сына, да принесемъ его въ жертву богамъ.»—Нетрепетный воинъ Христовъ вышелъ на крыльцо. . . Величественная картина!. Онъ стоитъ, подобно кедру, младымъ лѣтораслемъ обвитому—стоитъ, обхваченный руками юнаго сына, и, спокойно взирая на бѣшенство народа, отвѣчаетъ: «Если

боги ваши захотѣли ѣсть, то пусть пришлютъ отъ себя одного котораго нибудь за моимъ сыномъ; а вамъ что стараться о нихъ? . .» Тогда-то совершенно обуяла безсмысленная толпа: они зарыкали, какъ тигры, подсѣкли крыльцо, и Святый Ѳеодоръ первый палъ подъ ихъ ударами; святый Іоаннъ своею кровію обрызгалъ мерзкій истуканъ Перуна; весь домъ разметанъ до основанія.

Такъ пострадали Россійскіе первомученики.—Но ихъ святая кровь, яко дождь низшедшій на руно, оросила сѣмя Христовой вѣры, Равно-апостольною Ольгою посѣянное: Великій Владиміръ вскорѣ просвѣтился и просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Ѳеодора, воздвигнутъ былъ храмъ въ честь и славу Богородительницы.

Сила господнихъ заповѣдей (*).

Дочь нѣкотораго чиновника въ Вавилонѣ одержима была нечистымъ духомъ такъ, что изгнать его не могли никакія старанія. Къ счастію, однажды къ отцу ея пришелъ знакомый инокъ и, узнавъ о страданіи дѣвицы, сказалъ: «должно испытать послѣднее средство: призвать на помощь молитвы извѣстныхъ мнѣ благочестивыхъ пустынниковъ; но если будешь о томъ просить ихъ, по своему смиренію, отъ толь славнаго дѣла они откажутся. Развѣ поступимъ слѣдующимъ образомъ: когда придутъ на рынокъ, притворись, будто желаешь купить ихъ рукодѣлія; какъ скоро вступятъ въ домъ твой, попроси у нихъ дочери твоей благословенія. Я увѣренъ, что возложеніе рукъ ихъ на главу дѣвицы исцѣлитъ ее.»—Послѣ сего, чиновникъ съ инокомъ вышли на площадь, увидѣли одного изъ учениковъ старческихъ, продающаго корзины,

(*) Повѣсть преподобнаго Даніила Ѳаранпиты.

купили и, по уговору, для расплаты повели его въ домъ. Но едва пустынникъ переступилъ порогъ, бѣснующаяся вскочила съ мѣста и ударила его по ланитѣ. Инокъ, по заповѣди Господней, подставилъ другую. . . Вдругъ нечистый духъ почувствовалъ мученіе и возопилъ: «о непостижимая сила! заповѣдь Христова изгоняетъ меня!» Въ тотъ же часъ исцѣлѣла дѣвица. Всѣ прославили Бога и увѣрились, что заповѣдь смиренія низвергаетъ гордость діавольскую.

Если какая-нибудь порочная страсть начнетъ терзать наше сердце, разстроивать умъ, вооружимся заповѣдями Христа Спасителя. Тогда непремѣнно будемъ побѣдителями.

Молитва объ удаленіи смертнаго часа.

Преподобная Евпраксія (*), узнавъ изъ откровенія свыше, что часъ ея смерти наступаетъ, такъ испугалась и ослабѣла, что пала на землю, какъ бездыханная.—Чада вѣры, Христу спогребающіяся! не обвиняйте праведницу въ малодушіи, но познайте причину толь великой горести.

Когда подвижница Господня опомнилась, то излила слезную молитву въ слѣдующихъ словахъ:—«Почто, Царю и Боже мой! возгнушался меня сироты и грѣшницы? Се время, въ которое бы мнѣ наипаче должно трудиться для ближнихъ и противоборствовать врагамъ, на душу воюющимъ: Ты же смерть низпосылаешь мнѣ. Умилосердись о мнѣ, Господи! и оставъ для жизни моей хотя единое лѣто, чтобы могла покаяться въ моихъ согрѣшеніяхъ и совершить служеніе, для котораго промыслъ Твой призвалъ меня въ сіе малое, но возлюбленное Тобою об-

*) Ея память празднуется Іюня въ 25 день.

щество. Ахъ! я не имѣю добрыхъ дѣлъ и не могу получить награды, уготованной праведникамъ.»

Вотъ для чего ужасалась смерти святая Евпраксія, дщерь знаменитыхъ родителей, воспитанница Императора Ѳеодосія Великаго, которая, будучи десяти лѣтъ, воспріяла на себя образъ Ангельскій и болѣе двадцати лѣтъ, въ примѣръ святой обители, подвизалась въ молитвахъ, постничествѣ и послушаніи. Христіяне! мы не знаемъ, когда пріидетъ часъ смертный, но всякому извѣстно, что мимо насъ не прейдетъ онъ. Сего, рѣшительнаго на всю неизмѣримую вѣчность, времени хотѣлось бы намъ не видѣть—для чего же? Вѣрно, еще родители не получили отъ насъ утѣшенія въ старости? еще дѣти не воспитаны въ страхѣ Господнемъ? еще нѣсколько бѣдныхъ, по праву, данному имъ Спасителемъ, не получили отъ насъ помощи? еще отечество не получило отъ насъ никакой пользы? О! въ этомъ, какъ въ дѣлѣ постороннемъ, для насъ и нужды нѣтъ; а что касается до грѣховъ, ихъ и вспомнить не хочемъ. . . Мы не желаемъ смерти для того только, что хочемъ жить, и жить хочемъ для того, чтобы вкусъ свой притупить на безчисленныхъ удовольствіяхъ свѣта и собрать на главу свою обильнѣйшую жатву гнѣва Божія. Но если бы каждый изъ насъ желалъ отдалить смерть свою съ чувствованіями преподобной Евпраксіи: тогда бы и семейства и общественныя сословія и самыя государства были стократъ благополучнѣе; а мы подвиги свѣта премѣнили бы на покой вѣчный.

Три брата, знаменитые въ Россійской древности.

Три брата, Георгій, Ефремъ и Моисей, уроженцы Венгерскіе, въ древнихъ Россійскихъ лѣтописяхъ сіяютъ—

первый, какъ герой вѣрности къ своему Государю, а два другіе, какъ свѣтильники вѣры и всѣхъ добродѣтелей. Всѣ они были придворные бояре благовѣрнаго Князя и страстотерпца Бориса.

Въ то время, когда убійцы, посланные отъ кровожаднаго Святополка, напали на Князя Бориса при рѣкѣ Алтѣ, вѣрный Георгій (*) повергся на него всѣмъ тѣломъ, чтобы покрыть отъ наносимыхъ ему ударовъ. Онъ былъ первою жертвою злодѣянія Святополкова; первый устремилъ на себя ярость убійцъ и первый лишенъ главы, которую отсѣкли, для снятія съ шеи золотой гривны, жалованной ему Княземъ Борисомъ.

Старшій изъ братьевъ, Ефремъ (**), услышавъ объ убіеніи Георгія, немедленно отправился на мѣсто несчастнаго происшествія, чтобы взять тѣло его, но нашелъ только главу, которую хранилъ у себя до самой смерти. Онъ оставилъ Боярскій санъ и домъ, ушелъ въ Торжокъ и, избравъ близь онаго прекрасное мѣстоположеніе на берегу рѣки Твери, построилъ храмъ во имя своихъ Государей, Бориса и Глѣба, собралъ иноковъ, основалъ обитель и былъ Архимандритомъ оныя. Георгій благотвореніямъ своего Государя принесъ въ жертву жизнь; а преподобный Ефремъ посвятилъ дни свои единственно на то, чтобы несчастіямъ и добродѣтелямъ его воздать вѣчную память.

Моисей (***), младшій братъ, во время убіенія Князя Бориса и всѣхъ съ нимъ находившихся, одинъ избавился отъ смерти и, прибѣжавъ въ Кіевъ, скрылся у Преди-

---

(*) Сего мученика *вѣрности къ Государю* въ числѣ Святыхъ не обрѣтается; но Церковь, воспѣвая святаго Страстотерпца Бориса, вкупѣ ублажаетъ и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, животъ свой за него положившихъ.

(**) Его память празднуется Января въ 28 день.

(***) Память преподобнаго Моисея Іюля въ 26 день.

славы, сестры Ярославовой; но Болеславъ, по взятіи Кіева, въ числѣ плѣнныхъ отослалъ въ Польшу и Моисея. Тамъ добродѣтельный юноша, будучи прекрасенъ, какъ Іосифъ, имѣлъ несчастіе испытать и жребій сына Іаковля. Одна молодая и богатая вдова купила его за самую, по тогдашнему времени, дорогую цѣну, одѣла въ богатое платье и предложила ему свое сердце; но Моисей, познавшій всю ничтожность земнаго счастія, предпочелъ красотѣ и младости побѣду надъ страстями, богатству—нищету, наслажденіямъ—страданія. Ни смрадная темница и ежедневная пытка, ни просьбы огненной страсти и обѣщаніе всѣхъ житейскихъ удовольствій не могли въ немъ поколебать Христіянской твердости. Моисей рѣшительно объявилъ, что желаетъ постричься—что и удалось ему исполнить посредствомъ нѣкотораго священноинока, въ то время въ Польшу пришедшаго. Симъ постриженіемъ навсегда похитивъ себя отъ неистовой страсти, довелъ безстыдницу до того, что она превратилась для Моисея въ лютаго звѣря; но Богъ, избавившій ветхозаконнаго Моисея отъ неизбѣжной смерти и наконецъ отъ работы Египетской, избавилъ и сего страстотерпца отъ рукъ варварскихъ. Руководимый Богомъ, онъ ушелъ изъ Польши, опять водворился въ пещеру великаго учителя вѣры, святаго Антонія, гдѣ, безмолвствуя десять лѣтъ, прешелъ въ Царство небесное.

Снисхожденіе къ ближнему.

Братъ нѣкоторой обители учинилъ прегрѣшеніе. Настоятель объявилъ о томъ живущему въ окрестности, славному по добродѣтеляхъ пустыннику, который и осудилъ его на изгнаніе. Несчастный вышелъ изъ обители и, сѣдя въ нѣкоторой пещерѣ, горько плакалъ.—По слу-

даю какіе-то братія шли къ преподобному Пимену (*) и, увидѣвъ рыдающаго инока, сжалились и начали звать его къ великому старцу; но грѣшникъ, усугубивъ слезы, сказалъ имъ: «я долженъ здѣсь умереть.»—Братія увѣдомили о семъ святато Пимена, который, благословивъ ихъ состраданіе и угостивъ, отпустилъ съ тѣмъ, чтобы они именемъ его пригласили къ нему удрученнаго горестію брата.—Братъ пришелъ; преподобный Пименъ обнялъ его и, обходясь съ нимъ весьма ласково, просилъ укрѣпиться пищею. Потомъ одного изъ учениковъ своихъ послалъ къ пустыннику сказать: «уже нѣсколько лѣтъ слыша о твоихъ великихъ дѣлахъ, желаю съ тобою видѣться, — но, видно, по общей моей и твоей лѣности, мы по сіе время другъ у друга не бывали. Теперь самъ Богъ послалъ къ тому случай; и такъ возьми на себя трудъ: приди и увидимся.»—Пустынникъ, хотя никогда не выходилъ изъ своей келліи, но подумавъ, что Пименъ не послалъ бы за нимъ, если бы самъ Господь ему не внушилъ того, немедленно отправился въ путь. . . Когда они сдѣлали другъ другу радостное привѣтствіе и сѣли, тогда Авва Пименъ сказалъ: «въ одномъ мѣстѣ жили два человѣка, и случилось обоимъ имѣть у себя по мертвецу; но одинъ изъ нихъ, оставя своего мертвеца, пошелъ оплакивать чужаго.»—Пустынникъ, услышавъ сіе, былъ пораженъ притчею святаго Пимена и, воспомянувъ свой поступокъ противу согрѣшившаго инока, сказалъ: «Пименъ всегда выше и выше! а я вегда ниже и ниже!»

(*) Память преподобнаго Пимена Великаго празднуется Августа въ 27 день.

Общая всѣмъ слабость.

Нѣкоторый Христіянинъ жаловался преподобному Пимену, что его возмущаютъ дурные помыслы и подвергаютъ великой опасности душу, желающую спастися. Старецъ взялъ его за руку и, поставя на открытомъ воздухѣ, велѣлъ, распахнувъ пазуху, удержать вѣтеръ.—«Я не могу сдѣлать этого,» сказалъ Христіянинъ.—«Если не можешь сдѣлать сего, возразилъ святый Пименъ, то не можешь воспрепятствовать и тому, чтобъ не возмущали тебя помыслы: но должность наша противиться онымъ.»

Истинный смыслъ, въ какомъ должно принимать умерщевленіе тѣла.

Однажды Авва Исаакъ, увидѣвъ, что преподобный Пименъ возливаетъ на ноги свои воду, сказалъ: «другіе ведутъ себя строже и удручаютъ тѣло свое.»—«Мы не научились умерщвлять тѣло свое, но страсти» — отвѣчалъ святый старецъ.

Средство, безъ приказанія заставлять что нибудь сдѣлать.

Нѣкоторый старецъ спросилъ у преподобнаго Пимена: должно ли ему приказывать братіямъ, которые съ нимъ живутъ?—«Нѣтъ! отвѣчалъ Пименъ, лучше дѣлай самъ; если они захотятъ съ тобою жить, сами увидятъ, что и имъ должно дѣлать!»—«Но они сами желаютъ, возразилъ старецъ, чтобъ я, какъ старшій, приказывалъ имъ.» — «Не совѣтую, сказалъ Пименъ: будь для нихъ примѣромъ, а не законодателемъ: тогда все будетъ исполняемо въ точности, и сколь бы трудъ великъ ни былъ, не будетъ даже тѣни роптанія.»

Примѣръ, какъ святые отцы дорожили покоемъ другихъ.

Однажды иноки спросили у Аввы Пимена: «Когда увидишь брата, дремлющаго на службѣ Божіей, должно ли толкнуть его, чтобы опомнился?»—«Я въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Пименъ, положилъ бы голову его на мои колѣна, чтобы усладить покой его.»

Святый пророкъ и Боговидѣцъ Моисей (*).

Когда святый Пророкъ Моисей, будучи младенцемъ, воспитывался у дщери Фараоновой (**), однажды Царевна принесла его къ отцу своему. Фараонъ, играя съ нимъ, возложилъ на главу его вѣнецъ Царскій, на которомъ былъ изображенъ идолъ; но отроча, вмѣсто того, чтобы любоваться блескомъ золота, вдругъ схватилъ діадиму и повергъ на землю.

Царь изумился, а находившіеся тутъ волхвы сей поступокъ Моисея растолковали въ худую сторону и совѣтовали Фараону умертвить его, чтобы, достигнувъ совершеннаго возраста, не сдѣлался въ самомъ дѣлѣ хищникомъ престола; но, къ счастію, нѣкоторые изъ жрецовъ, почувствовавъ жалость, утверждали, что Моисей сдѣлалъ сіе, какъ младенецъ, безъ всякаго намѣренія, и подали мысль: поднесть къ нему горящій уголь. Невинный отроча вдругъ схватилъ его и положилъ въ уста, отъ чего опалилъ языкъ, и на всю жизнь остался костоязыченъ. Такъ небесный Промыселъ умудряетъ младенцевъ въ дѣлахъ благодати, и предоставляетъ имъ дѣйствовать по закону природы въ дѣлахъ обыкновенныхъ!

(*) Память святаго Пророка Моисея Сентября въ 4 день.

(**) Фараонъ есть названіе Царей Египетскихъ, какъ на прим. у Римлянъ были Цезари.

Между тѣмъ Царевна прилагала всевозможное стараніе, чтобъ воспитать юнаго Моисея какъ можно лучше: приставила къ нему избраннѣйшихъ мудрецовъ Египетскихъ, которые учили его всему, что знали. Но что значитъ мудрость человѣческая? При всемъ знаніи, Моисей былъ бы человѣкъ обыкновенный, если бы Богъ не предъизбралъ его, еще въ утробѣ матерней, быть избавителемъ народа и не озарилъ его мудростію небесною.

Юнаго Еврея отличали при дворѣ царскомъ; и когда Еѳіопляне воздвигли брань на Египетъ, святый Моисей, уже совершенныхъ лѣтъ достигшій, былъ избранъ главнымъ военачальникомъ, и одержалъ совершенную побѣду надъ непріятелями. Но Фараонъ, слыша благословенія, отъ народа изливаемыя на мудраго Израильтянина, вмѣсто любви, возненавидѣлъ его, и вмѣсто благодарности, началъ искать случая обезславить побѣдителя (*).

Къ неблаговоленію Царскому присовокупилось другое обстоятельство. Однажды Моисей увидѣлъ, что Египтянинъ билъ Еврея; любовь къ своему народу воспламенила сердце его гнѣвомъ; Пророкъ смертно поразилъ обидящаго и отъ страха, чтобъ не открылось преступленіе, бѣжалъ въ землю Мадіамскую, гдѣ вступилъ въ супружество съ Сенфорою, дщерію жреца Іофора.

Тамъ увидѣвъ Бога въ купинѣ огненной и принявъ повелѣніе освободить народъ свой отъ рабства Египетскаго, предсталъ Фараону и просилъ его отпустить Израильтянъ въ пустыню, для принесенія жертвы Богу; за непокорство же Царя наказалъ Египетъ десятью язвами.

(*) Жизнь Пророка Моисея довольно извѣстна дѣтямъ изъ Священной Исторіи, которую преподаютъ въ училищахъ; и потому я, чтобъ не разсказывать того, что у нихъ выучено наизусть, предложилъ изъ Четь-Менеи только то, о чемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не упомянуто; о прочемъ же сказалъ вкратцѣ.

Наконецъ, руководимый Богомъ, вывелъ народъ свой изъ Египта; провелъ немокренно черезъ Чермное море; получилъ законъ свыше на горѣ Синайской; содѣлалъ множество чудесъ... Но, раздраживъ Бога прекословіемъ, не достигъ Земли Обѣтованной.

Сей вождь, Законодатель и Пророкъ, по повелѣнію Божію, возшелъ на гору Авиримъ, и оттолѣ объемля взоромъ все пространство земель, чрезъ которыя проходилъ — узрѣвъ, отъ какихъ освободился опасностей, какія побѣдилъ полчища сопостатовъ, и привѣтствуя, хотя издалека, обѣтованное праотцамъ его отечество, умеръ спокойно за тысячу четыреста восемдесятъ пять лѣтъ до воплощенія Господня, отъ рожденія же своего имѣя сто двадцать лѣтъ, и погребенъ Архистратигомъ Божіимъ Гавріиломъ.

Смерть св. пророка Захаріи (*).

Когда Спаситель міра родился въ Виѳлеемѣ, и пришедшіе отъ Востока мудрецы возвѣстили о томъ Ироду, тогда тиранъ, подозрѣвая въ Іисусѣ будущаго Царя Іудейскаго и не зная гдѣ найти его, приказалъ около Виѳлеема избить всѣхъ младенцевъ. Между тѣмъ властолюбивое сердце его больше намекало на Іоанна, сына Захаріи, котораго зачатіе и рожденіе сопровождаемо было чудесами свыше: ибо въ первомъ случаѣ явился сему священнику Ангелъ, и за невѣрствіе къ глаголамъ Божіимъ содѣлалъ его нѣмотствующимъ, а въ другомъ случаѣ, *бысть страхъ на всѣхъ живущихъ окрестъ ихъ* (*): почему и посланы были въ домъ Захаріи особливые убійцы. Въ сіе время священнодѣйствовалъ онъ

(*) Память его Сентября въ 5 день.
(**) Лук. I. 65

въ храмѣ Господнемъ.—Праведная Елисавета, услышавъ вопль избиваемыхъ и рыданіе матерей, бѣжала съ груднымъ Іоанномъ въ горы; и когда съ высоты увидѣла воиновъ, уже вблизи повсюду ее ищущихъ; возопила: «гора Божія! пріими матерь съ чадомъ.» — Вдругъ гора разверзлась и сокрыла ее отъ убійцъ.

Раздраженный Иродъ послалъ въ церковь съ приказаніемъ, чтобы Захарія отдалъ сына. — «Я служу Господу Богу Израилеву и не знаю, гдѣ чадо мое» — отвѣчалъ святый Пророкъ. Симъ отзывомъ поверженный въ бѣшенство, Иродъ повелѣлъ стражѣ идти къ нему вторично и, если не отдастъ Іоанна, умертвить Захарію.

Получивъ тотъ же отвѣтъ, убійцы бросились на него. — «Вы убіете тѣло мое: но Господь пріиметъ душу мою» — сказалъ святый Захарія, и подъ ударами ихъ испустилъ чистый духъ свой между церковію и алтаремъ; а проліянная кровь ссѣлась на мраморномъ помостѣ и претворилась въ камень—въ вѣчное осужденіе тирана.

Злоба духа-соблазнителя.

Святитель Христовъ Іоаннъ, Архіепископъ Новгородскій (*), будучи милостивъ, кротокъ, человѣколюбивъ, неусыпенъ въ подвигахъ вѣры, свыше получилъ власть надъ духами нечистыми и связывалъ ихъ единымъ словомъ.

Но злодѣй, возставшій противу самого Бога, оставитъ ли въ покоѣ человѣка, Богу любезнаго? . . . Князь тьмы не преставалъ дѣлать пакости святому Іоанну: когда приходили къ нему граждане, принять благословеніе, онъ такъ очаровывалъ ихъ, что всѣ видѣли иногда у

(*) Сей Архипастырь жилъ въ XII столѣтіи по Р. Х. Память его Сентября въ 7 день.

кровати Святительской женскую обувь, иногда монисты; иногда другія одежды. — Дѣти духовныя соблазнялись и думали, что Іоаннъ дурной человѣкъ.

Но врагъ рода человѣческаго тѣмъ не былъ доволенъ. Однажды, когда посѣтители приближались къ архіерейскому дому, нечистый духъ въ образѣ дѣвицы явился предъ ними, какъ будто идетъ изъ келліи Іоанновой... Народъ, въ изумленіи, воскликнулъ и бросился за привидѣніемъ, но діаволъ убѣжалъ за келліи и исчезъ.

Услышавъ ропотъ народный, праведникъ вышелъ и спросилъ, что за шумъ у нихъ?—«Ты недостоинъ быть Пастыремъ!» закричалъ народъ съ яростію и, схвативъ Іоанна, началъ надъ нимъ ругаться. — Потомъ влекутъ его на мостъ, лежащій черезъ Волховъ, и спускаютъ въ небольшую ладію, чтобы она, устремившись внизъ по водѣ, унесла Іоанна. . . Но ко общему изумленію, утлое дерево поплыло вверхъ по рѣкѣ, противу быстрины водъ, и остановилось у монастыря святаго Георгія. Устрашенный народъ, видя невинность Архіерея Божія, растерзалъ свои одежды, и съ плачемъ и рыданіемъ бѣжалъ въ слѣдъ его.—«Прости насъ, человѣкъ по сердцу Господню! вопіяли они: возвратись на престолъ твой! прости насъ; мы согрѣшили въ невѣдѣніи.»

— «Господи! не постави имъ грѣха сего» — отвѣчалъ на вопль ихъ святый Іоаннъ, и уваживъ общенародныя моленія, пошелъ за ними паки принять священный долгъ Архипастыря. — «Дѣти мои! дорогою говорилъ онъ, впредь поступайте съ разсужденіемъ: духъ-искуситель можетъ такъ прельстить васъ, что добродѣтель почтете порокомъ, а порокъ—добродѣтелію, и чрезъ то будете повинны суду Божію. . .»

Богоотцы Іоакимъ и Анна (*)

Богомъ возлюбленные супруги, Іоакимъ и Анна, провождали жизнь святую и добродѣтельную; изобилуя богатствомъ вещественнымъ, они болѣе прославились богатствомъ духовнымъ: кротки, цѣломудренны, благочестивы, на каждый праздникъ отдѣляли отъ своего стяжанія двѣ части: одну Богу на церковныя потребности, другую нищимъ. Но симъ супругамъ Богъ долго не давалъ чада—не давалъ для того, чтобы удивить на нихъ свою милость, отъ вѣка неслыханную: ибо въ глубокой старости, послѣ пятидесятилѣтняго безплодства, они произвели на свѣтъ *радость и спасеніе* всему человѣчеству... Что происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ великій праздникъ, когда сыны Израилевы приносили дары Богу, сѣтующій о безчадіи своемъ, Іоакимъ также пришелъ въ храмъ Іерусалимскій; но Первосвященникъ Иссахаръ не хотѣлъ принять отъ него жертвоприношенія, и съ укоризною сказалъ: «ты не стоишь того, чтобъ принять отъ тебя даръ Богу; будучи безчаденъ, конечно, не имѣешь ты благословенія Божія за какіе нибудь тайные грѣхи.» — Сію укоризну наипаче усугубилъ другой Евреянинъ, съ досадою сказавъ Іоакиму: «почто предваряешь меня, приступая къ Богу? развѣ не знаешь о своемъ неплодствѣ? Тогда-то Іоакимъ ужаснулся своего безчадства; посрамленъ и уничиженъ, въ лютой скорби пошелъ отъ храма Господня.—«Увы! сказалъ онъ: всѣмъ праздникъ великій, а мнѣ время сѣтованія!» и не хотѣлъ возвратиться въ домъ свой, но удалился въ пустыню къ пастырямъ стадъ своихъ, и тамъ оплакивалъ свое поношеніе въ людяхъ. — «Боже отцевъ

(*) Рождество Пресвятыя Богородицы въ 8 день, а память св. Іоакима и Анны въ 9 день Сентября.

моихъ! неусыпно молился скорбящій праведникъ: Ты праотцу Аврааму, уже состарѣвшемуся, даровалъ сына, сподоби и меня благословенія твоего: даруй плодъ моему супружеству хотя въ старости, да нарекуся отецъ, да не буду яко отверженный отъ тебя, Господа моего.»— Святый Іоакимъ съ молитвою соединилъ четыредесятидневный постъ.

Между тѣмъ праведная Анна, услышавъ о толь чувствительномъ оскорбленіи супруга и о его удаленіи въ пустыню, не могла утѣшиться.—«Горе мнѣ несчастнѣйшей всѣхъ на свѣтѣ! вопіяла она: Богомъ отвержена, отъ людей укоряема, супругомъ оставлена, о чемъ прежде начну плакать? о вдовствѣ ли моемъ? о безчадіи ли? или о безславіи въ женахъ Израильскихъ?...» Сколько Юдиѳъ, вѣрная рабыня, ни утѣшала ее, но тщетно! праведная Анна рыдала и день и ночь.

Однажды, растерзанная печалію, она пришла въ садъ и, сѣдши подъ тѣнію лавра, воздохнула изъ глубины сердца; потомъ, возведя къ небу наполненные слезами очи, узрѣла на древѣ птичье гнѣздо, въ которомъ лежали едва оперенные птенцы; тутъ болѣзнь ея сердца прешла мѣру — «все въ природѣ раждаетъ и воспитываетъ! воскликнула она; я одна лишена радости сердечной... Птицы небесныя! васъ благославляетъ Господь: ибо вы утѣшаетесь дѣтьми своими. Звѣри дубравные! васъ благословляетъ Господь: ибо вы кормите дѣтей своихъ. Земля, общая мать наша, и ты Богомъ благословенна! ибо на лонѣ твоемъ растутъ древа и цвѣты, и отъ вѣрныхъ тебѣ сѣмянъ раждаются плоды. Я одна безчадна на земли! о Ты, который разверзъ утробу матери Пророка твоего Самуила, Адонаи Господь! умилосердись надо мною, да благославляя благоутробіе твое, посвящу тебѣ рожденное дитя...» Въ сіе мгновеніе,

вокругъ является предъ нею Ангелъ Божій. —«Анна! Анна! вѣщаетъ онъ: услышана молитва твоя; воздыханія твои проникли сквозь облака; слезы твои канули предъ Господомъ.—Се зачнешь и родишь дщерь Богоблагодатную, о которой возрадуются всѣ племена земныя; ею бо дастся спасеніе всему міру. . .» Праведница преклонила колѣна. — «Живъ Господь Богъ! восклинула она: имѣющее родиться да будетъ ему въ жертву благопріятную.»— Исполняясь неизреченной радости, святая Анна немедленно идетъ въ Іерусалимъ воздать благодареніе Богу за даръ, внезапно обѣтованный.

Въ то же самое время Благовѣститель небесный обрадовалъ и праведнаго Іоакима.—Возвѣстивъ ему рожденіе дщери, онъ рекъ: «иди въ Іерусалимъ къ церкви Господней; тамъ у златыхъ вратъ узришь супругу твою.» — Удивленный и обрадованный старецъ спѣшитъ въ градъ святый, срѣтаетъ Анну, по глаголу Ангельскому, и объявляетъ ей благовѣстіе свыше. — Праведница разсказываетъ то же; оба прославили Бога и, поклонившись ему въ храмѣ, возвратились въ домъ свой.

Вскорѣ оправдался глаголъ Господень: Анна зачала въ девятый день Декабря, а Сентября въ осьмый день родила Пречистую и Преблагословенную Дѣву Марію, Ходатайницу нашего спасенія.

Святая великомученица Евѳимія (*).

Сія страдалица, дщерь благороднаго и богатаго человѣка, именемъ Филофрона, за исповѣданіе Христовой вѣры представлена была судилищу въ числѣ четыредесяти девяти другихъ Христіянъ, которые подъ разными мученіями испустили духъ свой.

(*) Ея память Сентября въ 16 день.

Но святая Евѳимія, какъ юная и прекрасная дѣвица, казалась драгоцѣннѣйшею добычею для мучителя: посему отдаливъ ее отъ прочихъ страдальцевъ, тиранъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы уговорить ее къ нечестію: ласками, обѣщаніями, пожертвованіемъ своего сердца уловлялъ онъ сердце дѣвическое; но все было безустѣшно! Въ нѣжномъ тѣлѣ мучитель узрѣлъ мужественную душу, на все ужасы готовую. Тогда любовь его перемѣнилась на ярость.

Прискъ (такъ именовался мучитель) приказалъ уготовить орудія казни: но серпоусѣянное колесо останавляла десница Всемогущаго; раскаленную пещь окропили Ангелы росою прохладною; зміи и всѣ ядовитые гады не имѣли для нея смертоносныхъ жалъ; лютые звѣри претворялись въ кроткихъ Агнцевъ... Невѣрные были въ недоумѣніи: но окаменѣло сердце ихъ, не чувствуя, что тутъ присутствовалъ самъ Богъ; неизреченныя чудеса называли они чародѣйствомъ.

Наконецъ святая Великомученица излила теплую молитву къ Богу: — «Господь всѣхъ силъ! Ты удивилъ на мнѣ Твое непобѣдимое всемогущество; Ты обличилъ немощь идоловъ и безуміе мучителя, пріими и мою жертву — сердце смиренно и духъ сокрушенъ, какъ принялъ кровь преждебывшихъ мучениковъ; упокой меня въ скиніяхъ святыхъ Твоихъ.» — Праведница умолкла, взирая на небо... Тогда одинъ звѣрь сдѣлалъ легкую рану на ногѣ ея; истекла кровь; услышанъ гласъ съ небеси, призывающій ее къ Жениху небесному, и мгновенно святая душа оставила чистое тѣло.

Потребна осторожность, когда на кого-нибудь жалуются другіе.

У нѣкотораго старца, именемъ Силуана, былъ ученикъ Марко, искусный въ рукописаніи книгъ (*), и за послушаніе весьма любимый своимъ наставникомъ — на что другіе двѣнадцать учениковъ смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ, и наконецъ вездѣ начали жаловаться на пристрастіе Силуана . . . Нѣкоторые изъ пустынниковъ повѣрили имъ и, однажды пришедши къ преподобному Силуану, начали обвинять его въ чрезвычайной приверженности къ Марку и въ холодности къ прочимъ. Старецъ, выслушавъ ихъ, вышелъ вонъ, и подходя къ каждой келліи, стучался:—«Такой-то братъ (называя по имени) выйди; мнѣ есть до тебя дѣло.» — Но ни одинъ изъ нихъ не выходилъ; ни одинъ не откликался на голосъ Силуана.—Но какъ скоро, достигнулъ келліи Марка, и толкнувъ въ двери, сказалъ: «Марко!» въ то же мгновеніе Марко выскочилъ, и старецъ послалъ его на службу. Тогда Силуанъ сказалъ братіи: «видите сами, каковы всѣ двѣнадцать учениковъ; Богъ знаетъ, дома ли они и не хотятъ слушать меня? или ушли, куда вздумалось?»— Потомъ вошелъ съ ними въ келлію Марка и, взглянувъ на его тетради, нашелъ, что онъ, услышавъ голосъ Наставника, не хотѣлъ дописать — даже буквы ѡ, и бросивъ перо, къ нему выбѣжалъ . . . Видя сіе, удивленные старцы сказали: «Авва! люби Марка еще болѣе; самъ Богъ, безъ сомнѣнія, любить его . . .»

(*) Тогда не было книгопечатанія, а потому искусство переписчиковъ было важнымъ ремесломъ.

Дщери премудрости вѣра, надежда и любовь (*).

Въ царствованіе Римскаго Императора Адріана, была нѣкоторая вдовица, родомъ Итальянка, именемъ Софія, то-есть, премудрость. Она имѣла у себя трехъ дщерей, Вѣру, Надежду и Любовь, тезоименитыхъ тремъ Богословскимъ добродѣтелямъ.—Въ самомъ дѣлѣ, что христіанская мудрость произвесть можетъ, какъ не вѣру во Христа, надежду на Христа и любовь ко Христу?

Тогда гоненіе на Христіанъ свирѣпствовало ужаснѣйшимъ образомъ; тираны не щадили ни рода, ни пола, ни возраста; по малѣйшему подозрѣнію въ Христовой вѣрѣ, схватывали каждаго, и жребій узниковъ рѣшался всегда одинаково: должно было или поклониться идоламъ, или умереть въ лютыхъ мученіяхъ. Послѣ сего удивительно ли, что невѣрные столь звѣрски поступили съ юными отроковицами, Вѣрою, Надеждою и Любовію? Когда отреклись онѣ принесть жертву Артемидѣ, мучитель хотѣлъ поколебать твердость матери свирѣпствомъ надъ ея дщерями. Но тщетно! всѣ онѣ, одна послѣ другой, въ руцѣ Божіи предали духъ свой.

Сначала Вѣра, имѣвшая отъ рожденія двѣнадцать лѣтъ, какъ старшая сестра, должна была вытерпѣть всѣ казни, но, укрѣпляема благодатію, не испустила ни единаго болѣзненнаго вздоха.—«Помолись о мнѣ, дражайшая родительница, только говорила она, да совершу подвигъ и удостоюсь видѣть лице Господне; а вы, любезныя сестры, до конца пострадайте за Того, Кому уневѣстились.»—Потомъ, облобызавшись съ ними, святая Вѣра преклонила подъ мечъ главу свою.

Послѣ нея вышла на священный подвигъ десятилѣт-

(*) Ихъ память Сентября въ 17 день.

няя Надежда.—Тиранъ началъ увѣщевать ее, чтобы отреклась отъ Распятаго; но она отвѣчала: «неужели я не сестра той, которую ты умертвилъ? не отъ одной ли съ нею утробы родилась? не однимъ ли крещеніемъ просвѣтилась? не одно ли Священное Писаніе научило насъ вѣрить, надѣяться и любить Христа Спасителя? Какъ же можно мнѣ другое мыслить и другаго желать, нежели сестра моя, Вѣра?»—Потомъ, обнявъ бездыханное тѣло Вѣры и облобызавъ матерь и Любовь, приняла ту же кончину.

Наконецъ предстала юная Любовь, имѣвшая отъ роду девять лѣтъ, и претерпѣла тѣ же мученія, ту же казнь и съ такою же неустрашимостію: ибо кто можетъ поколебать любовь къ Жениху небесному, *краснѣйшему всѣхъ сыновъ человѣческихъ?* Сія любовь *крѣпка, яко смерть; вода многа не можетъ угасить любве, и рѣки не потопятъ ея* (*).

Такъ страдали и умерли святыя дѣвицы, въ вѣчную славу своего имени и въ посрамленіе тирановъ! Матерь ихъ, взирая на муки, возсылала усерднѣйшія молитвы къ Богу, дабы укрѣпилъ ихъ терпѣніе. Ни единой слезы не выронила она: ибо вѣрила тѣмъ небеснымъ наградамъ, которыя Богъ обѣщаетъ пострадавшимъ за Него. Мучитель не хотѣлъ умертвить ее, не по милосердію своему, не изъ уваженія къ ея несчастному сиротству, но по жестокости новаго рода: онъ хотѣлъ, чтобы мать страдала всю жизнь свою, воображая погибель, какъ называлъ нечестивый, дщерей своихъ.

Святая Софія заключила тѣлеса ихъ въ одну гробницу и погребла за нѣсколько поприщъ отъ града. Нѣжная мать три дни молилась надъ священнымъ ихъ пра-

(*) Пѣсни Пѣсней VII. 6.

хомъ и уснула смертію Святыхъ. Вѣрные погребли ее вмѣстѣ съ чадами; а Церковь вмѣстѣ съ ними включила ее въ ликъ мученицъ: ибо хотя не плотію, но сердцемъ она вытерпѣла за Христа весь ужасъ мученій.

Божественная премудрость! облистай свыше нашъ разумъ, да не заблудится, да не падетъ онъ подъ мракомъ тѣхъ тучъ, которыя застилаютъ свѣтъ горній отъ міра сего. А вы, боголюбезныя дщери ея, будьте всюду нашими сопутницами... Святѣйшая вѣра! вѣщай намъ ежечасно, что сія жизнь есть только преддверіе *настоящей* блаженной жизни, которая начинается за гробомъ— есть поприще подвиговъ, въ которыхъ неусыпность или нерадѣніе рѣшитъ въ вѣчности наши награды или наказаніе. Несомнѣнная надежда! будь твердымъ для насъ якоремъ въ житейскомъ морѣ, воздвизаемомъ бурею напастей; не дай намъ погрязнуть въ уныніи или отчаяніи. А ты, любовь нелицемѣрная, душа Серафимовъ! обними твоимъ пламенемъ все наше сердце, да содѣлавшись жилищемъ единаго Христа, за насъ пострадавшаго, оно будетъ неприступно для развратовъ и суетъ, которые вооружаетъ на него князь тьмы.

Смиренномудріе преподобнаго Сергія, игумена Радонежскаго (*).

Святитель Христовъ Алексій, Митрополитъ Всероссійскій, изнемогая отъ старости и чувствуя приближающуюся кончину, призвалъ къ себѣ преподобнаго Сергія и, снявъ съ персей своихъ драгоцѣнную панагію, хотѣлъ на него возложить. Смиренный старецъ весь смутился отъ толь неожидаемаго поступка и едва могъ сказать:

(*) Его Память Іюля въ 5 и Сентября въ 25 день.

отъ юности моея не быхъ златоносецъ, въ старости же наипаче хощу въ нищетѣ пребыти.—«Знаю, возлюбленный о Христѣ братъ, отвѣчалъ Архіерей Божій: но будь извѣстенъ, какое о тебѣ имѣю намѣреніе, и сдѣлай послушаніе. Я содержалъ Россійское первосвятительство, сколько угодно было Богу, который мнѣ даровалъ оное; нынѣ же, видя себя близъ кончины, желаю при жизни моей обрѣсти мужа, могущаго по мнѣ пасти стадо Христово, и въ тебѣ вижу достойнаго преемника.»— Услышавъ сіе, преподобный Сергій возчувствовалъ чрезвычайную горесть.—«Прости, Владыко святый, мое непокорство, отвѣчалъ онъ: я никогда не возьму на себя бремени, превышающаго силы мои; и я ли, грѣшный, осмѣлюсь коснуться сана Архипастырскаго?. . .» Сколько блаженный Алексій ни представлялъ ему убѣжденій изъ Священнаго писанія, но смиренолюбецъ остался непреклоненъ и просилъ Святителя, впредь о семъ даже не воспоминать ему; а иначе—онъ убѣжитъ и скроется въ неизвѣстныхъ и непроходимыхъ мѣстахъ.

Блаженный Алексій, на сей духовной борьбѣ наконецъ долженъ былъ уступить Преподобному; онъ опасался, чтобъ толь великій Свѣтильникъ вѣры въ самомъ дѣлѣ не удалился отъ сообщества человѣческаго, и благословивъ его, отпустилъ съ миромъ.

Добродѣтель, въ очахъ истиннаго Христіянина, есть высочайшее достоинство (*).

Когда преподобный Сергій Радонежскій Чудотворецъ уже достигъ глубокой старости и славился не только

(*) Изъ житія преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго, котораго память празднуется Іюня въ 9 день.

по всей Россіи, но и въ Греціи (*) примѣрною жизнію и Господнимъ къ нему благоволеніемъ; тогда преподобный Кириллъ, послѣ нареченный Бѣлоезерскимъ, еще будучи въ среднихъ лѣтахъ, отправлялъ въ Симоновомъ монастырѣ должность *братскаго* повара... Но добродѣтельные всегда уважаютъ добродѣтельныхъ, сколько бы ни велика была разность въ ихъ состояніи; а отъ преподобнаго Сергія не могла утаиться святость преподобнаго Кирилла. . . Радонежскій Чудотворецъ, иногда приходя въ Симоновъ монастырь, для посѣщенія Архимандрита Ѳеодора, своего сродника, каждый разъ прежде заходилъ въ поварню къ блаженному Кириллу, и наединѣ по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о пользѣ душевной. Послѣ того навѣщалъ Архимандрита и прочихъ благочестивыхъ старцевъ; но чаще самъ Архимандритъ съ братіею, узнавъ о его прибытіи, приходили въ поварню. Тамъ, принявъ другъ отъ друга благословеніе, они начинали между собою разговаривать, а святый Кириллъ подходилъ къ очагу и принимался за свою работу...

Безъ правовѣрія спастися невозможно.

Въ тѣсной келліи, близъ рѣки Іордана, жилъ боголюбезный старецъ, Киріакъ (**). Однажды пришелъ къ нему издалека нѣкоторый братъ, именемъ Ѳеофанъ, чтобы принять уроки строжайшаго иночества. Но когда мудрый Киріакъ началъ поучать его чистотѣ и смиренію, то

(*) Такимъ образомъ Цареградскій Патріархъ Филоѳей чрезъ нарочныхъ прислалъ въ даръ преподобному Сергію крестъ, параманъ, схиму и грамоту, въ которой, выхваляя жизнь и подвиги чудотворца, совѣтовалъ ему уставить въ своей обители общее житіе—что праведникъ тогда же и исполнилъ.

(**) Память преподобнаго Киріака отшельника празднуется Сентября въ 23 день.

пришлецъ, восхищенный боговдохновеніемъ старца, сказалъ ему: «Отче! не разстался бы съ тобою до смерти; но какъ сочленъ и единомышленникъ Несторіанцевъ (*), я долженъ возвратиться къ моей братіи.»—Услышавъ имя Несторія, Киріакъ затрепеталъ и, сокрушаясь о погибели гостя, началъ умолять его, дабы присоединился къ Апостольской церкви.—«Единъ путь къ нашему спасенію, оворилъ онъ, есть тотъ, чтобы мыслить и вѣровать, акъ мыслили и вѣровали святые Отцы.»—Но старецъ отвѣчалъ: «и всѣ ереси также утверждаютъ, что человѣкъ можетъ спастися только съ ихъ вѣроисповѣданіемъ. . . Что же послѣ сего дѣлать мнѣ, окаянному? всѣ называютъ ученіе свое боговдохновеннымъ, а мой разумъ такъ слабъ, что не можетъ постигнуть истины и различить ее отъ заблужденія. Человѣкъ воистину Божій! помолись Господу, дабы онъ какимъ либо откровеніемъ свыше просвѣтилъ мои душевныя очи.»—Святый Киріакъ неизреченно возрадовался о приближающемся спесеніи инока.—«Останься въ моей келліи, сказалъ онъ, и вѣруй отъ всего сердца, что всеблагій Богъ откроетъ тебѣ истину.»—Потомъ удалился отъ него и въ уединеніи началъ за своего брата молиться Богу.

Въ девятомъ часу слѣдующаго дня, внезапно Несторіанецъ увидѣлъ предъ собою боголѣпнаго, но взоромъ грознаго юношу, который повелѣлъ ему за собою итти. . . Вдругъ Несторіанецъ очутился въ преддверіи темнаго и смраднаго мѣста, гдѣ, посреди тусклаго, одинъ только мракъ нѣсколько озаряющаго пламени, увидѣлъ онъ Несторія, Діоскора, Арія и прочихъ еритиковъ, испускающихъ стенаніе и скрежетъ нестерпимой муки.—«Се обиталище тѣхъ, указывая на тартаръ, сказалъ таинст-

(*) Такъ назывались одни изъ древнихъ еретиковъ.

венный юноша, которые нечестиво умствуютъ, и вкупѣ тѣхъ, которые слѣдуютъ ихъ ученію! И такъ, если сіе мѣсто тебѣ нравится, держися раскола Несторіева, или другихъ злочестивцевъ; если же сей казни ужасаешься, приступи къ святой Апостольской Церкви, въ которой пребываетъ Іорданскій пустынножитель. Я говорю тебѣ истину; не забудь ее: если человѣкъ имѣетъ всѣ добродѣтели, но мыслитъ нечестиво, въ сіе мѣсто низверженъ будетъ.»—Послѣ сего юноша сталъ невидимъ. Несторіанецъ едва пришелъ самъ въ себя, и когда возвратился, святый Киріакъ, разсказалъ ему все, что происходило. Немедленно присоединился онъ къ православной Церкви и, проживъ нѣсколько лѣтъ у своего наставника, скончался въ мирѣ.

Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Въ царствованіе Греческаго Императера Льва Премудраго, въ первый день Октября, въ славной Влахернской церкви, въ честь Приснодѣвы въ Царѣградѣ сооруженной, совершалось всенощное бдѣніе. Храмъ наполненъ былъ народомъ, между которымъ находился и святый Андрей, Христа ради юродивый.—Въ четвертый часъ ночи прозорливый старецъ внезапно возвелъ очи свои на него и увидѣлъ, яко бы храмъ не имѣлъ сводовъ. . . увидѣлъ небесную Царицу, Матерь Божію. Сіяя паче солнца, Она стояла на воздухѣ, окруженная Пророками, Апостолами, Святителями, Мучениками и всѣми небесными силами, и покрывая Христоименитыхъ людей чистымъ своимъ *омофоромъ*, молилась за нихъ къ Сыну своему и Богу. Святый Андрей спросилъ у стоящаго тутъ же ученика своего, блаженнаго Епифанія: «видишь ли,

брате, Ходатаицу міра?»—«Вижу, святый отче! отвѣчалъ онъ, и ужасаюся.»—Съ того времени установленъ праздникъ Пресвятыя Богородицы, дабы Христіяне, воспоминая чудо сіе, знали къ кому должно прибѣгать въ несчастіи и кому приносить жертву благодарности, освободившись отъ онаго.

Свыше просвѣщенный.

Святый Романъ (*) былъ церковнослужителемъ въ Царѣградѣ при храмѣ *Премудрости Божіей.* Но угодникъ Божій сколько былъ добродѣтеленъ и благочестивъ, столько несвѣдущъ. Не смотря на сіе, Патріархъ Евѳимій за неусыпность, усердіе и послушаніе такъ возлюбилъ его, что давалъ равный удѣлъ съ прочими клириками, составлявшими хоръ церковный: а сіе и было причиною ихъ зависти и злобы на Святаго. Всѣ съ ронтаніемъ говорили: «какъ не совѣстно Патріарху равнять съ ними невѣжду!» и Романа оскорбляли самымъ наглымъ образомъ.

Но Богъ часто избираетъ *буія міра, да премудрыя посрамитъ* (**). Въ навечеріи Рождества Христова, когда самъ Государь присутствовалъ въ церкви, и святый Романъ, по обыкновенію, зажигалъ свѣчи, пѣвцы, толкая его съ ругательствомъ, говорили: «ты получаешь равную съ нами часть, поди же на амвонъ и пой съ нами Богохвальную пѣснь.»—Принявъ при всемъ народѣ столь несносное посрамленіе, онъ не могъ удержаться отъ слезъ, и по окончаніи службы Божіей, когда всѣ вышли изъ

(*) Святый Романъ жилъ въ царствованіе Іустиніана перваго. Память его празднуется Октября въ 1 день.

(**) 1 Кор. 1. 27.

церкви, палъ предъ образомъ Пресвятыя Богородицы, рыданіемъ прерывая молитвы свои... Возвратясь домой, отъ печали не вкусилъ пищи и заснулъ. Вдругъ явилась ему Богородительница, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ, держа въ десницѣ своей небольшой свитокъ хартіи, и тихо рекла ему: *отверзи уста, и снѣждь сіе.* Святый Романъ проглотилъ хартію и пробудился. Приснодѣва стала невидима, а онъ, возчувствовавъ въ сердцѣ своемъ неизреченную радость и въ умѣ своемъ внезапный лучъ вѣдѣнія и премудрости, повергся на колѣна, и воздавъ благодареніе небесной Наставницѣ, съ душевнымъ восхищеніемъ пошелъ на всенощное бдѣніе. Когда должно было пѣть *кондакъ*, Богомъ вдохновенный Романъ возшелъ на амвонъ (*) и воспѣлъ сладкогласно въ умѣ своемъ составленное: *Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Неприступному приноситъ*, и прочая. Всѣ изумились столь чудесной внезапности, и съ величайшимъ вниманіемъ слушали пѣніе. Послѣ чего Патріархъ спросилъ у него: «откуду премудрость сія?» Святый пѣвецъ, прославляя Богородительницу, разсказалъ сновидѣніе, и посрамленные клирики должны были раскаяться въ причиненныхъ ему оскорбленіяхъ.

Вскорѣ Патріархъ посвятилъ его въ Діякона, и премудрость всегда, *яко рѣка*, текла изъ устъ человѣка Божія. Тѣ, которые издѣвались прежде надъ его невѣжествомъ, почитали за счастіе быть его учениками.

Насладися Господеви, и дастъ ти прошеніе сердца твоего, сказалъ Царь и Пророкъ. Любезныя дѣти! если хощете просвѣтить разумъ вашъ въ познаніе истины,

(*) Тогда было въ обыкновеніи одному пѣвцу возглашать *кондакъ* на амвонѣ. А *кондакъ*, пѣснь въ Грекороссійской Церкви извѣстная, въ переводѣ значитъ: *перечень похвалъ.*

Digitized by Google

то просите помощи небесной. *Просите, и дастся вамъ.* Если ваши молитвы будутъ подобны молитвамъ святаго пѣснопѣвца Романа, то будетъ *свѣтлость Господа Бога нашего* на васъ, *и дѣла рукъ вашихъ исправитъ.* Не призывая въ помощь силъ небесныхъ, полагаться на свои только силы — безполезно; а полагаться на чужеземныхъ просвѣтителей—опасно: Они могутъ—даже стараются дать вамъ (и сколь часто даютъ вамъ!) вмѣсто хлѣба камень и вмѣсто рыбы змію.

Змій сребролюбія.

Нѣкоторый старецъ былъ набоженъ и строгъ въ жизни; но, къ несчастію, поработился духу сребролюбія. Онъ жилъ близъ торжища, будто для того, чтобъ народъ, каждый день собираясь туда, имѣлъ вблизи наставника и отца духовнаго, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы посѣтители, возвращаясь съ торжища, приходили къ нему всегда не съ пустыми руками.

Святый Андрей, Христа ради юродивый (*), однажды идучи мимо сребролюбца, увидѣлъ—по откровенію Божію—что страшный змій обвился вкругъ его шеи. Прозорливецъ остановился и смотрѣлъ съ изумленіемъ; а чернецъ, думая, что онъ, будучи однимъ изъ нищихъ, ожидаетъ милостыни, сказалъ: *Богъ дастъ!* Святый Андрей на нѣсколько шаговъ отступилъ и узрѣлъ надъ нимъ воздушную надпись: *змій сребролюбія, корень всякому беззаконію.* Соболѣзнуя о погибели брата, Андрей хотѣлъ было удалиться, но едва обратился вспять, какъ увидѣлъ двухъ юношей, между собою спорющихъ: одинъ было

(*) Святый Андрей жилъ въ половинѣ V столѣтія по Р. Х. Память его Октября во 2 день.

черенъ, съ очами мутными и свирѣпыми, а другой прекрасенъ, яко свѣтъ небесный; первый утверждалъ, что старецъ принадлежитъ ему: ибо, какъ второй идолослужитель, не Богу, а ему работаетъ; но другой говорилъ, что сей старецъ, будучи смиренъ и кротокъ, пребывая въ постничествѣ и молитвахъ, Божій слуга есть... Такъ препирались они, какъ вдругъ къ свѣтоносному юношѣ услышанъ былъ гласъ небесный: *ты не имѣешъ части въ старцѣ: оставъ его*—и Ангелъ мгновенно удалился. Удивленный Андрей отъ жалости заплакалъ и пошелъ въ путь свой.

Но сердце Андрея—въ глазахъ человѣческихъ юродиваго, но въ очахъ Божіихъ мудраго Андрея—не могло быть спокойно: желая несчастнаго старца обратить къ истинѣ, онъ чрезъ нѣсколько времени опять пошелъ мимо торжища, и увидѣвъ его, взялъ за руку. — «Рабъ Божій! смотря пристально, сказалъ онъ, выслушай безъ гнѣва меня, раба твоего. . . Ахъ! я весьма сокрушаюсь о тебѣ, и не могу безъ ужаса помыслить, что ты, прежде сего другъ Божій, нынѣ содѣлался слугою вражескимъ. Душа твоя имѣла крылія, яко Серафимъ; почто непріязненному духу далъ обрѣзать оныя? Ты имѣлъ образъ Ангельскій; почто восхотѣлъ быть темнообразенъ? почто содружился съ зміемъ сребролюбія и грѣешь его на лонѣ твоемъ? почто собираешь сокровища? неужели съ ними погребенъ будешь? Неусыпно собирая сребренники отъ дѣтей духовныхъ и увеселяясь ими, ты собираешь на главу твою всѣ ихъ преступленія... Какъ же съ толикимъ бременемъ предстанешь страшному суду Христову? Познай, что Ангелъ, Хранитель твой, далече отступилъ отъ тебя и плачетъ о твоей погибели; а діаволъ, куда хочетъ, ведетъ тебя... Я говорю правду: послушай меня и росточи имѣніе твое нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ и странникамъ,

въ противномъ случаѣ, злѣ погибнеши. . .Видишь ли діаволъ?»—Тогда отверзлись душевныя очи старца. Черный, звѣрообразный исполинъ стоялъ въ дальнемъ отъ него разстояніи и скрежеталъ зубами; но ужасаясь святаго Андрея, не смѣлъ къ нему приближиться... Старецъ затрепеталъ, отъ ужаса обмеръ и едва могъ произнесть обѣщаніе жить по заповѣдямъ Господнимъ. . . Но едва далъ клятву, вдругъ отъ востока блеснула молнія—нечистый духъ исчезъ и Ангелъ Господень, осклабясь, приблизился къ иноку.—«Не открывай никому, что случилось, сказалъ святый Андрей, отходя отъ него: а я буду поминать тебя каждый день и ночь въ молитвахъ. да Господь управитъ путь твой на доброе.»

Когда чернецъ раздалъ злато свое и началъ жить совершенно по заповѣдямъ Господнимъ, рабъ Божій Андрей явился ему въ сновидѣніи и, улыбаясь отъ удовольствія, показалъ на противолежащемъ полѣ сѣннолиственное древо, усыпанное прекраснымъ цвѣтомъ.—«Благодари Бога сказалъ онъ, что исторгнулъ Онъ тебя отъ зубовъ змінныхъ и оросилъ своею благодатію душу твою: сіе цвѣтущее древо—ея изображеніе; постарайся же, чтобы сей цвѣтъ принесъ сладкіе плоды.» — Старецъ, воспрянувъ отъ сна, еще болѣе утвердился на добрыя дѣла, и всегда приносилъ благодареніе Богу и угоднику его, святому Андрею.

Обращеніе въ Христіянскую вѣру св. священномученика Діонисія Ареопагита (*).

Святый Діонисій родился въ Аѳинахъ отъ благородной крови. На двадцать пятомъ году жизни, совершивъ весь

(*) Память его Октября въ 3 день.

кругъ извѣстныхъ тогда наукъ, Діонисій отправился въ Иліополь, чтобы познать и Египетскую мудрость.

Сіе-то время ознаменовано было тѣмъ ужаснымъ днемъ, когда солнце померкло въ полудни, дабы не видѣть земли, оскверненной лютѣйшимъ изъ всѣхъ злодѣяній—убіеніемъ Господа нашего Іисуса Христа. Удивляясь толь необыкновенному мраку, Діонисій сказалъ: «или страждетъ Богъ, всего міра Создатель, или пришла кончина міру!» — Конечно, не мудрость вѣка сего, а благодать Духа Святаго вдохнула въ него даръ пророчества о страсти Владычней.

Чрезъ нѣсколько послѣ того времени, Діонисій возвратился въ Аѳины и, какъ гражданинъ, знаменитый мудростію и благородствомъ крови, причтенъ въ сочлены древняго судилища, называемаго Ареопагомъ. — Тогда святый Апостолъ Павелъ прибылъ въ Аѳины и предъ старѣйшинами града проповѣдывалъ Христа Господня. Мудрѣйшіе люди внимательно слушали посланника Христова; но сколь неудобопонятна приверженность къ міру и его идоламъ! Вмѣсто того, чтобъ тогда же насытиться отъ *воды живыя*, послѣ которой человѣкъ не вжаждется во вѣки, они отложили разсмотрѣніе истинъ, проповѣдуемыхъ Павломъ, до другаго времени... Не такъ ли поступаемъ и мы, откладывая день за днемъ покаяніе наше и спасеніе?

Но Діонисій былъ не таковъ. Глубоко проникнутый неслыханнымъ ученіемъ, наединѣ вступилъ онъ въ разговоръ съ Павломъ и, разсуждая о богахъ своего отечества, вызвался показать ему капища ихъ—на что святый Павелъ согласился, не изъ обыкновеннаго любопытства, но для того, чтобы сей случай употребить въ пользу вѣры Христовой. Намѣреніе Апостола тогда же исполнилось. Между прочими божницами, онъ увидѣлъ храмъ, надъ которымъ было написано: *Невѣдомому Богу*. — «Кто же есть сей невѣдомый Богъ?» спросилъ онъ у

Діонисія.—«Онъ еще не явился, отвѣчалъ Ареопагитъ, но въ свое время пріидетъ. Сей Богъ будетъ владычествовать надъ небомъ и землю, и владычеству его не будетъ конца.»—Сія минута была благовременемъ, въ которое Апостолъ началъ сѣять на добрую землю слово Божіе.—«Сей Богъ, сказалъ онъ, уже пришелъ и родился отъ Пречистыя Приснодѣвы Маріи, и претерпѣлъ для нашего спесенія смерть крестную. На страданіе его даже солнце взирать не могло и на три часа погрузилось въ глубокую тьму для всей вселенной. Сей Богъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо. Сего познай, о Діонисій! въ Сего вѣруй, Сему на службу посвяти сердце твое.»—Тогда-то Діонисій воспомянулъ тьму, которой удивлялся въ Египтѣ; воспомянулъ тогдашнія свои чувствованія и, приписывая ихъ вдохновенію Божества, немедленно вѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа, и крестился съ супругою и дѣтьми.

Святый Діонисій былъ столько счастливъ, что слышалъ проповѣдь не одного Павла, но всѣхъ Апостоловъ, и удостоился быть съ ними на погребеніи Пречистыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Былъ нѣсколько времени Епископомъ въ Аѳинахъ, потомъ въ Галліи — гдѣ, въ царствованіе Домиціана, принялъ вѣнецъ мученическій.

Небесное руководство.

Однажды преподобный Аммонъ (*) пошелъ къ великому Антонію и сбился съ дороги; возсѣдши на камень, онъ нѣсколько уснулъ; потомъ, пробудившись, началъ молиться къ Богу, да не допуститъ погибнуть созданію рукъ

(*) Память его Октября въ 14 день.

своихъ.—Тогда явилась изъ облаковъ рука, указующая ему путь, и шествовала надъ нимъ дотолѣ, пока святый Аммонъ не увидѣлъ пещеры Антоніевой.

Христіане! вотъ что дѣлаетъ молитва, отъ чистаго сердца возсылаемая къ Богу въ какомъ либо несчастіи... Но не забудьте, что преподобный Аммонъ шелъ тогда къ великому наставнику вѣры, благочестія и всѣхъ добродѣтелей.

Видѣніе о грѣшникѣ, принявшемъ твердое намѣреніе жить непорочно.

Блаженный Авва, Павелъ *Простый* (*), ученикъ великаго Антонія, пришелъ въ нѣкоторую обитель, посѣтить братію... Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, всѣ иноки пошли въ церковь къ вечернему славословію. Тогда святый Павелъ сталъ у дверей храма и примѣчалъ, кто съ какимъ расположеніемъ духа входилъ въ церковь Божію: ибо Господь даровалъ ему благодать видѣть душу всякаго человѣка, какъ другіе видятъ лице... Каждый инокъ проходилъ съ веселымъ взоромъ, и каждаго изъ нихъ сопровождалъ Ангелъ, также радующійся.—Между ими былъ только одинъ мраченъ и разстроенъ; духъ соблазна, хватая его за руки, влекъ отъ храма Господня; Ангелъ же Хранитель шелъ за нимъ вдали, печаленъ и съ поникшею головою. Преподобный Павелъ облился слезами и, ударяя себя въ грудь, сѣлъ у прага церковнаго. Иноки, увидѣвъ толь внезапную перемѣну и опасаясь, не примѣтилъ ли человѣкъ Божій какого либо грѣха за всѣми, начали просить его, дабы открылъ причину скорби и рыданія, но Павелъ не отвѣчалъ имъ ни

(*) Память его Октября въ 4 день.

слова и, оставаясь въ томъ же положеніи, безпрестанно обращалъ исполненныя слезъ очи на несчастнаго брата... Наконецъ святая служба совершилась; иноки пошли изъ церкви, и преподобный Павелъ опять началъ съ великимъ вниманіемъ смотрѣть на нихъ.—Что же увидѣлъ? Тотъ, который прежде былъ такъ мраченъ и разстроенъ, шелъ съ мирнымъ и веселымъ взоромъ; Ангелъ Божій, осклабляясь, велъ его за руку, а безплотный соблазнитель, заходя отъ всѣхъ сторонъ, старался, но не смѣлъ, приступить къ нему. Тогда прозорливый старецъ воспрянулъ отъ радости и, благословляя Бога, воскликнулъ: «коль неизреченна благодать и любовь Господня къ человѣку!» Онъ сталъ посреди братіи и сказалъ велегласно: «пріидите и видите дѣла Божія; видите Того, *Иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити*. Пріидите, поклонимся и припадемъ ему и скажемъ: Ты единъ можешь очистить грѣхи наши.»—Вся обитель стеклась на гласъ его, и святый старецъ объявилъ, что̀ видѣлъ, когда иноки входили въ церковь, и что̀ видѣлъ, когда выходили они изъ церкви. Потомъ спросили у брата, для чего Богъ даровалъ ему столь внезапное обращеніе? Будучи для общей пользы обличенъ старцемъ, онъ въ присутствіи всѣхъ началъ разсказывать дерзновенно:—«Я человѣкъ грѣшный; издавна и до сего времени слушался врага души моей и жилъ порочно. Но сегодня, вошедъ въ церковь, услышалъ слова Пророка Исаіи, или, лучше сказать, самого Бога: *измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима. Научитеся добро творити. И аще будутъ грѣхи ваша яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленнос, яко волну убѣлю* (*).

(*) Исаія 1. 17, 18, 19.

Слушая столь чадолюбивое увѣщаніе свыше, я возчувствовалъ всѣ укоризны моей совѣсти и, воздыхая изъ глубины сердца, сказалъ: Боже, *пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ*, исполни на мнѣ унывающемъ, *яко обѣщалъ еси* чрезъ Пророка Твоего. Отъ сего времени, я пріемлю твердое намѣреніе, обѣщаюсь отъ чистаго сердца, клянусь, что не сдѣлаю зла предъ Тебою; отрицаюсь отъ всякія скверны и буду служить Тебѣ въ чистотѣ совѣсти. Днесь, Господи! въ сіе мгновеніе, пріими меня кающагося.»—Братія, услышавъ сіе, возблагодарили Бога, а свыше вдохновенный Павелъ сказалъ: «о Христіане! зная изъ Божественнаго писанія и Святыхъ откровеній, сколь великую благодать являетъ Господь къ тѣмъ, которые искренно прибѣгаютъ къ нему и покаяніемъ очищаютъ первые грѣхи свои — зная, что сей нѣжный Отецъ повелѣлъ Ангелу Хранителю паки принимать каждаго грѣшника подъ свое покровительство, въ самую минуту его сердечнаго покаянія, не отчаявайтесь о вашемъ спасеніи. *Живу азъ*, глаголетъ Господь, *не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (*).

Слава и безславіе.

Авва Авраамъ спросилъ у Аввы Ѳеодора, что лучше и полезнѣе—славы ли искать или безславія? — «Я паче желаю славы, нежели безславія, отвѣчалъ старецъ: ибо если совершу что нибудь доброе и пріобрѣту славу, могу обвинять только самъ себя, что недостоинъ оныя. А безславіе происходитъ отъ дурныхъ дѣлъ: какимъ же обра-

(*) Исаіи XXX. 11.

зомъ утѣшу мое сердце, когда буду служить въ соблазнъ и преткновеніе людямъ? И такъ лучше пріобрѣтать славу.»—«Для чего же всѣ великіе отцы ничего такъ не боялись, какъ славы?» возразилъ Авраамъ. «Они боялись ложной славы, отвѣчалъ Ѳеодоръ, или, лучше сказать, они боялись, чтобы ихъ сердца не заразило славолюбіе. Между славою, которая необходимо слѣдуетъ за добрыми дѣлами, и славолюбіемъ, которое всѣ заповѣди Господни мѣняетъ на суетность міра, есть великая разность. Дѣлай добро единственно для угожденія Богу: тогда Богъ не только не осудитъ славу, которую человѣкъ пріобрѣтаетъ, безъ всякаго о ней попеченія, но къ сей славѣ присовокупитъ еще ту славу, которую отъ вѣка уготовалъ Онъ любящимъ Его.»

Забывать добродѣтели предковъ есть грѣхъ, достойный Божескаго наказанія (*).

Въ нѣкоторомъ монастырѣ, съ древнихъ лѣтъ, наблюдаемъ былъ слѣдующій благочестивый и достохвальный обычай. Каждогодно въ великій Четвертокъ приходили туда изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ убогіе, вдовицы и сироты, и брали изъ общаго имущества иноковъ по установленной мѣрѣ пшеницы, по нѣскольку вина и меда и по пяти мѣдницъ, чтобы *свѣтлое Христово воскресеніе* могли проводить безъ нужды и въ радости. Однажды сдѣлался неурожай, и цѣна на хлѣбъ возвысилась чрезвычайно. Братія, хотя съѣстныхъ припасовъ имѣли довольно, но думая, что подаянія щедролюбцевъ на то время для нихъ прекратятся, предложили настоятелю, чтобы въ сей годъ нарушить благочестивое обыкновеніе, и въ великій

(*) Сія повѣсть помѣщена въ Прологѣ подъ 29 числомъ Мая.

Четвертокъ не давать бѣднымъ пшеницы. Долго добродѣтельный настоятель не соглашался на просьбу братіи.— «Грѣхъ нарушать уставы, данные намъ святымъ основателемъ обители, говорилъ онъ: грѣхъ не надѣяться, что Господь пропитаетъ насъ.»—Но поелику братія рѣшительно сказали, что не хотятъ сами быть голодными для того, чтобы кормить другихъ; то онъ съ душевнымъ прискорбіемъ отвѣчалъ имъ: *творите, якоже хощете*, и— бѣдные, которые шли въ обитель съ надеждою, возвратились оттуда съ отчаяніемъ.

Но небесный Отецъ убогихъ видимымъ или невидимымъ образомъ не минуетъ наказать немилосердыхъ людей... Въ великую Субботу монастырскій ключарь пошелъ въ житницу, чтобы на Пасху выдать для хлѣбовъ чистой муки; но едва отворилъ двери, почувствовалъ дурной запахъ: вся пшеница такъ изгнила, что должно было ее бросить въ рѣку. Братія удивлялись, жалѣли и не знали, что дѣлать; а благочестивый настоятель, спокойно посмотрѣвъ на испортившійся хлѣбъ, сказалъ имъ: «кто преступаетъ заповѣди святаго Отца, основателя обители, не надѣется на промыселъ небесный и не милосердуетъ о бѣдныхъ, тотъ непремѣнно долженъ быть наказанъ за преслушаніе. Вы пожалѣли пятисотъ мѣръ, и погубили пять тысячъ... Впредь знайте, на Бога ли уповать должно, или на свои житницы.»

Къ несчастію, и мы начали забывать благочестивое обыкновеніе нашихъ предковъ—кормить, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ году, неимѣющихъ насущнаго хлѣба! Не отъ того ли у насъ и бѣдные умножаются безпрестанно?

Видѣніе матери, сѣтующей о смерти сына (*).

Когда святый мученикъ Уаръ, посреди ужаснѣйшихъ страданій предавъ душу свою въ руцѣ Господни, выброшенъ былъ внѣ града на снѣденіе псамъ (такъ идолопоклонники старались посрамить Христіянъ); тогда нѣкоторая вдова, родомъ изъ Палестины, именемъ Клеопатра, съ матолѣтнымъ сыномъ Іоанномъ и вѣрными слугами, въ глубокую полночь, унесла святые останки Уара въ домъ свой, и вскорѣ, подъ видомъ мужнина тѣла, который не задолго предъ тѣмъ умеръ, съ позволенія правительства, увезла ихъ въ отечество. Тамъ, на кладбищѣ своихъ предковъ, соорудила во имя страдальца храмъ, и съ священнымъ соборомъ, при многочисленномъ народѣ, поставила въ немъ чудотворныя мощи.

По окончаніи Литургіи и молебнаго пѣнія, Клеопатра сдѣлала угощеніе духовенству и народу, нищимъ и странникамъ, и какъ она, такъ и сынъ ея, сами служили при столѣ. Но въ вечеру, вдругъ Іоаннъ разболѣлся такъ тяжко, что не могъ даже отвѣчать на вопросы матери; пламень ежечасно увеличивался и въ полночь юный Іоаннъ умеръ. Отчаянная мать побѣжала въ церковь святаго Уара, и повергшись предъ гробомъ, горько вопіяла: «Угодникъ Божій! возврати мнѣ дитя мое. . . Безъ него некому при смерти закрыть очей моихъ; некому предать гробу тѣло мое.—Ахъ! лучше бы мнѣ самой умереть, нежели видѣть сына моего... Угодникъ Божій! или умилосердися надо мною, какъ Елиссей нѣкогда умилосердился надъ вдовицею Соманитскою; или возьми теперь же и мою душу. Не могу жить безъ возлюбленнаго Іоанна.»— Такимъ образомъ стеня и рыдая у гроба Уарова, отъ

(*) Изъ страданія св. мученика Уара, котораго память празднуется Октября въ 19 день.

усталости и чрезмѣрной скорби Клеопатра заснула. Вдругъ явился ей святый мученикъ, держа на рукахъ своихъ Іоанна. Имѣя на себѣ ризы, какъ снѣгъ бѣлыя, о чреслахъ златые поясы, а на главахъ драгоцѣнные вѣнцы, они блистали, подобно солнцу.—Восхищенная Клеопатра поверглась на колѣна, но святый Уаръ поднялъ ее. — «Усердная почитательница страстотерпцевъ! сказалъ онъ, я не забылъ благодѣяній, моему тѣлу въ Египтѣ и здѣсь тобою оказанныхъ; всегда слышу твои молитвы, и молюся о тебѣ къ Богу; сначала я умолилъ Господа о твоихъ предкахъ, вокругъ меня почивающихъ, да отпуститъ имъ согрѣшенія ихъ; потомъ, желая въ полной мѣрѣ вознаградить тебя за добродѣтели, я умолилъ Бога, чтобы сопричислилъ лику Ангеловъ сына твоего. Виждь славу его: онъ нынѣ единъ отъ предстоящихъ престолу Господню. О чемъ же столь горько сѣтуешь? или не хочешь, чтобы Іоаннъ наслаждался тѣмъ блеженствомъ, *еже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдѣ?* Если такъ: возьми его обратно.» — При семъ словѣ, юный Іоаннъ обнялъ Уара и, крѣпко держась за выю его, сказалъ: «Нѣтъ! не отдавай меня родительницѣ; хотя и всѣмъ сердцемъ люблю ее, не отпускай меня опять въ мятежный и развратный міръ; оставь меня навсегда съ собою... А ты, любезная родительница, обратясь къ Клеопатрѣ, продолжалъ онъ, почто плачешь о мнѣ? Если любишь меня, то радуйся моему счастію: я сожитель всѣхъ Святыхъ и воинъ Царя небеснаго.»— Безмолвствующая доселѣ, Клеопатра воскликнула: «Блаженныя души! новые жители неба! возьмите и меня съ собою; сдѣлайте и меня участницею блаженства Ангельскаго.»—Но святый Уаръ отвѣчалъ ей: «теперь иди съ миромъ на богоугодныя дѣла твои; живи по прежнему. Будетъ время, когда Господь повелитъ тебѣ вознестись

на небо: тамъ уготовано для тебя такое же мѣсто.» — Послѣ сего святый Уаръ и святый Іоаннъ стали невидимы, а Клеопатра проснулась... Почувствовавъ себя исполненную неизреченной радости, она отерла слезы и, повѣдавъ чудотворное видѣніе Епископу, торжественно погребла Іоанна при гробѣ святаго Уара. Она сопровождала его не какъ мертвеца на лоно сѣни смертныя, но какъ жениха въ чертогъ брачный. Потомъ раздала имѣнія свои святымъ обителямъ и бѣднымъ семействамъ, а сама, удалившись отъ міра, соорудила келлію при церкви святаго Уара, и тамъ служила Богу день и ночь въ постѣ и молитвахъ—до блаженной кончины. Часто въ сонномъ видѣніи или посреди молитвеннаго восхищенія являлся ей святый Уаръ въ славѣ небесной, держащій на рукахъ сына ея.

Родители! если кто либо изъ васъ имѣлъ несчастіе лишиться сына или дщери, юнаго плода любви супружеской, оплачьте драгоцѣнную потерю—одинъ жестокосердый можетъ осудить вашу чувствительность. — Но *не скорбите, якоже и прочіи, неимущіи упованія*. Послушайте, что сказалъ Господь: *оставите дѣти пріити ко мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное* (*). *Храняй младенцы въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ* уготовалъ *имъ пространство, Авраамово лоно, и по чистотѣ Ангельская свѣтообразная мѣста, въ нихъ же водворяются праведныхъ души* (**).

Мысли святыхъ отцевъ.

Для чего заповѣдей закона десять, а Блаженствъ девять?.. Десяточисліе равняется десяти казнямъ Египет-

(*) Матѳ. XIX. 14.

(**) См. въ Требникѣ чинъ погребенія младенцевъ, листъ 185.

скимъ; а число Блаженствъ есть изображеніе Троицы, трикраты пріемлемой (*).

Жена Хананейская вопіетъ—и Господь услышалъ ее; жена кровоточивая молчитъ—и Господь исцѣлилъ ее. Напротивъ того, Фарисей вопіетъ—и осуждается; мытарь молчитъ, однако пошелъ оправданъ въ домъ свой (**). Изъ сего ясно, что Богъ не смотритъ, съ воплемъ ли, съ удареніемъ ли себя въ перси возносится къ нему молитва, а требуетъ сокрушеннаго сердца и совершенной надежды на Его помощь.

Апостольское изреченіе, *время искупуйте*, предполагаетъ духовную корысть. Напримѣръ, тебѣ пришло время оскорбленій? Сіе время искупи смиреніемъ и терпѣніемъ, и тѣмъ пріобрѣти корысть. Пришло время безславія? Купи оное великодушіемъ, и тѣмъ пріобрѣти корысть. Такимъ образомъ, если захочемъ, всѣ противныя обстоятельства принесутъ намъ корысть, то есть пользу душевную (***).

Нѣтъ животнаго, которое было бы столь сильно, какъ левъ; но для угожденія чреву, и левъ попадаетъ въ сѣти: вся крѣпость его тутъ погибаетъ (****).

Домъ не можетъ быть созидаемъ отъ верха къ низу, но отъ основанія идетъ до высоты. Основаніе есть ближній; назидая пользу его, мы дѣлаемъ несокрушаемое начало: на немъ то утверждаются всѣ заповѣди Христовы (*****),

Всѣ добродѣтели между собою равны. Священное Писаніе объявляетъ, что Авраамъ былъ страннолюбецъ, и

(*)Мысли святаго Епифанія, Епископа Кипрскаго.

(**) Его же.

(***) Отвѣтъ св. Папы Ѳеофила на вопросъ преподобныя Ѳеодоры.

(****) Іоанна Колова, который былъ наставникомъ Арсенія Великаго.

(*****) Его же.

Господь возлюбилъ его. Илія провождалъ житіе пустынное, и Господь возлюбилъ его. Давидъ былъ кротокъ и смиренномудръ, и Господь возлюбилъ его. Нееманъ былъ праведный вельможа, и Господь возлюбилъ его. Іуда Маккавей проливалъ кровь свою за отечество, и Господь возлюбилъ его. Мардохей былъ вѣрный рабъ Царя Персидскаго, и Господь возлюбилъ его. И такъ, къ какой добродѣтели болѣе наклонна душа твоя, въ оной и упражняйся во славу Божію и—спасенъ будешь (*).

Люди каждый день, поутру и ввечеру, должны размышлять сами съ собою, что сдѣлали они и чего не сдѣлали—угоднаго Богу, чтобы въ слѣдующій день быть исправнѣе (**).

Разбойникъ былъ на крестѣ, и одна молитва оправдала его; Іуда былъ нѣсколько лѣтъ Апостоломъ и, въ одну ночь потерявъ всѣ труды, отъ неба низшелъ до ада. Да не возносятся слабые смиреные своими добродѣтелями: ибо всѣ надѣющіеся на самихъ себя погибали.

Быть скупымъ, говоритъ преподобный Исаія (***), есть не вѣровать, что Богъ о насъ печется.

«Прежде между людьми, поучая молодыхъ иноковъ, сказалъ преподобный Ѳеодоръ (****), занятіе души было единственнымъ занятіемъ, а занятіе рукъ было — только дополненіемъ къ занятію; а нынѣ занятіе души обратилось въ дополненіе къ занятію, дополненіе же къ занятію сдѣлалось занятіемъ.»—«А что значитъ занятіе души, которое нынѣ почитаемъ только прибавленіемъ, спросили иноки, и что есть прибавленіе, которое употребляемъ

(*) Авва Нистерій, другъ Антонія Великаго.

(**) Онъ же.

(***) См. о немъ въ житіи преподобнаго Памвы, Іюля въ 18 день.

(****) Ученикъ Пахоміевъ, котораго память Мая въ 16 день.

вмѣсто занятія?»—«Я называю занятіемъ души то, что̀ дѣлается по заповѣди Господней, отвѣчалъ Ѳеодоръ; а трудиться и собирать для себя самого есть прибавленіе.»—Иноки потребовали объясненія, и Авва Ѳеодоръ продолжалъ: «Напримѣръ, я слышу, что извѣстный мнѣ человѣкъ боленъ, и поставляя за долгъ навѣстить его, говорю самъ съ собою: оставить ли мнѣ дѣло свое и пойти къ нему? нѣтъ; прежде исправлюсь дома; еще успѣю сходить. Встрѣтилось другое упражненіе, и я — опять нейду. Потомъ другой братъ говоритъ мнѣ: сдѣлай милость, помоги мнѣ; а я отвѣчаю: недосугъ! Такимъ образомъ, если не пойду къ больному и не помогу брату, то оставляю заповѣдь Божію, то есть, занятіе души, и выполню прибавленіе, то есть, занятіе рукъ.»

Нынѣ большая часть людей пріемлютъ успокоеніе прежде, нежели имъ Господь дастъ опое (*).

Если военачальникъ хочетъ взять осажденный городъ, прежде всего старается не допускать туда жизненныхъ припасовъ: и враги, погибая отъ глада, принуждены бываютъ сдаться. Поставь себя на мѣстѣ военачальника; плотскія страсти—твои непріятели. Живи же воздержно: и враги, *воюющіе на душу*, ослабѣютъ и падутъ (**).

Всякую заповѣдь Отеческую (слѣдственно и всякое повелѣніе вообще начальства) должно исполнять, по Апостольскому ученію, *безъ гнѣва и размышлтнія* (***): ибо какая польза послушнику, имѣющему въ рукахъ дѣло, а въ устахъ роптаніе? какая польза приказаніе исполнять, а языкомъ или умомъ прекословить? и будетъ ли такой человѣкъ когда либо истиннымъ членомъ братіи (слѣдственно и всякаго государственнаго сословія)? Нѣтъ;

(*) Его же.

(**) Іоанна Колова, который былъ наставникомъ Арсенія Великаго.

(***) 1 Тим. II. 8.

кто съ послушаніемъ носитъ въ нѣдрахъ своихъ и змію роптанія, тотъ самый лѣнивый, самый злой человѣкъ— только въ личинѣ трудолюбія и добродѣтели (*).

Нѣчто о святыхъ Тайнахъ.

Въ житіи преподобной Ѳеоктисты (**), между прочимъ, упоминается, что нѣкоторый благоговѣйный простолюдинъ, приставъ на кораблѣ къ пустынному острову, гдѣ подвизалась она въ молитвахъ и постничествѣ, имѣлъ отъ нея порученіе привезть въ чистомъ ковчежцѣ часть Пречистыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ—что на другое лѣто, отправляясь туда же для звѣроловства, онъ съ величайшимъ усердіемъ исполнилъ, и святая Ѳеоктиста причастилась Тѣла и Крови Христовой.

Здѣсь нѣкоторые изъ правовѣрныхъ удивятся, какъ Божественныя Тайны, которыя могутъ носить и подавать требующимъ одни Священники, были вручены звѣролову? Но таковъ былъ обычай первенствующей Церкви: лжицъ тогда не было; части Тѣла Христова приступающіе къ Тайной Вечери принимали въ руки, а святую Кровь вкушали изъ чаши. Отправляющіеся въ путь часто брали съ собою *Святая Святымъ*, приготовленныя такъ, какъ нынѣ приготовляютъ у насъ *запасные Дары*, и достойно испытавъ совѣсть свою, въ случаѣ нужды пріобращались. Въ 79 главѣ Лимонара повѣствуется, что благочестивый рабъ нѣкотораго еретичествующаго купца, взявъ Святое Причащеніе, хранилъ въ ковчежцѣ; но когда узналъ о томъ господинъ его и хотѣлъ сожечь оное: Тѣло Христово, подъ видомъ хлѣба хранимое, мгновенно

(*) Смотри въ житіи святаго Іоанна Дамаскина.

(**) Ея память Ноября въ 9 день.

произрастило классы. Сей обрядъ *Причащенія* продолжался до святаго Іоанна Златоуста и уничтоженъ имъ по слѣдующей причинѣ: одна женщина, принявъ въ церкви часть пречистаго Тѣла Христова, унесла домой, и по какому-то прямо демонскому суевѣрію, смѣсила съ чародѣйственными, по ея мнѣнію, травами. Святитель, узнавъ о томъ, заповѣдалъ всѣмъ церквамъ, чтобы Тѣло Христово подавали лжицею въ уста вмѣстѣ съ Божественною Кровію. Съ того времени сей обрядъ *Тайныя Вечери* въ Грекороссійской Церкви продолжается неизмѣнно.

Іоаннъ Милостивый (*).

Святый Іоаннъ, нареченный Милостивымъ, будучи пятнадцати лѣтъ отъ рожденія своего, видѣлъ слѣдующій сонъ. Дѣвица лѣпообразная, богато одѣянная и на главѣ имѣющая вѣнецъ масличный, предстала одру его и, взявъ за руку, разбудила. Видя ее, уже на яву, удивленный Іоаннъ спросилъ: кто она и какъ осмѣлилась войти къ спящему юношѣ?»—«Я старшая дщерь Царя великаго, и любезнѣйшая между его дщерями»—съ веселымъ взоромъ и тихою улыбкою отвѣчала дѣвица. Услышавъ сіе, Іоаннъ поклонился ей, а она продолжала: «если будешь моимъ другомъ, я исходатайствую тебѣ у Царя милость и представлю къ его престолу; ибо никто предъ нимъ столько дерзновенія не имѣетъ, какъ я: для меня онъ съ неба сошелъ на землю и облекся въ плоть человѣческую.»—Сказавъ сіе, дѣвица стала невидима.

Удивляясь столь чудному видѣнію и размышляя въ себѣ, Іоаннъ сказалъ: «воистину милосердіе, въ подобіи

(*) Память Святителя Господня Іоанна Милостиваго Ноября въ 12 день.

дѣвицы, явилось мнѣ; сіе свидѣтельствуетъ масличный на главѣ ея вѣнецъ; сіе свидѣтельствуютъ и слова ея, что она свела на землю Бога и заставила воплотиться... И такъ должно имѣть милосердіе къ ближнимъ; должно творить милостыню: иначе и у Бога не получить милости.»—Такимъ образомъ разсуждая, святый Іоаннъ возсталъ, и на разсвѣтѣ дня пошелъ въ церковь... Увидѣвъ на дорогѣ нищаго нагого, отъ мраза трясущагося, Іоаннъ немедленно снялъ верхнюю одежду и ему отдалъ, въ юношескомъ умѣ разсуждая: «теперь узнаю, Божественное ли видѣніе или мечту воображенія видѣлъ я въ прошедшую ночь.»—Но прежде, нежели дошелъ до церкви, встрѣтилъ его незнакомецъ, въ бѣлыя ризы одѣянный и, подавая ему узелъ, сказалъ: «другъ мой, возьми для твоихъ нуждъ сіи сто златницъ.»—Іоаннъ принялъ съ радостію, но вдругъ раскаявшись, что взялъ, не будучи нищимъ, хотѣлъ возвратить ихъ, но никого предъ собою не увидѣлъ, и сколько ни искалъ столь нечаяннаго благодѣтеля, найти не могъ. Тогда позналъ, что его видѣніе—было откровеніе неба, и сказалъ самъ себѣ: «престань же, душе моя, искушать Господа Бога твоего.»

Съ того времени, святый Іоаннъ сдѣлался такъ милостивъ къ ближнимъ, что не могъ безъ огорченія вкуситъ пищи, если прежде не успѣлъ сдѣлать кому либо благодѣянія. Когда же поставленъ былъ Патріархомъ Александрійскія Церкви, призвавъ къ себѣ церковныхъ экономовъ, поручилъ имъ пройти весь городъ и переписать поименно, какъ говорилъ онъ, *Господъ его*; и когда спросили, кто таковы господа его, отвѣчалъ: «Тѣ самые, которыхъ вы называете убогими и нищими, суть господа мои: потому что они суть настоящіе хозяева того, что небесный Господь даровалъ мнѣ и надъ чѣмъ уполномочилъ меня; а я только стражъ.»—Воля его немедленно была

исполнена, и людей по сердцу Іоаннову найдено седмь тысячъ пятьсотъ человѣкъ, которымъ въ пропитаніе установилъ онъ дневный оброкъ изъ имѣній церковныхъ.

Но поелику служители—какъ водится и у насъ—не обо всѣхъ приходящихъ докладывали, то Іоаннъ поставилъ для себя закономъ, каждую среду и пятницу, съ утра до вечера, сидѣть съ кѣмъ нибудь изъ добродѣтельныхъ и умныхъ мужей при дверяхъ церковныхъ, чтобы всѣ, имѣющіе до него дѣло, невозбранно могли приходить къ нему. Тутъ Святитель Христовъ всѣхъ выслушивалъ, помогалъ въ нуждахъ, укрощалъ распри и свары, судомъ взаимной совѣсти рѣшалъ тяжбы, научалъ обязанностямъ званія приводимыхъ къ нему не такъ важныхъ нарушителей общественнаго порядка, примирялъ супруговъ, братьевъ и дѣтей, и раздавалъ неимущимъ деньги, одежды и прочее. Когда же нѣкто изъ знаменитыхъ гражданъ изъявилъ предъ нимъ свое удивленіе, какъ можно имѣть столько терпѣнія; то Іоаннъ отвѣчалъ ему: «я имѣю всегда доступъ къ Господу моему Іисусу Христу, въ молитвахъ бесѣдую съ Нимъ и прошу у Него все, что хощу; какъ же могу не дать ближнему моему невозбраннаго ко мнѣ прихода? Какъ не позволю объявлять мнѣ ихъ обиды и нужды, и просить у меня, чего восхощутъ? Должно бояться приговора Господня: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ* (*).»—Однажды (въ бытность у него Софронія премудраго, бывшаго потомъ Патріархомъ Іерусалимскимъ) случилось, что къ Іоанну, такимъ образомъ весь день на церковномъ крыльцѣ препроводившему, никто не пришелъ, никто не объявилъ своей нужды: тогда онъ, прискорбенъ и обливши́сь слезами, пошелъ до-

(*) Матѳ. VII. 3.

мой... «Нынѣ смиренный Іоаннъ не сдѣлалъ для души своей пріобрѣтенія, сказалъ онъ; нынѣ Господу ни за одинъ грѣхъ свой не принесъ очистительной жертвы.»— Услышавъ сіе, святый Софроній отвѣчалъ ему: «днесь то, владыко тебѣ и радоваться должно; поелику дѣти твои всѣмъ довольны и живутъ мирно, какъ Ангели Господни.»—Симъ только мудрымъ замѣчаніемъ святый Іоаннъ могъ успокоиться.

Обязанность матери къ сыну и сына къ матери.

Святый Іоаннъ Златоустъ (*), еще въ отроческихъ лѣтахъ, намѣренъ былъ оставить домъ родительскій, и съ однимъ изъ друзей своихъ, по имени Василіемъ, провождать жизнь пустынную и уединенную. Какъ скоро, сѣтующая о вдовствѣ своемъ, Анопса *(имя его матери)* узнала сіе, взяла Іоанна за руку, увела въ спальню и, посадивъ подлѣ себя на томъ самомъ ложѣ, на которомъ его родила, облилась слезами. Іоаннъ сначала изумился и не зналъ, чему приписать сей поступокъ: но когда догадался, то и самъ не могъ удержаться отъ слезъ. — «Сынъ мой! тогда начала говорить рыдающая мать: Богъ не благоволилъ, чтобъ добродѣтели отца твоего долѣе составляли счастіе моей жизни. Смерть его, послѣдовавшая вскорѣ за болѣзнями, которыя претерпѣла я, раждая тебя—тебя сдѣлала сиротою, а меня вдовицею, весьма рано для нашего счастія. Я приняла на себя всѣ труды и горести вдовства, не понятныя для тѣхъ, которые не извѣдали оныхъ. Не можно выразить возмущенія молодой женщины, которая едва вышла изъ дома родительскаго, не имѣла времени узнать всѣхъ обязательствъ хозяйства, и

(*) Память его Ноября въ 13 день.

однако жъ, погрузясь въ тоску, должна приняться за новыя попеченія, по слабости возраста и пола столько для нея тягостныя. Необходимо, чтобъ она сама дополняла то, что опустятъ нерадивые слуги, и предохраняла себя отъ ихъ злости; чтобъ защищалась отъ родственниковъ, которые иногда имѣютъ злыя намѣренія о наслѣдствѣ; чтобъ постоянно терпѣла обиды отъ тѣхъ, которые по чему нибудь не любили ея супруга; однако жъ всѣ сіи злоключенія не принудили меня выдти за другаго мужа. Я пребыла тверда среди сихъ бурь и напастей и, уповая особливо на милость Божію, вознамѣрилась претерпѣть всѣ невыгоды вдовства.»

«Въ сихъ бѣдствіяхъ единственнымъ для меня утѣшеніемъ было то, чтобы смотрѣть на тебя непрестанно, и въ твоемъ лицѣ видѣть живое изображеніе усопшаго моего супруга. Сіе утѣшеніе началось съ твоего младенчества, когда языкъ твой еще не могъ выговаривать даже моего имени... И я въ сердцѣ своемъ увѣрена, что не подала тебѣ причины обвинять меня въ утратѣ наслѣдія родительскаго: а это несчастіе часто случается съ дѣтьми, состоящими подъ опекою. Я сохранила для тебя въ цѣлости сіе наслѣдіе, хотя между тѣмъ не пощадила ничего,что нужно было для твоего воспитанія; я дѣлала расходъ изъ моего добра, которое получила въ приданое отъ моихъ родителей. Но, любезный сынъ, я говорю о томъ не для того, чтобъ укорить тебя тѣмъ, чѣмъ одолжила тебя—за все прошу у тебя только одной милости: не дѣлай меня вторично вдовою; не растравляй раны, которая заживать начала; дождись, по крайней мѣрѣ, моей смерти: этотъ день, можетъ быть, недалекъ... Когда похоронишь меня во гробѣ отца твоего и прахъ мой соединишь съ его прахомъ; тогда иди съ Богомъ, куда хочешь: никто тебѣ не попрепятствуетъ. Но пока дышу,

не отлучайся отъ меня; не поскучь моимъ присутствіемъ, не привлеки на себя гнѣва Божія, причиняя столь чувствительную болѣзнь матери, которая не заслужила оной. Если я когда нибудь помыслю о томъ, чтобъ вовлечь тебя въ суетныя попеченія, или покушусь хотя нѣсколько удалить отъ Бога: тогда, не смотри ни на законы естества, ни на труды, которые употребила я для твоего воспитанія, ни на почтеніе, которымъ ты, какъ сынъ, обязанъ матери—тогда бѣги отъ меня, какъ отъ непріятельницы твоего спокойствія, какъ отъ врага, который разставляетъ тебѣ опасныя сѣти. Но если я дѣлаю все, что зависитъ отъ меня, дабы доставить тебѣ совершенный покой, то, по крайней мѣрѣ, сіе должно удержать тебя, когда безполезны будутъ всѣ другія убѣжденія. Сколь ни много у тебя друзей, но, повѣрь мнѣ, любезный сынъ, что ни одинъ не допуститъ тебя жить столь свободно, какъ я. Да и нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы имѣлъ столько усердія къ истинному счастію твоей жизни.»—Святый Іоаннъ не могъ противиться столь чувствительнымъ убѣжденіямъ.:. Какъ ни побуждалъ его Василій, удалиться отъ свѣта; однако жъ нѣжный сынъ никогда не хотѣлъ оставить столь чадолюбивую и благоразумную родительницу.

Отцы и матери! научитесь изъ сего примѣра вашимъ обязанностямъ въ разсужденіи дѣтей: каждое слово Іоанновой матери заключаетъ въ себѣ прекраснѣйшій урокъ. А вы, любезныя дѣти, почитайте за первый долгъ утѣшать старость вашихъ родителей: вашими желаніями жертвуйте ихъ желаніямъ, вашими удовольствіями — ихъ удовольствіямъ, вашимъ покоемъ—ихъ покою.

Ужасное вѣроломство, Богомъ наказанное, или чудо святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива (*).

Нѣкогда на Греческую Державу учинили нападеніе варвары, обитавшіе близъ предѣловъ Персидскихъ, которыхъ древніе историки называютъ Еѳалитами. Греческое Правительство отправило для отраженія ихъ войско, котораго одна часть осталась для защищенія Едеса, гдѣ почивали мощи святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива. Въ семъ отрядѣ находился воинскій чиновникъ, родомъ Готѳъ, на то время вступившій въ Греческую службу, и — ему случилось жить въ домѣ добродѣтельной вдовы, именемъ Софіи, которая имѣла у себя единородную дщерь—Евѳимію, прекрасну, благонравну и богобоязненну. Варваръ, съ перваго взгляда возымѣлъ преступныя мысли противу юной дѣвицы и началъ употреблять разныя средства, чтобы поколебать ея сердце; но какъ благовоспитанная Евѳимія не хотѣла слушать его ласкательствъ, то варваръ принялъ другія мѣры: къ случаю выхвалялъ знаменитость своего рода; говорилъ, какъ любятъ его родители, и какая радость, по окончаніи брани, ожидаетъ его въ объятіяхъ семейства; мимоходомъ давалъ знать, что отецъ и мать непрестанно предлагали ему знатныхъ невѣстъ, но сердце его доселѣ оставалось нечувствительно къ пріятностямъ супружеской жизни; и наконецъ всѣ сіи ухищренія довершилъ тѣмъ, что началъ просить руки Евѳиміиной. Нѣжная мать, устрашась од-

(*) Святые мученики Гурій и Самонъ пострадали при Діоклитіанѣ, въ лѣто 282, а святый Авивъ при Лицинѣ, въ лѣто 312 по Р. Х. Чудотворныя ихъ мощи покоются въ Едесѣ въ одномъ храмѣ. Память ихъ Ноября въ 15 день.

ной мысли, что дочь будетъ тосковать на чужой сторонѣ и, можетъ быть, вѣчно съ нею не увидится, сдѣлала ему рѣшительный отказъ. Но упрямый чиновникъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія: то подсылалъ къ Софіи своихъ товарищей, которые выхваляли его родъ, заслуги и хорошее поведеніе; то вызывался поддерживать ея состояніе (поелику Софія была человѣкъ небогатый); то притѣснялъ ее чрезъ тѣхъ, которымъ отъ правительства поручено взыскивать градскія повинности—впрочемъ, не подавая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія; то говорилъ, что Едесъ имѣетъ столько пріятностей и столько выгодъ для жизни, что онъ, можетъ быть, тутъ останется навсегда, и наконецъ довелъ Софію до того, что она согласилась выдать за него Евѳимію, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ, прежде бракосочетанія далъ ей клятву предъ мощами святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива: не женатъ ли онъ и будетъ ли жить съ Евѳиміей такъ, какъ повелѣваетъ законъ Божій?.. Наглый чужестранецъ согласился на все, немедленно пошелъ въ церковь и, небоязненно объемля гробницы святыхъ страстотерпцевъ, воззвалъ съ умиленіемъ: «отъ васъ, рабы и друзья Господни, пріемлю дѣвицу сію; васъ осмѣливаюсь избрать поручителями ея матери и свидѣтелями, что я, прежде Евѳиміи ни съ кѣмъ супружескихъ обязательствъ не имѣлъ, и буду наблюдать заповѣдь моего Спасителя: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и себя предаде за ню* (*). Не оскорблю ее никогда, но буду почитать ее, какъ госпожу дома, какъ мою помощницу и подругу... Въ противномъ случаѣ, взыщите отъ меня каждый вздохъ ея и слезу. Могла ли богобоязненная Софія не повѣрить клятвамъ будущаго

*) Къ Ефес. V. 25.

зятя?.. «Вамъ по Богѣ, о святые страстотерпцы! вручаю дщерь мою и чрезъ ваши руки отдаю сему страннику»— воскликнула она и отдала Евѳимію въ супружество Готѳу.

Новобрачные жили мирно, и Евѳимія, повидимому, была счастлива... Между тѣмъ непріятели, будучи храбро всегда отражаемы, оставили осаду Едеса и, послѣ нѣсколькихъ пораженій, удалились въ свои степи. Войска получили приказаніе возвратиться въ Царьградъ, и — зять Софіи началъ собираться къ отъѣзду. Тогда-то почувствовала она всю горесть одиночества! Неутѣшно рыдая надъ своею дщерію, она покушалась—даже расторгнуть союзъ брачный: но *яже Богъ сопряже, человѣкъ да не разлучаетъ*. Евѳимія равномѣрно оплакивала свою разлуку съ нѣжною родительницею; но любовь супружеская и зачатый въ утробѣ ея плодъ возлагали на нее священнѣйшую обязаность вездѣ сопутствовать своему супругу. Такимъ образомъ Софія должна была разлучиться съ Евѳиміею.

Супруги до Царяграда путешествовали благополучно. Тамъ Готѳъ получилъ отъ Императора новыя отличія, новыя награды и предложеніе, не хочетъ ли остаться навсегда въ Греческой службѣ; но сколько Евѳимія ни просила его, чтобъ не разлучалъ ее, по крайней мѣрѣ, съ отечествомъ, Готѳъ остался непреклоненъ и отправился на свою сторону. На дорогѣ, безъ всякой причины, далъ увольненіе своему служителю и, къ удивленію Евѳиміи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не появлялся въ его отечествѣ. Но непонятные поступки варвара объяснились вскорѣ... Въ одно время сдѣлался онъ необыкновенно задумчивъ и къ Евѳиміи свирѣпъ; и когда она съ робостію начала спрашивать его о причинѣ столь внезапной перемѣны,

злодѣй схватилъ саблю и звѣрски закричалъ: «мы скоро будемъ дома, а я женатъ, и такъ послушай: если хочешь быть жива, то страшись, предъ кѣмъ бы то ни было, называться моею супругою; но отнынѣ носи имя моей плѣнницы и будь рабою моей жены. Если же дерзнешь вымолвить хотя одно слово о нашихъ обязанностяхъ, въ ту же минуту сей мечъ омоется въ крови твоей.»—Какъ громомъ пораженная, Евѳимія упала безъ чувствъ, и варваръ равнодушно оставилъ ее умирать... Но, къ несчастію своему, Евѳимія опомнилась; она поверглась къ ногамъ его, но злодѣй оттолкнулъ ее и повторивъ тѣ же угрозы, приказалъ не напоминать ему болѣе, что она когда нибудь была его супругою... Обманутой, поруганной Евѳиміи осталось только втайнѣ оплакивать свою горькую участь и положиться на единаго Бога, Покровителя всѣхъ скорбящихъ.—«Боже родителей моихъ! возводя очи и руки свои къ небу, съ глубокимъ воздыханіемъ и горкими слезами восклицала она, вонми гласу молитвы моея и воззри, сколь безчеловѣчно обманулъ меня и мою родительницу сей клятвопреступникъ! Господи, избави отъ толь ужаснаго бѣдствія молитвами святыхъ Твоихъ угодниковъ, за Тебя пострадавшихъ — а вы, святые страстотерпцы! помогите мнѣ, несчастной! На васъ возлагая надежду, я ввѣрилась незнакомцу; вы за меня будьте и ходатаями.»

Читатели! вы проклинаете звѣрскій поступокъ варвара и не можете понять, какъ можно человѣку до такой степени ожесточиться... Узнайте же, что сей Готѳъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ женатъ на гордой, своенравной женщинѣ, которая имѣла знатную родню, и составивъ его счастіе (если богатство можно назвать счастіемъ), поступала съ нимъ такъ, какъ хотѣла. Преступный мужъ не только боялся оскорбить родственниковъ своей су-

пруги, но захотѣлъ еще въ благовоспитанной и всякому рукодѣлію наученной Гречанкѣ сдѣлать ей пріятный подарокъ—жестокость, и въ варварской странѣ рѣдкая!

Непрестанно сѣтующая о своемъ злополучіи, Евѳимія наконецъ достигла дома вѣроломнаго супруга и принята какъ плѣнница и раба. Жестокая Готѳянка, смотря на ея красоту, хотя не могла вообразить всѣхъ обязательствъ между нею и своимъ мужемъ, но подозрѣвала связь между ними бывшую, и начала поступать съ нею поварварски: поручала ей работы тяжелыя и низкія, непрестанно ругала, часто употребляла побои... Бѣдная Евѳимія неоднократно намѣревалась открыть ей всю истину; но обнаженный нѣкогда предъ нею мечъ и незнаніе языка Готѳскаго всегда связывали языкъ ея. Къ бо̀льшему несчастію, она разрѣшилась отъ бремени. Варварка осыпала ругательствами своего мужа; но варваръ, который клятву почиталъ столь же мало, какъ и честь свою, свидѣтельствуясь Богомъ, что не знаетъ за собою никакого порока, далъ ей полную власть надъ жизнію и смертію матери и сына. Тогда злобная жена положила въ умѣ своемъ удовлетворить мщенію, и однажды, какъ Евѳимія занималась обыкновенною работою, невиннаго младенца отравила. Кто опишетъ ужасъ и жалость матери, когда она, подошедши къ колыбели, увидѣла сына своего—мертвымъ, особливо когда примѣтила, что на устахъ его пѣнится что-то подобное яду?

До сего времени Евѳимія была невинною жертвою обмана и клятвопреступленія. О, если бы она таковою осталась и съ полнымъ упованіемъ на промыслъ небесный ожидала лучшей участи! но человѣкъ вообще слабъ . . . Евѳимія, потерявъ терпѣніе, не захотѣла своимъ мучителямъ платить—однѣми слезами, и содѣлалась почти столь же виновною, сколько была несчастна. Въ отчаяніи,

забывъ самое себя, она обтерла сыновнія уста волною и, спрятавъ ее, рѣшилась увѣриться въ истинѣ своего подозрѣнія опытомъ надъ тою, которой приписывала смерть своего сына. Назавтра же открылся удобный случай: Евѳимія, прислуживая за столомъ, успѣла омочить напитанную ядомъ волну и выжать въ питіе, которое должно было подносить госпожѣ ея. Такимъ образомъ преступленіе наказано преступленіемъ, и—Готѳянка въ ту же ночь внезапно умерла.

Соболѣзнуя объ участи Евѳиміи, какъ обманутой дѣвицы, отвергнутой супруги, осиротѣвшей матери, благовоспитанной женщины, несноснымъ рабствомъ угнетенной, чувствительныя сердца желали бы простить ея поступокъ съ госпожею... Но у Бога нѣтъ лицепріятія; сколь бы велики ни были наши несчастія, не могутъ оправдать преступленія. Достойная жалости Евѳимія въ семъ случаѣ представляетъ намъ разительный примѣръ: ибо Господь наказалъ ее кратковременно, но ужасно, и если не до конца прогнѣвался, то потому только, что ходатаями ея были—сердечное раскаяніе и святые мученики Гурій, Самонъ и Авивъ. Но обратимся къ повѣсти.

Услышавъ о смерти госпожи, Евѳимія поражена была смертнымъ ужасомъ, безпрестанно обливалась слезами, и въ наказаніе просила себѣ у Бога смерти. Между тѣмъ прошло семь дней послѣ погребенія Готѳянки, и—надъ Евѳиміей началъ совершаться судъ Божій... Сродники и друзья умершей, собравшись вмѣстѣ, начали расуждать о ея внезапной кончинѣ, и обратили мысли свои на Евѳимію; всѣ утверждали, что она умертвила госпожу свою, и несчастную обрекли на смерть: по варварскому закону, который давалъ господамъ полное право надъ жизнію рабовъ, они приговорили ее погребсти живую въ

одномъ гробѣ съ умершею. Звѣроподобный супругъ первый возложилъ на нее руки. Злодѣи въ глухую полночь открыли склепъ, бросили туда бѣдную жертву и, привалив камень къ дверямъ гроба, поставили стражу. Отъ ужаса обмираетъ сердце, воображая Евѳимію въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ, подлѣ мертвеца, посреди червей, которые начинали точить седмидневный трупъ! Полумертвая Евѳимія, повергшись на землю, не могла произнести ни слова; у нея не доставало гласа даже для стона и рыданія. Она могла только устремить мысли свои къ Богу и привести на память святыхъ мученниковъ Гурія, Самона и Авива, и—совершенно лишилась всѣхъ чувствъ.

Но нѣтъ столь мрачной и губокой бездны, гдѣ бы уповающему на Бога не было спасенія.—Вдругъ Евѳимія видитъ предъ собою страстотерпцевъ, поручителей ея жизни и здравія: *радуйся дщи, и познай, гдѣ еси нынѣ!* вѣщаютъ они: *приспѣло твое спасеніе; иди съ миромъ къ матери твоей.* Послѣ сего Угодники Господни стали невидимы, а Евѳимія, какъ будто пробуждаясь отъ сна, слышитъ церковное пѣніе: съ изумленіемъ видитъ стѣны храма, ей извѣстнаго; познаетъ знакомыя лица молящихся, и увѣряется, что она въ Едесѣ, въ храмѣ и подлѣ гробницы святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива. Отъ неизреченной радости она воспрянула и, обнявъ святую гробницу, воскликнула: *Богъ нашъ на небеси и на земли вся, елика восхоте, сотвори: посла съ небесе, и спасе мя; благословенъ еси Господи, спасаяй уповающихъ на тя* (*). *Вечера водворился плачь и заутра радость* (**). Всѣ, въ церкви находящіеся, внезапно увидѣвъ подлѣ мученической гробницы женщину и услыша вопль ея, съ удивленіемъ обступили Евѳимію. Священникъ спросилъ, кто она? но

(*) Псал. 113. 11. (**) Псал. 29. 6.

едва начала она разсказывать ужасную и чудную о себѣ повѣсть, всѣ узнали ее, послали за Софіею и, не объявляя зачѣмъ, приказали немедлено придти въ церковь. Коль чувствительная встрѣча! Обрадованная Евѳимія повергласъ въ объятія матери. Изумленная Софія остановилась, внезапно увидѣвъ дочь свою въ рабскія рубища одѣяну. Обнявшись, обѣ онѣ рыдали и не могли промолвить ни единаго слова. Потомъ Евѳимія разсказала всѣ злодѣянія варвара, всѣ злосчастія, съ нею случившіяся и внезапную помощь святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива. Сердце нѣжной матери растаяло отъ жалости, и всѣ слушающіе, удивляясь, прославляли всемогущую Божію силу и помощь... Припадши къ гробницѣ святыхъ мучениковъ, Софія и Евѳимія пребыли тутъ въ молитвахъ до самаго вечера. Вся Греція узнала о славномъ чудеси, и всѣ восхвалили имя Господне.

Но Богъ не оставилъ безъ наказанія и клятвопреступнаго Готѳа. — Чрезъ нѣсколько времени, Греческому воинству опять случилось итти чрезъ Едесъ, и варваръ, привыкши къ грабежамъ, неразлучнымъ съ войною, находился тутъ же. Не сомнѣваясь, что Евѳимія погибла лютою смертію, онъ безъ всякаго стыда посѣтилъ свою тещу. Софія, увидѣвъ его, скрыла Евѳимію, приняла съ притворною ласковостію и начала спрашивать, здорова ли дочь ея?—«Молитвами твоими живетъ благополучно, отвѣчалъ варваръ, родила сына и чрезъ меня цѣлуетъ тебя... Если бъ я, будучи дома, зналъ, что достанется быть въ Едесѣ, то бы непремѣнно взялъ ее съ собою: но походъ назначенъ былъ въ другую сторону, и уже на дорогѣ получили приказаніе итти къ Едесу.» Софія будто повѣрила словамъ его, пригласила родственниковъ и пріятелей и вывела предъ него Евфимію. — «Злодѣй! сказала она, знаешь ли эту отроковицу? знаешь ли, кто

она? знаешь ли гдѣ заключилъ и какой смерти предалъ ее?»—Затрепеталъ преступный Готѳъ и сдѣлался безгласенъ, какъ мертвый; а раздраженные Едесяне схватили его, заключили въ темную комнату, и обо всемъ возвѣстили блаженному Епископу Евлогію. Не нужно было новыми доказательствами удостовѣряться въ его злодѣяніяхъ: чудо святыхъ страстотерпцевъ было въ свѣжей у всѣхъ памяти; да и варваръ признался немедленно. Преосвященный Евлогій о всемъ донесъ Воеводѣ, начальствовавшему надъ Греческимъ войскомъ. Немедленно наряженъ былъ судъ; и Готѳъ, какъ нарушитель обязанностей супружескихъ, губитель невинности, клятвопреступникъ и убійца, приговоренъ къ смерти. Сколько боголюбивый Епископъ и Софія, вмѣстѣ съ дочерью, единственно изъ Христіянскаго милосердія, ни просили военачальника, чтобы пощадилъ жизнь его: но тщетно... «Боюсь прогнѣвать святыхъ страстотерпцевъ, если помилую толь ужаснаго злодѣя»—сказалъ Воевода и клятвопреступнику приказалъ отрубить голову.

Наказанное кощунство.

Однажды, когда Святитель Христовъ, Григорій Неокесарійскій (*), возвращался изъ Команы, гдѣ былъ для избранія и посвященія Епископа (**), трое жидовъ захотѣли ему насмѣяться, и гдѣ должно было про-

(*) Святый Григорій, Епископъ Неокесарійскій, жилъ въ III вѣкѣ по Р. Х. Сколько былъ онъ ревностенъ въ проповѣданіи слова Господня, явствуетъ изъ того, что онъ, сдѣлавшись Епископомъ, въ паствѣ своей засталъ Христіянъ—только семнадцать человѣкъ, а умирая, оставилъ идолопоклонниковъ только семнадцать человѣкъ. Память его Ноября въ 17 день.

(**) Тогда избранъ былъ и посвященъ въ Епископа святый Александръ, котораго память празднуется Августа въ 12 день.

ѣзжать человѣку Божію, на пути положили одного изъ своихъ товарищей, якобы теперь только умершаго, а сами, сидя надъ нимъ, горевали... Едва святый Григорій повстрѣчался съ ними, невѣры начали молить его, да покажетъ милость надъ усопшимъ, да покроетъ тѣло его и дастъ что нибудь на погребеніе.—Благодѣтельный Архіерей снялъ съ себя верхнюю одежду и, прибавивъ нѣсколько денегъ, отдалъ требующимъ и поѣхалъ далѣе. Евреи начали смѣяться надъ чудотворцемъ Божіимъ. — «Если бы имѣлъ въ себѣ Духа Господня, сказали они, то бы зналъ, что лежитъ предъ нимъ живой человѣкъ.»— Потомъ кликнули своего товарища; но онъ не всталъ. Думая, что ихъ сопутникъ уснулъ, начали толкать его; но онъ не отвѣчалъ, ибо успулъ вѣчнымъ сномъ. Такъ Господь отмстилъ имъ поруганіе надъ святымъ человѣкомъ, и смѣхъ ихъ обратилъ въ плачъ! Кощуны, не думая о томъ за минуту, должны были приготовляться къ погребенію мертвеца своего.

Христіянскій сцевола (*)

Святый мученикъ Валаамъ (**), за исповѣданіе имени Христова, уже въ глубокой старости преданъ былъ суду и претерпѣлъ много мученій... Наконецъ нечестивые, принуждая его къ идолопоклонству, привели въ капище Аполлона, и повелѣвъ простерть руку надъ пылающимъ жертвенникомъ, положили на оную горящіе угли съ ливаномъ и смирною, въ томъ намѣреніи, что силою

(*) Сей Римлянинъ, будучи захваченъ въ непріятельскомъ станѣ и представленъ къ Царю Порсенѣ, протянулъ руку свою надъ пылающимъ жертвенникомъ, и такимъ образомъ стоя, съ нимъ разговаривалъ.

(**) Святый мученикъ Варлаамъ, урожденецъ Антіохіи Сирійской, жилъ въ царствованіе Діоклитіана. Память его Ноября въ 10 день.

огня преодолѣнная рука принуждена будетъ отрясти сію жертву на алтарь злобожія; и если бы сіе сдѣлалъ, хотѣли предъ нимъ восплескать руками и съ хохотомъ сказать: «уже принесъ жертву богамъ нашимъ!» Но злочестивые не могли восторжествовать надъ твердостію мученика — старецъ, держа въ рукѣ своей горящій огнь, явился тверже металла и, не тронувшись съ мѣста, не испустивъ ни единаго вздоха, стоялъ, доколѣ отгорѣли персты его и съ углями упали на жертвенникъ. Онъ произносилъ только тихимъ гласомъ: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе и персты моя на брань* (*). Такъ мужественъ и непобѣдимъ показался крѣпкій страдалецъ и воинъ Христовъ Варлаамъ! имѣя десницу свою вмѣсто алтаря Господня, какъ говоритъ святый Василій Великій (**), онъ принесъ себя въ жертву всесожженія Господу и въ руцѣ Его предалъ святую душу свою.

Жизнь по правиламъ.

Великій въ постникахъ, Авва Діоскоръ (***) имѣлъ обыкновеніе каждый годъ предполагать для себя какой нибудь трудный подвигъ, усовершающій инока, напримѣръ, онъ давалъ обѣтъ Богу: «я весь годъ не покажусь въ общежитіи, чтобъ безпрепятственно заниматься Богомысліемъ; я налагаю чрезъ цѣлый годъ молчаніе на уста мои; я весь годъ не буду вкушать плодовъ и елея, и тому

(*) Псал. 143. 1.

(**) Въ словѣ его о святомъ мученикѣ Варлаамѣ.

(***) Имени преподобнаго Діоскора въ Грекороссійскихъ святцахъ не обрѣтается: но сколько есть сокровенныхъ избранниковъ Божіихъ, которыхъ даже имена неизвѣстны! Если бы всѣхъ можно было сочесть, то число ихъ равнялось бы числу звѣздъ небесныхъ.

подобное»—и никогда не нарушалъ своего обѣта. Такимъ образомъ Праведникъ поступалъ въ продолженіе всей жизни, и совершивъ одинъ подвигъ, начиналъ другой.

Христіяне! жизнь преподобнаго Діоскора, безъ сомнѣнія, была украшена множествомъ великихъ добродѣтелей: ибо онъ избралъ лучшій способъ содѣлаться совершеннымъ подвижникомъ Христовымъ.—Мы, напротивъ того, если дѣлаемъ добро, то, по большей части, по случаю, когда дунетъ благопріятный вѣтръ... Можетъ ли быть оно прочно? Что жъ касается до удовлетворенія своимъ страстямъ, мы не только за годъ, но иногда и за десять лѣтъ предполагаемъ насытить ихъ.

Слезы святыхъ.

Однажды преподобный Діоскоръ, сидя въ келліи, плакалъ. Увидѣвъ сіе, ученикъ старцевъ спросилъ у него: «почто плачешь, Авва?» — «Оплакиваю грѣхи мои,» отвѣчалъ Діоскоръ —«Ты не знаешь за собою никакихъ грѣховъ,» возразилъ ученикъ.—«Ахъ! сынъ мой, сказалъ старецъ, если бы я, къ несчастію, дошелъ до того, чтобы могъ видѣть грѣхи мои, то бы не довольно было трехъ или четырехъ для меня помощниковъ, чтобъ достойно оплакать оные!»

Коль справедливы слова преподобнаго старца! Грѣхи наши подобны зміямъ, которые рѣдко показываются на распутіи, но всегда почти сокрываются подъ мягкою травою, подъ душистыми цвѣтами... Тѣмъ болѣе должно имѣть осторожности страннику жизни сея!

Сраданія святаго Михаила, Великаго князя Тверскаго (*).

Святый Михаилъ, великій Князь Тверской, по злобнымъ проискамъ Георгія Даниловича, Князя Московскаго, домогавшагося получить Великокняжескій престолъ, вызванъ былъ Ханомъ Узбекомъ въ Орду и отданъ подъ судъ за то, будто бы не хочетъ повиноваться татарской власти и, собирая съ подданныхъ дань для Хана, намѣренъ бѣжать съ нею въ Нѣмецкія земли; а что важнѣе всего, будто бы отравилъ сестру Ханскую, бывшую супругу Георгіеву, которая взята была въ плѣнъ и тамъ скончалась. Клевету Георгія наипаче подкрѣплялъ нѣкто Кавгадый, вельможа Татарскій, котораго побуждало къ тому мщеніе (**).

Сколько великій князь ни старался доказать свою невинность и безпрекословное повиновеніе побѣдителямъ; но властолюбіе и мстительность взяли верхъ, и—татарскіе вельможи не только не хотѣли внимать силѣ убѣжденій, но едва удостоивъ выслушать оныя, наконецъ объявили, что преступный Князь заслужилъ смерть... Здѣсь правосудіе Хана достойно примѣчанія: не довольствуясь первымъ судомъ, онъ повелѣлъ своимъ вельможамъ вторично разсмотрѣть поступки Россійскаго Князя; но Кавгадый, поджигаемый злобою и Георгіемъ, будто бы храня честь прежняго суда и славу Государя, уговорилъ Узбека, чтобъ Михаилъ предсталъ — уже въ

(*) Память его Ноября въ 22 день.

(**) Сей Татаринъ, находясь въ войскѣ Георгія, имѣвшаго тогда войну съ Михаиломъ, взятъ былъ въ плѣнъ, также какъ и супруга Георгіева. Хотя Князь немедленно освободилъ его, даже одарилъ щедро, однако не утолилъ тѣмъ мстительности Кавгадыевой, будто бы за причиненное ему безчестіе.

оковахъ, какъ виновный (*). Несчастны тѣ Государи, которые не могутъ или не хотятъ проникнуть въ умыслы злобныхъ людей и погубляютъ невинность!

Измѣна, въ лицѣ Кавгадыя оскорбленіе верховной Ордынской власти, смерть сестры Ханской, по мнѣнію Татаръ и Георгія, не требовали подтвержденія. Хотя невинный клялся Богомъ и своею совѣстію, что измѣна и злоумышленіе на жизнь Княгини никогда и на умъ не приходили ему, а оскорбленіе Кавгадыя было неумышленное, одинъ случай войны, который немедленно былъ поправленъ; но чѣмъ болѣе справедливость обнаруживается предъ тѣми, которые опровергаютъ ее, тѣмъ болѣе приходятъ они въ озлобленіе. Вельможи татарскіе, приведенные въ стыдъ силою оправданій, рѣшительно сказали, что Князь по всѣмъ законамъ достоинъ смерти; Кавгадый доложилъ о томъ Хану. — Властолюбивый Георгій возрадовался адскою радостію.

На другой день послѣ сего, Ханъ со всею ордою пошелъ на звѣриную ловлю къ рѣкѣ Тереку (*); и — сей знаменитый невольникъ; имѣя оковы на рукахъ и ногахъ и цѣпь на шеѣ, долженъ былъ итти за Ханомъ. Двадцать пять дней находился онъ въ семъ мучительномъ путешествіи; послѣ чего надменный и грубый Кавгадый представилъ его на позоръ народа, иностранцевъ и данниковъ и, обругавъ поноснѣйшимъ образомъ, по обычаю татарскому приказалъ предъ смертію облегчить его участь: ему позволено было видѣться съ сыномъ, который тутъ же находился, съ Духовникомъ и съ вѣрными служи-

(*) У Татаръ, въ такомъ случаѣ, подсудимыхъ связывали веревкою.

(*) Походы Хановъ Татарскихъ на звѣриную охоту были движеніе всей Орды; за нимъ слѣдовалъ не только дворъ и судилища, но также иностранные купцы. Такъ нынѣ Китайскіе Императоры иногда выѣзжаютъ на охоту въ степи Великой Татаріи.

телями. Все сіе время Порфирородный мученикъ употребилъ на пріуготовленіе себя къ смерти: читалъ Божественныя книги, непрестанно молился, еженедѣльно пріобщался святыхъ Таинъ и съ Духовнымъ отцемъ разсуждалъ о вѣчности.

Между тѣмъ Узбекъ съ ордою находился близъ Дербента, у такъ называемой *Темировой богатырской могилы*—здѣсь должна была рѣшиться участь Михаила. Въ одинъ день, когда великій Князь преподавалъ сыну своему наставленія въ Христіянскихъ и царственныхъ добродѣтеляхъ, вдругъ вбѣгаетъ въ его комнату молодой служитель, котораго блѣдность и трепетъ довольно и безъ словъ показывали, какую вѣсть принесъ онъ... Немедленно явились убійцы, разогнали всѣхъ служителей, насильно вывели рыдающаго Константина (имя сына Михаила) и, по варварскому обыкновенію, мученія прилагая къ смерти, начали бить его; потомъ, взявши за цѣпь, которая была у него на шеѣ, повѣсили на стѣну, но стѣна, не сдержавъ тягости, обрушилась; великій страдалецъ упалъ, но еще сохраняя нѣсколько силы, вскочилъ на ноги... Варвары, вторично ударивъ его о землю, начали тиранить—что продолжалось дотолѣ, какъ нѣкто, именемъ Романецъ, чаятельно слуга Георгіевъ, ножемъ пронзилъ его въ бокъ и, обращая оный, прекратилъ мученіе и жизнь святаго Михаила. Тогда убійцы, разграбивъ его имѣніе, пошли на торжище, гдѣ Кавгадый и Георгій, сидя на коняхъ, ожидали, увы! толь пріятнаго для нихъ извѣстія.

Лютѣйшій кровожаднаго тигра, родственникъ ѣдетъ съ Кавгадыемъ и равнодушно смотритъ на тѣло убіеннаго Князя, поверженное на землю, нагое, обліянное кровію, между тѣмъ какъ сіе зрѣлище и въ самомъ суровомъ сердцѣ Татарина произвело нѣкоторую чувстви-

тельность... Видно, преступленіе цареубійства потрясло его душу!.. Объятый ужасомъ, съ яростію воззрѣлъ онъ на Георгія и закричалъ: «какъ можешь ты съ такимъ хладнокровіемъ смотрѣть на обнаженное тѣло твоего брата? или еще не насытился его кровію?» Преступникъ затрепеталъ; изъ толь суроваго вопроса онъ довольно почувствовалъ, чего должно ожидать ему отъ злобнаго Татарина, и не отвѣтствуя, велѣлъ покрыть трупъ мученика; потомъ, показывая притворную печаль, испросилъ его у Татаръ, чтобы отвезти для погребенія въ Россію.

Такъ пострадалъ и скончался великій Князь Михаилъ. Христіяне! оплачьте смертоносныя слѣдствія властолюбія и берегитесь, чтобъ сей идолъ даже издали не дохнулъ на сердца ваши: это неисцѣльная зараза! Сколько исторія ни представляетъ примѣровъ онаго, вездѣ слѣды его облиты кровію ближнихъ.

Внезапное покаяніе разбойника (*).

Преподобный Паѳнутій, какъ совершенный постникъ, никогда почти не пилъ вина. Но если Апостолъ Христовъ *всѣмъ вся бысть, да большія пріобрящетъ*, то святый Паѳнутій, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ случаѣ поступилъ такъ же. Въ нѣкоторомъ путешествіи встрѣтился онъ съ шайкою разбойниковъ, которые пили вино. Разбойническій Атаманъ зналъ преподобнаго Паѳнутія и зналъ его постничество, но, захотѣвъ надъ нимъ посмѣяться, поднесъ чашу вина и, потрясая мечемъ, сказалъ ему: «пей или умри!» Святый старецъ не боясь смерти, но желая пріобрѣсть Господу овча погибшее, повиновался и выпилъ. Тогда разбойникъ поклонился

(*) См. въ Прологъ Ноября въ 25 день.

ему.—«Прости меня, рабъ Божій! сказалъ онъ: я жестоко оскорбилъ тебя!»—«Уповая на Господа, отвѣчалъ Паѳнутій, что Онъ за сію чашу покажетъ надъ тобою свое милосердіе въ семъ и будущемъ вѣкѣ...» «А я, воскликнулъ тогда начальникъ грабителей, клянусь Господомъ, что отъ сего времени никому не сдѣлаю зла» — и сдержалъ свое обѣщаніе. Такимъ образомъ святый старецъ, оставивъ для Господа свой произволъ, обратилъ на путь спасенія всю шайку разбойниковъ.

Предметъ истиннаго просвѣщенія (*).

Варвары, живущіе въ Дамаскѣ, исходя часто моремъ и землею въ окрестныя страны, плѣняли Христіянъ и торговали ими, какъ обыкновеннымъ товаромъ. Однажды случилось имъ захватить черноризца, родомъ изъ Италіи, именемъ Козму. Когда, по обыкновенію, вывели его на продажу, инокъ горько плакалъ. На тотъ разъ шелъ мимо торжища нѣкоторый Христіянинъ, человѣкъ благочестивый, богатый и благородный, который, по своему характеру и знаменитости имѣя большое вліяніе на умы своихъ согражданъ, былъ уважаемъ и отъ варварскаго правительства. Увидѣвъ черноризца, проливающаго слезы, онъ подошелъ и, желая утѣшить его въ скорби, сказалъ: «почто, человѣкъ Божій, плачешь о потерѣ міра сего, для котораго ты, какъ видно по одѣянію, давно умеръ?»—«Ахъ! я плачу не о мірѣ, отвѣчалъ старецъ: ибо знаю, что есть другой, лучшій міръ, безсмертный и вѣчный, уготованный рабамъ Христовымъ, и надѣюсь благодатію Господнею достигнуть онаго; но рыдаю о томъ, что безчаденъ отхожу отъ міра сего, не оставивъ

(*) Изъ жизни святаго Іоанна Дамаскина, котораго память Декабря въ 4 день.

по себѣ наслѣдника.»—«Но ты, если не обманываюсь, инокъ, обрекшійся предъ Богомъ хранить чистоту, а не дѣтей раждать, возразилъ Христіяпинъ: какъ же можно сѣтовать о безчадіи?»—Государь мой! сказалъ Козма, не разумѣешь, о чемъ говорю: я плачу не о плотскомъ наслѣдникѣ, но о духовномъ; я хотя и убогой инокъ, какъ видишь, но старался научиться всему, что по сіе время могъ изобрѣсть умъ человѣческій. Краснорѣчіе и Поэзія, Любомудріе и Богословіе, равно и прочія науки были всегдашними предметами моего занятія; учась всему, я имѣлъ единственною цѣлію познаніе моего Создателя. Къ несчастію моему, имѣя толикіе дары, я никому не былъ полезенъ; чему самъ научился, никого тому не научилъ и—ахъ! уже не могу научить: ибо приспѣло время тяжкаго рабства между варварми, всякое просвѣщеніе ненавидящими. И такъ—я долженъ явиться предъ Господомъ моимъ какъ древо неплодное, какъ рабъ, скрывшій талантъ господина своего... О семъ плачу, о семъ рыдаю! Родители по плоти скорбятъ, когда не рождаютъ чадъ: не долженъ ли и я скорбѣть, что не родилъ духовнаго сына и наслѣдника дарованій Господнихъ?»

Выслушавъ сіе, Дамаскій гражданинъ перекрестился и сказалъ: «Слава тебѣ, Господи, что я обрѣлъ желаемое сокровище!.. Не скорби, добродѣтельный старецъ, обратясь къ иноку, продолжалъ онъ: Господь поможетъ исполнить желаніе твоего сердца.» — Послѣ сего пошелъ прямо къ правителю Дамаска, испросилъ свободу преподобному Козмѣ и, приведя его въ домъ свой, представилъ ему двухъ отроковъ—«Вотъ два воспитанника, сказалъ онъ, которымъ можешь даровать духовную жизнь и оставить по себѣ наслѣдниками премудрости: одинъ—родной мнѣ сынъ, Іоаннъ, а другой—усыновленный мною сирота и тебѣ соименитый, Козма. И такъ умолю тебя,

святый старецъ, научи ихъ твоей премудрости и благимъ нравамъ, сдѣлай ихъ твоими сынами и оставь ихъ по себѣ наслѣдниками некрадомаго богатства духовнаго.»— Блаженный инокъ обрадовался несказано и, прославивъ Бога, началъ заниматься ихъ просвѣщеніемъ.

Сін-то два отрока были Іоаннъ, послѣ нареченный *Дамаскинымъ*, и Козма *Святоградецъ*, бывшій послѣ Епископомъ Маіумскимъ (*). Оба имѣли высокія дарованія, были остроумны и успѣхами своими приносили великую радость сердцу преподобнаго Козмы. Іоаннъ; какъ орелъ, по воздуху парящій, постигалъ высочайшія таинства Богословія; а духовный братъ его, Козма, хотя имѣлъ разумъ медленнѣе Іоаннова, но обдумывалъ предметы всегда совершенно. Оба были добродѣтельны, кротки и совершенны въ мудрости, какъ духовной, такъ и свѣтской—наипаче Іоаннъ оказалъ столь великіе успѣхи, что самъ учитель смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: былъ великій пѣснопѣвецъ и великій Богословъ; а что наипаче украшало его — не гордился своею мудростію. Какъ благоплодное древо, чѣмъ болѣе приноситъ плодовъ, тѣмъ ниже къ землѣ вѣтвями своими приклоняется; такъ любомудрый Іоаннъ; чѣмъ болѣе возрасталъ въ премудрости, тѣмъ менѣе думалъ о себѣ и укрощалъ мысли, юнымъ умамъ толико свойственныя.

Наконецъ преподобный Козма сказалъ отцу Іоаннову: «общее желаніе наше исполнилось: твои дѣти по плоти, а мои по духу изучились всему, и уже превосходятъ меня самого премудростію: ибо Господь чудеснымъ образомъ умножилъ ихъ дарованія; теперь не требуютъ они отъ меня уроковъ, будучи способнѣе меня сами наставлять другихъ. И такъ умоляю тебя — отпусти меня

(*) Его память Октября въ 12 день.

въ монастырь, да тамъ буду ученикомъ самъ, и научусь отъ совершенныхъ иноковъ высшей премудрости; ибо мірская *Философія* предпосылаетъ каждаго человѣка, совершенно ею просвѣщеннаго, къ *Философіи* духовной, которая чище и безцѣннѣе оной, и спасаетъ душу.» — Долго родитель Іоанновъ не отпускалъ и уговаривалъ старца, чтобы не лишалъ дому его славы, имѣть столь великаго наставника; но, опасаясь оскорбить его, исполнилъ желаніе. Тогда истинно просвѣщенный мужъ, великій учитель ушелъ въ обитель святаго Саввы, тамъ пребылъ до блаженной кончины и прешелъ къ совершенной премудрости—Богу.

Поведеніе святаго Амвросія, Епископа медіоланскаго въ сомнительное время тиранства Евгеніева.

Святитель Христовъ Амвросій Медіоланскій (*), узнавъ, что тиранъ Евгеній (**), избранный и подкрѣпляемый Аргобастомъ, почти самодержавнымъ, по убіеніи Валентиніана втораго военачальникомъ силъ Галльскихъ и Флавіаномъ, знаменитѣйшимъ изъ Римскихъ Сенаторовъ, идетъ поспѣшно въ Медіоланъ, не хотѣлъ ожидать его, не отъ страха, который должно было имѣть къ его мо-

(*) Его память празднуется Декабря въ 7 день.

(**) Сей Евгеній былъ Софистъ изъ простаго рода. Обучая съ нѣкоторою славою краснорѣчію, наконецъ оставилъ училище и принялъ секретарскую должность у Рикомера, Предводителя войскъ Грацiановыхъ, который, отъѣзжая въ Царь-градъ, поручилъ его, какъ разумнаго и искуснаго человѣка, Аргобасту. Сей послѣдній, по умерщвленіи Валентиніана, обратилъ взоръ свой на Евгенія и возламѣрился дать ему имя и титло Императора съ тѣмъ, чтобы всю власть соблюсти для себя. Флавіанъ согласился на сіе, именемъ язычниковъ; поелику зналъ, что Евгеній, хотя былъ Христіанинъ, однако оказывалъ великую склонность къ идоламъ.

гуществу, но изъ омерзѣнія къ его богопротивнымъ дѣламъ, имѣющимъ цѣлію утвердиться па обагренномъ порфирородною кровію престолѣ и возстановить язычество. Онъ отбылъ въ Бопонію, чтобъ присутствовать при пренесеніи мощей святаго мученика Агриколы, потомъ отправился въ Гетрурію, чтобы удовольствовать усердіе жителей Флорентійскихъ, которые желали слушать его проповѣди и пользоваться его ученіемъ. Евгеній, съ своей стороны, не сомнѣвался, чтобъ Епископъ не возымѣлъ дерзновенія противиться его нечестію или, по крайней мѣрѣ обличать оное: почему, какъ скоро сдѣлался обладателемъ Государства, писалъ къ нему весьма учтивыя письма, стараясь снискать его дружбу. Святитель не далъ ему яснаго отвѣта, чтобы учтивостями не подтвердить его престолохищничества; однако писалъ къ нему въ пользу всѣхъ несчастныхъ, которые воспріяли къ нему прибѣжище. Симъ поступкомъ мудрый Амвросій показалъ, что онъ не умѣетъ и не хочетъ ласкательствовать противу своего сана и совѣсти; однако, единственно изъ любви къ ближнимъ, не отрицается просить тѣхъ, которымъ провидѣніе Божіе поручило, хотя на время, высочайшую власть надъ другими.

Но какъ скоро получилъ онъ извѣстіе, что Евгеній прибылъ въ Медіоланъ, написалъ къ нему письмо, ревности и благочестія исполненное, въ которомъ, не воспоминая о его избраніи на престолъ и о другихъ государственныхъ дѣлахъ, и все сіе предоставляя изслѣдованію и суду Ѳеодосія Великаго, говорилъ, между прочимъ:— «Я имѣю обыкновеніе взирать только на единаго Іисуса Христа и его благодать чтить выше всякой человѣческой милости: и потому не должно на меня гнѣваться, если не буду вамъ ласкательствовать. Я слышу, что вы дозволили язычникамъ торжественно приносить жертвы

идоламъ. Хотя власть ваша велика, но знайте, что гораздо болѣе васъ Богъ, который видитъ глубину вашего сердца и проницаетъ въ сокровеннѣйшіе изгибы нашей совѣсти. Вы не можете терпѣть, когда васъ обманываютъ, а хочете обмануть Бога, подъ видомъ благопристойности человѣческой скрывая поруганіе, которое Ему наносите. Оказывайте язычникамъ всѣ другія милости; я не завидую ихъ счастію; я не порицатель вашей щедрости, но—я истолкователь вашей вѣры... Увѣряю васъ, что будете отвѣтствовать за всѣ святотатства, которыя подъ вашимъ именемъ воспослѣдуютъ.» Наконецъ увѣряя, что имѣетъ къ нему почтеніе, принадлежащее особамъ его достоинства, святый Амвросій присовокупилъ: «но, Государь! какъ справедливо то, чтобъ другіе почитали васъ, такъ неоспоримо и то, чтобъ вы почитали Бога, котораго должны признать виновникомъ вашего владычества.»

Евгеній не только не былъ тронутъ симъ увѣщаніемъ, но, ярясь за отлучку изъ Медіолана и дерзновеніе святаго Амвросія, совершенно отвергъ Христіянскую вѣру. Выходя съ воинствомъ изъ города, онъ грозилъ, одержавъ побѣду надъ Ѳеодосіемъ, истребить все Духовенство, а изъ церквей Христіянскихъ сдѣлать казармы и стойла для побѣдоносной конницы. Но Богъ отмщеній уже наклонялъ надъ главою преступника чашу своего гнѣва...

Битва благочестиваго царя съ нечестивымъ тираномъ.

Три мятежника, тиранъ Евгеній, военачальникъ Аргобать и Сенаторъ Флавіанъ, выступивъ съ воинствомъ противу Ѳеодосія Великаго, имѣли разныя намѣренія. Евгеній искалъ покоя и думалъ, что можетъ царствовать въ мирѣ,

если пріобрѣтетъ побѣду. Аргобастъ желалъ только имѣть случай къ прославленію своей храбрости въ сраженіяхъ и къ пріобрѣтенію большей силы. Флавіанъ хотѣлъ возставить идолослуленіе и чрезъ то получить славу начальника стороны языческой; но они всѣ согласны были въ томъ, чтобъ побѣдить Ѳеодосія и истребить Христіянскую вѣру.

Такимъ образомъ Аргобастъ, которому поручено было распоряжаться движеніемъ воинства, сталъ на великой равнинѣ, вдоль по рѣкѣ Фригиду, которая проистекаетъ изъ горъ Альпійскихъ. Флавіану должно было охранять тѣсные въ сихъ горахъ походы, называемые Юліанскими. Евгенію ничего болѣе не осталось, какъ одно попеченіе, ободрять войска своими краснорѣчіемъ.

Между тѣмъ Ѳеодосій пришелъ къ Альпійскимъ горамъ и, осмотрѣвъ непріятельскій станъ, устремился на Флавіана въ то самое время, какъ онъ, не ожидая столь быстраго нападенія, приносилъ жертвы, возвѣщалъ божескіе отвѣты и давалъ приказы, носить предъ войскомъ между знаменами истуканы Иракла и Зевеса, громомъ поражающаго. Немедленно Ѳеодосій овладѣлъ всѣми окопами и крѣпостцами, которыя Аргобастъ почиталъ не только непобѣдимыми, но и неприступными. Флавіанъ, который далъ клятву истребить сопротивныя силы, видя себя побѣжденнымъ, захотѣлъ лучше умереть въ сраженіи, нежели остаться въ живыхъ для своего безславія, что ложно обнадеживалъ помощію идоловъ, и для своего несчастія, если попадетъ въ руки непріятелей. — И такъ одинъ мятежникъ понесъ казнь, достонуйю своихъ предпріятій.

Побѣдоносный Ѳеодосій, ободряя своимъ присутствіемъ воинство, предъ которымъ несли великое знамя съ изображеніемъ Креста, перешелъ Альпійскія горы. Но тамъ

на обширной равнинѣ, отдѣленной съ одной стороны рѣкою Фригидомъ, а съ другой горами наподобіе стѣнъ окруженной, ждалъ его Аргобастъ, между тѣмъ какъ Евгеній съ Римскими полками стоялъ на горахъ для подкрѣпленія. Ѳеодосій, не теряя времени, началъ сходить на равнину и далъ знакъ къ наступленію. Битва была жестокая; обѣ стороны долго спорили о побѣдѣ; наконецъ поредовое войско Ѳеодосіево, которое состояло изъ Готѳовъ, претерпѣло совершенное пораженіе. Императоръ, видя гибель свою неизбѣжною, если бы Евгеній напалъ на него съ Римскими полками, прибѣгнулъ къ Богу и, простирая руки свои къ небу, проливалъ теплое моленіе: «Тебѣ извѣстно, Боже мой! что я не изъ властолюбія, но для славы Сына твоего Іисуса Христа предпріялъ войну сію. Если мои намѣренія не столь чистосердечны, какъ думалъ я, то пусть погибну. Если же тебѣ пріятна справедливость моего дѣла и упованіе, которое на тебя возлагаю, пошли мнѣ пренебесную помощь, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ Христіянскій?» Едва Ѳеодосій выговорилъ сіе, сраженіе возобновилось. Обѣ стороны употребляли всѣ силы пріобрѣсть побѣду: одни, гордясь первымъ своимъ счастіемъ, другіе ободряемы присутствіемъ благочестиваго и неустрашимаго Императора, то нападали, то сопротивлялись, не страшась смерти, не уступая ни съ той, ни съ другой стороны. Наконецъ ночь прекратила сраженіе, и всякъ принужденъ былъ возвратиться къ своему стану.

Но поелику Ѳеодосій потерялъ множество войска и лучшихъ чиновниковъ, то нѣкоторые изъ военачальниковъ совѣтовали ему уступить времени и стараться о безопасномъ отступленіи.—«Лучше, говорили они запереться въ крѣпкихъ мѣстахъ, чтобы въ продолженіе зимы собрать новое войско и выступить въ походъ въ началѣ слѣ-

дующей весны.»—Но Ѳеодосій, смотря на нихъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, отвѣчалъ: «Боже сохрани, чтобъ изображенный на моихъ знаменахъ Крестъ Іисусъ-Христовъ бѣжалъ предъ истуканами Иракла и Завеса, которыхъ носятъ между непріятельскими знаменами!»—Сіи слова, произненныя съ надеждою на Бога, одушевили военачальниковъ и воинство такимъ мужествомъ, какого желалъ Ѳеодосій. Онъ роздалъ на слѣдующій день нужныя приказанія и пошелъ въ церковь, бывшую близь стана, чтобы остатокъ ночи проводить въ молитвахъ.

Тамъ, утомленный колѣнопреклоненіемъ и воздыханіями, Ѳеодосій предъ утромъ заснулъ и—въ сновидѣніи узрѣлъ двухъ витязей, на бѣлыхъ коняхъ ѣдущихъ, которые, ободряя его къ сраженію и обѣщая успѣхъ въ битвѣ, сказали, что они Іоаннъ Богословъ и Филиппъ, Апостолы Іисусъ-Христовы, посланные отъ Бога шествовать предъ его знаменами и показать воинамъ его путь къ побѣдѣ... Чувствительное доказательство покровительства Божія! Ѳеодосій, пробудившись, едва началъ разсказывать чиновникамъ свое сновидѣніе, какъ представили къ нему одного изъ воиновъ, который въ ту же ночь видѣлъ чудесный сонъ... Но какъ удивился Ѳеодосій, когда узналъ, что сей сонъ былъ точно такой же, какъ и его! Онъ палъ на колѣна, воздая благодареніе Богу; потомъ окружающимъ его военачальникамъ сказалъ: «мы не можемъ болѣе сомнѣваться о благополучномъ успѣхѣ войны, когда небо возстало въ помощь нашу. Сразимся подъ толь силнымъ покровительствомъ и будемъ взирать на своихъ ходатаевъ, не считая своихъ непріятелей.»

Какъ скоро сіе происшествіе разгласилось по всему войску, всѣ почувствовали чрезвычайное ободреніе; и поелику нѣтъ сильнѣе той надежды, которая основана на вѣрѣ, то воины ничего столько не желали, какъ сраже-

нія. Имъ казалось, что всѣ небесныя Силы ополчились къ ихъ защищенію. Ѳеодосій всеобщее упованіе на Бога употребилъ себѣ въ пользу и велѣлъ сходить немедленно на равнину.

Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Ѳеодосій пошелъ прямо на непріятеля. Аргобастъ, не зная, откуда происходила надежда сихъ побѣжденныхъ людей, устремилася на нихъ съ яростію. Евгеній сверху холма, гдѣ была его ставка, говорилъ рѣчь къ воинамъ, называя Ѳеодосія отчаяннымъ и увѣряя, что онъ пришелъ болѣе умереть, нежели сражаться. Безумецъ! онъ далъ уже приказаніе взять его въ плѣнъ и привести въ оковахъ.

Опять сраженіе продолжалось долго. Примѣръ Государя и чаяніе помощи отъ небесъ возбуждали однихъ; гнѣвъ и ненависть воспламеняли другихъ. Обѣ стороны оказывали равное мужество, и не видно было отличнаго успѣха... Но вдругъ Ѳеодосій увидѣлъ множество непріятельской конницы, которая сзади наступала прямо на его войско. Онъ остановился и, воскликнувъ: «гдѣ есть Богъ Ѳеодосіевъ?» началъ приготовляться къ оборонѣ съ небольшимъ числомъ людей, которые за нимъ слѣдовали. Но посрамитъ ли Господь твердо на него уповающихъ? Графъ Арбетіонъ, готовый своею конницею подавить Ѳеодосія, сверхъ всякаго чаянія, преклонилъ предъ нимъ свое оружіе и объявилъ, что за нимъ слѣдуетъ и ему повинуется.

Ѳеодосій, видя, что небесный Помощникъ спасаетъ его видимымъ образомъ, обратился на лѣвое крыло и своимъ присутствіемъ ободрилъ оное... Но при всемъ его стараніи въ семъ кровопролитномъ и упорномъ сраженіи, гдѣ храбрость съ обѣихъ сторонъ была столь велика, а число столь неравное, войско Ѳеодосіево чувствительно ослабѣвало,

какъ вдругъ—небо возстало въ помощь его чрезъ чудо, которое признали и самые язычники.

На верху Альпійскихъ горъ возсталъ сильный свѣро-восточный вѣтръ, и вдругъ повѣявъ на конныя Евгеніевы полчища, привелъ ихъ въ крайній безпорядокъ. Щиты ихъ какъ будто вырываемы были у нихъ изъ рукъ; стрѣлы, которыя они пущали, или теряли силу свою въ воздухѣ, или падали на нихъ же. Напротивъ того, стрѣлы, пущаемыя Ѳеодосіевымъ воинствомъ, гонимы будучи сильнымъ вихромъ, дѣлали въ персяхъ ихъ глубокія и смертельныя язвы. Облака пыли, бурею поднятыя, шли воинамъ въ лице и лишали ихъ зрѣнія и дыханія. Непріятели пребывали какъ будто неподвижны и связаны невидимымъ могуществомъ, не въ силахъ будучи ни нападать, ни защищаться, подвержены всѣмъ ударамъ отъ стороны сопротивной. Войско Ѳеодосіево, видя помощь небесъ, нападало тѣмъ сильнѣе. Аргобастъ, безполезно сопротивляясь небу и землѣ, не видѣлъ болѣе для себя спасенія, кромѣ бѣгства. Главные полководцы Западныхъ легіоновъ просили помилованія у побѣдителя, которому самъ Богъ подвергнулъ ихъ.

Ѳеодосій тотчасъ повелѣлъ остановить кровопролитіе. Объявилъ всѣмъ непріятельскимъ чиновникамъ милость и приказалъ, въ доказательство ихъ вѣрности, привесть Евгенія. Главнѣйшіе изъ нихъ пошли немедленно исполнить волю побѣдителя, и нашли его на нѣкоторомъ холмѣ. Надѣясь на первые успѣхи сраженія (поелику за бурею и пылью не могъ видѣть своей погибели), Евгеній едва увидѣлъ бѣгущихъ къ нему съ отрядомъ войска чиновниковъ, самъ бросился къ нимъ на встрѣчу и громко спрашивалъ: «исполненъ ли его приказъ? и ведутъ ли къ нему Ѳеодосія?» Весь отвѣтъ состоялъ въ томъ, что его взяли, сорвали порфиру и повлекли къ ногамъ побѣдителя.

Ѳеодосій, посмотрѣвъ на него съ презрѣніемъ и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, укорялъ его за убійство Валентиніана, за похищеніе государства, за неустройства междоусобной брани, а особливо за честь, оказанную кумирамъ. Сей злосчастный, безъ всякаго оправданія, просилъ подлымъ образомъ о пощадѣ жизни. Ѳеодосій, разсуждая о непостоянстѣ человѣческой славы, о внезапномъ изъ ничего возвышеніи и внезапномъ паденіи тирановъ и о справедливости суда Божія, хотѣлъ увѣнчать свою побѣду Христіанскимъ великодушіемъ, простивъ плѣнника; но едва отлучился онъ, воины исхитили изъ рукъ милосердія и, безъ вѣдома Ѳеодосіева, отрубили ему голову. Несчастный Аргобастъ, блуждая по горамъ два дни, оставленный Богомъ и людьми, и не надѣясь избѣжать отъ рукъ тѣхъ, которые за нимъ были посланы, совершилъ самъ надъ собою казнь, вонзивъ въ грудь свою два меча, одинъ послѣ другаго.

Императоръ, будучи успокоенъ смертію трехъ преступниковъ, Евгенія, Аргобаста и Флавіана, простилъ всѣхъ, которые ихъ стороны держались. Онъ никогда не ругался побѣжденнымъ и часто сожалѣлъ о нихъ; какъ скоро оканчивалъ войну, забывалъ непріятелей и оказывалъ милость тѣмъ, которые принимали противъ него оружіе.

На другой день послѣ сей побѣды, Ѳеодосій услышалъ, что Евгеніевы и Флавіановы дѣти ушли въ церковь въ Аквилеѣ, и немедленно послалъ одного изъ полковниковъ съ повелѣніемъ спасти ихъ жизнь. Милосердый Государь приказалъ воспитывать ихъ въ Христіянской вѣрѣ, оставилъ имъ имѣніе и чины и поступалъ съ ними такъ, какъ будто были они ему родственники... Такъ кончилась сія война, которую по истинѣ можно назвать священною: поелику предпринята была сколько для истребленія ти-

рана, столько для защищенія и утвержденія Христіянской Вѣры, идолопоклонствомъ изгоняемой, и поелику Ѳеодосій подалъ тогда вѣнценоснымъ главамъ разительный примѣръ благочестія, милосердія и совершеннаго упованія на Бога.

Между тѣмъ гонцы, посланные въ Царь-градъ съ извѣстіемъ объ успѣхѣ брани, туда прибыли; и какъ сія столь пріятная вѣдомость скоро разнеслась по всѣмъ областямъ государства, то повсюду отправлены были общенародныя молебствія и торжества. Нѣкоторые историки объявляютъ, что въ Царѣградѣ узнали о семъ прежде увѣдомленія Ѳеодосіева, чудеснымъ образомъ: въ то самое время, когда Ѳеодосій старался овладѣть проходами Альпійскихъ горъ, злый духъ, изгоняемый изъ церкви, которую сей Государь создалъ во имя Іоанна Крестителя, закричалъ жалостнымъ голосомъ: «должно ли мнѣ быть побѣжденнымъ и войску моему истребленнымъ!» Но пророчество святаго Аввы Іоанна было гораздо достойнѣе примѣчанія. Евагръ и его товарищи, посѣщая монастыри въ Ѳиваидѣ, прожили нѣсколько времени у сего чудотворнаго отшельника, и когда, удивляясь его святости, прощались съ нимъ, Іоаннъ, благословляя ихъ, сказалъ: «идите съ миромъ, любезныя мои чада, и вѣдайте, что въ сей день получено въ Александріи извѣстіе о побѣдѣ Царя Ѳеодосія надъ тираномъ Евгеніемъ. Но сей Государь не долго будетъ наслаждаться плодомъ ея. Богъ вскорѣ преселитъ его отъ сего свѣта (*).»—Истина сего

(*) Сей удивительный старецъ (котораго память Марта въ 27 день предсказалъ успѣхъ войны и смерть Ѳеодосіеву и прежде, когда сей Императоръ, собирался въ походъ, послалъ къ нему нарочнаго спросить о томъ, Ѳеодосій какъ Царь-Отецъ подданныхъ и Христіянинъ, принялъ оба сіи извѣстія, одно съ великою радостію, а другое съ великимъ постоянствомъ.

пророчества исполнилась въ то самое время, которое сей чудный старецъ назначилъ.

Встрѣча императора съ Архипастыремъ.

Святитель Христовъ, Амвросій Медіоланскій, сколько былъ строгъ противъ Ѳеодосія Великаго, когда онъ, по внушеніямъ хитрыхъ царедворцевъ, поступалъ противъ священнаго сана Царей и забывалъ кротость вѣры Евангельской, столько благоговѣлъ къ его добродѣтелямъ. Съ другой стороны и христолюбивый самодержецъ всѣ успѣхи и свою славу приписывалъ молитвамъ Архіерея Божія, а свои горести считалъ не иначе, какъ слѣдствіемъ преслушанія наставленіямъ его. Сколько герой порфироносный и герой Вѣры другъ друга уважали, явствуетъ изъ ихъ встрѣчи.

Ѳеодосій Великій, побѣдивъ тирана Евгенія, почелъ за первый долгъ увѣдомить о семъ святаго Амвросія. Великій архипастырь, получивъ письмо великаго Царя, принесъ именемъ его священную жертву, и его *писаніе* положилъ на жертвенникъ, представляя оный Богу, какъ залогъ вѣры Императорской, и послѣ того немедленно самъ отправился для посѣщенія его въ Аквилею.

Встрѣча двухъ великихъ особъ была исполнена радости и любви. Епископъ палъ къ ногамъ Государя, котораго благочестіе и явное покровительство Божіе сдѣлали достойнымъ почтенія болѣе, нежели всѣ его побѣды и лавровые вѣнцы, и молилъ Бога, дабы даровалъ ему блаженство на небеси, какъ даровалъ счастіе на земли. Императоръ, съ своей стороны, палъ къ стопамъ Епископа, приписывая его молитвамъ милость, полученную имъ отъ Бога, и прося молиться о его спасеніи. Потомъ начали они разговоръ о средствахъ, совершенно

уничтожить злобожное Аріанство и утвердить на незыблемомъ основаніи Православіе.

Истина, просто представляемая, въ устахъ праведника сильнѣе и убѣдительнѣе всякаго велемудрія и хитрословесности.

На первомъ Вселенскомъ Соборѣ, противу злочестиваго Арія, между святыми Отцами находился преподобный Спиридонъ Тримифійскій (*). Послѣдователи Арія, не надѣясь своимъ лжеумствованіемъ преодолѣть истину, утверждаемую толикимъ множествомъ богоносныхъ пастырей, подъ разными предлогами испросили у Константина Великаго позволеніе быть на Соборѣ и Еллинскимъ Философамъ, изъ которыхъ одинъ, искуснѣйшій въ словопреніи, съ гордостію и безстыдствомъ издѣвался надъ ученіемъ Правовѣрныхъ. Преподобный Спиридонъ, будучи простъ и неученъ и зная только, что Христосъ есть Сынъ Божій и распятъ за насъ грѣшныхъ, объявилъ себя противоборцемъ его. Хотя святые Отцы, стараясь низложить столь ловкаго врага общими силами, возбраняли святому Спиридону принимать на себя сіе трудное дѣло; но человѣкъ Божій, уповая на дары Духа Святаго, дерзновенно приступилъ къ Философу и съ простосердечіемъ сказалъ: «во имя Іисуса Христа послушай меня: Единъ есть Богъ, который сотворилъ небо и землю, создалъ изъ бренія человѣка, и все видимое и невидимое Словомъ и Духомъ своимъ устроилъ. Сіе Слово и есть Сынъ Божій и Богъ, о заблужденіи нашемъ милосердовавшій, отъ Дѣвы родившійся, за насъ пострадавшій,

(*) Сей великій Архипастырь, съ молодыхъ лѣтъ бывшій пастыремъ овецъ, жилъ въ царствованіе Константина Великаго и сына его Константія. Память его Декабря въ 12 день.

воскрешій въ третій день и насъ совоскресившій. Сей Богъ нѣкогда пріидетъ судить насъ и воздастъ каждому по достоянію. Онъ Отцу единоестественъ, сопрестоленъ, равночестенъ. Вотъ чему вѣруемъ мы безъ всякаго испытанія; и ты не дерзай испытывать: ибо таинства превышаютъ твой разумъ и всякую человѣческую мудрость.»— Послѣ сего, нѣсколько помолчавъ, спросилъ у него самымъ невиннымъ образомъ: «не такъ ли думаешь и ты, изъ всѣхъ мудрецовъ міра искуснѣйшій?» — Хитрословесный Еллинъ, какъ бы не зная совершенно философскихъ наукъ, не отвѣчалъ ни слова: какая-то божественная сила противъ него дѣйствовала... Наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ: «вѣрю и я, что уста твои вѣщаютъ истину.» «И такъ иди и пріими знаменіе святыя вѣры»— возразилъ преподобный Спиридонъ. Тогда Философъ, обратясь къ Аріанамъ и своимъ ученикамъ, сказалъ: «доколѣ препирались со мною словами, словамъ противуполагалъ я слова, и искуствомъ любомудрія опровергалъ предложенія; но когда вмѣсто словъ нѣкоторая сила изшла изъ устъ сего старца, я признаю слабость мою: ибо слова противу силы суть ничто, такъ какъ и человѣкъ противу Бога есть ничто же. Если кто изъ васъ думаетъ такъ же, какъ я, да вѣруетъ во Христа—и да вѣруетъ такъ, какъ учитъ сей мудрый старецъ, котораго устами глаголетъ самъ Богъ.»—Вскорѣ послѣ того Философъ принялъ Христіянскую Вѣру и крестился въ церкви Православныхъ. Сіе происшествіе весьма унизило гордость Аріанскую.

Безмолвное доказательство святыя троицы.

Преподобный Спиридонъ, на томъ же Соборѣ доказывая Аріанамъ единство Пресвятыя Троицы, взялъ въ

руку плинфу (кирпичъ) и стиснулъ. Мгновенно вышелъ изъ нея огнь къ небу, вода потекла внизъ, а бреніе осталось въ рукѣ Святителя... «Се три стихіи, а одна плинѳа, сказалъ тогда преподобный Спиридонъ: такъ и въ Пресвятой Троицѣ три лица, а единъ Богъ.»

Чудотворное превращеніе золота въ змію.

Въ архипастырство преподобнаго Спиридона Тримиѳійскаго, однажды на островѣ Кипрѣ свирѣпствовалъ чрезвычайный голодъ. Всѣ бѣдные люди стекались къ святому Епископу просить или хлѣба, или денегъ, или заступленія у богачей. Между прочими, въ одно время, пришелъ къ нему издавна знакомый земледѣлецъ и, прося что нибудь взаимъ для покупки жита, слезно жаловался на немилосердаго богача, который, повсюду забирая хлѣбъ въ свои руки, продаетъ только на золото и весьма великою цѣною. Святитель, утѣшивъ и обнадеживъ земледѣльца, отпустилъ домой, а на другой день пришелъ къ нему самъ, и принесъ большой слитокъ золота.—«Отнеси это къ корыстолюбивому житопродавцу въ залогъ и бери хлѣба, сколько тебѣ будетъ потребно, сказалъ онъ: а когда Господь дастъ обильную жатву, выкупишь оное.»— Земледѣлецъ удивился, гдѣ преподобный безсребренникъ взялъ столько золота, и поступивъ по его приказанію, не только былъ сытъ и доволенъ, но и другимъ помогалъ... Скупецъ сдѣлался для него такъ щедръ, что часто самъ напоминалъ, не надобно ли ему хлѣба?

Наконецъ голодное время миновало; благословенная жатва утѣшила сѣтующій народъ: и земледѣлецъ, къ неудовольствію ростовщика, выкупивъ залогъ, возвратилъ преподобному Спиридону. Чудотворецъ, принявъ золото, повелъ земледѣльца въ садъ и, положивъ оное у забора,

возвелъ очи свои на небо и сказалъ: «Господи, Боже мой! нѣкогда претворивый въ змія жезлъ Моисеевъ, претвори опять сіе сокровище въ то же пресмыкающееся животное, изъ котораго содѣлалъ его.»—Мгновенно слитокъ зашевелился и превратился въ змія, который, извиваясь, поползъ и сокрылся въ нору. Изумленный земледѣлецъ трепеталъ отъ ужаса и, повергшись къ стопамъ святаго старца, называлъ себя недостойнымъ толь чудеснаго благодѣянія... А преподобный Спиридонъ, поднимая его, сказалъ: «Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ; вотъ почему сіе злато не превратилось въ змія въ ту самую минуту, когда жестокосердый хлѣбопродавецъ, съ жадностію принявъ оное, положилъ въ пазуху. Но будь увѣренъ, что этотъ змій первый начнетъ грызть сердце каждаго безжалостнаго богача тамъ, гдѣ вѣчный вопль и скрежетъ зубовъ будетъ жребіемъ грѣшниковъ.

Если, по несчастію, и между нами есть такіе же корыстолюбцы и ростовщики, то пусть прочитаютъ сію повѣсть какъ можно внимательнѣе.

Явленіе царя славы (*).

Подъ державою Авраамія (**), благочестиваго Царя Омиритскаго, Іудеи, будучи принуждаемы принять Христіянскую вѣру, просили у него позволенія имѣть съ Христіянами преніе: который законъ справедливъ и божественъ—Ветхій или Новый? Авраамій воспылалъ гнѣвомъ, но, по совѣту святаго Григорія, Архіепископа Омиритскаго, согласился удовлетворить ихъ желанію...

(*) Изъ житія Св. Григорія, Архіепископа Омиритскаго, котораго память празднуется Декабря въ 19 день.

(**) Сей Государь возведенъ на престолъ по смерти злочестиваго Дунаана, убійцы Св. Ареѳы. См. II части, стран. 68

Въ слѣдствіе сего, были избраны съ православной стороны Архіерей Божій, а отъ Еврейскаго сонмища нѣкто Ерванъ, законоучитель искуснѣйшій и подкрѣпляемый множествомъ Раввиновъ.

Въ присутствіи Авраамія, духовенства, царскаго синклита и всего народа, на обширномъ полѣ продолжалось состязаніе ихъ нѣсколько дней.—Сколько Ерванъ ни хитръ былъ въ оборотахъ, сколь ни искусно употреблялъ въ свою пользу каждое мѣсто изъ Ветхаго Завѣта, но всегда былъ побѣждаемъ святымъ Архіепископомъ. Разсуждали о трехъ лицахъ Божества, о Приснодѣвѣ Маріи, о воплощеніи отъ Духа Святаго и о тридневномъ воскресеніи Іисуса, словомъ: о всѣхъ Таинствахъ и обрядахъ Христіянской вѣры; но Ерванъ каждый разъ оставался въ посрамленіи. Христіяне радовались; Іудеи унывали.

Уже наступилъ послѣдній день благочестиваго пренія. Ерванъ колебался и не находилъ словъ въ оправданіе упорства своихъ единовѣрцовъ. Но поелику должно было на что нибудь рѣшиться, то наконецъ воззвалъ онъ: «для чего столь долго утруждать себя разсужденіями и спорами? я имѣю надежнѣйшее средство кончить общее дѣло. Учитель Христіянскій! если хочешь, чтобы я и всѣ единовѣрцы мои безъ всякаго притворства вѣровали твоему Іисусу, то покажи его, какъ живаго; содѣлай, да увижу его и возглаголюю съ нимъ—тогда только можемъ признаться, что Христіяне побѣдили насъ...» Услышавъ сіе, Іудейское сонмище вострепетало; всѣ начали умолять Ервана, чтобы чѣмъ нибудь не прельстился, а святый Архіепископъ сказалъ ему: «о Ерванъ! свыше силъ человѣческихъ твое требованіе; но живъ Господь! для увѣренія вашего и для утвержденія Христіянъ, онъ силенъ и сіе сотворить: и такъ скажи рѣшительно, чего желаешь

отъ меня?..»—«Умоли Владыку твоего, да снидетъ сюда и явится предъ нами!» отвѣчалъ Ерванъ. —«Да явится чувственно, голосомъ боязни повторило сонмище Іудейское: тогда только пріимемъ крещеніе.»

Святый Архіепископъ зналъ, сколь важный предлежитъ ему подвигъ, но зналъ и то, что *аще имамы вѣру, какъ зерно горушно, речемъ горѣ сей: прейди отсюду тамо, прейдетъ; и ничтоже не возможно будетъ намъ* (*) Все упованіе свое возложивъ на Бога, онъ возсталъ съ престола своего и отъ собранія нѣсколько отступилъ. Царь и всѣ Христіяне удивлялись великому его дерзновенію къ Богу. Смиренно и богоумильно преклонивъ колѣна, долго молился Угодникъ Божій: въ слухъ народа, воспоминалъ всѣ таинства воплощенія Бога Слова, Его житіе, страсти, возстаніе отъ гроба и славное вознесеніе; наконецъ воскликнулъ: «явися, о Владыко! чувственно симъ окаменѣннымъ и ослѣпленнымъ злобою людямъ, явися ради славы имени твоего, да тѣлесными очами узрятъ животворное человѣчество, въ которое для насъ ты, сладчайшій Іисусе, облекся и съ которымъ на небо вознесеся, да узрѣвъ тебя, вѣруютъ въ Тебя, единаго истиннаго Бога.»—Едва святый Архіепископъ совершилъ молитву свою, вдругъ отъ востока возстала буря и покатился столь ужасный громъ, что вся земля восколебалась... Весь народъ отъ страха повергся на землю; но когда, одинъ послѣ другаго, какъ бы пробуждаясь, возстали и воззрѣли къ востоку: се отверзлось небо, и облако, пламень и лучи солнечные испускающее, нисходило на землю; а посреди его узрѣли мужа, краснѣйшаго паче сыновъ человѣческихъ:—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, лицемъ неизреченно сіяя, въ одеждахъ молніе-

(*) Матѳ. XVII. 20.

зрачныхъ, ступая по облакамъ, приближался долу, и сталъ на воздухѣ противъ Аріепископа. Небесная красота превлекала сердца и взоры какъ Христіянъ, такъ и Іудеевъ; но отъ страха славы Его и величества, какъ нѣкогда на Ѳаворѣ, всѣ опять поверглись ницъ, Царь и народъ. Іудеи, пораженные трепетомъ, устремились въ бѣгство, по колѣна ихъ подогнулись; божественное блистаніе опаляло ихъ, невидимая сила отнимала у нихъ движеніе... Тогда святый Архіепископъ, укрѣпившись и собравъ мысли свои, въ небесную славу вперенныя, громогласно воззвалъ къ Ервану: «виждь и вѣруй, яко *единъ Святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца, аминь!*» Ерванъ стоялъ, какъ мертвый и не могъ выговорить ни слова... Тогда отъ велелѣпныя славы Господней услышанъ былъ гласъ: *ради молитвъ Архипастыря, исцѣлитъ васъ Распятый отъ отцевъ вашихъ*—отъ чего Іудеи паче прежняго вострепетали и пали на землю; имѣли очи отверзты, но утратили зрѣніе.

Между тѣмъ предъ лицемъ Господнимъ опять возсталъ шумъ; блистающее облако, поднимаясь кверху, начало помалу свиваться; наконецъ Господь *бысть* невидимъ. Христіяне вслѣдъ Его долго вопіяли: *Господи помилуй!* Святый Архіепископъ, поникнувъ лицемъ на землю, возсылалъ къ Богу слезныя молитвы о людяхъ своихъ... А Іудей, рыдая о утратѣ очей, припадали къ ногамъ его, да по слову Христа Спасителя, подастъ имъ исцѣленіе; они поклялись, что отъ чистаго сердца пріемлютъ вѣру Евангельскую, и—въ тотъ же день, отъ Ервана до послѣдняго младенца, крестились водою и Духомъ. Еллины послѣдовали ихъ примѣру. Вся Омиритская страна просвѣтилась—о чемъ не только Царь и святый Архіепископъ, но и Ангели небесные возрадовались.

Digitized by Google

Богоносецъ.

Священномученикъ Игнатій, нарицаемый Богоносцемъ (*), былъ Епископъ Антіохійскія церкви. Повѣствуютъ, что сей Архіерей Бога Вышняго въ младенчествѣ своемъ былъ то благословенное дитя, котораго Спаситель міра, поучая народы о Царствіи небесномъ, воспріявъ на руки, сказалъ: *аще не обратитеся, и будете какъ дѣти, не внидете въ Царство небесное* (**). *Иже аще пріиметъ отроча таково во имя мое, пріемлетъ* (***). Съ того времени святый Игнатій, какъ носимый руками воплощеннаго Бога, нареченъ былъ Богоносцемъ.

Но сей Священномученикъ не менѣе былъ Богоносцемъ и потому, что самъ носилъ въ сердцѣ и въ устахъ Бога и былъ избранный сосудъ Христовъ, подобно святому Апостолу Павлу—что чудодѣющая десница Господня показала и по страдальческой кончинѣ его: ибо когда, по злобожному повелѣнію Траяна, будучи преданъ на снѣденіе звѣрей, непрестанно имѣлъ онъ въ устахъ своихъ имя Іисуса Христа; то нечестивые спросили у него, почто немолчно твердитъ имя сіе... «Оно написано въ сердцѣ моемъ, отвѣчалъ Святый: какъ же мнѣ не исповѣдывать устнами?» Наконецъ, когда праведникъ былъ растерзанъ и съѣденъ звѣрьми, а сердце его Божескимъ произволеніемъ между костяти осталось цѣло и невредимо, тогда злочестивые невѣжды, помня слова его, разрѣзали оное, и къ изумленію своему видѣли, что внутри сердца начертано златыми буквами: *Іисусъ Христосъ*.

Христіяне! если мы, подобно священномученику Игнатію, всегда будемъ носить въ сердцѣ и устахъ Спаси-

(*) Его память празднуется Декабря въ 20 день.
(**) Матѳ. 18. 23. (***) Марк. 9 37.

теля нашего Іисуса Христа, то на второмъ пришествіи удостоимся быть въ отеческихъ Его объятіяхъ.

Отчего на два хора поютъ церковную службу.

Святый Игнатій Богоносецъ, однажды будучи въ небесномъ восхищеніи и сподобясь Божественнаго откровенія, видѣлъ Ангельскіе лики поющіе, единъ съ другимъ перемѣняяся, такъ что, когда славословилъ Господа первый ликъ, безмолвствовалъ другой, а когда сей начиналъ хвалебную пѣснь, то съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ первый; и такимъ образомъ, какъ бы ликъ передавая лику пѣснопѣнія, славословили Пресвятую Троицу. Святый Игнатій, подражая Ангеламъ, сей же порядокъ установилъ въ Антіохійской церкви; а оттуда сіе толь величественное и ангелообразное обыкновеніе распространилось и по всему Царству благодати.

Святый Архидіаконъ и первомученикъ Стефанъ (*).

Когда, по вознесеніи Господнемъ, вездѣ начало возрастать слово Евангельское, то съ распространеніемъ онаго возрастали братолюбіе и страннопріимство. Святые Апостолы были главою и распространителями сихъ богоугодныхъ заведеній: но поелику служеніе трапезамъ вдовицъ и сиротъ несовмѣстно было съ великою обязанностію, проповѣдывать Евангеліе всему міру; то и совѣтовали они вѣрному народу избрать седмь мужей, исполненныхъ Духа Святаго и премудрости (**). Послан-

(*) Память его Декабря въ 27 день.

(**) Ихъ имена суть слѣдующія: Святый Стефанъ, Св. Филиппъ, Св. Прохоръ, Св. Никаноръ, Св. Тимонъ, Св. Парменъ и Св. Николай.

ники Господни возложили на нихъ руки свои и нарекли Діяконами; а Стефанъ, первый изъ нихъ мудростію, благочестіемъ и добродѣтелію, нареченъ Архидіякономъ.

Будучи силенъ словомъ и дѣломъ, сей Равноапостольный мужъ—вѣрныхъ утверждалъ въ вѣрѣ, невѣрныхъ обличалъ, и возлагая руки на недужныхъ, исцѣлялъ ихъ отъ болѣзней; а особливо гремѣлъ противъ Іудеевъ, укоряя ихъ, что по единой зависти умертвили Сына Божія, Мессію отъ всѣхъ вѣковъ ожидаемаго—за что и былъ ими ненавидимъ.

Въ одно время, когда между Іудеями, Фарисеями, Саддукеями и Еллинскими Евреями (*) было состязаніе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, святый Стефанъ, ставъ на высокомъ мѣстѣ, воскликнулъ: «братія мои! всуе умножилась въ васъ злоба и раздѣлился весь Іерусалимъ! Блаженъ тотъ, кто вѣровалъ въ Господа нашего! Сей Господь приклонилъ небеса, сошелъ для искупленія насъ отъ рабства грѣховнаго, родился отъ Святыя Дѣвы, избранныя прежде сложенія міра.» Нечестивые Іудеи, не въ силахъ будучи стоять противъ премудрости и божественнаго краснорѣчія, воспылали гнѣвомъ и яростію на святаго Стефана и донесли великой Архисинагогѣ Жидовской, будто Архидіяконъ изрыгаетъ хулы на Моисея и самого Бога, воздвигли на него старцевъ и народъ, и предали суду Архіереевъ.

Святый Архидіяконъ стоялъ посредѣ убійственнаго сонмища, какъ Ангелъ Божій, сіяя благодатію Духа Святаго. Съ великимъ благоговѣніемъ воспоминая о Пра-

(*) Іерусалимляне называли Еллинами тѣхъ Іудеевъ, которые были разсѣяны по Римскому Государству; ихъ вѣра и нравы были Іудейскіе, но языкъ вообще употребляемый былъ Греческій, такъ какъ у нынѣшнихъ Евреевъ, испорченный Нѣмецкій. Св. Стефанъ и его сослужители были отъ рода сихъ же Іудеевъ: что показываютъ ихъ Греческія имена.

отцахъ и Пророкахъ, онъ старался опровергнуть клевету лжесвидѣтелей; но видя ожесточеніе Архіереевъ и книжниковъ, исполнился Божественныя ревности и укоризненное воскликнулъ: *Жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцемъ и ушесы! вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы* (*). Кого изъ пророковъ не изгнали отцы ваши? кого изъ провозвѣстниковъ Мессіи не убили?..» Тогда весь сонмъ распылался сердцемъ и заскрежеталъ зубами... А равноапостольный мужъ, воздѣвъ очи свои къ небу, узрѣлъ славу Божію: узрѣлъ Іисуса, десницу къ нему простирающаго, и велегласно воскликнулъ: «се вижу небеса отверзты, и Сына человѣческаго, одесную Бога стоящаго.»—Услышавъ сіе, Іудеи затыкали уши свои, и возложивъ на него убійственныя руки, извели внѣ града, да побіютъ каменіемъ.

Коль сладостная, хотя и посреди лютыхъ мученій, готовилась смерть Первострадальцу! Отъ небесныя высоты призывалъ его сладчайшій Іисусъ; а съ близлежащей горы на подвигъ его смотрѣла Богородительница съ Іоанномъ Богословомъ, и молилась Сыну своему, да пріиметъ душу его въ руцѣ свои.—Наконецъ посыпался на святаго Стефана дождь каменный. Весь окровавленный, до смерти изнеможенный, онъ повергся на колѣна и велегласно воскликнулъ: *Господи! не постави имъ грѣха сего*—и преклонивъ главу свою, скончался; а святая душа его воспарила въ отверзыя небеса къ Господу и Царю славы, котораго онъ проповѣдывалъ и за котораго пострадалъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

(*) Дѣян. VII. 51.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Google

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Знаменитые и святые друзья, или примѣръ, какъ дѣти должны вести себя въ общенародныхъ училищахъ.

Святый Василій Великій и святый Григорій Богословъ происходили отъ поколѣній сколько благородныхъ, столько и благочестивыхъ. Они родились въ одно почти время и своимъ рожденіемъ обязаны особенно молитвамъ своихъ матерей, которыя, яко даръ Божій, и принесли ихъ въ жертву Богу. Мать святаго Григорія, въ четыредесятый день представляя его въ церкви Господней, освятила младенческія руки прикосновеніемъ къ Евангелію и тѣмъ утвердила обѣтъ, данный Спасителю міра.

Оба святые отрока имѣли все то, что дѣлаетъ дѣтей любезными: острый умъ, добродушіе и чистосердечіе, тихость и учтивство въ поступкахъ и красоту тѣлесную. Но счастливая природа, отъ Бога имъ дарованная, наипаче украшена воспитаніемъ; ибо оно было таково, какое можно вообразить посреди семействъ, гдѣ вѣра и благочестіе переходили отъ родителей къ дѣтямъ и отъ старшихъ къ юнѣйшимъ (*).

(*) Отецъ св. Григорія Богослова, Григорій же, былъ Епископомъ Назіанскимъ. Мать его, блаженную Нонну, Церковь воспоминаетъ Августа въ 4 день. Бабка св. Василія Великаго по отцѣ, именемъ Макрина, въ царство Максиміана Галерія, претерпѣла гоненіе вмѣстѣ съ мужемъ и седмь лѣтъ скиталась въ пустыняхъ. Его сестра и всѣ братья причислены къ лику Святыхъ.

Послѣ домашняго (*) ученія послали ихъ въ Греческіе города, которые наиболѣе славились просвѣщеніемъ — гдѣ и принимали они уроки отъ лучшихъ учителей. Наконецъ сошлись въ Аѳинахъ. Извѣстно, что сей городъ былъ средоточіемъ Словесныхъ наукъ и всей учености: онъ былъ и колыбелію славной дружбы двухъ Святителей. Одно происшествіе подало къ тому первый случай (**). Въ Аѳинахъ было вздорное обыкновеніе въ разсужденіи новоприбывшихъ учениковъ: съ самаго начала вводили ихъ въ многочисленное собраніе юношей, такихъ же, какъ и они, и тутъ заставляли ихъ терпѣть разныя насмѣшки и ругательства. Послѣ сего, наблюдая не менѣе смѣшные обряды, водили ихъ въ общественныя бани чрезъ весь городъ среди сихъ же молодыхъ людей, идущихъ по два въ рядъ. Здѣсь вся толпа останавливалась, поднимала великій крикъ и показывала видъ, что хочетъ выломить ворота, какъ будто не хотѣли отворить оныхъ. Когда новоприбывшій ученикъ былъ туда впущенъ, тогда начинали съ нимъ обходиться запросто и принимали въ число товарищей. Святый Григорій, который прибылъ въ Аѳины прежде и который чувствовалъ, сколько сей достойный посмѣянія обрядъ будетъ противенъ и досаденъ важному нраву святаго Василія, хотя съ трудомъ, уговорилъ своихъ товарищей, чтобы его уволили отъ онаго. Сіе-то было искрою благочестивой ихъ дружбы и воспламенило въ нихъ огнь, который послѣ никогда не угасалъ.—«О счастливыя для меня Аѳины! восклицаетъ на сей случай святый Григорій: я пришелъ сюда единственно для пріобрѣтенія знаній; но нашелъ драго-

*) Св. Василій Великій и Григорій Богословъ были родомъ изъ Каппадокіи, только изъ разныхъ городовъ.

(**) О семъ повѣствуетъ самъ св. Григорій Богословъ, описывая свое пребываніе въ Аѳинахъ.

цѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ—вѣрнаго и нѣжнаго друга, будучи счастливѣе Саула, который, пошедъ на паству, обрѣлъ Царство».

Такимъ образомъ начатый союзъ укрѣплялся день отъ дня болѣе; наипаче же, когда сіи два друга, открывая взаимно свои сердца, узнали, что они оба имѣли одну цѣль и искали одного сокровища — мудрости и добродѣтели. Они жили въ одномъ домѣ, пользовались однимъ столомъ, имѣли одни упражненія, одни удовольствія и, такъ сказать, одну душу. Оба равно стремились обогатить разумъ свой познаніями; и хотя сіе наиболѣе можетъ возбудить зависть, но они, будучи неприступны для сей пронзительной и злобной страсти, не вѣдали и не ощущали между собою ничего, кромѣ благороднаго соревнованія. Каждый ихъ нихъ, любя больше славу своего друга, нежели свою собственную, старался не о томъ, чтобы взять надъ нимъ преимущество, но чтобы за нимъ слѣдовать.

Но главное ихъ ученіе и единственная цѣль была— добродѣтель. Они помышляли учинить свое дружество вѣчнымъ, пріуготовляя себя къ блаженной вѣчности и отвлекая себя понемногу отъ суетъ міра. Имѣли руководителемъ Слово Божіе и служили сами себѣ вмѣсто учителей и надзирателей, увѣщевая взаимно одинъ другаго къ благочестію. Зная, что дурные примѣры подобны заразительнымъ болѣзнямъ, они не имѣли никакого сообщенія съ тѣми изъ товарищей, которые были развратны, дерзки и безчинны; а обращались только съ умѣренными, скромными и благочестивыми, которые могли подкрѣплять ихъ въ добромъ немѣреніи.

Сіи два святые юноши блистали всегда между сверстниками своими красотою и живостію ума, охотою къ трудамъ, отмѣннымъ успѣхомъ въ наукахъ, которыя тог-

да преподавали въ Аѳинахъ; но они отличались еще болѣе невинностію нравовъ, ужасаясь даже тѣни зла. И сіе было необходимо посреди Аѳинъ, опаснѣйшаго для нравовъ города, по причинѣ необычайнаго сборища молодыхъ людей, которые приходили туда отъ всѣхъ сторонъ и приносили съ собой не только свои пороки, но и пороки своего отечества. Чѣмъ же они защищались отъ толь безчисленныхъ искушеній, ихъ окружавшихъ? — «Мы знали въ Аѳинахъ только двѣ дороги, говоритъ святый Григорій: одну, которая вела насъ въ церковь и къ святымъ наставникамъ, въ оной проповѣдующимъ; другую, которая вела насъ въ Академію, къ учителямъ Словесности и Любомудрія. Что касается до тѣхъ дорогъ, по коимъ ходятъ на мірскіе праздники, на позорища, на пиршества, мы ихъ не знали и знать не хотѣли.»

Кажется, юноши, которые удалялись отъ всѣхъ увеселеній, которые принимали участія въ удовольствіи своихъ сверстниковъ, которыхъ жизнь, чистая и безпорочная, была всегдашнимъ обличеніемъ ихъ разврата и шалости—сіи юноши должны были возбудить противъ себя ихъ ненависть, или по крайней мѣрѣ, ихъ насмѣшки. Однако же противное сему воспослѣдовало, и не было въ Аѳинахъ ничего толь славнаго и отъ всѣхъ уважаемаго, какъ имена сихъ юныхъ особъ. Безъ сомнѣнія, ихъ добродѣтель была безпримѣрно чиста и поведеніе благоразумно и умѣренно, когда они, при всѣхъ успѣхахъ, освящаемыхъ добродѣтелію, умѣли не только избѣжать холодности, но и привлечь къ себѣ почтеніе и любовь отъ всѣхъ сотоварищей.

Сіе наиболѣе оказалось, когда узнали, что они намѣрены были оставить Аѳины и возвратиться въ свое отечество. Соболѣзнованіе было всеобщее; жалобы слыш-

ны были отъ всѣхъ сторонъ; слезы текли у всѣхъ изъ очей. — «Мы лишились, говорили Аѳиняне и чужестранцы, всей чести города и славы нашихъ училищъ.»— Учители и ученики, соединяя съ просьбами и жалобами насиліе, утверждали, что они ихъ не отпустятъ и никогда не согласятся на ихъ отбытіе. Сіе приключеніе, если смѣю такъ сказать, приноситъ болѣе чести самому ихъ благочестію.

И дѣйствительно, одинъ изъ сихъ знаменитыхъ и святыхъ юношей долженъ былъ остаться въ Аѳинахъ. Это былъ святый Григорій. Между тѣмъ, какъ Василій посѣщалъ славныхъ пустынножителей, ходилъ въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, и отвсюду собиралъ сокровища духовной мудрости, Григорій, сердечно сокрушаясь о разлукѣ съ другомъ своимъ, былъ учителемъ Краснорѣчія въ Аѳинахъ.

Любезные юноши! вотъ для васъ образецъ, въ которомъ находятся совокупно всѣ совершенства, могущія учинить васъ любезными и достопочтенными. Красота ума, чистѣйшіе нравы, невѣроятный жаръ къ ученію, чудный успѣхъ въ наукахъ, честные и скромные поступки, удивительное смиреніе посреди похвалъ и рукоплесканій народныхъ, и—что болѣе возвышало качества святаго Василія и святаго Григорія—благочестіе и страхъ Господень посреди всеобщаго разврата суть такія достоинства, съ которыми ничто сравниться не можетъ. Любездные юноши! старайтесь пріобрѣсть оныя, тогда привлечете на себя благословеніе Отечества и благословеніе Божіе.

Суетность человѣческихъ начинаній противу судебъ господнихъ.

Богоотступникъ Іуліанъ, стараясь поколебать Христіянскую вѣру въ ея основаніи, хотѣлъ доказать, что пророчество Іисуса Христа о разореніи Іерусалима (*) ложно; для сего и вознамѣрился привесть опять въ цвѣтущее состояніе Іудейскую столицу; соорудить храмъ, истребленный Римлянами, и возвеличить Богослуженіе Ветхаго Завѣта. Сіе предпріятіе въ мысляхъ отступника не находило препятствій. Іудея была его область и ея жители, разсѣяные по обширнымъ предѣламъ его владычества, воздыхая о своемъ отечествѣ, повелѣніе возвратиться въ оное должны были принять не иначе, какъ съ усердіемъ и радостію.

Такимъ образомъ обдумавъ свой богопротивный планъ, Іуліанъ сдѣлалъ ласкательное воззваніе къ Іудейскому народу... Онъ жаловался на бѣдствія и притѣсненія, которыя они столь долго терпѣли; а наипаче вопіялъ противу оскорбительныхъ налоговъ, которые съ нихъ взыскали. — «Сію несправедливость, говоритъ онъ, вы должны приписывать не столько Правительству, сколько Христіянамъ, которые свои больницы и страннопріемные домы въ изобиліи содержатъ вашимъ пóтомъ и кровію. И чѣмъ же благодарятъ за сіе? всегда болѣе и болѣе ожесточаютъ на васъ свое варварское сердце. Съ сего времени, я освобождаю васъ, продолжаетъ Іуліанъ, отъ всѣхъ безчеловѣчныхъ узаконеній и, вмѣсто того, хочу васъ сдѣлать участниками моей благотворительности, чтобы вы отъ чистаго сердца молились о моемъ благоденствіи, о благосостояніи отечества, объ успѣхахъ на брани и о счастливомъ воз-

(*) Матѳ. XXIV. 1, 2. Марк. XIII. 1, 2. Лук. XXI. 5. 6.

вращеніи изъ Персидскаго похода (*). Тогда-то, наконецъ; говоритъ Іуліанъ, я вмѣстѣ съ вами буду обитать въ Священномъ градѣ, мною воздвигнутомъ, украшенномъ и возвеличенномъ; вмѣстѣ съ вами буду приносить жертву всесожженія Всевысочайшему Богу.»

Могъ ли столь сильный Государь сказать что нибудь болѣе, дабы обрадовать народъ, который по природѣ былъ гордъ и суевѣренъ, и не выпускалъ изъ своихъ мыслей владычества надъ всѣми народами? Іудеи отъ всѣхъ предѣловъ Государства обратили глаза свои на Іуліана и ждали рѣшительнаго мановенія, чтобы составить опять сильное и славное царство; а сія готовность ихъ и усердіе имѣли слѣдствіемъ то, что Императоръ не остался при одномъ сладкомъ обѣщаніи. Онъ немедленно далъ повелѣніе своему Намѣстнику строить царскимъ иждивеніемъ храмъ Іудейскій.—Сего недовольно: Алипій, искренній другъ и любимецъ Іуліановъ, изъ Антіохіи нарочно отправленъ былъ въ Іерусалимъ, чтобы съ возможною поспѣшностію начать и въ кратчайшее время совершить строеніе храма.

Тогда Іудеи отвсюду начали стекаться на развалины Іерусалима; и—не можно описать, какія напасти принуждены были терпѣть Палестинскіе Христіане! Но, къ вящшему ихъ ужасу, Іуліанъ, выступая съ воинствомъ изъ Антіохіи, далъ повелѣніе Алипію, чтобы онъ, по сооруженіи храма, немедленно началъ строить въ Іерусалимѣ амфитеатръ, гдѣ онъ, возвратившись изъ Персіи, съ Іудеями (такъ изъяснялся Христоненавистный царь) хочетъ наслаждаться зрѣлищемъ, какъ дикіе звѣри будутъ терзать Епископовъ, иноковъ и всѣхъ, кто дерзнетъ защищать Христіянство (**). Единому Богу извѣст-

(*) Іуліанъ тогда готовился итти въ Персію.

(**) Орозій въ VII книгѣ.

но, что сдѣлалось бы съ несчастными Христіянами, которые начали отчаяваться, если бы не подкрѣпляли ихъ неустрашимые поборники Евангелія! Святый Кириллъ, Архіепископъ Іерусалимскій и прочіе святые Христіяне въ сіе лютое время подавали удивительный примѣръ вѣры, которая сама себя утѣшаетъ, и совершенной надежды, что *небо и земля прейдетъ, словеса же Господня не прейдутъ* (*). Будучи тверды въ упованіи скораго мщенія Господня, они напоминали имъ *мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ Пророкомъ* (**) и изъ пророчества самого Іисуса Христа утѣшали, что злочестивое предпріятіе совершиться не можетъ—только бы они уповали на Господа, Который въ свое время посрамитъ ненавистниковъ своего святаго имени.

Между тѣмъ художники и рабочіе ревностно продолжали свое дѣло. Очищено было мѣсто, гдѣ стоялъ первый храмъ, и гдѣ должно было соорудить новый; матеріалы приготовлены были въ великомъ множествѣ; тысячи Іудеевъ неусыпно занимались работою. Сребро, злато и драгоцѣнные камни сыпались изъ ихъ рукъ. Даже Іудеянки, прежде того празднолюбивыя и изнѣженныя, приготовляли оправленные сребромъ носилки и заступы, чтобы носить известь и камни. Роскошнѣйшія изъ нихъ почли бы за несчастіе, если бы отецъ или мужъ не отдалъ ея нарядовъ на потребу церковную.

Вскорѣ приступлено къ основанію храма.—Іудеи и язычники начали издѣваться надъ пророчествами Евангелія. Іуліанъ могъ сказать: «*Виждь, каково каменіе, и какова* будутъ *зданія* (***)!» но возгремѣлъ гласъ грома въ отвѣтъ богоотступнику: «*Не имать остати здѣ камень на камени, иже не раззорится*» (****). Внезапно земле-

(*) Марк. XIII. 31. (**) Марк. XIII. 14. (***) Марк. XIII. 1. (****) Марк. XIII. 2.

трясеніе, сопровождаемое бурею, громомъ и молніею, потрясло и разсыпало все, что было основано, такъ что подъ щебнемъ погреблось нѣсколько рабочихъ. Сіе чудо устрашило Алипія и прочихъ чиновниковъ, однако не привело въ отчаяніе. Чрезъ нѣсколько дней, они принялись опять за строеніе. Но едва положили первые ряды основанія, опять землетрясеніе, ужаснѣйшее прежняго, не токмо разсыпало полагаемые тогда въ основаніе камни, но вырвало изъ земли даже основу древнѣйшаго храма, который созидалъ нѣкогда Соломонъ (*); порывистый вихрь разнесъ камни, известь и орудія художниковъ; а исторгшійся изъ земли огнь, и въ то же мгновеніе низвергшееся съ небесъ пламя пожрало и растопило оныя. Множество народа было попалено и засыпано, а съ трескомъ крутящіяся подземныя искры и зіяющая изъ тучъ молнія, ударяясь между собою, бѣгущихъ Іудеевъ и язычниковъ преслѣдовали даже до ихъ жилищъ, и не только на ихъ одеждахъ, но и на самомъ тѣлѣ напечатлѣли знаки креста, которые въ первую минуту были свѣтящіеся, а послѣ почернѣли и такъ врѣзались, что ихъ отмыть было невозможно (**). Самое мѣсто, гдѣ столь ужасно чудодѣйствовала рука Господня, содѣлалось ни къ какому употребленію неспособнымъ.

Тогда всѣ познали суетность человѣческихъ начинаній противу судебъ Господнихъ. — Іудеи боялись выйти изъ своихъ домовъ и были въ непрестанномъ ужасѣ, дабы десница Господня надъ ними еще болѣе не отяготѣла. Большая изъ нихъ часть признала Богомъ того, кого

(*) См. въ Четь-Минеи въ житіи Святаго Кирилла Архіепископа Іерусалимскаго.

(**) О семъ повѣствуютъ какъ святые Отцы, такъ и всѣ историки тогдашняго времени.

предки ихъ повѣсили на крестѣ (*). Язычники, не столько ожесточенные, видѣвъ толь непостижимое чудо, поражены были несказанно. Ихъ изумленіе и ужасъ были такъ велики, что всѣ, въ ту же минуту, вопіяли къ Іисусу Христу о милосердіи, и молитвами и пѣснопѣніями старались Его умилостивить. Многіе изъ нихъ въ то же время бѣжали къ Христіянскимъ Священникамъ и неотступно просили принять ихъ въ нѣдра святой Церкви (**) и даровать святое Крещеніе.

Одного Іуліана не поразилъ гласъ гнѣва небеснаго. Донесеніе Алипія произвело въ немъ только досаду и огорченіе, которыя онъ предъ народомъ и своими приверженцами старался прикрыть невниманіемъ. Отвергать сего происшествія было невозможно; ибо оно случилось предъ очами разныхъ племенъ. Приписать злобѣ и мщенію Христіянъ, какъ то сдѣлали при сожженіи Аполлонова храма (***), также было неможно; ибо всѣ рабочіе и зрители видѣли своими глазами подземное и небесное пламя. Признать истину и побѣду Іисуса Христа не позволяло ему упорное и закоренѣлое невѣріе. И такъ отступникъ рѣшился сіе чудодѣйствіе Божіе почитать за малость, ничего о немъ не говорить, смотрѣть какъ на обыкновенный случай, на дѣйствіе природы и наконецъ предать забвенію.

Но вскорѣ самые язычники и друзья Іуліановы принуждены были признаться, что сіе чудо было грознымъ вѣстникомъ его погибели. Отступникъ пораженъ рукою невидимою. Судъ Божій надъ нимъ былъ такъ достопримѣчателенъ, что, при извѣстіи о его смерти, одинъ изъ язычниковъ воскликнулъ: «теперь не могутъ Христіяне

(*) Сократъ въ Церковной Исторіи кн. V. гл. 20.
(**) Григорій Назіанзинъ въ X рѣчи о язычникахъ.
(***) См. въ Четь-Минеи подъ 2 числомъ Сентября.

прославлять предъ нами долготерпѣніе своего Бога!» А Ѳеодоритъ повѣствуетъ, что Антіохійскіе жители тогда въ одинъ голосъ взывали: «побѣдилъ Богъ и его Помазанникъ (*)!» Кто не видитъ, что Іуліана поразила (**) та самая рука, которая разсыпала и пожгла основаніе Іерусалимскаго храма?

Мысли о раздачѣ нищимъ своего имѣнія.

Когда весь свѣтъ удивлялся великой жертвѣ, которую святый Павлинъ, (***) Епископъ Ноланскій, принесъ Іисусу Христу, раздавъ всѣ свои богатства неимущимъ, человѣкъ Божій думалъ, что онъ *Отцу, иже есть на небесѣхъ, и братіямъ Христовымъ* ничего не сдѣлалъ. «Я подобенъ бойцу, приготовляющемуся на сраженіе, или человѣку, хотящему плыть чрезъ рѣку, обыкновенно говорилъ онъ: они оба ничего еще не сдѣлали чрезъ то, что скинули съ себя одежду.»

Разлука и свиданіе благочестиваго семейства.

Ксенофонтъ (****), Болярнъ Цареградскій, семейственными, гражданскими и Евангельскими добродѣтелями украшенный, и Марія, его благочестивая супруга, имѣли двухъ сыновъ, Іоанна и Аркадія, которыхъ воспитывали въ страхѣ Божіемъ. Но поелику знатность рода и со-

---

(*) ἐνίκησεν ὁ Θεος καὶ ὁ χριστὸς αὐτοῦ.

(**) О смерти Іуліана см. въ I томѣ Уч. Благоч. стр. 144 и 330.

(***) Память святаго Павлина, Епископа Ноланскаго, Января въ 24 день

(****) Сей Преподобный жилъ въ V вѣкѣ по Р. Х. въ царствованіе Іустиніана Великаго. Память его празднуется Января въ 26 день.

Digitized by Google

стояніе, къ которому готовятся дѣти Государственныхъ чиновниковъ, требовали высшаго просвѣщенія, а особливо познанія нравовъ народныхъ, то родители и отправили ихъ въ Финикію, гдѣ тогда было славное училище Греческаго любомудрія. Отецъ благословилъ ихъ Христіянскими наставленіями; мать оросила лице ихъ слезами родительской нѣжности, и Аркадій съ Іоанномъ пустились въ море.

Сначала ихъ плаваніе было благополучно, но внезапно возстала буря; вскорѣ паруса были изорваны, мачты изломаны и корабль, сдѣлавшись игралищемъ волнъ, носился на удачу. Мореплаватели видѣли предъ собою неизбѣжную смерть. Іоаннъ и Аркадій оплакивали вѣчную разлуку съ родителями и, воображая ихъ горесть, забыли собственную опасность. Наконецъ почти раздробленный корабль началъ погружаться. Каждый долженъ былъ рѣшиться на послѣднее средство, не разбирая, спасетъ ли оно жизнь его. Два родные отрока скинули съ себя одежды и, воскликнувъ: «простите, дражайшіе родители!» бросились въ море. Рабы ихъ сдѣлали то же. Кто успѣлъ, ухватился за обломки корабля, и всѣ предались стремленію водъ.

Но Промыслъ небесный не восхотѣлъ погубить благочестивую юность. Вскорѣ Іоаннъ былъ выброшенъ на сушу и вскорѣ опомнился, но, увидѣвъ наготу свою, не зналъ что дѣлать. Стыдясь показаться предъ лице человѣческое, наконецъ рѣшился онъ идти вдоль по берегу, и къ счастію увидѣлъ монастырь. «Благодарю тебя, Господи Боже мой! воскликнулъ обрадованный Іоаннъ: здѣсь живутъ благочестивые люди, которые стыдятся только душевной наготы; моя тѣлесная нагота для нихъ не будетъ въ слоблазнь.» Онъ смѣло вошелъ въ мирную обитель и былъ принятъ съ такимъ человѣколюбіемъ, како-

го можно ожидать только отъ святаго мѣста. Тамъ, разсуждая о суетности міра и о бѣдствіяхъ человѣческихъ, чрезъ нѣсколько времени онъ постригся и началъ подвизаться молитвою и постомъ; сердечное спокойствіе, удѣлъ благочестивой невинности, было нарушаемо только сокрушеніемъ о любезномъ Аркадіѣ, котораго Іоаннъ считалъ погибшимъ.

Но та же десница изъ безднъ морскихъ извлекла и Аркадія. Очувствовавшись на берегу морскомъ, онъ увидѣлъ себя среди народа, который старался подать ему помощь. Тутъ выпросилъ себѣ одежду, вошелъ въ близлежащую церковь и, молясь о братѣ своемъ, Іоаннѣ, отъ усталости и изнеможенія уснулъ. Вдругъ является ему Іоаннъ и говоритъ: «не скорби, дражайшій братъ! я благодатію Божіею живъ.»—Воспрянувъ отъ сна, Аркадій принесъ благодареніе Богу и хотѣлъ возвратиться въ Царьградъ; но мысль, что первый плачевною вѣстію о братѣ поразитъ родителей, его остановила... Горько восплакавъ, онъ рѣшился искать его и прежде всего пошелъ въ Іерусалимъ, чтобы въ странѣ, освященной стопами Іисуса Христа, испросить на то помощь небесную. На пути встрѣтился съ однимъ, украшеннымъ сѣдиною, инокомъ; и какъ изумился, когда старецъ, благословляя его, сказалъ: «Богъ да помилуетъ тебя молитвами твоего брата, который богоугодно подвизается въ образѣ Ангельскомъ.» Аркадій припалъ къ ногамъ старческимъ и умолялъ открыть ему мѣстопребываніе возлюбленнаго Іоанна; но прозорливый инокъ отвѣчалъ: «будетъ время, когда самъ Богъ тебѣ покажетъ его; а нынѣ ожидай покойно.» «Хощу же и я, тогда воскликнулъ Аркадій, облечься въ иночество, да въ единодушіи съ братомъ моимъ буду служить Господу,» Старецъ благословилъ его доброе намѣреніе, привелъ въ одну изъ

святыхъ обителей, постригъ и, наставя равноангельскому житію, удалился въ свою пустынную келлію.

Между тѣмъ, по разбитіи корабля, прошло два года. Ксенофонтъ, не получая отъ дѣтей своихъ извѣстія и сомнѣваясь живы ли они, послалъ одного изъ рабовъ въ Финикію, чтобы навѣдался объ Іоаннѣ и Аркадіѣ. Но какъ ихъ тамъ не было, вѣрный слуга подумалъ, не въ Аѳинахъ ли они, и туда отправился; но и въ Аѳинахъ не нашелъ Іоанна и Аркадія. Не зная, какой отвѣтъ принести своимъ господамъ, онъ пошелъ обратно въ Царьградъ, и на одномъ ночлегѣ встрѣтился съ инокомъ, котораго лице показалось ему знакомо. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ одинъ изъ рабовъ Ксенофонтовыхъ, потерпѣвшій съ дѣтьми его кораблекрушеніе. Но радость свиданія была кратковременна и вскорѣ обратилась въ горесть. Одинъ разсказывая, а другой слушая ужасное происшествіе на морѣ, оба поплакали о своихъ добрыхъ господахъ.

Какой ударъ для родительскаго сердца, когда Ксенофонтъ и Марія услышали о погибели дѣтей своихъ! но въ слѣдующую ночь они узрѣли Іоанна и Аркадія въ сновидѣніи, Ангельскою славою сіяющихъ, и возложили на Господа печаль свою. Разсуждая о рабѣ, принявшемъ иночество, они заключили то же о своихъ дѣтяхъ.—«Въ волнахъ ли погибли наши чада, говорили они другъ другу, или подвизаются гдѣ нибудь въ мирной обители; но они умерли для свѣта; не время ли и намъ умереть для суетъ мірскихъ?»—Въ самомъ дѣлѣ, они вскорѣ отправились въ Іерусалимъ, чтобы посѣтить Святыя мѣста и тамъ постричься.

Уже благочестивые путешественники были близь Святаго града, какъ въ одно время подошелъ къ ними старецъ—тотъ самый, который облекъ въ *иноческій образъ* Аркадія—и посмотрѣвъ на нихъ, сказалъ: «что побудило

къ толь дальному путешествію Ксенофонта и Марію? Вѣрно, сѣтованіе о чадахъ? но утѣшьтесь: они живы, и вы ихъ увидите. Восхищенные родители начали спрашивать его объ Іоаннѣ и Аркадіѣ; но старецъ отвѣчалъ имъ гласомъ Пророка: «они сами придутъ къ вамъ, когда, по вашему обѣщанію, обойдете мѣста священныя.»— Ксенофонтъ и Марія, въ несомнѣнной надеждѣ на Господа приняли отъ него благословеніе и пошли на Іорданъ.

Въ тотъ же день прозорливый инокъ, будучи на Голгоѳѣ у церкви Воскресенія Господня, встрѣтилъ Іоанна, который изъ своего монастыря пришелъ туда поклониться Гробу Господню.—«Чадо мое, любезный Іоаннъ! гдѣ былъ доселѣ? сказалъ чудный старецъ: родители твои давно тебя ищутъ, такъ какъ и ты ищешь брата твоего Аркадія.»—Удивленный Іоаннъ не зналъ, что подумать о его привѣтствіи, но видя въ немъ даръ прозорливости, припалъ къ стопамъ его: «повѣдай мнѣ, святый Авва, гдѣ находится братъ мой? безъ него я страшусь увидѣть и моихъ родителей.»—«Сядь подлѣ меня, отвѣчалъ старецъ, и увидишь Аркадія.» — Въ сіе мгновеніе показался издали юный инокъ. Приближась къ нимъ, онъ принялъ благословеніе отъ старца и — вдругъ повергся въ объятія Іоанновы. Это былъ Аркадій, братъ его. Они плакали, лобызались и прославляли Бога, другъ друга увидѣть ихъ сподобившаго.

Чрезъ нѣсколько дней возвратились въ Іерусалимъ и Ксенофонтъ съ Маріею. Увидѣвъ прозорливаго старца при живоносномъ Гробѣ, они опять начали умолять его, чтобы сказалъ, гдѣ находятся ихъ дѣти, между тѣмъ какъ Іоаннъ и Аркадій были тутъ же. Узнавъ своихъ родителей, они едва могли удержать свое восхищеніе и, только повинуясь мановенію старца, не поверглись на ихъ выи. Они стояли, потупивъ глаза, чтобы не измѣнить

себѣ самимъ.—Иноческая одежда и лица, отъ воздержанія увядшія, къ тому способствовали. Наконецъ святый старецъ сказалъ Ксенофонту и Маріи: «идите въ вашу гостивницу и уготовьте трапезу; я, съ учениками моими, пріиму у васъ пищу; а потомъ возвѣщу, гдѣ ваши дѣти.»— Обрадованные родители исполнили волю старца; и онъ, съ Іоанномъ и Аркадіемъ вскорѣ къ нимъ пришелъ.

Сидя за трапезою, Ксенофонтъ и Марія занимались спасительными разговорами, и между тѣмъ непрестанно взирали на юныхъ иноковъ... Наконецъ Ксенофонтъ, воздохнувъ изъ глубины сердца, сказалъ: «сколь любезны ученики твои, святый Авва! Какъ скоро я воззрѣлъ на нихъ, душа моя привязалась къ нимъ и возвеселилось сердце, какъ будто при свиданіи съ Іоанномъ и Аркадіемъ—о если бы таковы были дѣти наши!» Ксенофонтъ, почувствовавъ стѣсненіе сердца, умолкъ; у Маріи навернулись въ очахъ слезы. Тогда старецъ, обратясь къ Аркадію, сказалъ: «повѣдай, чадо, гдѣ ты родился? гдѣ воспитанъ? и откуда пришелъ сюда?»—Но едва Аркадій началъ свою повѣсть, какъ оба юноши узрѣли себя въ объятіяхъ родительскихъ... Кто можетъ изобразить радость столь внезапнаго свиданія! Самъ прозорливый старецъ прослезился отъ удовольствія, что Господь избралъ его посредникомъ святаго семейства и повелѣлъ возвратить родителямъ чадъ и чадамъ родителей.

Послѣ сего Ксенофонтъ поручилъ ближайшему изъ родственниковъ продать свой домъ, рабамъ даровать свободу, сокровища расточить на убогихъ, и отъ руки прозорливаго старца принялъ *образъ иноческій*. Марія вступила въ ликъ Святыхъ женъ. Іоаннъ и Аркадій удалились въ пустыню съ мудрымъ наставникомъ. Всѣ они просіяли вѣрою, благочестіемъ, добродѣтелями и даромъ чудотворенія.

Незлобіе великаго старца.

Святый Евфремъ (*), любя въ уединеніи заниматься Богомысліемъ, не ходилъ на общую трапезу; но ученикъ его, въ извѣстное время, приносилъ ему пищу. Однажды идучи изъ поварни, онъ нечаянно уронилъ сосудъ и разбилъ; боясь гнѣва старцева, не зналъ, что дѣлать... Но незлобивый Евфремъ, догадавшись о семъ, съ кротостію сказалъ ему: «не печалься, чадо мое! если не хотѣла къ намъ придти пища, то намъ должно итти къ ней.» — Онъ и въ самомъ дѣлѣ пошелъ, сѣлъ подлѣ разбившаго сосуда и началъ собирать пищу...

Свиданіе преподобнаго Евфрема съ Василіемъ Великимъ.

Преподобный Евфремъ, нѣкогда ночью стоя на молитвѣ, узрѣлъ въ видѣніи огненный столпъ, отъ земли до неба простирающійся, и услышалъ гласъ: «Евфремъ! Евфремъ! таковъ есть Василій Великій!»—Старецъ душевно возжелалъ увидѣть великаго архипастыря, и на другой же день пошелъ въ Кесарію Каппадокійскую. Онъ засталъ его въ церкви, проповѣдующаго Слово Божіе, и началъ восклицать громко: «воистину великъ Василій! воистину столпъ огненный Василій! воистину Духъ Святый глаголетъ устами Василія!» Весь народъ обратился на Евфрема; а нѣкоторые съ коварною улыбкою сказали: «видно, сей странникъ хочетъ приласкаться къ Архіепископу и похвалою выманить у него хорошее мѣсто.»—Таковы люди

(*) Преподобный Евфремъ, урожденецъ Едесскій, жилъ въ царствованіе Валента и Ѳеодосія Великаго. Память его Января въ 28 день.

вобще! свои страсти и пороки обыкновенно и другимъ приписываютъ.

По окончаніи Божественной службы, Василій пригласилъ къ себѣ старца и между прочимъ спросилъ: «почто онъ въ церкви и посреди народа такъ прославлялъ его?»—«Я видѣлъ, отвѣчалъ Евфремъ, бѣлаго голубя у тебя на десномъ рамѣ сидящаго, и нѣчто къ уху твоему глаголющаго—видѣлъ также огнь, изъ устъ твоихъ исходящій; и симъ восхищенный, не могъ удержать языка моего.»—Святый Василій, удивляясь прозорливости старца, посвятилъ его въ Пресвитера. Но преподобный Евфремъ, хотя изъ послушанія къ архипастырю и принялъ священство, однако чрезъ всю жизнь не хотѣлъ совершать Литургіи, почитая себя недостойнымъ служить столь великимъ Божественнымъ Тайнамъ, и занимался только проповѣданіемъ Слова Господня.

Коль великій подвигъ есть послушаніе.

Одинъ великій старецъ, будучи въ ангелоподобномъ восхищеніи, видѣлъ на небеси четыре степени, знаменующія совершенство подвижниковъ. На первой степени стоялъ *недугами удрученный*, но благословляющій имя Господне; на другой *безкорыстный страннопріимецъ*; на третьей *безмолвный пустынножитель*; наконецъ четвертую и самую высшую степень занималъ *послушный* своему наставнику и ради Господа всѣмъ сердцемъ ему преданный. Сей человѣкъ имѣлъ на себѣ багряную ризу въ ознаменованіе того, кто *послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя*, и паче всѣхъ блисталъ славою.—«Для чего сей, повидимому, меньшій дѣлами, возвеличенъ болѣе прочихъ? подумалъ удостоенный небеснаго видѣнія старецъ.»—Для того, вдругъ отвѣтство-

валъ ему таинственный гласъ, что страннопріимецъ упражняется въ добродѣтели, столь любезной его сердцу, по своей волѣ; равно и пустынникъ удалился отъ свѣта по своему благоразсужденію и живетъ свободно; что касается до удрученнаго недугами, онъ бы съ радостію перемѣнилъ ихъ на здравіе. Но сей, обязавшійся труднѣйшимъ дѣломъ *послушанія*, оставивъ всѣ свои желанія, зависитъ отъ Бога и своего наставника.

Совѣтъ инока отрекающемуся отъ свѣта.

Патрицій *Мануилъ*, будучи въ тяжкой болѣзни и отчаясь въ жизни своей, восхотѣлъ грѣхи прошедшаго времени прикрыть совершеннѣйшимъ покаяніемъ и отречься отъ свѣта, пока смерть не разлучила съ онымъ. Для сего онъ призвалъ святаго Николая, Игумена Студійскаго (*), и слезно просилъ, чтобы немедленно облекъ его въ образъ Ангельскій. Но прозорливый старецъ отвѣтствовалъ: «чадо! сія жертва не будетъ на пользу душѣ твоей. Останься въ мірѣ и жди посѣщенія Господня. Именемъ Спасителя нашего увѣряю тебя, что ты вскорѣ здравъ будешь и пріимешь знаменитый санъ. Прейди сіе поприще во благо Церкви и Отечества. Тогда я постригу тебя, да пойдешь въ другой міръ съ добрыми дѣлами.»

Прореченіе святаго Николая сбылось. Мануилъ вскорѣ получилъ здравіе и, будучи взысканъ милостію Императора, до глубокой старости исправлялъ важныя государственныя должности: былъ неусыпенъ, человѣколюбивъ и правосуденъ. Наконецъ когда приспѣла его блаженная

(*) Сей Отецъ жилъ въ IX вѣкѣ, въ царствованіе Ѳеофила иконоборца, сына его Михаила и Василія Македона. Память его Февраля въ 4 день.

кончина, преподобнымъ Николаемъ былъ постриженъ и въ мирѣ отшелъ къ Господу.

О томъ, сколь ужасно оскорблять родителей.

Однажды къ преподобному Парѳенію, Епископу Лампсакійскому (*), приведенъ былъ юноша, жестоко отъ нечистаго духа мучимый. Человѣколюбивый Парѳеній, при первомъ воззрѣніи на страждущихъ, даже безъ ихъ просьбы, всегда помогалъ имъ своими молитвами; но въ сіе время, посмотрѣвъ на юношу, показалъ неудовольствіе. Родители, припадая къ стопамъ человѣка Божія, слезно умоляли его, дабы умилосердился о ихъ сынѣ и избавилъ отъ лютаго недуга. Но человѣкъ Божій отвѣчалъ имъ: «вашъ сынъ недостоинъ исцѣленія; ибо духъ мучитель данъ ему въ наказаніе за то, что онъ—почти отцеубійца.» Родители ужаснулись... но Парѳеній спросилъ у нихъ: «сынъ вашъ часто оскорблялъ васъ?» — «Такъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Вы молились въ горести души вашей, продолжалъ Парѳеній, чтобы Господь наказалъ его?» — «Согрѣшили предъ Господомъ,» отвѣчали со вздохомъ отецъ и мать.—Тогда человѣкъ Божій сказалъ: «Пусть же онъ страждетъ, какъ заслужившій сіе наказаніе.» — Но чадолюбивые родители, болѣзнуя сердцемъ своимъ о сынѣ, не преставали проливать слезъ и умоляли Святителя Христова, да испроситъ ему у Бога прощеніе. Только ихъ болѣзнованіемъ преклоненный, Парѳеній благословилъ юношу и, помолившись Господу, исцѣлилъ его.

Дѣти! ужасайтесь оскорблять своихъ родителей; ихъ клятва низводитъ на васъ клятву небесную.

(*) Преподобный Парѳеній жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. въ царствованіе Константина Великаго. Память его Февраля въ 7 день.

Наилучшее Богослуженіе.

Преподобный Досиѳей (*), будучи одержимъ тяжкою болѣзнію, сказалъ одному великому старцу, именемъ Варсонофію: «Владыко мой, уже не могу въ живыхъ быти.»—На сіе Варсонофій отвѣчалъ: «чадо! иди съ миромъ, предстать Святѣй Троицѣ и моли о насъ.»

Братія, услышавъ сей отвѣтъ великаго старца, начали негодовать и говорить между собою: «что великое сдѣлалъ сей юный монахъ, что удостоился принять такой отвѣтъ отъ святаго Отца? мы не видѣли, чтобы онъ удручилъ себя постомъ или бдѣніемъ болѣе другихъ; напротивъ того, часто на *Всенощное служеніе* онъ приходилъ послѣ всѣхъ насъ, а иногда и дома оставался.

Когда сіи переговоры достигли слуха Варсонофіева, святый старецъ за общею трапезою спросилъ у братіи: «когда колоколъ призываетъ въ храмъ Господень, а у меня есть на рукахъ недугующій братъ: тогда что надлежитъ мнѣ дѣлать? оставить ли брата и итти въ церковь? или оставить церковь и утѣшать брата?» — «Помощь, оказываемую ближнему, безъ сомнѣнія Господь приметъ, въ семъ случаѣ, за истинное Богослуженіе,» отвѣчали иноки. — «А если силы мои отъ постничества ослабѣютъ столько, что я не могу надлежащимъ образомъ служить болящей братіи: долженъ ли я укрѣпить ихъ пищею, чтобы за недугующими ходить неусыпно? или продолжать свой постъ, хотя бы чрезъ сіе нѣчто отнималось у болящихъ, которые обыкновенно бываютъ прихотливы и взыскательны?»—«Для сего не надобно и не нужно оставлять поста, предписаннаго уставомъ обители, отвѣчали иноки: но самопроизвольный и чрезмѣрный постъ, кажется,

(*) Память преподобнаго Досиѳея Февраля въ 19 день.

въ семъ случаѣ не столько будетъ пріятенъ Богу, сколько попеченіе о всѣхъ нуждахъ больнаго брата.» — Вы разсуждаете справедливо, сказалъ тогда святый Варсонофій гласомъ учительскимъ: для чего же языку вашему даете свободу говорить иначе? Богобоязненный Досиѳей, имѣя попеченіе о недугующихъ нашихъ собратіяхъ, не столь рано приходилъ на Богослуженіе, какъ прочіе; не столь долговременно постился, какъ нѣкоторые изъ васъ... Но вы сами были свидѣтелями, сколь усердно и неусыпно служилъ онъ болящей братіи, съ какою любовію предупреждалъ строптивыя ихъ требованія и прихоти! мы не видѣли, чтобы онъ возропталъ когда нибудь на свои труды и усталость; напротивъ того, сколь часто видѣли его плачущимъ, какъ о величайшемъ согрѣшеніи, если когда, не въ силахъ будучи снесть излишнихъ требованій болящаго, что нибудь скажетъ ему съ сердцемъ.»

Сей старецъ вѣщалъ истину.—*И сынъ человѣческій, егда пріидетъ въ славѣ своей, и вси святіи Ангели съ нимъ*, скажетъ преподобному Досиѳею и всѣмъ, *сущимъ одесную Его: понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе: наслѣдуйте убо уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.*

Безпристрастіе къ себѣ и справедливость къ другимъ, или о томъ, что общую пользу должно предпочитать своей пользѣ (*).

По смерти иконоборнаго Царя Михаила, Павелъ—Патріархъ Цареградскій, мужъ добродѣтельный и благочестивый, хотѣлъ возстановить поклоненіе святымъ ико-

(*) Изъ житія святаго Тарасія, Патріарха Цареградскаго, котораго память празднуется Февраля въ 25 день.

намъ; но будучи боязливъ (*) и нерѣшителенъ, и не имѣя необходимонужнаго для высшихъ начальниковъ искуства, избирать достойныхъ людей себѣ въ помощники, не могъ начать столь великаго дѣла, тѣмъ паче, что иконоборство весьма укрѣпилось и своими поборниками имѣло первыхъ чиновниковъ Государства. Не предпріемля никакихъ средствъ, онъ только сѣтовалъ и сокрушался; и наконецъ, не ожидая успѣха, тайно удалился въ монастырь, и тамъ принялъ на себя схиму.

Царствующая тогда Ирина, мать малолѣтнаго Императора Константина, весьма удивилась, что Павелъ престолъ Патріаршества перемѣнилъ на тѣсную келлію инока. И поелику душу ея занимала одна великая мысль, чтобы немедленно возстановить православіе, то Императрица весьма безпокоилась, что сему дѣлу, за избраніемъ другаго Патріарха, надлежало остановиться. Благочестивая Государыня сама съ сыномъ своимъ прибыла въ монастырь, гдѣ находился Патріархъ, и уговаривала его, возвратиться на оставленный престолъ... Но Павелъ на всѣ ея просьбы съ тяжкимъ воздыханіемъ отвѣтствовалъ: «Государыня! церковное смущеніе принудило меня оставить престолъ Патріаршій. Сама вѣдаешь, сколько болѣзнуетъ Церковь ересію иконоборною; отъ долговременнаго лжемудрствованія она получила неисцѣльную язву. И я, злополучный, я самъ въ сѣтяхъ зловѣрія увязнулъ языкомъ и рукою—что безмѣрною печалію уязвляетъ душу мою. Нынѣ скиптръ самодержавія данъ отъ Бога въ руки благочестивыя; но я, не имѣя силъ и способности быть споспѣшникомъ твоихъ благихъ намѣреній, лучше хощу снити во гробъ, нежели взойти на степень Священно-

(*) Сія боязливость принудила его утвердить своимъ рукоприкладствомъ безбожныя правила иконоборнаго Собора.

начальника. Благочестивая Государыня! ты имѣешь искуснаго и неустрашимаго помощника въ твоихъ царскихъ палатахъ. Тарасій, первый вашъ совѣтодатель, достойнѣе меня престола Патріаршаго. Разумъ его силенъ отгнать лжесловіе еретическое. Облеки его въ санъ Святительскій, и вмѣстѣ съ нимъ избавь отъ скорби матерь нашу, Церковь Христову. Изъ сей пустыни я буду видѣть и радоваться, что мое мѣсто заступилъ достойный подвижникъ.»

Благочестивая Царица и сынъ ея Константинъ, увидѣвъ твердое намѣреніе Павла не принимать престола Патріаршаго, положили въ совѣтѣ возвести на оный Тарасія, котораго первымъ великимъ дѣломъ—былъ *седьмый Вселенскій Соборъ*.

Наказанный оскорбитель святыни.

Іуліанъ, дядя отступника Іуліана, нарочно отправленный имъ въ Антіохію, чтобы возстановить идолослуженіе, началъ волю своего Государя исполнять разграбленіемъ Соборной церкви, которая, по своему великолѣпію и богатству, называлась *Златою*. Всѣ церковнослужители отъ страха разбѣжались, кромѣ святаго Ѳеодорита (*), бывшаго церковнымъ сосудохранителемъ, который, не успѣвъ сберечь сокровищъ, Богу принадлежащихъ, не хотѣлъ беречь и самъ себя. Сего-то Іуліану и хотѣлось. Онъ отнялъ у Ѳеодорита ключи, а самого, связавъ и бросивъ въ темницу, пошелъ съ Феликсомъ, сокровищехранителемъ Царскимъ и съ воинскимъ отрядомъ въ храмъ Господень. Какъ тать и разбойникъ, онъ бросалъ

(*) Память св. Священномученика Ѳеодорита, Пресвитера Антіохійскаго, Марта въ 8 день.

въ громаду священные сосуды и *оклады* съ ликовъ Господнихъ. Потомъ сѣлъ на сію громаду сокровищъ, съ ругательствомъ повторяя нѣсколько разъ: «поди сюда, Галилеянинъ! защити твое богатство.»—Нѣкто изъ бывшихъ тутъ Христіянъ, именемъ Евзой, напомнилъ сему безумцу, чтобы онъ, если рѣшился быть святотатцемъ, по крайней мѣрѣ, воздержался отъ толь ужаснаго безчестія Святынѣ Господней и хулы Сыну Божію. Злодѣй, ударивъ его по главѣ, отвѣчалъ: «Христіяне не имѣютъ о себѣ промысла Божія; они изверги!» и остался въ сатанинскомъ положеніи.

Поругавшись надъ святынею и осквернивъ алтарь Господень (*), Іуліанъ началъ мучить служителя Божія Ѳеодорита, чтобы онъ—или возвратилъ имущества безсмертнымъ богамъ (такъ изъяснялся злобный чиновникъ; ибо Ѳеодоритъ при Равноапостольномъ Царѣ Константинѣ разорилъ нѣсколько идольскихъ капищъ и на ихъ мѣстѣ соорудилъ церкви), или заплатилъ бы имъ поклоненіемъ и жертвоприношеніемъ своего сердца. Но поелику человѣкъ Божій на всѣ требованія Іуліановы отвѣчалъ только обличеніемъ его и Царскаго богоотступничества, то мучитель повелѣлъ отрубить ему голову.

Но Всевышній изрекъ праведный свой судъ. Вскорѣ узрѣли на семъ извергѣ руку небесную, которая два мѣсяца удручала его отчаяніемъ, бѣшенымъ сумасшествіемъ и нестерпимыми болѣзнями, и наконецъ поразила бѣдственною смертію. Издыхавшій отправилъ къ Іуліану нарочнаго и заклиналъ его престать отъ гоненія.—«Сіе неправедно дѣло, писалъ онъ, которое я, изъ угожденія тебѣ, на себя принялъ, низвергло меня въ толь лютое состояніе.» Равнымъ образомъ и Феликсъ не избѣгъ

(*) Что сей злочестивецъ дѣлалъ въ алтарѣ у самаго Престола, о томъ и говорить срамно и страшно.

казни Божіей: вскорѣ извергъ онъ душу свою въ болѣзняхъ сколько мучительныхъ, столько и гнусныхъ.

Каковъ подвигъ, такова и награда.

Одинъ старецъ благочестивыми подвигами столько угодилъ Богу, что каждый день ему предлагаема была пища—невидимою рукою; ибо, входя по вечеру въ одинъ изъ своихъ вертеповъ, онъ обрѣталъ мягкій и чистый хлѣбъ; и когда ощущалъ, что плоть его требуетъ подкрѣпленія, поклонясь Богу, вкушалъ и опять начиналъ утѣшать душу свою пѣснопѣніемъ и словословіемъ Бога. Такимъ образомъ пустынножитель день отъ дня возрасталъ въ совершенствѣ человѣка по образу Божію.

Уже чудный старецъ о будущемъ воздаяніи не сомнѣвался и какъ бы въ рукахъ имѣлъ оное; а сіе было причиной его паденія.—Ему начало приходить на мысль, будто онъ болѣе всѣхъ отшельниковъ и болѣе другихъ имѣетъ у Бога благодати; а что всего опаснѣе, онъ уповалъ въ себѣ, что отнюдь не можетъ поскользнуться отъ толь высокаго житія въ добродѣтеляхъ. Отъ сего чрезъ нѣсколько времени родилось въ немъ какое-то уныніе; отъ унынія возрасла лѣность: старецъ началъ ранѣе ложиться и позже вставать на псалмопѣніе; и молитвы его были кратчайши прежнихъ. Онъ смущался, волновался мыслями и, тайно отъ самого себя, часто помышлялъ нѣчто нелѣпое; хотя прежній навыкъ иногда исторгалъ его отъ лѣности и смущенія, но онъ опять низвергался въ оныя.

Однажды, при закатѣ солнца, послѣ молитвъ, вошедъ

(*) Повѣсть Преподобнаго Іоанна Прозорливаго, пустынника и затворника Египетскаго, котораго память Марта въ 27 день.

въ вертепъ, онъ нашелъ посылаемый ему отъ Бога хлѣбъ, но уже не такъ чистый, какъ прежде; и хотя испугался сей перемѣны, однако, укрѣпивъ свои силы, не отвергъ нечистыхъ помысловъ и даже находилъ въ нихъ услажденіе. На другой день, также послѣ обыкновенныхъ, хотя помыслами и расторгаемыхъ молитвъ, онъ обрѣлъ хлѣбъ свой, но черный и черствый. Взалкавшій старецъ, вкушая, тужилъ духомъ; но вмѣсто того, чтобы въ измѣняющемся хлѣбѣ узрѣть образъ своей измѣняющейся души, онъ умножилъ пагубныя помышленія и самъ, кажется, старался согрѣвать ихъ, какъ змію въ нѣдрахъ. Однако же и на третій день, хотя съ трудомъ, совершилъ *правило* и ввечеру пошелъ въ вертепъ. Но какъ ужаснулся онъ, когда узрѣлъ одни остатки хлѣба, раздробленные и по земли разбросанные, зеленью и пылью покрытые! Старецъ вздохнулъ и прослезился; но не столько сокрушилъ сердце свое, сколько бы довлѣло къ обузданію страстей, на него *воюющихъ*. Онъ собралъ валяющіяся крохи и, не много вкусивъ, легъ уснуть. Вдругъ нашло на него облако густѣйшихъ помышленій, влекущихъ его изъ уединенія въ міръ; тягота ихъ давила его и не давала прійти въ чувство. Наконецъ, не помня самъ себя, онъ возсталъ и нощію пошелъ глухою пустынею, желая достигнуть жилищъ человѣческихъ, чтобы отвергнуть тамъ одежду Ангельскую.

Спасительная бесѣда.

Погибъ бы сей, столько прежде Богомъ возлюбленный старецъ, если бы Его милосердіе, которое и прежде безмолвіемъ измѣняющагося хлѣба, велегласнѣе грома, вѣщало ему: *познай себя!* другимъ образомъ не возвратило его на путь спасенія. Сію перемѣну произвелъ слѣдующій случай.

Старецъ всю нощь шелъ по глубокимъ пескамъ и не чувствовалъ усталости; но когда наступилъ день, и солнце начало обливать его зноемъ, онъ утомился и изнемогъ; смотрѣлъ туда и сюда, не найдетъ ли какого-нибудь монастыря, чтобы, совратившись съ пути, принять въ немъ успокоеніе—что по смотрѣнію Божію вскорѣ и случилось. Онъ поспѣшно вошелъ въ оный, и братіею встрѣченъ былъ съ почтеніемъ и любовію. Какъ великому отцу, они умыли ему ноги и предложили трапезу; когда же старецъ укрѣпился пищею, просили его, дабы сказалъ имъ *слово спасенія*. Идущій къ погибели путникъ не отрекся и началъ отечески увѣщевать ихъ, да будутъ крѣпки и постоянны въ подвигахъ, яко трудники, вскорѣ надѣющіеся получить отъ Христа успокоеніе. Онъ говорилъ имъ о постничествѣ, о молитвѣ, о смиренномудріи, о великой наукѣ: *знать самихъ себя*, словомъ, о всѣхъ добродѣтеляхъ, которыхъ отрекся самъ. Спасительная бесѣда продолжалась далѣе полночи; и — братія, отходя ко сну, благославляли его, какъ одного изъ древнихъ святыхъ учителей, и благодарили Бога за сей даръ, внезапно имъ ниспосланный.

Оставшись одинъ, когда путешественникъ легъ уснуть, вдругъ обнялъ его нѣкоторый страхъ—онъ началъ размышлять, какъ, другихъ научая, о себѣ не брежетъ; другихъ наставляетъ на путь спасенія, а самъ идетъ въ бездну погибели. Симъ образомъ размышляя, онъ воспрянулъ съ одра и, не простясь съ гостепріимною братіею, въ ту же минуту сокрылся. Онъ не шелъ уже, но бѣжалъ на первое свое мѣсто, рыдая о своемъ паденіи. *Аще не Господь помогъ бы мы*, задыхаясь отъ усталости, говорилъ онъ, *вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя*.

Ни дальній путь, ни топкіе пески, ни рыкающіе въ

темнотѣ ночной звѣри, ни пламень полудневнаго свѣтила, ни самая ветхость силъ не могли преклонить его къ отдохновенію. Онъ возвратился въ свою келлію, палъ на землю и, посыпая голову свою перстію, плакалъ и рыдалъ нѣсколько дней, пока гласъ небесный извѣстилъ его, что Господь принялъ его покаяніе. Но хлѣбъ, отъ Бога ниспосылаемый, уже отнятъ былъ у него навсегда, и старецъ съ того времени искалъ себѣ пропитанія отъ труда рукъ своихъ.

Христіяне! если бы милосердный Богъ несчастному старцу не указалъ святой обители, то вихрь свѣта увлекъ бы его невозвратно; если бы сей Богъ не вложилъ въ сердце гостепріимной братіи требовать отъ него *слова спасенія*—не умилилась бы душа его... Да вѣруемъ убо, что нехотящій смерти грѣшниковъ употребляетъ всѣ возможныя средства *еже обратиться* намъ. Мы сами виновны, что не употребляемъ надлежащаго вниманія, чтобы ихъ увидѣть и воспользоваться ими. Все, что мы, по неразумѣнію или по одной привычкѣ, называемъ случаемъ, есть дѣйствіе благодѣющаго Промысла.

Свыше вдохновенное любопытство.

Осмнадцатилѣтній отрокъ, именемъ Астіонъ (*), сынъ знаменитыхъ родителей, однажды съ пріятелями вышелъ для прогулки за городъ. Тамъ настаждаясь благорастворенiемъ воздуха, они уклонялись далѣе и далѣе, и наконецъ непримѣтно очутились въ лѣсу предъ низкою и ветхою хижиною. Вдругъ Астіона объяло какое-то тайное желаніе узнать, кто тутъ обитаетъ; и хотя товарищи говорили, что это жилище дровосѣка или лѣснаго

(*) Память его въ 7 день Марта.

стража, но Астіонъ (такъ сердце его возбуждала благодать Божія!) непремѣнно хотѣлъ войти въ хижину. Спутники разсмѣялись надъ его любопытствомъ и сѣли на траву. Астіонъ постучался въ дверь, и — немедленно встрѣченъ былъ достопочтеннымъ старцемъ, который принялъ его ласково, посадилъ подлѣ себя и началъ спрашивать: откуда онъ? и чей сынъ? Астіонъ, объявивъ о себѣ и о своемъ родѣ, примолвилъ, что родители чрезвычайно любятъ его. Тогда старецъ сказалъ: «они и должны любить тебя больше, нежели родительскою любовію; ибо блаженная душа твоя любезна и самому Христу Спасителю нашему, который избралъ ее, какъ вижу, себѣ въ служеніе.» Астіонъ, хотя былъ воспитанъ въ идолопоклонствѣ, но при имени Іисуса Христа оказалъ благоговѣніе. Тогда обрадованный Епиктетъ (имя старцево) отверзъ свои уста и началъ вкратцѣ объяснять: какой былъ предвѣчный совѣтъ Тріипостаснаго Бога о человѣкѣ; какъ Сынъ Божій воплотился и пострадалъ, какая жизнь и блаженство ожидаютъ истинныхъ Богопочитателей: какъ, любя своихъ родителей по плоти, больше всего должно любить Отца небеснаго; какъ Христова Церковь *крещеніемъ раждаетъ въ безсмертіе* чадъ своихъ.... Благоразумный юноша слушалъ съ великимъ усердіемъ, всему вѣровалъ, далъ клятву быть почитателемъ Христовымъ и разстался съ мудрымъ Епиктетомъ не прежде, какъ сопутники начали его кликать.

На другой день Астіонъ, уже одинъ, опять посѣтилъ старца, и съ того времени, каждое утро и каждый вечеръ онъ ходилъ будто для прогулки въ сей лѣсъ. Такъ мудрая пчела любитъ летать въ тѣ мѣста, гдѣ надѣется обрѣсти сладкій медъ. Когда же научился всѣмъ истинамъ Вѣры Евангельской, тайно принялъ святое крещеніе. А чрезъ нѣсколько лѣтъ блаженная душа Асті-

Digitized by Google

она, уже ликуя съ Ангелами, имѣла радость, видѣть рабами Христовыми и своихъ родителей.

Христіянское общество, или разность между христіянами и нехристіянами въ отправленіи обязанностей, возлагаемыхъ отечествомъ.

Когда Константинъ Великій воевалъ противъ Максентія, одинъ изъ чиновниковъ, которымъ поручено было образовать или пополнить легіоны въ Египетъ и между прочими людьми записалъ въ военную службу двадцатилѣтняго Пахомія (*). Новонабранные воины, будучи отправлены моремъ, пристали къ нѣкоторому Христіянскому въ Ѳиваидѣ городу, *Оксиринхъ* называемому: и поелику во времена тогдашнихъ Императоровъ, другъ у друга безпрестанно оспоривающихъ владычество, любовь къ отечеству изсякла въ Римлянахъ (а Пахомій, сверхъ того, былъ иноземецъ), то молодые воины, для предупрежденія побѣговъ, содержались тутъ подъ крѣпкою стражею. Самъ Пахомій, имѣя тѣ же чувствованія, имѣлъ ту же и участь. Но сіе послужило къ его спасенію.

Граждане Оксиринхскіе, едва узнали о прибытіи оруженосныхъ странниковъ, начали стекаться толпами, стараясь одинъ предъ другимъ оказать имъ всевозможную помощь: приносили пищу, бѣлье, деньги. Между сими благодѣтелями Пахомій увидѣлъ подобныхъ себѣ воиновъ, только что обреченныхъ къ оружію... Будучи принужденно поставленъ на сію чреду, онъ долго удивлялся, почему обременяющія его узы не есть участь начинающихъ воинствовать гражданъ Оксиринскихъ? и къ вящ-

(*) Память преподобнаго Пахомія, послѣ нареченнаго Великимъ, Мая въ 15 день.

шему изумленію услышалъ, что они, какъ Христіяне, почитаютъ за величайшее преступленіе исполнять принужденно тѣ должности, которыя возлагаетъ на нихъ Отечество... Имя Христіянъ, о которыхъ Пахомій прежде слышалъ столь много чудеснаго, ихъ готовность проливать кровь свою за власть Предержающую — все сіе побудило Пахомія войти въ подробные вопросы о жителяхъ Оксиринскихъ; ибо благодать Божія начала пріуготовлять его къ совершеннѣйшему познанію истины.

Христіяне девятагонадесять вѣка! удивляйтесь вмѣстѣ съ Пахоміемъ сему благословенному граду; но удивленіе ваше да будетъ растворено любоподражаніемъ, а не глумленіемъ свѣта, будто бы столько ревнующее по Богѣ общество не можетъ быть сильно, благополучно и славно.—Любопытствующій Пахомій узналъ, что въ Оксиринхѣ, еще до Константина Великаго, подъ ужасомъ гоненій, всѣ идольскія капища были обращены въ храмы Христовы, которые составляли первое украшеніе града. Стѣны и башни наполнены были живущими въ нихъ святыми отшельниками, которые неусыпно молились о благосостояніи отечества и поучали народъ вѣрѣ и добродѣтели. Не было въ немъ ни одного еретика, ни одного идолопоклонника. Преступленія были столь рѣдки, что наказанія знали токмо по слуху. Готовность служить отечеству, въ какомъ бы званіи ни случилось, была столь пламенна, что Оксиринхцы крайне удивились, видя младыхъ воиновъ, стрегомыхъ подобно невольникамъ и пріемлющихъ обязанность *не за совѣсть*, но за единый *страхъ*. Начальство въ градскихъ вратахъ имѣло нарочную стражу, которой поручено было принимать всѣхъ пришельцевъ и сопровождать въ общественныя гостинницы, гдѣ питали ихъ и упокоивали. Граждане, ревнуя страннопріимному правительству, предва-

ряли одинъ другаго оказать ту же добродѣтель, и тотъ день почитали праздникомъ, въ который введутъ какого либо пришельца въ домъ свой. Общее братолюбіе было столь велико, что весь градъ казался однимъ великимъ семействомъ. Но при семъ множествѣ святыхъ иноковъ и святыхъ дѣвъ, при непрестанномъ упражненіи въ Христіянскихъ добродѣтеляхъ, градъ былъ богатъ и цвѣтущъ, давалъ лучшихъ воиновъ отечеству, и болѣе прочихъ вспомоществовалъ въ нуждахъ государственныхъ. Таковы плоды истиннаго Христіянства!

Пахомій возлюбилъ вѣру Евангельскую; въ сердцѣ его воспламенился страхъ Божій; душа возрадовалась о имени Христовомъ. Уединившись отъ своихъ товарищей, онъ простеръ руки свои къ небу и далъ ненарушимый обѣтъ всегда ходить по заповѣдямъ Христовымъ.

Съ того времени Пахомій соблюдалъ себя отъ всѣхъ пороковъ, которымъ иногда подвергаются военные люди, и храбро и усердно служилъ на полѣ брани чрезъ всю войну съ Максентіемъ. Когда же Константинъ восторжествовалъ надъ симъ мятежникомъ, распустилъ нѣкоторую часть войска, Пахомій возвратился въ свое отечество и принялъ святое Крещеніе.

Сила молитвы.

Въ одно время, въ Милитинѣ Арменской была чрезвычайная засуха: отъ чего неминуемо угрожалъ голодъ, и сѣтованіе жителей день отъ дня умножалось. Наконецъ всѣ прибѣгли къ Епископу своему, преподобному Акакію (*), чтобы онъ умолилъ Бога явить къ нимъ ми-

(*) Сей Святитель жилъ въ царство Ѳеодосія Втораго, въ началѣ V вѣка. Память его Апрѣля въ 17 день.

лость свою. Святитель, собравъ народъ, уже алкать начинающій, пошелъ къ церкви святаго Великомученика Евстафія, внѣ града бывшей, умоляя страдальца Христова участвовать въ ихъ молитвѣ и вмѣстѣ съ ними испросить у Бога дождь земли изсохшей. Здѣсь, избравъ близь церкви лучшее мѣстоположеніе, онъ велѣлъ принесть и поставить Божественный престолъ; и на открытомъ полѣ, безъ крова, началъ совершать безкровную жертву, слезныя къ небу возводя очи. Уповая на всемогущество и милосердіе Божіе, Акакій вино не растворилъ водою, но умъ свой вперивъ въ Бога, прилежно молился, да онъ самъ свыше дождемъ растворитъ святую чашу и вкупѣ напоитъ изсохшую землю. Сія молитва столь сильна была у Бога, что немедленно проліялся великій дождь, и растворилъ вино водою, земную стихію — стихіею водною, а сердце народа — радостію.

Раскаяніе одного и незлобіе другаго.

Когда Иродъ за проповѣдь Евангельскую осудилъ на смерть святаго апостола Іакова Заведѣева (*), тогда Іудеянинъ, именемъ Іосія, одинъ изъ оклеветавшихъ его, видя мужество и дерзновеніе по Господѣ святаго Іакова, позналъ истину его ученія, увѣровавъ во Іисуса Христа и всенародно исповѣдалъ воплощеніе, вольную страсть и воскресеніе Мессіи: за что и осужденъ былъ на смерть вмѣстѣ съ Апостоломъ. Когда привели ихъ на мѣсто казни: Іосія, повергшись къ стопамъ святаго Іакова, умолялъ его, дабы простилъ ему грѣхъ, въ невѣдѣніи содѣянный. Кроткій проповѣдникъ человѣколюбія Еван-

(*) Святый Апостолъ Іаковъ, братъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, былъ вторый по св. Архидіаконѣ Стефанѣ мученикъ.

гельскаго обнялъ его и, облобызавъ, сказалъ: «Господь да благословитъ тебя!» Послѣ сего оба приклонили подъ мечъ главы свои.

Молитва и смерть подвижника Христова.

Преподобный Марко Ѳраческій (*), жившій въ пустынномъ вертепѣ девяносто пять лѣтъ, единственно для прославленія имени Божія, узнавъ время своей кончины, просилъ Господа, дабы для его погребенія послалъ онъ Авву Серапіона. Молитва была услышана. Серапіонъ, руководимый Ангеломъ, достигъ Ѳраческой горы и преподобнымъ Маркомъ встрѣченъ съ радостію.

По взаимномъ цѣлованіи, чудный пустынножитель разсказалъ святому Серапіону всѣ происшествія своей жизни, борьбу души противу страстей, на нее воюющихъ, и свое торжество надъ безплотными губителями. Серапіонъ ничего не видѣлъ, кромѣ Марка, ничего не слышалъ кромѣ повѣсти о его равноангельской жизни, и два дни показались ему однимъ часомъ. На другую ночь они пребыли безъ сна: одинъ пріуготовлялся къ смерти, другой благодарилъ Бога, что сподобился узрѣть толь великаго старца.

Совершивъ молитву, преподобный Марко сказалъ ему: «великъ для меня день сей! великъ паче всѣхъ дней живота моего! днесь разрѣшается душа моя отъ плотскихъ страданій и грядетъ упокоиться въ обителяхъ небесныхъ; днесь почіетъ тѣло мое отъ трудовъ и болѣзней. Отхожу отъ временныя жизни, и всѣмъ остающимся на земли желаю спастися... Да спасутся постники, по горамъ и пустынямъ

(*) Память преподобнаго Марка Аѳинскаго, водвизавшагося въ горѣ Ѳраческой, что въ Еѳіопіи, Апрѣля въ 5 день.

для Бога скитающіеся! да спасутся узники Христовы, за истину гонимые! да спасутся обители святыя и церкви Господни! да спасутся Священники, ходатаи къ Богу о людяхъ Его! да спасутся человѣколюбцы, пріемлющіе странныхъ, яко самого Христа! да спасутся богатые, о Господѣ богатѣющіе, и бѣдные, Господа ради обнищавшіе! да спасутся благочестивые Цари, утѣшеніе народовъ своихъ! да спасутся градодержцы, правду милосердіемъ растворяющіе! да спасутся Христолюбивые воины, за Вѣру, Царя и Отечество кровь проливающіе! да спасутся смиренномудрые и трудолюбивые подвижники! да спасутся всѣ другъ друга о Христѣ любящіе! да спасутся чада Царствія небеснаго, усыновленныя Христу святымъ Крещеніемъ! Спасена буди вся земля и всѣ, на тебѣ живущіе!»—Потомъ, взявъ Серапіона за руку и облобызавъ, присовокупилъ: «спасися и ты, возлюбленный о Христѣ братъ.» Святый Серапіонъ возрыдалъ и внезапно услышалъ гласъ небесный: «гряди, Марко! гряди вѣрный рабъ мой! почій во свѣтѣ радости и духовной жизни.»—Онъ устремилъ на небо взоръ свой и узрѣлъ душу Марка, руками ангеловъ возносиму. Сердце его летѣло въ слѣдъ за нею, пока боголѣпное видѣніе сокрылось отъ очей его.

Такъ преставился къ Богу святый Марко.—Уже бездыханный, онъ еще стоялъ на колѣнахъ, простерши руки свои къ небу. Святому Серапіону казалось, что Угодникъ Божій еще молится... Но охладѣвшее тѣло требовало погребенія.

Святое дерзновеніе.

Святый Василій Анкирскій (*), который въ царствованіе Константина геройски противоборствовалъ Аріанской ереси, и при Іуліанѣ показалъ себя истиннымъ героемъ Вѣры. Онъ ходилъ всюду, гдѣ только надѣялся найти Христіянъ, и съ великимъ дерзновеніемъ всенародно и втайнѣ ободрялъ ихъ, крѣпко держаться ученія и благодати Іисуса Христа, и отъ всѣхъ сквернъ языческихъ соблюдать себя безпорочными, а особливо остерегаться прелестей, которыя богоотступникъ предлагалъ имъ въ богатствѣ и почестяхъ. Въ одно время, нечаянно явившись на площади, гдѣ тогда язычники приносили торжественную жертву идоламъ, святый Василій при всемъ народѣ палъ на колѣна и, воздѣвъ руки свои къ небу, съ сокрушеніемъ сердца молилъ Бога, да кромѣ сихъ заблуждшихъ людей, ни одного изъ Христіянъ *не предастъ Онъ въ умъ неискусенъ творити неподобная*, но паче и сихъ несчастныхъ да приведетъ ко свѣту истины.—«О Спасителю міра Христе! Свѣте назаходимый! вопіялъ онъ: вѣрныхъ сокровище! волею Отчею прогоняяй тьму, и Его Духомъ вся наставляяй! Призри святымъ и страшнымъ твоимъ окомъ, и виждь, яко вѣра Твоя потребляется паче всѣхъ временъ отъ лица земли.»—Здѣсь его схватываютъ, влекутъ на мученія; и непобѣдимый воинъ Христовъ съ веселымъ постоянствомъ вытерпѣлъ ужаснѣйшую пытку. Изумленный Фрументій (имя мучителя) представляетъ святаго Василія лицу Іуліанову, который осыпаетъ его сначала ласканіями, потомъ ругательствами. На все сіе Праведникъ, погрозивъ ему перстомъ, спокойно сказалъ: *вскорѣ отъято бу-*

(*) Его память Марта въ 22 день.

деть у тебя Царство, яко не помянулъ еси воздаяній Христовыхъ, ни устыдился еси олтаря, имже спасенъ былъ еси отъ убійственныя смерти, егда тебя, осмилѣтня отрока суща, Священное мѣсто сокры (*). Послѣ сего воинъ Христовъ съ радостнымъ лицемъ пошелъ въ темницу, гдѣ, пронзенный раскаленнымъ желѣзомъ, предалъ Господу чистую душу.

Таковый же примѣръ Божественнаго дерзновенія представляетъ святая Публія (**), Діаконисса Антіохійской церкви, которая, собравъ нѣсколько Христіянскихъ дѣвицъ, поучала ихъ вѣрѣ и благочестію и вмѣстѣ съ ними молилась объ утоленіи свирѣпѣющаго инолопоклонства. Сколько ни случалось Іуліану проходить мимо ея дома, онъ всегда слышалъ пѣніе: *идоли языкъ, дѣла рукъ человѣческихъ; подобни имъ да будутъ творящіи я, и вси надѣющіися на ня*. Раздраженный Іуліанъ наконецъ потребовалъ святую Публію предъ себя и посреди народа приказалъ одному изъ оруженосцевъ дать ей нѣсколько заушеній. Сіе безславіе она приняла за славу и на каждый ударъ отвѣчала молитвою: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!..* Если богоотступникъ не повелѣлъ предать ее мучительной смерти, то потому только, что постыдился излить гнѣвъ свой на слабую, какъ говорилъ онъ, женщину.

Святый Аѳанасій (***), Архіепископъ Александрійскій, котораго злоба Іуліанова преслѣдовала и въ Египтѣ, принужденъ былъ уйти изъ Александріи. Восходя на ко-

(*) Слова Честь-Минеи. Іуліанъ во время убіенія Константіемъ его отца и дядей, былъ сохраненъ въ алтарѣ, по объявленію нѣкоторыхъ, Маркомъ Ареѳусійскимъ.

(**) Память святой Публіи Октября въ 9 день. Сія благочестивая жена, поживъ краткое время въ супружествѣ, родила святаго Іоанна Пресвитера, а овдовѣвъ, посвятила себя на служеніе Богу.

(***) Его память Января въ 18 день.

рабль, онъ въ утѣшеніе сопровождающихъ его друзей сказалъ: «не страшитесь, чада мои! Іуліанъ есть только небольшое облако, которое пройдетъ скоро.» — А когда примѣтилъ, что преслѣдователи, за нимъ посланные, уже приближаются, обратясь къ устрашеннымъ спутникамъ, сказалъ: «возвратимся назадъ и пойдемъ смѣло на встрѣчу нашимъ гонителямъ: вы увидите, сколь сильнѣе Тотъ, кто за насъ, нежели тотъ, кто на насъ.»—Кормчій, ободренный дерзновеніемъ Святаго, поворотилъ корабль, и враги близъ ихъ проплыли мимо, какъ будто видя не видѣли, или не имѣли до нихъ никакого дѣла. Святый Аѳанасій возвратился въ Александрію и жилъ сокровенно до смерти богоотступника.

Святый Ѳедоръ (*), Антіохійскій юноша былъ обвиненъ за благочестивую ревность. Когда Христіяне, въ безмолвной печали, поднимали чудотворныя мощи святаго Вавилы, чтобы отъ сосѣдства Аполлонова, какъ выражался Іуліанъ, унести ихъ обратно въ Соборную церковь, то Ѳеодоръ въ самой *Дафнѣ* (**) пѣлъ священныя пѣсни во славу Іисуса Христа и Его Страстотерпцевъ. Сіе святое дерзновеніе сочтено было оскорбленіемъ величества языческихъ боговъ. Отъ утра до вечера юный Христіянинъ лежалъ распростертый подъ ужаснѣйшими пытками. Его тѣло было истерзано, но герой вѣры не измѣнился даже въ лицѣ, и съ веселымъ духомъ и пламенною ревностію продолжалъ святое пѣснопѣніе. Сіе безпримѣрное великодушіе изумило мучителей; и Саллюстій, Градоначальникъ Антіохійскій, сдѣлалъ убѣдительное представленіе Іуліану, дабы престалъ гнать

(*) Его память Ноября въ 22 день.
(**) См. въ IV части подъ 4 числ. Сентября.

Христіянъ; ибо ихъ вѣра непобѣдима. Послѣ сего святый юноша былъ отпущенъ.

Порокъ безобразитъ не только душу, но и самую наружность человѣка.

Одинъ молодой инокъ, жившій въ келліи преподобнаго Пафнутія (*), будучи за монастырскимъ дѣломъ въ городѣ, увидѣлъ *на гуляньи* разнаго состоянія и пола людей. Еще не отвыкнувъ отъ мірскихъ пристрастій, онъ остановился и, услаждаясь непозволеннымъ ему зрѣлищемъ, съ сожалѣніемъ воспоминалъ дни, проведенные имъ въ мірѣ.

Такимъ образомъ умедливъ нѣсколько времени, инокъ возвратился къ святому старцу и, заставъ его за книгою, доложилъ о своемъ дѣлѣ. Но Пафнутій, едва возрѣлъ на него, вдругъ позналъ нечистые помыслы, смущающіе душу его... «Се человѣкъ! уже не таковъ, какъ прежде»—сказалъ онъ и отвратилъ отъ него лице свое. Изобличенный инокъ затрепеталъ, и видя, что старецъ не хочетъ съ нимъ болѣе говорить, вышелъ вонъ...

Уже назавтра, по совѣту одного престарѣлаго брата, испросивъ у святаго Настоятеля прощеніе и принявъ спасительные уроки воздержанія и цѣломудрія, сей инокъ успокоился.

(*) Преподобный Пафнутій *Боровскій* былъ внукъ одного изъ Татарскихъ чиновниковъ, называемыхъ Баскаками, который пришелъ въ Россію въ Батіевомъ войскѣ и, тутъ оставшись, крестился. Преподобный Пафнутій родился въ селѣ Кудиновѣ недалеко отъ Боровска, постригся 20 лѣтъ, 20 лѣтъ исправлялъ разныя монастырскія службы, Игуменомъ былъ 13 лѣтъ, въ Схимонашествѣ подвизался 27 умеръ въ 1477 году по Р. Х. Память его Мая въ 1 день.

Небесная помощь.

Благовѣрный Князь, Александръ Невскій, вступивъ съ Новгородскимъ войскомъ въ Ингерманландію, чтобы очистить ее отъ Шведовъ, въ слѣдующее утро намѣревался дать битву. Одинъ изъ воеводъ его, именемъ Филиппъ, мужъ богобоязненный, имѣя порученіе ночью наблюдать движеніе непріятелей, на зарѣ утренней внезапно увидѣлъ плывущій по Невѣ корабль, посреди котораго стояли святые мученики Борисъ и Глѣбъ (*); а гребцы сидѣли *одѣянны мглою*. Тогда святый Борисъ сказалъ святому Глѣбу: «любезный братъ! ускоримъ шествіе, да поможемъ нашему сроднику Александру противу неистовыхъ Шведовъ.»—Устрашенный и вмѣстѣ обрадованный Воевода немедленно возвѣстилъ свое видѣніе Князю. Одушевленный небесною помощію, Александръ далъ сраженіе, разбилъ враговъ и, преслѣдуя ихъ по ихъ же трупамъ до кораблей, ранилъ въ лице самого Короля. Послѣ сего мѣсто битвы онъ назвалъ *побѣдою* (викторія); а самъ отъ современниковъ и потомства наименованъ *Невскимъ*. Здѣсь-то Петръ Великій, во славу Бога, въ Троицѣ славимаго, и во имя Александра Невскаго, соорудилъ знаменитую обитель, гдѣ и нынѣ почиваютъ чудотворныя мощи его.

Совершенство безмолвія.

Преподобный Арсеній Великій ничего такъ не желалъ какъ уединенія, и безъ крайней нужды не показывался даже пустынножителямъ. Почему Авва Марко однажды спросилъ у него: «Отче! почто отъ насъ удаляешься?»—

(*) Память Св. мучениковъ Бориса и Глѣба Мая во 2 день.

«Богу извѣстно, что люблю васъ, отвѣчалъ Арсеній: но не могу обращеніе съ людьми предпочесть обращенію съ Богомъ; ибо горнихъ Силъ тысяща тысящъ обитаютъ на небеси, но всѣ имѣютъ одну волю и единодушно славятъ Бога; а на земли человѣческія воли безчисленны и помышленія различны. Какъ же могу оставить Бога и жить съ людьми?»

Установивъ таковый образъ житія, Арсеній Великій по большей части оставался безмолвенъ, когда кто нибудь изъ братій или изъ *мірянъ* его посѣщали. Слѣдующее происшествіе покажетъ, какъ онъ поступалъ иногда съ посѣтителями, какъ свѣтъ о немъ думалъ и сколько уединеніе и безмолвіе прославили его у Бога. Нѣкоторый братъ пришелъ издалека въ скитъ единственно для того, чтобы увидѣть Арсенія, и упросилъ одного изъ церковнослужителей, чтобы представилъ его къ сему великому старцу. Когда они постучались у дверей его келліи, Арсеній впустилъ ихъ и сѣлъ безмолвно, потупивъ глаза въ землю. Пришельцы также сидѣли и молчали. Прошло нѣсколько времени, и ни одинъ изъ трехъ не отверзъ устъ своихъ. Наконецъ церковнослужитель, отозвавшись недосугомъ, пошелъ вонъ; странникъ, посовѣстившись остаться одинъ съ безмолвнымъ Арсеніемъ, также поклонился ему и вышелъ. Сожалѣя, что рѣшился на толь дальный путь и потерялъ столько времени, а не могъ услышать ни одного слова отъ Арсенія, странникъ попросилъ церковнослужителя проводить его къ преподобному Моисею. Какая разность въ принятіи и обхожденіи! Моисей встрѣтилъ ихъ съ радостію, упокоилъ, угостилъ; подавалъ имъ наставленія, самъ требовалъ отъ нихъ совѣта и, явивъ всевозможную любовь, напутствовалъ ихъ благословеніемъ. Идучи дорогою, церковнослужитель сказалъ страннику: «ты видѣлъ нынѣ обоихъ, Арсенія и

Моисея; скажи же, который изъ нихъ показался тебѣ лучшимъ?»—«Безъ сомнѣнія, тотъ, который принялъ насъ съ братскою любовію»—отвѣчаль странникъ. Сей разговоръ между ними услышалъ одинъ ветхій деньми старецъ и, восхотѣвъ узнать: безмолвіе ли Арсенія или собесѣдничество Моисея болѣе угодно Богу, началъ молиться и просить небеснаго откровенія. Чрезъ нѣсколько времени онъ узрѣлъ въ видѣніи два корабля, по рѣкѣ плавающіе: въ одномъ изъ нихъ былъ Арсеній, и Духъ Божій въ глубокомъ безмолвіи управлялъ кораблемъ; въ другомъ—находился Моисей, и Ангелы Божіи, управляя кораблемъ, въ уста его влагали медъ. Сіе откровеніе старецъ объявилъ прочимъ мудрымъ старцамъ; и всѣ они разсудили, что безмолвствующій Арсеній совершеннѣе, нежели Моисей, всѣхъ пріемлющій; ибо съ Арсеніемъ самъ Богъ, а съ Моисеемъ Ангелы Божіи пребываютъ.

Единочасное покаяніе.

Одна богатая дѣвица, родомъ Египтянка, оставшись сиротою, нѣсколько времени жила богоугодно. Къ несчастію, успѣли съ нею познакомиться развратные изъ обоего пола люди, и неопытную дѣвицу сдѣлали столь же развратною. Несчастная погрязла въ порокахъ, какъ голубица въ сѣтяхъ запутавшаяся. Скитскіе отцы, которые знали добродѣтельныхъ ея родителей, душевно сожалѣя о погибающей отроковицѣ, положили твердое намѣреніе спасти ее и поручили преподобному Іоанну Колову, наставнику Великаго Арсенія, итти къ бѣдной дѣвицѣ и преклонить ее къ покаянію; а сами, возложивъ на себя постъ, начали молиться, да Господь поможетъ Іоанну.

Великій старецъ, при первомъ воззрѣніи на отроко-

вицу, воздохнулъ тяжко и, преклонивъ главу, горько заплакалъ... Сей внезапный поступокъ, какъ стрѣла огненная, пронзилъ ея сердце. Ужаснувшись сама себя, она спросила: «Авва! есть ли грѣшникамъ покаяніе?»—«Есть! есть! воскликнулъ Іоаннъ: Спаситель готовъ принять тебя въ отеческія объятія; и я ручаюсь въ томъ, что днесь же—томко искренно обратись къ Богу—возрадуются о тебѣ Ангелы, какъ о невѣстѣ Христовой.»—Выслушавъ сіе, отроковица сказала; «буди воля Господня! возьми меня, Авва, съ собою и отведи туда, гдѣ знаешь мѣсто, удобное къ покаянію.»—Іоаннъ назначилъ безмолвнѣйшую изъ женскихъ обителей; и она тогда же оставила домъ свой, не сдѣлавъ никакого о своемъ имуществѣ распоряженія. Старецъ шелъ впереди; отроковицѣ слѣдовала за нимъ издалека.

Когда они достигли пустыни, уже наступила ночь. Іоаннъ сдѣлалъ изъ песку возглавіе и сказалъ ей: «почій здѣсь, и спи покрываема благодатію Божіею.» Онъ оградилъ ее крестнымъ знаменіемъ и ушелъ на близслучившееся возвышеніе, гдѣ, совершивъ обыкновенныя молитвы, возлегъ на землю и уснулъ.

Въ полунощи пробудившись, Іоаннъ узрѣлъ блистаніе свыше и, возведъ очи, увидѣлъ свѣтлый, радужный путь, отъ небесъ къ спящей отроковицѣ простирающійся. Смотря на нее пристально, онъ узрѣлъ Ангеловъ Божіихъ, душу ея симъ путемъ къ небу возносящихъ. Іоаннъ смотрѣлъ дотолѣ, пока дивное видѣніе отъ очей его сокрылось. Возставъ, онъ пошелъ къ ней, и—обрѣлъ ее умершу. Старецъ повергся лицемъ на землю предъ Богомъ; ибо его объялъ страхъ и трепетъ. Тогда былъ къ нему гласъ свыше: «покаяніе ея, единымъ часомъ содѣянное, пріятнѣе Богу паче тѣхъ, которые каются цѣлыя десятилѣтія, но такой горячности къ Богу не являютъ.»—

Іоаннъ пробылъ въ молитвѣ до свѣта утренняго и погребъ честное тѣло отроковицы. Вся Египетская пустыня и самый міръ прославили милосердіе Божіе и заслуги Господа нашего Іисуса Христа.

Мщеніе святаго человѣка.

Однажды преподобный Епифаній, бывшій послѣ Архіепископомъ Кипрскимъ, ходя по пустынѣ, встрѣтился съ толпою Срацинскихъ разбойниковъ. Варвары, вообще ненавидя иноковъ, начали надъ нимъ ругаться; а одинъ изъ сихъ (однимъ глазомъ слѣпый) даже обнажилъ мечъ— но едва взмахнулъ его, вдругъ открылось у него невидѣвшее око. Варваръ повергъ на землю мечъ и, въ изумленіи, показывалъ своимъ товарищамъ исцѣлѣвшій глазъ. Видя внезапное чудо, разбойники премѣнили свои ругательства на благоговѣніе.—«Будь нашимъ хранителемъ, сказали они: ходи съ нами и защищай насъ отъ случающихся бѣдствій.»—Сколько Епифаній ни отрицался, они, при всемъ къ нему уваженіи, увели съ собою насильно. Человѣкъ Божій, блуждая съ ними три мѣсяца, употребилъ сіе время во славу Божію и безпрестанно напоминалъ имъ о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ, пока Сраницы наскучили имъ сами. Не въ силахъ болѣе терпѣть его властныхъ совѣтовъ, они опять начали умолять его, чтобы оставилъ ихъ и возвратился на свое мѣсто. Варвары проводили его туда, откуда взяли, и не прежде его оставили, пока соорудили, безъ всякихъ просьбъ, ему келлію и дали клятву впредь жить добропорядочно. А получившій исцѣленіе ока вѣровалъ во Христа и, оставшись при Епифаніѣ, сдѣлался ученикомъ его. Нареченный Іоанномъ, сей свирѣпый варваръ послѣ былъ первымъ проповѣдникомъ чудотвореній Епифа-

ніевыхъ и писателемъ его жизни. А что исправились въ житіи своемъ и прочіе, сіе подтверждается тѣмъ, что они неоднократно приходили къ святому Епифанію для благословенія и, когда умножились его ученики, построили ему небольшой монастырь.

Ужасный долгъ, съ милосердіемъ исполняемый.

Когда святый мученикъ Александръ (*) приведенъ бѣлъ на мѣсто *усѣкновенія*, то исполнитель неправеднаго приговора, именемъ Целестинъ, сквозь слезы сказалъ ему: «страдалецъ Христовъ, помолися Богу твоему, да не поставитъ мнѣ въ грѣхъ смерть твою; я исполняю повелѣніе начальства.»—На что святый Александръ отвѣчалъ: «ты дѣлаешь сіе не отъ твоего произволенія; весь убо грѣхъ будетъ на душѣ повелѣвшаго; а ты—исполняй что тебѣ предписываетъ твоя должность (*) Я спѣшу къ моему Господу.»—Тогда Целестинъ чистымъ убрусцемъ завязалъ ему глаза; но едва поднялъ мечъ свой, узрѣлъ святыхъ Ангеловъ, внезапно приступившихъ къ мученику, дабы принять душу его; онъ ужаснулся и стоялъ неподвижно... Страдалецъ, долго не получая удара, сказалъ: «твори, брате, еже имаши творити.»—«Рабъ Божій, отвѣчалъ воинъ, я вижу чудныхъ мужей, близъ тебя стоящихъ.»—Тогда святый Александръ воззвалъ къ небу: «Господи Іисусе Христе, даждь мнѣ въ сей часъ скончатися.» Ангели нѣсколько отступили. Целестинъ, приближась, исполнилъ ужасную обязанность. И святая душа въ гласѣ хваленія Божія на рукахъ Ангельскихъ вознеслась на небо.

(*) Святый мученикъ Александръ жилъ во II вѣкѣ по Р. Х, Память его Мая въ 13 день.

(**) Сію должность тогда исполняли кто-нибудь изъ воинскаго отряда, на сей случай назначаемаго.

О томъ, какъ должно поступать въ случаѣ противоборства одной обязанности съ другою.

Римскіе легіоны при императорахъ составляемы были изъ разноплеменныхъ народовъ; и если нужно было дополнять оные, то посылались нарочно воинскіе чиновники съ *указами*, гдѣ кому набирать воиновъ. Таковое повелѣніе нѣкто Нумеріанъ привезъ на островъ Хійскій. Едва узнали о семъ жители, всѣ молодые язычники скрылись или разбѣжались; одни Христіяне спокойно ожидали своей участи и тѣ, кои записаны были въ воинство, безъ прекословія и роптанія послѣдовали Нумеріану чрезъ пространство морей.

Въ семъ числѣ былъ и святый Исидоръ (*), уроженецъ Александрійскій. Не взирая на то, что военная жизнь всегда шумна и окружена соблазнами, сей богобоязненный юноша сколько былъ крѣпокъ и мужественъ, столь же усердно облекся въ оружіе и, не оставляя поста, молитвъ и добрыхъ дѣлъ, равно не оставлялъ своихъ обязанностей по службѣ. Не щадить послѣдней капли своей крови за Царя и отечество—былъ обѣтъ Христолюбиваго оруженосца, и пролить оную Исидоръ считалъ за единственную славу воина.

Но сія геройская кровь должна была проліяться за другаго подвигоположника... Едва святый Исидоръ началъ отличать себя усердіемъ и ревностію по службѣ военной, объявили указъ Императора Децiя, чтобъ воины, какъ стражи и защитники отечества, непремѣнно поклонялись богамъ, хранителямъ Римскаго могущества. Святый Исидоръ, какъ ревностнѣйшій изъ Христіянъ, немедленно былъ оклеветанъ предъ Нумеріаномъ. Когда

(*) Его память Мая въ 14 день.

брали его подъ стражу, то чиновникъ, для сего отправленный, съ укоризною сказалъ ему: «безумно дѣлаешь ты, что для какого-то Христа пренебрегаешь служеніе царю и отечеству.»—На что святый Исидоръ отвѣтствовалъ: «я хотѣлъ воздавать Божія Богови и Кесарева Кесареви; но когда воля правительства требуетъ службы одному Кесарю, то для меня гораздо лучше служить одному Богу. Я далъ клятву служить въ воинствѣ не иначе, какъ защищая отечество земное и небесное. Теперь вижу, что моя кровь не нужна царю земному; пусть же она пролієтся за Царя небеснаго.»—Съ сими чувствованіями святый Исидоръ предсталъ суду, отвѣтствовалъ съ дерзновеніемъ воина Христова и спокойно пошелъ на мѣсто казни.

О томъ, сколько святые люди старались истребить чуть зараждающіяся въ сердцѣ ихъ возмутительныя страсти.

Преподобный Пахомій (*), чрезъ Ангела принявъ повелѣніе Божіе, для имѣющихъ впредь собраться пустынниковъ основать Тавенсіотскую обитель, началъ съ братомъ своимъ Іоанномъ строить келліи; но вскорѣ возродилось между ними нѣкоторое разногласіе. Пахомій хотѣлъ занять подъ свой монастырь болѣе пространства, а Іоаннъ, любя безмолвіе, желалъ заключиться въ тѣсной оградѣ, и послѣ дружескихъ съ той и другой стороны пререканій, сказалъ Похомію: «престань величаться и расширять себя; таковые поступки непотребны въ очахъ Бога.»—Пахомій, почувствовавъ всю горечь сей укориз-

(*) Сей Преподобный первый установилъ образъ большаго постриженія. Родомъ былъ изъ Египта, гдѣ, въ царство Константина Великаго, въ лѣто 315 на мѣстѣ, Тавенсія именуемомъ, создалъ монастырь и надъ 7000 монаховъ начальствовалъ.

ны (впрочемъ, не такъ благоразумной, если вспомнить повелѣніе неба), прогнѣвался на Іоанна, однако, по своей кротости и изъ почтенія къ старшему брату, не сдѣлалъ возраженія.—Онъ только оставилъ его, неся негодованіе въ сердцѣ. Но въ слѣдующую нощь почувствовалъ и въ семъ поступкѣ столько безобразія, что затворился въ своей келліи и началъ плакать, въ молитвѣ исповѣдуясь Богу: «горе мнѣ, что я, вопреки твоихъ заповѣдей, о Агнче! прямо стригущаго тебя безгласный, возъимѣлъ гнѣвъ на моего брата, истину мнѣ возвѣстившаго! Еще въ сердцѣ моемъ есть лжемудріе плоти; столько времени обучаясь жить духовно, еще терзаюсь досадою! Помилуй меня, Господи, да не погибну до конца. Если благодать твоя не утвердитъ меня, врагъ обращаетъ въ сердцѣ моемъ нѣкоторую часть своихъ любимыхъ дѣяній и меня, преступника твоихъ законовъ, поработитъ волѣ своей. Горе мнѣ! Хощу научить тѣхъ, которыхъ ты, Господь и Богъ мой, обѣщалъ чрезъ меня призвать въ иноческое житіе; а самъ не могу научиться побѣждать свои страсти.» — Такимъ образомъ блаженный Пахомій, вопія къ Богу, пребылъ въ молитвѣ до другаго дня; слезами и потомъ онъ обліялъ землю, на которой стоялъ.

Молитва мученика въ часъ смертный.

Святый мученикъ Ѳеодотъ (*), пришедъ на мѣсто казни, предъ народомъ и сопровождавшими его сродниками повергся на колѣни и изліялъ къ Богу слѣдующую молитву:—«Господи Іисусе Христе! благодарю тебя, что удостоилъ раба твоего быть гражданиномъ небеснымъ и участникомъ твоего Царствія, даровавъ мнѣ силу по-

(*) Святый Ѳеодотъ родомъ былъ изъ Анкиры Галатійскія; пострадалъ въ III вѣкѣ по Р. Х. въ царство Діоклитіана. Память его Мая въ 18 день.

бѣдить змія и стереть главу его. Но умоляю тебя, сотвори вѣрнымъ чадамъ Твоея церкви облегченіе отъ належащей скорби, да скончается на мнѣ гоненіе, отъ нечестивыхъ на святую вѣру воздвигаемое. Даждь миръ царству благодати.»—Потомъ, обратясь къ рыдающимъ своимъ братіямъ, продолжалъ: «не плачте о мнѣ, братія мои, но паче прославьте Господа, укрѣпившаго меня на сей священный подвигъ; совершивъ оный, я буду имѣть на небеси дерзновеніе молить о васъ Бога.»—Сказавъ сіе, святый мученикъ Ѳеодотъ преклонилъ подъ мечъ главу свою.

Злой совѣтъ обращается на главу совѣтодателя.

Когда святый мученикъ Ѳалалей (*) мужественно терпѣлъ всѣ мученія, какія могла вымыслить злость человѣческая, и мучитель Арріанъ былъ въ недоумѣніи, какою бы казнію утомить мужество страдальца, тогда одинъ изъ предстоящихъ тутъ жрецовъ, именемъ Уврикій, далъ совѣтъ, чтобы предать его не снѣденіе звѣрямъ. Арріанъ согласился и тогда же приказалъ начальнику звѣринца сдѣлать нужное для сего распоряженіе, а святому Ѳалалею, отсылая на смертное позорище, сказалъ: «или пожри жертву хваленія богамъ, или плоть твою пожрутъ звѣри.»—Но мученикъ отвѣчалъ: «пророчески объявляю тебѣ: *не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня* (**)» — и пошелъ спокойно.

Немедленно выпущена была лютая медвѣдица; но, къ общему изумленію, она легла у ногъ его и начала лизать оныя. Скрежещущій отъ досады, Арріанъ приказалъ

(*) Сей мученикъ умеръ за Христа въ III вѣкѣ по Р. Х. въ царство Нумеріана. Память его Мая въ 20 день.

(**) Псал. 117. ст. 17.

выпустить льва и львицу; но и они стали предъ мученикомъ какъ смиренные агнцы. Тогда весь народъ воззвалъ велегласно: «великъ Богъ Христіянскій!» и, схвативъ Урвикія, повергли посреди сихъ звѣрей, которые мгновенно и растерзали его. Устрашенный Арріанъ безмолвно удалился въ домъ свой, чтобы не подвергнуться той же участи.

О томъ, сколь иногда опасно дѣло благотворенія поручать другимъ.

Одинъ бѣдный человѣкъ принесъ къ преподобному Ѳеодору (*) нѣсколько *луку*, за который просилъ его заплатить чѣмъ нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ. Ѳеодоръ велѣлъ ученику своежу заплатить *мукою*. Но какъ мука лежала въ двухъ сосудахъ, въ одномъ чистая, а въ другомъ очищенная, то ученикъ насыпалъ мѣру послѣдней. Святый старецъ воззрѣлъ на него печально и укоризною— чего молодой инокъ такъ испугался, что опустилъ изъ рукъ и разсыпалъ муку; потомъ, повергшись предъ нимъ на колѣни, просилъ отпустить ему вину. «Встань, сказалъ преподобный Ѳеодоръ: ты не столько виноватъ, не исполнивъ мою волю, сколько я, препоручивъ тебѣ то, что бы должно сдѣлать самому.»—Послѣ сего наполнилъ полу свою лучшимъ хлѣбомъ и бѣдному продавцу отдалъ вмѣстѣ съ лукомъ:

Средство изъ обыкновенныхъ разговоровъ извлекать душевную пользу.

Преподобный Іоаннъ (Коловъ) не любилъ разговаривать о томъ, что происходитъ въ мірѣ. Нѣкоторые изъ

(*) Преподобный Ѳеодоръ, ученикъ Пахомія, жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Мая въ 16 день.

братій, желая испытать его въ семъ случаѣ рѣшимость, однажды пришли къ нему и всемѣрно старались вовлечь его въ разговоръ; но о чемъ говорить ни начинали, Авва молчалъ и не позволялъ мыслямъ своимъ вѣять поверхъ предметовъ, для него постороннихъ.—Наконецъ иноки сказали: «благодаримъ Бога, что въ нынѣшній годъ довольно было дождя: пальмы были усыряемы надлежащимъ образомъ и принесли плодъ; осенью будетъ чѣмъ заняться братіямъ.»—«Такъ и Духъ Святый, сказалъ имъ старецъ, если снидетъ на сердцѣ человѣческое, оно обновляется, возрастаетъ въ страхѣ Божіемъ и приноситъ плодъ истинныхъ добродѣтелей.»

Постъ и трапеза страннолюбія.

Преподобный Кассіанъ (*), будучи весьма гостепріимно принятъ однимъ Египетскимъ старцемъ, спросилъ у него: «для чего вы, принимая къ себѣ странниковъ, не наблюдаете поста, какъ дѣлаютъ у насъ въ Палестинѣ?»—«Постъ всегда при мнѣ, отвѣчалъ старецъ: а вы всегда со мною быть не можете. Сверхъ того, хотя постъ полезенъ и необходимъ, но онъ зависитъ отъ нашей воли; а исполненіе любви возлагаетъ на насъ законъ Божій и непремѣнно требуетъ онаго. И такъ, пріемля въ лицѣ странниковъ Христа, я долженъ съ усердіемъ и попечительностію ходить за ними. Когда же отпущу ихъ, могу вознаградить правила постничества.»

Преподобный Макарій Египетскій въ дружескихъ бесѣдахъ съ иноками держался слѣдующаго правила: «когда есть вино для братій—пей; и за одну чашу одинъ день не пей воды.»—Старцы иногда угощали Макарія виномъ,

(*) Преподобный Кассіанъ жилъ въ V вѣкѣ въ царствованіе Ѳеодосія. II. Память его Февраля 29 дня и совершается въ четвертое лѣто.

и Макарій всегда принималъ оное, чтобы послѣ удручать себя жаждою. Но ученикъ его, зная поведеніе Макарія, обыкновенно говорилъ имъ: «ради Бога не подносите моему наставнику вина; въ противномъ случаѣ, онъ въ келліи своей удручить себя до смерти.»—Братія, узнавъ сіе, перестали угощать Макарія. Но когда приходили къ нему, Макарій не измѣнялъ своего правила: угощалъ братію и, дабы угощеніе было чистосердечнѣе и для нихъ пріятнѣе, вкушалъ и самъ съ ними.

Инокъ XII вѣка.

Преподобный Сергій, Радонежскій Чудотворецъ, будучи двадцати лѣтъ отъ рожденія, въ 1337 году удалился въ непроходимый лѣсъ, какъ человѣкъ вовсе незнаемый. Тамъ почти три десятилѣтія протекли въ постничествѣ, молитвахъ, богомысліи. Служа единому Богу, святый Сергій не думалъ, что чрезъ сіе приготовляетъ себя на служеніе отечеству. Но вдругъ гласъ Государя и Первосвятителя вызываетъ его изъ уединенія. Въ 1365 году великій старецъ идетъ отъ Димитрія Іоанновика Донскаго къ Борису Константиновичу Нижегородскому, чтобы преклонить его къ миролюбію, и за упорство сего честолюбца, по власти, данной ему отъ Митрополита Алексія, возлагаетъ запрещеніе на все Княжество. Въ 1380 году, при всеобщемъ недоумѣніи и ужасѣ, своимъ напутствіемъ и предсказаніемъ побѣды одушевляетъ Великаго Князя отражать Мамая оружіемъ, а не дарами, какъ совѣтовали прочіе, и симъ дерзновеннымъ на Бога упованіемъ столько устрашаетъ Олега Рязанскаго, что сей предатель очечества, равно какъ и его союзникъ Ягелло Литовскій не смѣли соединить свои войска съ полчищами Мамаевыми. Въ 1385 году, какъ посолъ

Великаго Князя и богодухновенный учитель, такъ низлагаетъ гордый и враждебный духъ того же Олега, болѣе всѣхъ возмущавшаго общее спокойствіе отечества, что сей изъ непримиримаго врага навсегда сдѣлался искреннимъ другомъ и союзникомъ. Всѣ сіи подвиги святый Сергій увѣнчеваетъ отреченіемъ отъ митрополитскаго сана, который предлагалъ ему святый Алексій.

Необходимо-нужный, но не всѣмъ извѣстный урокъ родителямъ и дѣтямъ.

Извѣстно, что по страдальческомъ преставленіи святаго Іоанна Златоуста, Церковь сопричислила его къ лику Угодниковъ Божіихъ; и самые непріятели Іоанновы, вскорѣ признавъ свою несправедливость, начали ублажать *память Праведнаго съ похвалами.* Одинъ святый Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій (*), племянникъ Патріарха Ѳеофила, перваго врага и гонителя Іоаннова (**), не преставалъ гнѣваться на усопшаго Святителя. Грѣхъ подуматъ, чтобы сердцемъ человѣка Божія обладала злоба; но нѣкоторое наслѣдственное неудовольствіе и боязнь, дабы не посрамить память дяди, уничиживъ бывшій подъ его предсѣдательствомъ на Іоанна соборъ, удерживали Кирилла отрясти порокъ отъ своей святости. Столько-то справедливо, что и святые люди подлежатъ слабостямъ человѣческимъ! Единъ Богъ совершенъ, а изъ смертныхъ никто.

Святый Исидоръ Пилусіотскій, сродникъ Кирилловъ, душевно сокрушаясь, что святый враждуетъ на святаго

(*) Память Св. Кирилла Іюня въ 7 день.

(**) Златоустъ сильно вооружался противу сребролюбія; а Ѳеофилъ мъ демономъ быть обладаемъ не менѣе супр-ги Аркадіевой. — Вотъ причина ненависти.

и тѣмъ заслуживаетъ гнѣвъ Божій и негодованіе всей Церкви, весьма часто писалъ къ нему, увѣщевая не уничижать славы Іоанна, невинно отъ его дяди пострадавшаго и уже посредѣ живыхъ необрѣтающагося. Въ одномъ изъ сихъ писемъ святый Исидоръ изъясняется слѣдующимъ образомъ.

«Устрашаютъ меня событія, въ Божественномъ писаніи изображенныя, и принуждаютъ писать къ тебѣ всегда о единомъ. Если я, недостойной Исидоръ, твой отецъ, какъ ты, за старость лѣтъ, меня нарицаешь; то боюсь осужденія, какое пріялъ Илій, ветхозаконный Священникъ за то, что не наказывалъ согрѣшающихъ сыновъ своихъ. Если же я, какъ и самъ думаю, твой сынъ, то страшусь, да не постигнетъ меня казнь, постигшая Іонаѳана, сына Саулова, за то, что отца своего, волшебства ищущаго, могъ отвесть отъ грѣха, и не отвелъ. Итакъ не гнѣвайся, что пишу къ тебѣ и всегда буду писать о томъ, что служитъ на пользу души твоей. Я долженъ дѣлать сіе, да осужденъ не буду; и ты, Владыко, да отъ праведнаго Судіи также осужденъ не будешь, послушай меня, отецъ ли я твой, по старости лѣтъ моихъ, или сынъ, по твоему Архипастырскому сану! отложи гнѣвъ твой на усопшаго праведника, да не смутишь живую церковь, и да не содѣлаешь въ ней раздора.»

Таковыми и тому подобными убѣжденіями, святый Пилусіотъ довелъ Керилла до того, что онъ, какъ бы опомнясь отъ грѣха своего, собралъ всѣхъ Египетскихъ Епископовъ и составилъ духовный праздникъ въ честь Іоанна Златоуста.

Digitized by Google

Видѣніе о святыхъ людяхъ (*).

Епископъ, именемъ Сисиній, въ сонномъ видѣніи узрѣлъ нѣкоего мужа ангеловиднаго, свѣтомъ небеснымъ осіяваемаго, съ удивленіемъ и сѣтованіемъ вѣщающаго: *весь градъ обыдохъ, ища добродѣтельныхъ мужей, и посредѣ толикаго множества человѣковъ возмогохъ обрѣсти единаго добраго мужа Евтропія.* Сисиній, воспрянувъ отъ сна, немедленно призвалъ бывшаго при немъ Пресвитера и, сказавъ ему видѣніе, повелѣлъ по всему Царюграду искать и спрашивать, кто таковъ Евтропій. Пресвитеръ исполнилъ волю Епископа и, къ изумленію своему, услышалъ, что нѣкоторый чтецъ, именемъ Евтропій, какъ злодѣй, бывъ мученъ предъ всѣмъ народомъ, вверженъ въ общественную темницу. Онъ пошелъ туда, увидѣлъ мученика, припалъ къ нему со слезами и, бесѣдуя съ нимъ, узналъ, что онъ изъ числа тѣхъ невинно истязуемыхъ, которымъ, какъ единомышленникамъ святаго Іоанна Златоуста, приписываютъ пожаръ, гнѣвомъ Божіимъ за его изгнаніе ниспосланный (**). Пресвитеръ, возвратясь къ Епископу, объявилъ ему, кто таковъ Евтропій, и удивленный Сисиній, проливъ слезы сострадания о святомъ мученикѣ, возблагодарилъ Бога, дарующаго крѣпость рабамъ своимъ.

(*) Изъ житія св. мученика Евтропія, котораго память Іюня 16 день.

(**) Въ день изгнанія Іоаннова, въ Цареградской Соборной церкви внезапно разлился пламень и, прорвавшись сквозь верхнія окна, окружилъ весь храмъ и все пожегъ. Потомъ вдругъ дохнувшимъ вѣтромъ огонь брошенъ былъ чрезъ торжище на домъ Верховнаго Совѣта и съ нимъ истребилъ множество зданій. Достойно замѣчанія, что сему бѣдствію подверглись наипаче домы враговъ Іоанновыхъ.

Средство усмирять жесточайшихъ враговъ.

Въ обители преподобнаго Кирилла Белоезерскаго (*) былъ инокъ, именемъ Ѳеодотъ, который, самъ не зная за что, возненавидѣлъ святаго. Настоятеля, и въ сей пагубной страсти такъ ожесточился, что не могъ равнодушно не только видѣть, но и слышать его гласа. Сколько другіе иноки ни увѣщевали его, сколько ни доказывали, что святый Кириллъ достоинъ всей ихъ любви и даже благоговѣнія, но Ѳеодотъ не могъ или, лучше сказать, не хотѣлъ исцѣлить отъ лютаго недуга свою душу, и наконецъ рѣшился оставить монастырь. Однакожь, послушавъ одного уважаемаго имъ старца, прежде пошелъ къ преподобному Кириллу, чтобы исповѣдать предъ нимъ смущеніе своихъ мыслей.

Одинъ упрекъ Настоятеля, можетъ быть, произвелъ бы то, что ослѣпленный старецъ излилъ бы предъ нимъ всю свою ненависть и пошелъ бы изъ обители на погибель души своей; но святый Кириллъ, принявъ его съ отеческою любовію, совершенно низложилъ своего непріятеля. Устыдясь сѣдинъ вотще оскорбленнаго и столь кроткаго начальника, Ѳеодотъ не зналъ, что сказать и хотѣлъ выйти вонъ, —Тогда прозорливый Кириллъ, взявъ его за руку, сказалъ: «возлюбленный о Христѣ братъ! всѣ обманулись и погрѣшили, почитая меня добрымъ человѣкомъ; ты одинъ истинно судилъ, познавъ мои грѣхи и злобу. Но уповаю на милость Господа своего, что Онъ поможетъ мнѣ исправиться; а ты прости мнѣ досады и оскорбленія и помолись о мнѣ къ Тому, *Иже не хощетъ смерти грѣшника.*» Инокъ, глубоко пораженный прозорливостію и смиреніемъ человѣка по сердцу

(*) Его память Іюня въ 9 день.

Божію, палъ къ ногамъ его и со слезами признался, что напрасно ненавидѣлъ его. Съ того времени Θеодотъ обрѣлъ покой своему сердцу и началъ паче всѣхъ любить святаго Наставника.

Добрымъ намѣреніямъ содѣйствуетъ Богъ.

Святый Вассіанъ (*), другъ великаго въ святителяхъ Амвросія Медіоланскаго, будучи сынъ идолопоклонника, воспитанный посредѣ таковыхъ же родственниковъ, въ домѣ всѣми прелестями кумирослуженія исполненномъ, принялъ Христіянскую вѣру въ такое время, когда сего, повидимому, нельзя было надѣяться отъ юноши; ибо Вассіанъ крестился въ Римѣ, куда отправленъ былъ единственно для того, чтобы усовершенствовать себя въ наукахъ и лучше узнать *большой свѣтъ*. Но благія намѣренія управляетъ самъ Богъ. Человѣку только стоитъ приложить къ нимъ свое сердце. Сію истину доказываетъ примѣръ Вассіана; ибо когда онъ вошелъ во святую купель, увидѣлъ прекраснѣйшаго юношу, сіяющаго какъ солнце, который держалъ бѣлую одежду, пріуготовленную для новокрещаемаго. Блаженный Вассіанъ ужаснулся; но, собравъ силы, спросилъ: кто онъ и откуда?.. «*Азъ давно съ небесе посланъ есмь къ тебѣ, твое святое намѣреніе управити, и яже суть противная, та отгнати отъ тебе*» — отвѣчалъ Ангелъ Божій и сталъ невидимъ. Благоуханіе исполнило храмину *Крещенія*, такъ что всѣ тутъ бывшіе думали быть не на земли, но посреди жилища райскаго.

(*) Память преподобнаго Вассіана, бывшаго послѣ Епископомъ Егиветскимъ-Лигурійскимъ, Іюня въ 10 день.

Предметъ путешествія.

Старецъ Пафнутій, путешествуя по глубокой пустынѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы посѣтить всѣхъ обитающихъ тамъ отшельниковъ, наконецъ пришелъ къ преподобному Онуфрію (*). Здѣсь, любуясь веселымъ мѣстоположеніемъ вертепа и садомъ, который изобиловалъ разными плодами и орошаемъ былъ чистымъ источникомъ, Пафнутій возжелалъ остаться при чудномъ пустынножителѣ, чтобы наслаждаться его бесѣдами, а послѣ быть наслѣдникомъ толь пріятнаго уединенія. Но мудрый старецъ сказалъ ему: «не для того послалъ тебя Богъ въ сію пустыню, чтобы навсегда въ ней безмолвствовать, но для того, чтобы, увидѣвъ рабовъ его, возвратиться въ міръ и повѣдать ихъ добродѣтельное житіе въ пользу слушающихъ и въ славу Христа Бога нашего. Продолжай убо твое путешествіе не для себя одного, но и для ближнихъ, подобно пчелѣ, которая, съ разныхъ цвѣтовъ собирая медъ, питается имъ сама и услаждаетъ другихъ.

Преподобный Пафнутій совершенно исполнилъ совѣтъ великаго пустынножителя и, созерцая дивное величіе Божіе на Святыхъ Его, все, что видѣлъ и слышалъ, старался чрезъ всю жизнь употреблять во спасеніе другихъ.

О томъ, до какой степени злочестіе иногда ожесточается противу добродѣтели и слѣпотствуетъ противу истины.

Греческій Царь Ѳеофилъ, столь же упорный иконоборецъ, какъ и отецъ его Михаилъ Травлій, возвратилъ

(*) Сей великій старецъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Іюня въ 12 день.

изъ заточенія Святѣйшаго Патріарха Меѳодія, великаго поборника православія (*), единственно для того, чтобы имѣть ученаго и мудраго собесѣдника; ибо Ѳеофилъ, любя науки, намѣревался возстановить опустошенія въ Царѣградѣ училища (**); а святый Меѳодій былъ въ то время мужъ просвѣщеннѣйшій и сколь ревностный защитникъ Христіянской вѣры, столь же мудрый совѣтователь въ дѣлахъ государственныхъ.

Наемникъ не преминулъ бы сей Царской милости пожертвовать истиною: но Меѳодій, какъ добрый Пастырь, хотѣлъ воздать *Кесарева Кесареви* обращеніемъ его на путь истины: онъ опять началъ пререкать иконоборцамъ и проповѣдывать *поклоненіе*, въ праведномъ дѣлѣ отнюдь не уважая гнѣва императорскаго. Ѳеофилъ, съ своей стороны, хотя видѣлъ въ семъ Первосвященникѣ преткновеніе своимъ злочестивымъ намѣреніямъ, но, имѣя въ немъ нужду, терпѣлъ до времени и, подавляя лютую досаду, наружно оказывалъ къ нему свое благоволеніе.

Между тѣмъ у Грековъ загорѣлась война съ Сарацинами. Ѳеофилъ, самъ предводительствуя войсками, взялъ съ собою и святаго Меѳодія, будто для молитвы и собесѣдованія, но въ самомъ дѣлѣ по одному только по-

---

(*) Память Святителя Христова Меѳодія Іюня въ 14 день.

(**) Въ продолженіе иконоборствующаго столѣтія науки въ Греціи почти перебились. Еще Левъ Исаврянинъ положилъ первое и ужаснѣйшее начало сему запустѣнію. При церкви св. Софіи было знаменитое и многочисленное училище съ огромною библіотекою, которая содержала до трехъ сотъ тысящъ книгъ. Но какъ попечитель и профессоры всей Академіи были противнаго съ иконоборствующимъ Царемъ мнѣнія, то Левъ рѣшился на поступокъ неслыханный въ исторіи: во время полнаго собранія всѣхъ ученыхъ, учащихъ и учащихся, онъ приказалъ войску окружить сіе зданіе и отъ всѣхъ сторонъ зажегъ оное, такъ что никто оттуда спастись не могъ. Послѣ сего можно ли негодовать на Омара и Амру?

дозрѣнію, чтобъ любимый народомъ Архипастырь въ его отсутствіе не воздвигъ возмущенія противу иконоборнаго правительства. Преданный *въ умъ неискусенъ творити неподобная* воображалъ, что святые люди наипаче способны быть мятежниками!.. Но сіе было только началомъ оскорбленія Избранныхъ Божіихъ: вскорѣ обстоятельства, нашедшія подъ перстомъ Божіимъ, вмѣсто обращенія на путь истинный, умножили изувѣрство ожесточеннаго Императора.

Агаряне разбили Греческое войско, такъ что самъ Ѳеоѳилъ едва съ малымъ остаткомъ избавился отъ плѣна. Тогда-то иконоборецъ обнаружилъ весь гнѣвъ на святаго Меѳодія и, обративъ всю *вину пораженія* единственно на него, съ ругательствомъ утверждалъ: «для того Богъ отнялъ у насъ побѣду, что имѣемъ въ воинствѣ идолопоклоненіе и поборника идолопоклонствующихъ (разумѣя подъ симъ поклоненіе иконамъ и святаго Меѳодія).» — Первосвященникъ съ кротостію представлялъ, что Господь прогнѣвался за свое поруганіе на святыхъ Иконахъ, и для того врагамъ даровалъ надъ ними побѣду: что Царь свое спасеніе долженъ приписывать малому числу Избранныхъ, въ его воинствѣ находящихся; а если не могли отвратить они совершеннаго пораженія Грековъ, тому причиною заблужденіе Царя, какъ первой особы, какъ главы ихъ отечества. Святый Меѳодій *возвѣщалъ истину Духомъ Святымъ*; но ожесточенный Ѳеоѳилъ наложилъ ему раны и осудилъ на ужаснѣйшее прежняго заточеніе.

Вотъ да какой степени ожесточается и бываетъ слѣпъ нераскаянный грѣшникъ! Онъ приписываетъ гнѣвъ Божій такимъ дѣламъ, на которыя Богъ ниспосылаетъ свое благословеніе, и ждетъ благословенія Божія на тѣ дѣла, на которыя давно изліялась полная чаша небеснаго проклятія.

Digitized by Google

Уставъ преподобнаго Паисія.

Святый старецъ Паисій (*) отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости опредѣлялъ и твердо наблюдалъ каждому дѣлу свое время. У него было время безмолвствовать, время говорить, время уединяться въ своей келліи, время выходить къ братіи и съ ними бесѣдовать. Въ безмолвіи — онъ богомысленнымъ *восхожденіемъ* присвоялся Богу; а въ бесѣдахъ искалъ спасенія ближнихъ.

Неудивительно, что къ сему великому наставнику благочестія и учителю добрыхъ дѣлъ стекалось множество иноковъ и мірянъ, старцевъ и юношей, вельможъ и простолюдиновъ. Какъ рой трудолюбивыхъ пчелъ, привитающій цвѣтоносному полю, всѣ желали насытиться его духовнаго меда; а преподобный Паисій, радуясь, что каждый день умножается его пустыннолюбное гражданство, поступалъ не иначе, какъ истинный отецъ и начальникъ. Судя по духовному дарованію приходящихъ боголюбцевъ, Паисій иныхъ отсылалъ къ безмолвному пребыванію, чтобы наединѣ въ молитвахъ бесѣдовали съ Богомъ; инымъ повелѣвалъ *славословить* въ Соборномъ храмѣ; инымъ быть въ разныхъ послушаніяхъ и вообще трудиться; инымъ повелѣвалъ учиться какому либо рукодѣлію, чтобы не только сами отъ трудовъ своихъ питались, но питали алчущихъ и дружелюбно упокоивали странниковъ, Но главнымъ и общимъ для всѣхъ правиломъ было то, дабы ни одинъ изъ братіи не творилъ волю свою, но все бы дѣлалъ свѣдома Настоятеля, или по разсужденію опытныхъ и искусныхъ старцевъ.

Надобно думать, что каждый человѣкъ, даже занятый нѣкоторыми предразсудками, увидитъ, сколько сей при-

(*) Его память Іюня въ 19 день.

мѣръ полезенъ для всякаго общества и для всякаго семейства.

Мудрый совѣтъ о милостынѣ.

Одинъ боголюбивый Князь, благоговѣя къ имени преподобнаго Паисія, восхотѣлъ оказать ему всевозможную щедрость: для сего взявъ съ собою довольно сребра и злата, пошелъ самъ въ пустыню, гдѣ сей великій старецъ подвизался. Въ то время Паисій былъ на пути къ другому великому старцу и встрѣтился съ Княземъ. Князь спросилъ у него: «гдѣ живетъ Паисій?» — «А для чего тебѣ надобенъ Паисій?» возразилъ святый пустынножитель.—«Я несу къ нему сребро и злато, сказалъ Князь, чтобы человѣкъ Божій самъ имѣлъ все потребное и надѣлялъ другихъ иноковъ.»—Тогда Паисій простеръ руки свои къ небу и возблагодарилъ Бога, что мірѣ, посреди всѣхъ суетъ, еще находятся люди, незабывающіе рабовъ Господнихъ: потомъ, обратясь къ милостынодавцу, отвѣчалъ: «человѣколюбивый Христолюбецъ! именемъ Божіимъ увѣряю тебя, что пустынникамъ злато и сребро не нужно. Ты можешь скоро найти Паисія; но ни онъ, ни другіе отшельники ничего отъ тебя не примутъ. Итакъ возвратись безъ всякаго прискорбія въ жилища человѣческія; здѣсь Господь только *благословляетъ* твое даяніе; а тамъ простретъ свою руку, чтобы *принять* оное. Тамъ много найдешь убогихъ и нищихъ, недужныхъ и разоренныхъ сиротъ и вдовицъ: попекись о нихъ, согрѣй, напитай, одѣнь ихъ — и пріимешь воздаяніе отъ Господа». Щедролюбивый Князь, не зная, что это былъ самъ Паисій, послѣдовалъ его совѣту, возвратился въ городъ и все роздалъ бѣднымъ согражданамъ и тѣмъ несчастнымъ, которыхъ могъ отыскать въ окрестностяхъ города.

Всякое званіе должно избирать съ разсужденіемъ и молитвами.

Преподобный Паисій Великій, возжелавъ безмолвнѣйшаго житія, намѣревался оставить Скитскую братію Преподобный Іоаннъ Колòвъ, спостникъ и другъ Паисіевъ, узнавъ его мысли, почувствовалъ всю тягость разлуки съ великимъ и любезнымъ старцемъ и хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы удержать его въ Скитѣ; но, уважая болѣе пользу своего друга, нежели потребность своего сердца, сказалъ ему: «возлюбленный о Христѣ братъ! я имѣю на сердцѣ то же, что и ты; столь же усердно желаю уединенія, но сомнѣваюсь, отъ Бога ли сей помыслъ. Пагубно будетъ для насъ, если онъ—отъ человѣческаго самохотѣнія! Помолимся убо Господу, да онъ, по своей воли, устроитъ житіе наше и подастъ намъ извѣстіе: здѣсь ли намъ пребывать? уйти ли въ глубочайшую пустыню? или съ другъ другомъ разлучиться? Паисій охотно принялъ совѣтъ Іоанновъ; и оба они, ставъ на молитвѣ, всю ночь испрашивали у Бога откровенія.

Господь не отвергъ моленія рабовъ своихъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня явился имъ Ангелъ и, благословляя святыхъ друзей, сказалъ: « каждому изъ васъ Богъ свое опредѣляетъ житіе. Ты, Іоаннъ, пребывая здѣсь, будь наставникомъ во спасеніе другихъ; а ты, Паисій, прейди отсюду къ западной странѣ пустыни, да прославится тамъ тобою имя Божіе.» — Сказавъ сіе, Ангелъ сокрылся. Преподобные отцы возблагодарили человѣколюбиваго Бога и, давъ другъ другу цѣлованіе, разлучились.

Христіане! преподобный Паисій, не прежде усердной молитвы перемѣнивъ свое мѣсто, принялъ въ напутствіе благословеніе Божіе и содѣлался столь великъ, что самъ Спаситель міра ему являлся и утѣшалъ его. Столь же

былъ знаменитъ и другъ его Іоаннъ; въ послѣдующемъ времени изъ его иноческаго училища вышли величайшіе отцы, каковъ примѣръ былъ Арсеній Великій. Вы иногда одно званіе перемѣняете на другое: подражайте симъ старцамъ, и Богъ намѣренія ваши управитъ во благое.

Неустрашимость за правду.

Святый Мелетій, бывшій прежде Епископъ Севастійскій, вступилъ на престолъ Антіохійской Церкви съ общаго согласія Православныхъ и Аріанъ (*); и *избирательный* о семъ *листъ* на сохраненіе порученъ былъ Евсевію, Епископу Самосатскому (**). Но когда Мелетій, какъ ревностный поборникъ православія, былъ изгнанъ и осужденъ на заточеніе, то Аріане, опасаясь, чтобы избраніе, общимъ *рукоприкладствомъ* утвержденное, не послужило когда нибудь въ обвиненіе ихъ непостоянства и злобы, у Евсевія потребовали онаго. Святый Евсевій отказалъ; Аріанскіе Архіереи упросили Императора Констанція въ семъ дѣлѣ употребить свою власть; но неустрашимый Архипастырь отвѣчалъ: «общаго суда, мнѣ ввѣреннаго, не отдамъ, развѣ когда всѣ, мнѣ ввѣрившіе оное, соберутся воедино.» — Раздраженный Императоръ вторично отправилъ къ нему одного изъ царедворцевъ и, чтобы принудить Евсевія къ покорности, приказалъ употребить угрозы. Чиновникъ, подавая ему указъ, сказалъ, что, въ случаѣ непослушанія, онъ имѣетъ повелѣніе отрубить у него руку.—«И такъ не нужно читать повелѣніе, отвѣчалъ на сіе Евсевій и, положивъ *бумагу* на столъ, простеръ обѣ руки. Увидѣвъ сіе, чиновникъ изумился и

(*) О семъ см. въ I томѣ Училища Благочестія на стр. 271.

(**) Память св. Евсевія празднуется Іюня въ 22 день.

безмолвно оставилъ неустрашимаго Святителя. Самъ Констанцій, сколько озлобленъ ни былъ, отказалъ въ просьбѣ Аріанамъ.

Урокъ испытающимъ тайны.

Однажды иноки, обитавшіе въ Скитѣ, собрались, чтобы рѣшить вопросъ: кто былъ Мельхиседекъ? (*) Всякой сказалъ, что думалъ. Когда же дошла чреда до Аввы Копрія, онъ, трикраты ударяя себя по устамъ, произнесъ: «горе тебѣ, Копрій! горе тебѣ, Копрій! горе тебѣ, Копрій! что оставляешь дѣла, которыя повелѣлъ человѣку творить Богъ, и испытуешь то, чего Онъ отъ тебя не требуетъ.» — Услышавъ сіе, братія съ поспѣшностію разошлись по своимъ келліямъ.

Военачальствующій пустынникъ.

Преподобный Аѳанасій, пустынножитель Аѳонской горы (**), столько прославился благочестіемъ, добрыми дѣлами и даромъ чудотворенія, что въ Лавру его не только стекались отвсюду молодые иноки, но даже Архіереи, оставляя пастырство (***), а вельможи свой санъ, приходили къ нему учиться равноангельской жизни.

Въ числѣ послѣднихъ былъ Грузинскій Князь именемъ Торникій, который, съ отличною славою проводивъ нѣсколько лѣтъ въ Греческой службѣ, наконецъ восхотѣлъ съ другими тремя Грузинскими же Князьями Іоан-

---

(*) Таинственное лице, прообразовавшее Христа. Быт. XIV, 16. Псал. CIX. 4. Евр. VII.

(**) Сей великій Отецъ жилъ въ X столѣтіи по Р. Х. Память его въ 5 день Іюля.

(***) Таковы были Патріархъ Николай, извѣстный подъ именемъ и Харитона, Андрей Хризополитъ и Акакій.

номъ, Евфиміемъ и Георгіемъ, провести остатокъ жизни въ обители преподобнаго Аѳанасія, и отъ рукъ его принялъ монашескій образъ.

Вскорѣ Персіяне, ободренные смертію Греческаго Императора Романа II, напали на сосѣднія области и, опустошая оныя, грозили всему Государству. Вдовствующая Императрица Зоя, въ толь опасныхъ обстоятельствахъ разсуждая, кому лучше препоручить войска, для отвращенія Персидскихъ набѣговъ, наконецъ рѣшилась призвать Торникія. Но удалившійся отъ всѣхъ суетъ міра пустынножитель отказался. Тогда преподобный Аѳанасій, при старѣйшихъ и болѣе уважаемыхъ инокахъ, съ отеческою властію сказалъ ему: «мы всѣ дѣти одного отечества, и для того всѣ должны защищать оное. Неизмѣнная обязанность пустынножителей, буйству враговъ противупоставлять къ сокрушающему брани Богу свои молитвы; но если Предержащая власть почитаетъ необходимымъ употребить руку нашу и грудь, безпрекословно да повинуемся и облечемся въ оружіе. Возлюбленный о Христѣ братъ! кто думаетъ и поступаетъ инако, тотъ раздражаетъ Бога. И ты, при всѣхъ подвигахъ твоего иночества, подвергнешься сей же страшной участи, если не послушаешь Царя, его же устами вѣщаетъ самъ Господь. Ты будешь отвѣчать за кровь избіенныхъ, какъ соотечественникъ, который могъ, но не хотѣлъ спасти ихъ; будешь отвѣчать за разореніе храмовъ Божіихъ. Гряди убо съ миромъ и, защищая отечество, защити святую Церковь. Не бойся чрезъ сіе утратить сладостные для насъ часы богомыслія. Моисей предводительствовалъ воинствомъ и бесѣдовалъ съ Богомъ. Въ любви къ ближнему заключается и любовь къ Богу. Дерзну сказать, что любовь къ ближнему пріятнѣе Богу, нежели крѣпкое тщаніе о спасеніи своей только души: ибо *ни-*

кто же изъ насъ себѣ живетъ, и никто же себѣ умираетъ (*).»

Торникій повиновался святому Аѳанасію и, сложивъ на время монашеское одѣяніе, принялъ военачальство. Походъ его былъ благополученъ. Многократно поразивъ Персовъ, онъ принудилъ ихъ заключить выгодный для Греціи миръ. Возвратившись въ Царьградъ, сдалъ начальство и, вмѣсто всякихъ наградъ, за толь знаменитое дѣло ему предлагаемыхъ, испросилъ только у Императрицы нѣсколько денегъ на устроеніе новой обители въ Аѳонской горѣ, подъ названіемъ Иверскаго монастыря (**), который существуетъ и донынѣ. Благодарная Государыня съ радостію исполнила желаніе Торникія и повелѣла его поставить Архимандритомъ новосозидаемой обители.

Въ ризницѣ Иверскаго монастыря, въ память сему герою и своему основателю, донынѣ сохраняются удивительныя по тяжести и драгоцѣнному украшенію военачальническіе доспѣхи его (***). Вотъ памятникъ, на который взирая, каждый путешественникъ можетъ научиться любви къ Богу и Отечеству, и служенію Царю небесному и вмѣстѣ Царю земному!

Христолюбивое воинство.

Богоотступникъ Іуліанъ, вознамѣрясь истребить Христіянскую вѣру, сдѣлалъ тому начало съ воинства, чтобы съ помощію сильнѣйшаго изъ государственныхъ сословій послѣ принудить къ язычеству и всю Имперію. — «Если отвлеку отъ Христа мои легіоны, говорилъ онъ

(*) Къ Рим. XIV. 7.

(**) То есть, Грузинскаго монастыря; ибо Грузины у Грековъ называются Иверами.

(***) См. путешествіе Василія Григоровича къ св. мѣстамъ на стр. 580.

своимъ друзьямъ, то одержу половину побѣды надъ всѣмъ государствомъ.» — Іуліанъ думалъ почеловѣчески и, казалось, должно было ожидать совершеннаго успѣха: поелику, вопервыхъ, воинство весьма любило Іуліана за его воинскія добродѣтели, съ величайшимъ удовольствіемъ исполняло всѣ его приказанія и подъ его предводительствомъ почитало себя непобѣдимымъ; вовторыхъ, военные люди, провождая жизнь шумную, посреди своевольствъ, сопряженныхъ съ войною, не могли, кажется, полюбить кротости Евангельской и не имѣли ни времени, ни способовъ исполнять всѣ обязанности Христіянства, а чрезъ то нечувствительно забывали оное и прилѣплялись къ язычеству, которое счастливыхъ воиновъ нерѣдко помѣщало въ число боговъ. Сіи-то причины совершенно утвердили Іуліана въ безбожномъ намѣреніи. Но, чтобы внезапнымъ и скорымъ переломомъ ихъ совѣсти не испортить дѣла, онъ началъ дѣйствовать исподоволь.

У Римскихъ воиновъ было обыкновеніе воздавать Божескую честь императорскимъ инстуканамъ и портретамъ; и Христіяне исполняли сіе, какъ вѣрноподданническую обязанность: они преклоняли колѣна предъ его изображеніями не потому, яко бы его обоготворяли, а только потому, что Богъ поставилъ его на земли, какъ свое подобіе. Сіе обыкновеніе богоотступникъ хотѣлъ употребить въ пользу идолопоклонства и приказалъ вездѣ изображать себя не одного, но посреди языческихъ боговъ, чтобы солдаты, покланяясь ему, вмѣстѣ покланялись и идоламъ, и такимъ образомъ мало по малу привыкали къ кумирослуженію. Онъ поступилъ еще далѣе. Извѣстно, что военное знамя почитается за вещь священную; для сего Іуліанъ уничтожилъ на немъ имя Іисуса, которое Равноапостольный Константинъ приказалъ изображать въ знакъ своей вѣры, и въ походахъ своихъ началъ

употреблять знамена съ изображеніемъ Юпитера и прочихъ бо̀говъ язычества. Такими знаменами Іуліанъ обыкновенно обставлялъ и свой тронъ въ тѣ дни, когда солдатамъ дожно было раздавать жалованье или награды, и ввелъ въ обыкновеніе, чтобы каждый воинъ, прежде нежели получить деньги, положилъ нѣсколько зеренъ ладону на горящіе угли, откуда куреніе восходило къ изображеніямъ идоловъ. Онъ былъ увѣренъ, что солдаты, отъ радости и торопясь получить деньги, на тотъ разъ не будутъ разсуждать, справедливо ли они поступаютъ, — что, поступая симъ образомъ сначала по простотѣ или по нуждѣ, вскорѣ идолопоклонство не будутъ почитать не только преступленіемъ, но и странностію; а наконецъ будутъ служить его богамъ съ удовольствіемъ и отъ чистаго сердца. Но сколько Іуліанъ хитръ ни былъ, въ семъ предначертаніи обманулся.

Солдаты имѣли смѣлость презирать милость Государя и его деньги, чтобы не нарушить своей совѣсти и вѣры. Нѣкоторые въ его очахъ объявляли дерзновенно, что они не хотятъ курить ѳиміама бездушнымъ идоламъ. Другіе хотя по простотѣ своей и дѣлали сіе, но, размысливъ послѣ о своемъ поступкѣ, въ сердечномъ сокрушеніи рвали на себѣ волосы и, выбѣжавъ на общенародную площадь, свидѣтельствовали предъ Богомъ и людьми, что они учинили преступленіе не съ намѣренія, но изъ одной оплошности и торопливости. Многіе возвращались къ самому Императору, бросали предъ нимъ деньги и просили его неотступно предать ихъ смерти, чтобы преступленіе ихъ омылось ихъ же кровію.

Но не одни солдаты противустали искушеніямъ и насилію Іуліана. Воинскіе чиновники, которые должны были ожидать отъ него всѣхъ милостей, лучше хотѣли страдать, нежели хотя наружно сдѣлаться идолопоклон-

никами. Воздавая *Кесарева Кесареви* безпрекословнымъ повиновеніемъ, усердіемъ къ службѣ, храбростію на войнѣ, нежалѣніемъ своей крови за честь Государя, они хотѣли воздавать и *Божія Богови* внутреннимъ и наружнымъ служеніемъ Іисусу Христу, защищеніемъ невинно гонимыхъ Христіянъ и дерзновеніемъ обличать заблужденіе и жестокость тирана. Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ нѣкоторые.

Валентиніанъ, Полковникъ Императорской Гвардіи, и самъ послѣ бывшій Императоромъ (*), однажды по должности своей сопровождалъ Іуліана въ храмъ *Фортуны*. Когда они приближились къ капищу, то встрѣтилъ ихъ жрецъ, и для очищенія началъ окроплять водою, именемъ идоловъ, якобы освященною. Императоръ и всѣ, за нимъ слѣдовавшіе сіе благословеніе приняли съ великимъ благоговѣніемъ. Но Валентіанинъ, почувствовавъ у себя на лѣвой рукѣ нѣсколько капель и увидѣвъ, что одна пола его одежды обрызгана, въ глазахъ Іуліана ударилъ въ щеку жреца и, обтерши руку, окропленную часть платья отодралъ и бросилъ съ гнѣвомъ. Неустрашимый Христіянинъ не лишился жизни только потому, что Іуліанъ въ то время еще не явно истреблялъ Хри-

(*) Что бы нѣкоторые историки ни говорили о строгомъ правленіи Валентиніана и о его терпимости относительно къ Аріанству; но сія строгость, по признанію самихъ современниковъ, исвореиила всѣ безпорядки, вкравшіеся до его царствованія, и избавила вдовъ и сиротъ отъ притѣсненія. А участіе, каковое Валентіанинъ имѣлъ въ избраніи святаго Амвросія на Епископство Медіоланское; смиреніе, съ каковымъ просилъ сего святителя о наказаніи себя, когда погрѣшитъ противу благочестія или церковныхъ преданій; гнѣвъ на брата своего Валента, которому онъ, за снисхожденіе къ Аріанамъ, какъ врагу Божію, отказалъ въ помощи противъ варваровъ; отзывъ, каковый дѣлалъ о немъ святый Амвросій, представляя его поступки въ примѣръ сыну его, Валентиніану Второму—заставляютъ вѣрить, что сей Императоръ былъ ревностнѣйшій Христіянинъ.

стіянство; однако заключенъ былъ въ оковы и сосланъ въ Арменію. Сіе происшествіе доказываетъ, что Валентиніанъ готовъ былъ пострадать—даже до смерти.

Святый Артемій, воевода Египетскихъ легіоновъ (*), получивъ повелѣніе итти съ порученнымъ ему войскомъ въ Персію, немедленно прибылъ въ Антіохію, гдѣ находился тогда богоотступникъ. Но, вмѣсто подвиговъ за славу Царя земнаго, предлежалъ ему страдальческій подвигъ за славу Царя небеснаго. Сіе происходило слѣдующимъ образомъ.

Іуліанъ, по своему обыкновенію, захотѣлъ посмѣяться надъ Христіянскими Священнослужителями и, призвавъ къ себѣ Евгенія и Макарія (**), Пастырей въ Священномъ Писаніи искусныхъ, житія непорочнаго и всѣми уважаемыхъ, началъ предлагать имъ ругательные вопросы о Таинствахъ Евангельской вѣры, съ благоговѣніемъ воспоминая между тѣмъ богомерзкія таинства идолослуженія. Но поелику Евгеній и Макарій имѣли премудрость, *ейже не могутъ противитися или отвѣщавати вси противляющіися ей* (***): то въ злочестіи своемъ изобличенный Іуліанъ, не стерпя стыда своего,

(*) Сей на брани посѣдѣвшій воинъ имѣлъ важный чинъ еще при Константинѣ Великомъ и былъ свидѣтелемъ явившагося на небеси Крестнаго знаменія, звѣздами изображеннаго. При Констанціѣ ему поручено было перенести въ Царьградъ тѣлеса Святыхъ Апостоловъ: Андрея изъ Патръ и Ѳомы изъ Ѳивъ. Послѣ сего Артемій былъ сдѣланъ Военнымъ Губернаторомъ въ Египтѣ. И хотя, въ угожденіе двору, всѣ чиновники тогда держались вѣроисповѣданія Аріанскаго, онъ пребылъ непоколебимъ въ православіи; а мудрость въ градодержавіи и оказанныя отечеству услуги на поляхъ брани заставили Констанція забыть, что Артемій не Аріанинъ, между тѣмъ какъ прочіе за то же неминуемо подвергались царскому гнѣву, отнятію чиновъ, заточенію, а иногда и смерти. Одинъ Іуліанъ не пощадилъ его!.. Память святаго мученика Артемія Октября въ 20 день.

(**) Память ихъ Февраля въ 19 день.

(***) Луки XXI. 15.

сбросилъ личину мудролюбія и приказалъ, яко бы за оскорбленіе Величества, Евгенію дать пятьсотъ ранъ, а Макарію безъ числа.

Въ то время у Іуліана, по своей должности, былъ святый Артемій. Взирая на ихъ страданія, онъ страдалъ въ своемъ сердцѣ, но уваженіе къ царской особѣ долго удерживало языкъ его. Наконецъ жесточайшія хулы его на Іисуса Христа подвигли его сказать дерзновенно: «За что, Государь, такъ мучишь неповинныхъ и Богу посвященныхъ мужей? Не они пришло обличать лжебоговъ, тобою покланяемыхъ: ты призвалъ ихъ, чтобы посрамить вѣру въ единаго истиннаго Бога. О Государь! ты заставляешь меня говорить правду, можетъ быть, не столько для тебя, сколько для насъ, вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, горестную: вмѣсто того, чтобъ въ лицѣ твоемъ почитать власть Божію, народы видятъ въ тебѣ врага, который нѣкогда испросилъ у Бога позволеніе причинить напасти Іову. Но повѣрь, что суетны твои начинанія. Съ того времени, какъ Христосъ низшелъ на землю, пала идольская гордыня. Государь! Іисусова сила непобѣдима и владычество Его безконечно.»

Богоотступникъ воспылалъ яростію и воскликнулъ грозно: «Какъ! уже и мои военачальники дѣлаются мятежниками и въ лице дерзаютъ меня злословить?» Но, дабы звѣрство противу Христіянъ сокрыть подъ завѣсою правосудія, онъ началъ укорять святаго старца въ убіеніи брата своего Галла, Констанціемъ умерщвленнаго.— «Я, по сродной мнѣ кротости и милосердію, наконецъ сказалъ онъ, простилъ всѣхъ злодѣевъ и истребителей моего рода; но враги не пристаютъ быть врагами! Благодарю безсмертныхъ боговъ, что они сами предаютъ въ руки мои одного изъ сихъ убійцъ.»—Немедленно съ Артемія сняты были всѣ знаки чиноначалія, возложены

оковы и принесены орудія казни. «Вѣдаетъ небо земла и весь ликъ святыхъ Ангеловъ, предаваясь въ руки мучителей, сказалъ воинъ Христовъ, вѣдаетъ и Господь мой, которому служу, что чистъ есмь отъ крови брата твоего, и не только не соизволялъ убійству, любя его и почитая за вѣру и благочестіе; но, будучи донынѣ въ Египтѣ, не зналъ и намѣренія Царева. Развѣ моя вѣрность къ Констанцію въ глазахъ твоихъ дѣлаетъ меня убійцею Галла? (*) Но Христіяне исполняютъ только тѣ велѣнія царевы, которыя имѣютъ цѣлію славу Божію, честь Государя и пользу отечества. Впрочемъ, на что тебѣ изыскивать на главу мою преступленія, чтобы оправдать свой поступокъ? Я знаю, за что стражду; знаетъ Господь мой, Іисусъ Христосъ, и узнаетъ вселенная. Твори, яже хощеши.»

Нѣсколько дней продолжались страданія святаго Артемія, и каждый разъ Іуліанъ предлагалъ ему прощеніе и свою милость, если оставитъ Христа и обратится къ идоламъ, а тѣмъ самымъ противурѣчилъ собственному приговору, яко бы мстилъ за истребленіе своего рода. Наконецъ непоколебимый страдалецъ, возвѣстивъ неизбѣжную и скорую погибель богоотступнику, усѣченъ былъ въ главу.

Ювентинъ и Максимъ (**) служили въ Іуліановой Гвардіи Капитанами и, будучи ревностными Христолюбцами при злочестивомъ дворѣ, сохраняли свою вѣру и чистую совѣсть. Въ безмолвіи сѣтуя о несчастіи Христіянъ, они, какъ вѣрные подданные, весьма усердно служили своему

(*) Галлъ былъ военачальникомъ на границахъ Персидскихъ. За нѣкоторыя своевольства и притязаніе излишней власти, Констанцій повелѣлъ лишить его начальства; но посланный для сего чиновникъ лишилъ его жизни.

(**) Памятъ св. мучениковъ Ювентина и Максима Сентября въ 5 день.

Государю. Но когда Іуліанъ велѣлъ идоложертвенною водою окропить въ Антіохіи общественные колодези и съѣстные припасы, чтобы чрезъ то свою глупую вѣру насильно навязать своимъ подданнымъ: то сей поступокъ Ювентину и Максиму показался подлѣйшимъ соблазномъ. Благочестивые воины начали жаловаться въявѣ и выражались словами Израильтянъ, когда они были подъ игомъ Вавилонскимъ: *предалъ еси насъ, Господи, въ руки враговъ беззаконныхъ мерзкихъ отступниковъ, и Царю неправедну, и лукавнѣйшему паче всея земли* (*). Раздраженный Іуліанъ приказалъ ихъ наказать тѣлесно, заключить въ темницу и описать въ казну ихъ имѣнія. Онъ надѣялся чрезъ сіе поколебать ихъ вѣру и преклонить къ отступничеству; но какъ добродѣтельные воины остались героями Евангельскихъ истинъ, то и приказано обоимъ отрубить головы.

Святый Іоаннъ, одинъ изъ воинскихъ чиновниковъ (**), имѣя отъ Іуліана повелѣніе оскорблять, притѣснять, брать подъ стражу и даже убивать Христіянъ, принялъ мѣры, удобнѣйшія къ ихъ защищенію: онъ наружно казался гонителемъ, но втайнѣ имъ благодѣтельствовалъ: объявляя имъ указы Императорскіе, доставлялъ случаи укрываться отъ погибели; прежде взятымъ подъ стражу, когда могъ, тайно давалъ свободу: подъ видомъ строжайшаго наблюденія почью посѣщая темницы, приносилъ имъ пищу, бѣлье и другія потребности. И когда друзья совѣтовали быть ему осторожнѣе, святый воинъ отвѣчалъ: «если мнѣ и страшенъ гнѣвъ Іуліана, то потому только, что, подвергшись оному, не буду въ состояніи помогать людямъ Христовымъ. Сіе одно запрещаетъ мнѣ излить

(*) Даніила III. 32.
(**) Память его Іюля въ 30 день.

предъ отступникомъ мои чувствованія и пострадать за Іисуса Христа.

Долго, для пользы страждущихъ Христіянъ, Господь покрывалъ тайною поступки Іоанновы. Но въ бытность Іуліана въ Персіи, онъ былъ оклеветанъ и заключенъ въ ужаснѣйшую темницу, гдѣ томимый гладомъ и каждодневно удручаемый муками, присужденъ былъ ждать тирана для примѣрной казни. Но Богъ опредѣлилъ иначе: отступникъ погибъ, а воцарившійся послѣ него Іовіанъ объявилъ свободу и милость всѣмъ узникамъ Христовымъ. Святый Іоаннъ, уважаемый Государемъ и благословляемый народомъ, жилъ мирно, доколѣ Господь не воззвалъ его въ обитель небесную.

Отроческая страсть къ ученію.

Святый Ѳеодоръ, бывшій послѣ Епископомъ Едесской церкви (*), въ отроческихъ лѣтахъ имѣлъ слабую память, не такъ счастливыя дарованія и въ наукахъ былъ весьма медлителенъ—за что терпѣлъ часто насмѣшки отъ соучениковъ и строгіе выговоры отъ учителей. Но для благонравнаго отрока всего чувствительнѣе была печаль отца и матери, которые, казалось, не ожидали отъ него ничего добраго.

Однако святый Ѳеодоръ не былъ изъ числа тѣхъ, которые предаются отчаянію по причинѣ неуспѣха, и прибѣгнулъ къ Помощнику, который никогда уповающихъ на Него посрамить не восхощетъ. Въ одно время, наставляемый Божественнымъ вдохновеніемъ, рано по утру, онъ пришелъ въ церковь и видя, что за нимъ не примѣчаютъ, скрылся подъ святымъ престоломъ. Тутъ, про-

(*) Сей Архипастырь жилъ въ IX вѣкѣ по Р. Х. Память его Іюля въ 9 день.

ливая слезныя молитвы къ Богу, да просвѣтитъ его разумъ въ познаніе истины, Өеодоръ уснулъ. Между тѣмъ собрались Священнослужители; пришелъ самъ Архіерей, и началась Божественная служба.

Оглашаемый святымъ пѣснопѣніемъ, спящій Өеодоръ зрѣлъ равнолѣтняго себѣ отрока, Ангелу Божію подобнаго, который питалъ его медомъ. Обрадованный и вкупѣ устрашенный Өеодоръ проснулся и, не успѣвъ опомниться, вдругъ вышелъ изъ подъ престола. Архіерей и всѣ тутъ бывшіе удивились внезапному явленію и начали спрашивать, кто онъ? и что его побудило тутъ спрятаться? Өеодоръ разсказалъ все подробно и открылъ сновидѣніе. Святитель не оставилъ безъ вниманія столь рѣдкой страсти къ ученію и видимаго просвѣщенія свыше, и святаго Өеодора причислилъ къ церковному клиру.

Съ того времени, дарованія святаго Өеодора открылись въ полномъ свѣтѣ. Остроуміемъ и глубокомысліемъ онъ превзошелъ вскорѣ всѣхъ сверстниковъ, оставивъ намъ примѣръ, съ какою ревностію должно стараться о просвѣщеніи своего ума и у кого, въ семъ случаѣ, должно просить помощи.

Достойный человѣкъ не долженъ удаляться отъ общественныхъ обязанностей.

Преподобный Өеодоръ, изъ обители святаго Саввы, противу своей воли, былъ возведенъ на Епископство Едесскія церкви. Проливая слезы о своей безмолвной келліи и простясь съ любезною ему братіею, Өеодоръ съ нѣкоторыми изъ знаменитыхъ Едесскихъ гражданъ отправился въ путь. Но когда достигли рѣки Евфрата и для ночлега поставили кущи свои, святый пустынолюбецъ, разсѣтовавшись наединѣ о священномъ градѣ и святой братіи, запѣлъ Давидскую пѣснь: *На рѣкахъ*

Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. Потомъ облился слезами и умыслилъ бѣжать... Но внезапно былъ объятъ нѣкимъ дреманіемъ и услышалъ неизвѣстный гласъ: *страшись участи раба лѣниваго, талантъ Господенъ въ землю сокрывшаго; тяжко согрѣшаетъ, кто, имѣя силы, не хочетъ носить ига Христова.* Послѣ сего, святый Ѳеодоръ воспрянулъ и, нѣсколько помысливъ, сказалъ: «да будетъ воля Господня!»—Онъ отложилъ сѣтованіе и охотно пошелъ далѣе—къ священной обязанности.

Удаляйся и невинныхъ случаевъ воспользоваться чужимъ достояніемъ (*).

Два родные брата, Іоаннъ и Ѳеодосій, нѣсколько лѣтъ обитали въ пустынѣ, въ разныхъ келліяхъ, стараясь единственно о спасеніи своихъ душъ, и наконецъ сдѣлались столько совершенны, что часто являлся имъ Ангелъ Господень и укрѣплялъ ихъ на подвиги, Богу угодные. Но что есть совершенство человѣка, пока плоть удерживаетъ его въ мірѣ?

Однажды Іоаннъ и Ѳеодосій, ходя по пустынѣ въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, собирали зелень. Вдругъ Іоаннъ остановился съ изумленіемъ, но въ ту же минуту, оградившись крестнымъ знаменіемъ, перескочилъ мѣсто и скоро побѣжалъ къ своей келліи. Ѳеодосій, издали видѣвъ сіе, удивился и думая, не змѣи ли такъ испугался братъ его, изъ любопытства пошелъ туда и — узрѣлъ кучу золота. Сотворивъ молитву, онъ снялъ мантію, собралъ въ нее сокровище и едва могъ принесть

(*) См. въ житіи преподобнаго Ѳеодора, Епископа Едескаго подъ 9 числомъ Іюля.

въ келлію, какъ можно скрываясь отъ брата. Назавтра, не сказавшись ему, пошелъ въ Едесъ, купилъ пространный домъ съ плодоноснымъ садомъ, съ водоемами, и устроилъ въ немъ гостиницу и больницу въ успокоеніе страннымъ и недугующимъ. Потомъ нашелъ хорошаго домоуправителя, и изъ оставшагося богатства вручивъ ему тысящу златницъ для потребъ благодѣтельнаго заведенія, а другую раздавъ нищимъ, опять пошелъ въ пустыню, къ брату своему Іоанну.

На пути размышлялъ онъ: «братъ мой могъ, но не хотѣлъ или не умѣлъ сдѣлать добра, а я великое и богоугодное совершилъ дѣло.» — Симъ высокомѣрнымъ помысламъ предавъ свое сердце, Ѳеодосій приближился къ тому мѣсту, гдѣ жилъ Іоаннъ. Но тутъ встрѣтилъ его тотъ самый Ангелъ, который прежде посѣщалъ его, и воззрѣвъ грозно, сказалъ ему: «почто тщеславишься и возносишься предъ твоимъ братомъ? Познай, что весь твой долговременный трудъ, весь твой страннопріимный и вречебный домъ не могутъ сравниться съ Іоанновымъ прескоченіемъ черезъ злато, ему непринадлежавшее. Прешагнувъ чуждое сокровище, онъ легкими крилами прелетѣлъ пропасть, между богачемъ и Лазаремъ утвердившуюся, и лоно Авраамово ждетъ его. Для сего не узришь лица его чрезъ всю жизнь твою; не узришь и меня, доколѣ не умилостивишь Бога.»—Сказавъ сіе, Ангелъ сокрылся. Устрашенный Ѳеодосій едва достигъ вертепа братняго и, не нашедъ его, восплакалъ и возрыдалъ.

Сѣтованіе Ѳеодосіево продолжалось седмь дней. Послѣ сего онъ удалился въ Едесъ и тамъ при церкви святаго Георгія пребылъ въ покаяніи сорокъ девять лѣтъ. Но и здѣсь нѣкіе помыслы, какъ темное облако, не преставали посѣщать душу его; часто неутѣшная скорбь наполняла его сердце. Столько-то ужасно поползновеніе къ чужестя-

жанію, ибо съ нимъ неразлучна обида, а часто и разореніе ближняго... Посему уже въ пятидесятый годъ Господь помянулъ Ѳеодосія и паки повелѣлъ быть при немъ *явѣ Ангелу-Хранителю.*

Неосторожность въ осужденіи, человѣколюбиво обличенная.

Нѣкоторый старецъ изъ Рима пришелъ въ Скитъ и поселился въ одной изъ лучшихъ келлій подлѣ церкви. Здѣсь, провождая жизнь богоугодную, онъ не наблюдалъ, однако же всей строгости пустынножителей: имѣлъ раба, одѣвался чисто, ѣлъ—только умѣренно, а не одинъ съ водою хлѣбъ, и хотя не мягкую, но покойную имѣлъ постелю. Симъ образомъ онъ прожилъ двадцать пять лѣтъ, и сколько благочестіемъ, столько и духомъ прозорливости сдѣлался такъ славенъ, что отвсюду приходили посѣтители, чтобы отъ него чему нибудь научиться.

Всѣ уходили отъ него съ удовольствіемъ и пользою.— Но одинъ также великій Египетскій пустынникъ, посмотрѣвъ на его житіе, соблазнился. Прозорливый старецъ тотчасъ узналъ мысли Египтянина; не взирая, однако же, на то, приказалъ рабу своему уготовить праздничную вечерю.—Хозяинъ и гость вкусили чистаго хлѣба, плодовъ, елея и вина и, прочитавъ нѣсколько псалмовъ, пошли ко сну.

Назавтра Египетскій пустынникъ простился съ хозяиномъ и отправился въ путь свой, не получивъ для души своей пользы; но старецъ, сокрушаясь о заблужденіи брата, приказалъ слугѣ возвратить его и, опять принявъ съ радостію, спросилъ: гдѣ твое отечество, Авва?

Гость. Въ Египтѣ.

Хозяинъ. Изъ какого ты города?

Гость. Я изъ села.

Хозяинъ. Чѣмъ тамъ занимался?

Гость. Пасъ стада.

Хозяинъ. Имѣлъ ли у себя домъ?

Гость. Нѣтъ; я день и ночь провождалъ на полѣ.

Хозяинъ. Была ли у тебя постеля?

Гость. Трава обыкновенное ложе для пастуховъ.

Хозяинъ. Какую употреблялъ пищу и какое пилъ вино?

Гость. Пищею былъ сухой хлѣбъ, иногда съ солью; а вино и на мысль не приходило: вода замѣняла опое.

Хозяинъ. Жизнь довольно невыгодная; но для омовенія была ли у тебя баня?

Гость. Возможно ли! когда было нужно, я мылся въ рѣкѣ.

Послѣ сего старецъ, воздохнувъ сказалъ: «ты довольно потрудился и потерпѣлъ, любезный о Христѣ братъ! Благодарю Бога, что Онъ въ старости лѣтъ даровалъ тебѣ жизнь лучшую. А я, бѣдный, дни моей юности провелъ посреди блеска и обилія. Отечество мое—древняя столица вселенныя; служба моя была у престола царскаго и въ Сенатѣ.» При сихъ словахъ Египтянинъ позналъ свое заблужденіе и, сравнивая прежнее состояніе старцево и свое съ настоящимъ его и своимъ состояніемъ, увидѣлъ, кто изъ нихъ наипаче отрекся міра и забавы перемѣнилъ на крестъ Христовъ... Между тѣмъ старецъ продолжалъ: «но теперь, славу Богу, спасеніе наше устрояющему! Я оставилъ столицу и дворъ и пришелъ въ пустыню; оставилъ богатые домы и роскошные сады и вступилъ въ тѣсную келлію; оставилъ одры изъ слоновой кости и злата изваянные и драгоцѣнными коврами устланныя, и принялъ отъ Бога—сіе ложе; совлекъ съ себя пурпуръ и багряницу и ношу — видишь, какія одежды; даровалъ свободу множеству рабовъ, и се, вмѣ-

сто ихъ, внушилъ Господь сему старцу, чтобы не оставилъ меня безъ помощи. Сверхъ того, вмѣсто роскошныхъ бань, я возливаю нѣсколько воды на мои ноги; ношу сандалія по слабости, а вмѣсто мусикійскихъ орудій и пѣнія, читаю Псалтырь. И такъ умоляю тебя, Авва, прости мнѣ, если имѣю что нибудь излишнее противу другихъ пустынножителей. Духъ мой бодръ, но плоть немощна.»—Выслушавъ сіе, Египетскій инокъ едва могъ придти отъ удивленія самъ въ себя. «Увы мнѣ! воскликнулъ онъ, я отъ бѣдствій міра пришелъ въ мѣсто покойное; а ты, послѣ толикихъ удовольствій, принялъ удрученіе плоти, послѣ богатствъ и славы, нищету и уничиженіе.»

Послѣ сего, съ душеспасительнымъ урокомъ онъ отправился въ путь свой, всѣмъ разсказывалъ о мудромъ и человѣколюбивомъ наставленіи истиннаго крестоносца, убогаго паче всѣхъ трудниковъ, какъ говорилъ онъ (онъ иначе и не называлъ его). Когда же какой либо вредный помыслъ возмущалъ его душу, онъ всегда ходилъ къ мудрому наставнику, чтобы явственнѣе узрѣть, что одинъ пріобрѣлъ съ пустынною жизнію, а другой — чего лишился.

Кто осуждаетъ ближняго, тотъ святотатски предвосхищаетъ право Господне.

Нѣкогда Авва Исаакъ Ѳивскій, будучи въ сосѣднемъ монастырѣ, осудилъ другаго Авву за нерадивое житіе. Сія, отчасти самолюбивая, мысль столько заняла сердце Исааково, что онъ и возвращаясь домой, не переставалъ разбирать и охуждать поступки братніе. Но когда подошелъ къ своей келліи, въ самыхъ дверяхъ предсталъ ему Ангелъ и угрюмо сказалъ: «Спаситель повелѣлъ мнѣ узнать твои мысли, что должно сдѣлать съ Аввою, кото-

рый осужденъ тобою?» Исаакъ почувствовалъ вину свою и, повергшись предъ Ангеломъ, воскликнулъ: «согрѣшихъ! беззаконновахъ! неправдовахъ! помолись о мнѣ Спасителю міра.»—«Возстань, сказалъ Ангелъ: на сей разъ Господь прощаетъ тебя; но впредь страшись осуждать твоего брата прежде, нежели Господь осудитъ его; иначе и въ сію келлію впущенъ не будешь.»

Важная наука не согрѣшать языкомъ.

Преподобный Памва (*), который послѣ столь основательно зналъ Священное Писаніе, вначалѣ своего иночествованія не зналъ *грамотѣ;* для сего и ходилъ къ одному изъ братій, чтобы подъ его руководствомъ выучить наизусть псалмы Давидовы. Но въ одно время услышавъ стихъ: *рѣхъ, сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ* (**), вдругъ оставилъ своего наставника и пересталъ ходить къ нему. Когда же, чрезъ шесть послѣ того мѣсяцовъ, учитель, увидѣвъ его, спросилъ: почто онъ такъ долго у него не былъ? святый Памва отвѣчалъ: «я еще не научился самымъ дѣломъ исполнять слова Давидовы: *рѣхъ, сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ.*» — Уже чрезъ девятнадцать лѣтъ сей старецъ едва осмѣлился сказать, что навыкъ самымъ дѣломъ исполнять то, чему сей стихъ научаетъ.

Такъ преподобный Памва, воздерживая свой языкъ, *еже не согрѣшати ему*, не только чрезъ всю жизнь свою не осудилъ ближняго, не произнесъ празднаго слова, но и вообще въ разговорахъ былъ весьма осторо-

---

(*) Св. Памва жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его въ 18 день Іюля.
(**) Псал. XXXVIII. 1.

женъ и многоразсудителенъ въ отвѣтахъ. А когда спрашивали его о чемъ либо отъ Священнаго Писанія, или о другомъ важномъ дѣлѣ, никогда своего мнѣнія вдругъ не объявлялъ, но прежде въ безмолвіи разсуждалъ самъ съ собою и часто говорилъ: «не обрѣтаю, что отвѣчать на сей вопросъ.» — Рѣдко чрезъ три дни, чаще чрезъ три недѣли, а иногда чрезъ три мѣсяца онъ давалъ рѣшеніе. Для сего отвѣтъ его былъ всегда истиненъ и полезенъ, какъ отъ благодати Божіей разуму его даруемый. Всѣ слушали старца, а благодарили Бога, имъ глаголющаго.

Нѣтъ лучше молчанія у мѣста. Съ нимъ человѣкъ, храня заповѣдь Божію о любви къ ближнему, языкъ свой не дѣлаетъ *огнемъ, лѣпотою неправды, зломъ неудержимымъ*. Не обличая симъ образомъ своего сердца въ злобѣ, онъ не подвергаетъ и разумъ свой осужденію въ невѣжествѣ. Жалки и смѣшны тѣ люди, которые не могутъ понять, или не успѣютъ сообразить дѣла, а языку своему даютъ полную власть сдѣлать приговоръ.

Воспитаніе и жизнь преподобной Макрины (*).

Преподобная Макрина, сестра Василія Великаго, родилась въ одномъ изъ тѣхъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ домовъ, которые не щадятъ ни трудовъ, ни иждивенія на воспитаніе своихъ дѣтей — только бы научить ихъ всему, что составляетъ пользу и пріятность общежитія. Добродѣтельная Емилія, мать ея, отнюдь не хотѣла уступить другимъ въ образованіи ума и сердца своей дочери; но, что важнѣе всего, она не была изъ числа тѣхъ матерей, которыя извиняются своими недосугами и дѣтей

(*) Память ея Іюля въ 19 день.

поручаютъ въ чужія руки, иногда вовсе неумѣющія приняться за сей тонкій и нѣжный цвѣтъ. Сія осторожность родителей была почти общимъ обыкновеніемъ первыхъ и святѣйшихъ вѣковъ Церкви.

Едва младенческій языкъ Маркины началъ образовать нѣсколько стройные звуки, первымъ ея выраженіемъ былъ Тотъ, Кто даруетъ намъ бытіе и жизнь. Емилія неизрѣченно восхищалась, слушая, какъ дочь ея слабымъ голосомъ и шепелеватымъ языкомъ произноситъ сладчайшее имя Іисуса Христа, которому она сочеталась при святомъ Крещеніи. Почитая себя первою хранительницею сихъ священныхъ обѣтовъ, она обыхновенно брала ее на свои колѣни и между родительскими ласками разсказывала сообразнѣйшія съ дѣтскимъ возрастомъ исторіи изъ Ветхаго Завѣта и происшествія Евангельскія. Такимъ образомъ юная Макрина научалась Христіянскому закону отъ одной своей родительницы, безъ пособія наставниковъ.

Благочестивая Емилія сама учила ее грамотѣ, сама преподавала ей первые уроки нравственности; но, не слѣдуя общему обыкновенію, избрала другой путь. Греки ученіе дѣтей почти всегда начинали съ басней и нѣкоторыхъ піитическихъ сочиненій; но Емилія увидѣла, что въ нихъ много находится такихъ мыслей и изображеній, которыя оскорбительны для чистаго дѣвическаго слуха, и въ учебную для нея книгу предпочла пѣсни Давида и премудрость Соломона. Изъ сихъ священныхъ сокровищъ избирая лучшіе стихи, въ которыхъ содержатся или молитвы, или славословіе Бога, или похвала какой либо добродѣтели, она приказывала читать ихъ и, по большой части, учить наизусть. Остроумная дѣвица, будучи седми лѣтъ, уже знала изъ Ветхаго и Новаго Завѣта всѣ мѣста, какъ въ разное время дня, въ разныхъ

обстоятельствахъ жизни благодарить Бога и предаваться святой Его волѣ; и на вопросы своихъ родственниковъ отвѣчала всегда удовлетворительно о своихъ обязанностяхъ къ Богу, къ себѣ самой, къ разнымъ лицамъ и въ разнымъ состояніяхъ.

Емилія учила юную Макрину и пѣнію; но симъ нѣжнымъ голосомъ не были одушевляемы любострастныя пѣсни Анакреона и Сафы. *Свѣте тихій святыя славы* и сему подобныя пѣснопѣнія приводили въ сладкое восхищеніе ея слушателей. Не только извѣстная страсть, господствующая въ *пѣсненныхъ* сочиненіяхъ, но и весьма *казистая* шутка, или слишкомъ острый оборотъ дѣлали ихъ недостойными ея голоса и слуха.

Да не подумаетъ кто нибудь, что Емилія, удаливъ отъ своей дочери приманчивыя искусства большаго свѣта, украшеніемъ женскаго пола почитала *невѣжество*. Она только мыслила, и мыслила весьма справедливо, что первыя понятія и слова дитяти должны быть посвящаемы Богу; поелику Ему единому принадлежатъ начатки всѣхъ плодовъ. Благоразумная мать опредѣляла ее жить въ свѣтѣ, но предостерегала отъ суетности свѣта; она хотѣла, чтобы дочь ея съ разумомъ острымъ и основательнымъ соединяла просвѣщенную набожность. Для сего удаляла отъ нея только то, что не соотвѣтствовало сему намѣренію. Напримѣръ: она не хотѣла и слышать, чтобъ юная Макрина обучалась музыкѣ; ибо знала изъ опыта, чта сія наука чрезвычайно развлекаетъ мысли дѣвицъ и вдыхаетъ въ нихъ скуку и отвращеніе отъ всѣхъ другихъ упражненій, которыя, однакожъ, несравненно пристойнѣе ихъ полу и нужны чрезъ всю жизнь. Имѣть всегда благоприличное положеніе тѣла, входить пристойно въ комнату, имѣть скромный, но откровенный взоръ, обходиться съ какими бы то ни было особами пріятно—симъ

ограничивался у Емиліи та наука, которыя дѣтей нашего времени заставляетъ дѣлать столь сладострастныя и часто для нихъ мучительныя тѣлодвиженія.

Часто матери водятъ сами своихъ дѣтей въ театръ и въ другія увеселительныя мѣста, которыя отвращаютъ ихъ отъ трудолюбія, и между тѣмъ сіи же матери оказываютъ желаніе пріучить ихъ къ трудолюбію. Емилія проникла несообразность таковаго плана въ воспитаніи и въ здравую пищу не хотѣла мѣшать яда. Ходить въ храмъ Божій—была единственная прогулка Макрины, утренняя и вечерняя. Тамъ слушала она поученія духовныхъ пастырей, которыми четвертый Христіянскій вѣкъ столько былъ украшенъ и прославленъ и, чему научилась, обязана была дома повторять предъ своею матерью.

Такимъ образомъ, не пріучая юной Макрины къ излишеству *свѣтскихъ манеровъ* и не вдыхая въ нее охоты къ пустымъ удовольствіямъ, Емилія обучала ее всему, что прилично знать дѣвицѣ, которая должна жить въ свѣтѣ и сдѣлаться хозяйкою. Женское рукодѣліе и домонадзираніе были ея занятіемъ, а чтеніе Священнаго Писанія или отеческихъ сочиненій служило ей отдохновеніемъ. Въ сихъ упражненіяхъ Макринѣ минуло двѣнадцать лѣтъ.

Тогда многіе изъ знаменитыхъ Каппадокійскихъ гражданъ начали искать руки ея для своихъ сыновей; и благоразумные родители наконецъ избрали одного юношу, не только родомъ, но и разумомъ и благонравіемъ другихъ превосходящаго, которому святая Макрине и была обручена. Но Божескія судьбы установили иначе. Когда родители съ обѣихъ сторонъ питались надеждою вскорѣ устроить счастіе своихъ дѣтей, женихъ ея умеръ. Святая дѣвица, оплакавъ его, помыслила, что Богъ требуетъ отъ нея не супружескихъ добродѣтелей, и поло-

жила въ сердцѣ своемъ не посягать за другаго. Послѣ сего, сколько родители и сродники ни напоминали ей о бракѣ, она обыкновенно отвѣчала: «несправедливо дѣвицѣ, единому мужу обрученной, отдавать свое сердце другому; ибо по закону природы должно быть супружество едино, какъ едино рожденіе и смерть едина. Вы говорите, что мой женихъ умеръ; но я, въ надеждѣ воскресенія, вѣрую, что онъ живъ Богу. Грѣхъ и стыдъ супругѣ, въ отсутствіи своего супруга, не сохранить къ нему вѣрности.»

Не думая болѣе о жизни въ свѣтѣ, святая Макрина облегчала домашнія попеченія своей матери, пособляла воспитывать младшихъ сестръ и братій, сама наставляла ихъ въ наукахъ, благоповеденіи и добронравіи. Святый Василій, послѣ нареченный Великимъ, возвратясь изъ своего путешествія, гдѣ собиралъ духовныя сокровища, какъ юный мудрецъ, обнаруживалъ нѣкоторую гордость о своемъ разумѣ: святая сестра кроткими и богодухновенными разговорами внушала ему совершенное смиренномудріе. Другаго ея брата, Григорія, совѣты рабы Христовой содѣлали достойнѣйшимъ архипастыремъ Нисской церкви. Навклиръ всѣмъ выгодамъ и удовольствіямъ свѣта предпочелъ служеніе престарѣлымъ пустынножителямъ. Юнѣйшій Петръ, единственно на ея рукахъ возросшій, былъ также Святителемъ, не меньшимъ въ угодникахъ Божіихъ. Сама Емилія, по кончинѣ супруга, внявъ совѣту Макрины, оставила всѣ суеты міра и вмѣстѣ съ нею удалилась въ Дѣвичій монастырь.

Тамъ мать и дщерь, уневѣстившись Христу, приняли на себя иноческій образъ и жили вмѣстѣ съ рабынями, которыя изъ одной любви захотѣли имъ слѣдовать и раздѣлять съ ними благочестивое уединеніе. Все у нихъ было общее: одна келлія, одна трапеза, однѣ одежды. Всѣ

единодушно работали Господу въ молитвахъ, постничествѣ, смиреніи и любви; святая же Макрина была имъ предшественницею въ сихъ добродѣтеляхъ. Слѣдующее чудесное происшествіе покажетъ намъ, сколько она была цѣломудрнена и Богу пріятна. Однажды сдѣлался у нея на груди столь опасный вередъ, что Емилія начала бояться, дабы болѣзнь не разлилась по всему тѣлу и не коснулась сердца; для чего и убѣждала ее, показать его врачу и требовать помощи; но святая дѣвица никакъ не могла согласиться, чтобы обнажить предъ мужскими очами свои перси, и лучше хотѣла страдать, нежели допустить прикосновеніе къ нимъ рукъ мужчины. Въ одинъ изъ сихъ болѣзненныхъ вечеровъ, по своему обыкновенію, просидѣвъ у матерняго ложа, пока она не уснула, Макрина пошла въ молитвенную храмину и, тамъ заключившись, пребыла всю ночь на молитвѣ: преклоняя долу колѣна и лице и слезами омочая землю, она отъ единаго Бога просила исцѣленія. Потомъ взявъ персть, слезами ея омоченную, приложила къ болящему мѣсту—и въ ту же минуту почувствовала облегченіе, а назавтра болѣзнь ея прошла совершенно. Емилія, при первомъ пробужденіи, опять напоминая ей о необходимости отдаться въ руки врача; но святая Макрина, не желая и той славы, что Господь столь чудесно посѣтилъ ее въ болѣзни, ласкаясь къ ней, отвѣчала: «о любезная родительница! довольно будетъ къ моему исцѣленію одной твоей руки: прикоснись только къ болящему мѣсту и положи на немъ крестное знаменіе.»—Нѣжная мать исполнила ея просьбу, и тогда же, къ удивленію своему, узнала, что небесный Врачъ душъ и тѣлесъ уже исцѣлилъ ее.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ.

Черта образа Божія.

Коль сладкое, коль истинное удовольствіе ощущаетъ душа, когда воображаетъ невинное состояніе первозданнаго человѣка. Жизнь блаженная! дни радости боголѣпной! Прекраснѣйшее созданіе рукъ Божіихъ, *умаленное малымъ чѣмъ предъ Ангелами*, онъ находится посреди прелестнаго рая, окруженный всѣми животными, на службу его созданными. Разумъ его вѣдаетъ Бога; и въ семъ боговѣдѣніи, какъ въ чистѣйшемъ зерцалѣ, зритъ всю природу и свое блаженство. Непорочная воля его имѣетъ всѣ способности и средства быть таковою. Невинный владыка и все вокругъ себя находитъ невиннымъ: пернатые, летая надъ нимъ, не страшатся ловитвы; звѣри возлежатъ при его стопахъ. Левъ съ агнцемъ, орелъ съ голубемъ вкушаютъ одну пищу. Всѣ повинуются человѣку, какъ человѣкъ повинуется Богу. Сей малый міръ обрѣтаетъ въ себѣ миръ и тишину; и всѣ разнородныя существа неизмѣримаго міра подражаютъ миру и тишинѣ его сердца. Онъ дышитъ радостію: и сіе дыханіе растворяетъ радостію все, подъ небесами сущее. Мудръ, благъ, безсмертенъ, повелитель всѣхъ тварей, онъ изображаетъ въ себѣ подобіе Создателево, какъ утренняя капля росы изображаетъ въ себѣ лучезарное солнце.

Digitized by Google

Но коль горестная воспослѣдовала перемѣна, когда сей любимецъ Божій нарушилъ его заповѣдь! Сдѣлавшись преслушникомъ, онъ отвсюду и къ себѣ узрѣлъ преслушаніе. Вся природа возстала на человѣка, поелику человѣкъ возсталъ на Бога, и—какъ его образъ, возсталъ самъ на себя. Сія внутренняя война была столь жестока, что ни въ тѣлесномъ, ни въ духовномъ мірѣ не обрѣталось средства потушить оную и возвратить человѣку первое владычество надъ собою и надъ всѣми твореніями. Сіе средство могъ изобрѣсть Единъ Премудрый, Всемогущій, Премилосердый Богъ. Чрезъ единороднаго своего Сына даровавъ намъ вѣру, съ нею повелѣлъ Онъ соединить святую жизнь. Вѣрою—человѣкъ оставляетъ ветхаго человѣка и облекается въ новаго: святою жизнію—въ семъ достоинствѣ утверждатся. Всѣ совершенства, съ которыми первенецъ человѣчества вышелъ изъ рукъ Божіихъ, ему возвращаются. Онъ знаетъ истины Евангельскія; слѣдовательно премудръ. Почерпаетъ изъ него побудительныя причины удаляться отъ зла и творить благо; слѣдовательно святъ. Возраждается и оправдывается для вѣчнаго блаженства; слѣдовательно безсмертенъ. Премудрость, святость и безсмертіе — се Боженственныя совершенства, которыя человѣку возвращаютъ образъ Божій.

Остается одна черта, повидумому для человѣка невозвратная — первоначальное владычество надъ прочими тварями. Здѣсь не разумѣется преимущество разума человѣческаго надъ крѣпкимъ составомъ животныхъ. Имъ обладалъ и падшій человѣкъ; здѣсь говорится о томъ повиновеніи, которое человѣку оказывали самые лютые звѣри. Кто же не видитъ изъ житія истинно благочестивыхъ людей, что святая жизнь возвращала имъ и сіе первоначальное владычество. Исторія первыхъ Христіян-

скихъ временъ представляетъ множество разительныхъ тому примѣровъ. Страстотерпцы и Преподобные, столь же невинные, какъ обитатель земнаго рая, столько же, какъ онъ, Господу послушные, и сами обрѣтали удивительное къ себѣ повиновеніе у тѣхъ безсловесныхъ, которыхъ одинъ взоръ поражаетъ ужасомъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

1. Преподобный Савва *Освященный*, уступивъ мятежному духу нѣкоторыхъ братій, удалился въ Скиѳопольскіе предѣлы. Тамъ нашедъ нѣкую пещеру, небоязненно вошелъ и, поелику былъ вечеръ, помолившись, легъ уснуть. Но въ полночь пришелъ левъ и, увидя на ложѣ своемъ почивающаго человѣка, взялъ зубами за его одежду и повлекъ изъ вертепа. Святый старецъ, пробудившись, не ужаснулся, но, возставъ спокойно, началъ читать *полунощныя молитвы*; а левъ, нѣсколько отсторонившись, какъ будто ждалъ, доколѣ Савва совершитъ *правило*. Послѣ сего старецъ сѣлъ, и левъ опять началъ влечь его изъ пещеры... Тогда человѣкъ по образу Божію сказалъ ему: «Послушай! пещера пространна; мы оба можемъ жить вмѣстѣ; ибо единъ Творецъ насъ создалъ. Если же тебѣ не угодно со мною жить, то приличнѣе тебѣ уйти отсюду, ибо я, какъ рукою Божіею созданный и образомъ его возвеличенный, несравненно тебя лучше.»—Выслушавъ сіе, грозный звѣрь вышелъ изъ пещеры и уже туда не возвращался.

2. Преподобные отцы Іоаннъ *Евиратъ* и Софроній *Софистъ* въ Лимонарѣ повѣствуютъ слѣдующее. Въ одно время съ преподобнымъ Герасимомъ (*) въ пустынѣ Іорданской встрѣтился левъ и, болѣзнуя, показывалъ свою ногу, глубоко пронзенную терномъ, который, тамъ

(*) Память его въ 4 день Марта.

оставшись, причинилъ чрезвычайную опухоль. Безсловесный звѣрь, умиленными очами взирая на старца, смиренно просилъ у него помощи. Преподобный Герасимъ, сжалившись надъ страждущимъ животнымъ, велѣлъ ему лечь на землю, сѣлъ самъ и, небоязненно взявъ его ногу, вынулъ тернъ, очистилъ рану и, обвязавъ убрусцемъ, далъ знакъ, чтобы шелъ онъ въ свое мѣсто. Но левъ не хотѣлъ оставить своего избавителя, пошелъ за нимъ въ самую обитель и уже не возвращался въ пустыню, но вездѣ ходилъ за нимъ, такъ что всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на приверженность звѣря. Святый старецъ изъ своихъ рукъ кормилъ его хлѣбомъ и давалъ другія яствы, которыми самъ питался; онъ назвалъ его Іорданомъ: и левъ, откликаясь на свое имя, всегда къ нему прибѣгалъ и какъ бы ожидалъ повелѣнія. Сіе послушаніе царя всѣхъ звѣрей простиралось до того, что онъ пасъ монастырскій скотъ и даже исправлялъ нѣкоторыя работы.

Но слѣдующее обстоятельство еще достопримѣчательнѣе. По собственному ли побужденію, или по смотрѣнію Божію, сей чудный звѣрь на нѣсколько времени отлучился изъ Лавры. Между тѣмъ преподобный Герасимъ скончался и былъ погребенъ. Вскорѣ явился левъ и началъ искать своего благодѣтеля. Всѣ старцы вновь поражены были горестію о своемъ наставникѣ, увидѣвъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ищетъ его несмысленный звѣрь; а одинъ изъ учениковъ святаго Герасима, именемъ Савватій, сказалъ ему: «Іорданъ! старецъ нашъ оставилъ насъ сирыхъ и отшелъ къ Господу.» Послѣ сего левъ, озирая всюду, зарыкалъ скорбно. Савватій принесъ ему хлѣба; но левъ, не пріемля онаго, усугублялъ вопль свой и требовалъ, чтобы вышелъ къ нему святый Герасимъ. Тогда Савватій, не въ силахъ будучи и самъ удержать слезъ, взялъ его за гриву и повелъ къ гробу усопшаго отца. «Здѣсь со-

крыта плоть нашего старца, а тамъ душа его»—указавъ на гробъ и на небо, сказалъ онъ и, преклонивъ колѣна, началъ молиться. Звѣрь, услышавъ сіе и увидѣвъ плачущаго Савватія, ударился головою о землю и, рыкнувъ ужасно, испустилъ духъ на могилѣ старцевой.

Всякому извѣстно, что сей левъ не имѣлъ разумной и словесной души; но, читая сію утвержденную временемъ и вѣрою повѣсть, должно исповѣдать, что Богъ, даровавъ святому Герасиму толикую власть надъ лютымъ звѣремъ, чрезъ то хотѣлъ показать намъ, *коликое имѣли послушаніе звѣри къ Адаму въ раю прежде его преслушанія и отъ рая отпаденія*, и до какой степени истинно вѣрующему возвращается образъ Божій, преступленіемъ первозданнаго человѣка погубленный для всѣхъ его потомковъ.

3. Преподобный Іоанникій Великій (*), обитая въ горахъ Контурійскихъ, гдѣ множество было звѣрей и змієвъ, не видѣлъ отъ нихъ никакой опасности. Однажды, при наступленіи зимы, ходя по угрюмымъ высотамъ, онъ встрѣтилъ глубокую пещеру и, поелику не имѣлъ у себя келліи, почелъ ее способною защитить его отъ хлада: немедленно вошелъ въ нее и весьма обрадовался, узрѣвъ что-то горящее. Іоанникій поднялъ съ земли сухую вѣтвь и бросилъ на потухающій, по его мнѣнію, огнь. Но вдругъ сей огонь сотрясся и хврастіе опять упало на землю. Святый старецъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что это былъ огромный змій, котораго глаза блистали, какъ горящіе угли. Однако имѣющій власть отъ Бога на змія невидимаго не убоялся видимаго змія; но, уклонясь къ

(*) Сей преподобный Отецъ родился въ лѣто 750, при Царѣ Львѣ Исаврѣ, по 94 лѣтней жизни скончался въ царство Михаила и Ѳеодоры въ IX вѣкѣ по Р. Х. Память его Ноября въ 4 день.

правой сторонѣ вертепа, пребылъ тутъ вмѣстѣ съ чудовищемъ, пока миновала зима.

4. Преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ, сокрывшись въ уединенное и отъ человѣческаго жительства удаленное мѣсто, имѣлъ страннаго посѣтителя. Когда благоразсужденіемъ, молитвою и трудомъ въ ничто обращалъ всѣ страхи и мечтанія, тогда приходилъ къ нему великій и свирѣпый медвѣдь. Святый пустынножитель питалъ его и часто, самъ оставаясь безъ пищи, послѣдній кусокъ хлѣба отдавалъ звѣрю. Столько милостива была душа Сергіева! За то лютаго медвѣдя онъ претворилъ яко въ агнца, предъ нимъ играющаго.

Христіяне! чего не сильна произвесть вѣра? Да не дивимся убо, что Адаму въ невинномъ состояніи повиновались звѣри и были кротки. Можно думать, что нынѣ отъ жестокости нашихъ нравовъ они разсвирѣпѣли и сдѣлались столько ужасны; человѣколюбіе же и добродѣтель могутъ свирѣпство и ярость претворить въ кротость и тихость. Для сего необходимо, чтобы нашъ разумъ и воля обновились и освятились; тогда и наша душа облечется въ ту святость, въ каковой былъ созданъ первый Адамъ. Да не думаемъ, яко бы сіе было невозможно. Самъ Богъ *предуставн насъ сообразныхъ быти образу Сына своего* (1). Христіяне, облеченные въ новаго человѣка, способны быть *Божественнаго причастницы естества*, если отбѣгнутъ, *яже въ мірѣ, похотныя тли* (2). *Откровеннымъ лицемъ славу Господню озирающе*, они *въ той же образъ преобразуются отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа* (3). Сіе освященіе есть воля Отца небеснаго: ибо Онъ хочетъ, да будемъ *святи, якоже и Онъ святъ есть* (4); да бу-

(1) Римл. VIII. 9. (2) 2 Петр. I. 4. (3) 2. Кор. III. 18. (4) Петр. I. 16.

демъ *совершени, якоже и Онъ совершенъ есть* (5); да будемъ *милосерди, якоже и Онъ милосердъ есть* (6). Все сіе Святые совершили и въ дѣлахъ своихъ нѣкоторымъ образомъ уподобились дѣламъ Божественнымъ. И такъ безуменъ тотъ, кто не вѣритъ чудесамъ, избранными людьми совершаемымъ! *Тщаніе все привнесше, подадимъ въ вѣрѣ добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь* (7): тогда увидимъ, что возможно и для человѣка *заграждати уста львовъ*.

Седмь Ефесскихъ отроковъ (*).

Въ бытность Императора Децiя въ Ефесѣ, въ числѣ прочихъ исповѣдниковъ имени Христова, взяты были подъ стражу седмь юношей: Максимиліанъ, Ямвлихъ, Мартиніанъ, Іоаннъ, Діонисій, Екзакустодіанъ и Антонинъ, изъ которыхъ первый былъ сынъ Едесскаго градоначальника, а прочіе—другихъ гражданскихъ чиновниковъ, и всѣ служили въ Римскомъ воинствѣ офицерами. Децій, тѣмъ болѣе раздраженный, что посреди его оруженосцевъ и тѣлохранителей находятся презрители боговъ, имъ поклоняемыхъ, въ то же время лишилъ ихъ чиновъ, и приказалъ или принудить къ идольскому служенію, или погубить мучительною смертію; но когда увидѣлъ ихъ *воинственную красоту*, почувствовалъ сожалѣніе и, давъ имъ время на размышленіе, освободилъ изъ подъ стражи. А самъ между тѣмъ отправился для обозрѣнія другихъ городовъ области Едесской.

---

(5) Матѳ. V. 48. (6) Лук. VI. 36. (7) 2 Пет. I. 5. 6. 7.

(*) Память святыхъ седми отроковъ, иже во Ефесѣ, Августа въ 4 день.

Святые юноши употребляли отсутствіе Деція единственно на молитвы и милостыню; а чтобы лучше приуготовить себя къ мученичеству, они удалились въ нѣкую пещеру, въ горѣ *Охлонъ* находящуюся. Юнѣйшій изъ всѣхъ, Ямвлихъ, перемѣнивъ одежды, изрѣдка ходилъ въ городъ, чтобы подать милостыню и для себя купить хлѣба. Такимъ образомъ протекло нѣсколько времени, и святыхъ отроковъ, казалось, забылъ весь свѣтъ. Но въ одинъ день Ямвлихъ возвратился изъ Едеса весьма скоро и съ трепетомъ объявилъ своимъ товарищамъ, что Децій прибылъ и ихъ велѣно къ нему представить. Юноши пали на землю и, молясь Богу съ плачемъ и стенаніями, поручали себя его милосердію. При закатѣ солнца, они немного вкусили и, бесѣдуя между собою и взаимно укрѣпляя себя къ мужественному за Христа страданію, вдругъ воздремали и уснули страннымъ и дивнымъ *успеніемъ*.

Назавтра, по приказанію Деція, въ самомъ дѣлѣ начали искать святыхъ отроковъ, и наконецъ открыли ихъ убѣжище. Сами ихъ родители къ тому способствовали, или отъ страха, чтобы не подвергнуться той же участи, или по общему изувѣрству язычниковъ. Однако жъ Децій, при всей ярости, еще сожалѣлъ о нихъ и, дабы не видѣть смерти столь упрямыхъ, по его мнѣнію, суевѣровъ и вмѣстѣ удовлетворить гнѣву боговъ, приказалъ каменіемъ заградить устье пещеры, гдѣ находились святые отроки. Къ славѣ Христіянской Церкви Ѳеодоръ и Руфимъ, царскіе постельники, будучи потаенными Христіянами, между сими камнями успѣли вложить оловянныя дщицы, гдѣ изображены были имена и страданія святыхъ седми отроковъ.

Вскорѣ послѣ сего Децій погибъ; слѣдовавшіе за нимъ гонители Христіянства также съ шумомъ миновали чреду

свою. Настало царство Евангелія и посреди свирѣпѣющихъ ересей торжествовало до Ѳеодосія Втораго. Тогда водворилось горшее всѣхъ золъ: подъ руководствомъ Ѳеодора, Епископа Егинскаго, повсюду разсѣялись соблазнители, отрицавшіе воскресеніе мертвыхъ, и заразили всѣ состоянія народа; а наиначе укоренилось то мнѣніе, что возстаніе изгнившихъ и въ прахъ обратившихся нашихъ тѣлъ при второмъ пришествіи Христа невозможно. Безумные не разсуждали, что Богъ, изъ ничего весь міръ и человѣка создавшій, кольми паче можетъ испортившееся возстановить въ прежній порядокъ! Благочестивый Царь молился Сыну Божію, *Егоже гласъ услышатъ мертвіи и услышавше оживутъ*; и—Господь, внявъ его моленію, тайну чаемаго возстанія изъ гробовъ открылъ чрезъ седмь святыхъ отроковъ слѣдующимъ образомъ.

Нѣкто Адолій, владѣлецъ окрестностей Охлона, гдѣ находилась пещера, заключавшая тѣлеса страдальцевъ, началъ (по смотрѣнію Божію) строить каменную ограду для своихъ стадъ и, не зная событій минувшаго времени, приказалъ брать тѣ самые камни, которыми завалено было устье вертепа. Вскорѣ сдѣлалось отверзтіе, такъ что можно было пройти человѣку. Въ сіе время Господь нашъ, жизнію и смертію обладающій, благоволилъ воззвать седмь оныхъ, почти два столѣтія спавшихъ, отроковъ.—Воскресли святые Исповѣдники, которыхъ души хранимы были въ десницѣ Божіей, а тѣлеса, яко спящія, возлежали въ пещерѣ нетлѣнны и неизмѣнны. Они думали, что пробудились отъ обыкновеннаго ночнаго сна; ибо не было на нихъ ни единаго знака мертвенности одежды были цѣлыя, лица красотою цвѣтущія, тотъ же возрастъ юности. Воздавъ благодареніе Богу, они бесѣдовали между собою о настоящемъ кумирослужиніи, о

гоненіи на Христіянъ и о поискахъ Децiя. Потомъ поручили Ямвлиху опять сходить въ городъ и, развѣдавъ, что въ немъ происходитъ, купить нѣсколько хлѣба. — Послѣ сего сказали они въ одинъ голосъ: «будемъ готовы предстать Децію.»

Ямвлихъ, едва вышелъ изъ пещеры, изумился, увидѣвъ камни, лежащіе у входа оной. Спустясь съ горы, шелъ боязливо; нѣсколько разъ останавливался, опасаясь итти въ Ефесъ и тамъ быть узнанъ. Но изумленіе его наипаче умножилось, когда, приближаясь къ градскимъ вратамъ, узрѣлъ надъ ними крестъ Господень. Шествуя далѣе по стогнамъ Ефеса, онъ видитъ храмы, крестами же увѣнчанные.—«Что сіе? думалъ Ямвлихъ: вчера нигдѣ крестнаго знаменія не зрѣлось; а нынѣ повсюду.»—Онъ слышитъ клянущихся именемъ Христовымъ; видитъ другія зданія, другія одежды, и все сіе почитаетъ за сонное мечтаніе; но, осязая самъ себя, увѣряется, что зритъ и шествуетъ въявѣ. Думая, что онъ какимъ либо чудомъ, перенесенъ въ другое мѣсто, спросилъ у одного изъ встрѣтившихся о имени града и, услышавъ имя Ефеса, не повѣрилъ. Наконецъ рѣшился купить хлѣба и какъ можно скорѣе возвратиться въ пещеру, сомнѣваясь, найдетъ ли ее.

Но какой ужасъ объялъ Ямвлиха, когда хлѣбопродавецъ, получивъ отъ него сребренникъ, началъ всѣмъ показывать его, какъ нѣкоторую рѣдкость! Увидѣвъ же, что всѣ, тутъ находящіеся, другъ съ другомъ перешептываются, святый юноша подумалъ, что его узнали и, по своей невинности, хотѣлъ бѣжать, но вдругъ былъ схваченъ. Множество людей стеклось на шумъ и, подозрѣвая, что Ямвлихъ нашелъ *кладъ*, повели его къ градоначальнику. Святый отрокъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается; искалъ глазами кого нибудь изъ знакомыхъ, но

никого не видѣлъ; удивлялся, какъ и самъ онъ, чрезъ одну ночь, сдѣлался для всѣхъ незнакомцемъ. Въ семъ непонятномъ состояніи онъ былъ представленъ къ градоначальнику, у котораго былъ на тотъ разъ и Епископъ Ефесскій.

Сначала Ямвлихъ думалъ, что его ведутъ къ Децію, но увидѣвъ въ комнатахъ градоначальника святые образа, опять пришелъ въ недоумѣніе; а представъ ему, не могъ не оградиться крестнымъ знаменіемъ, увидѣвъ крестъ на персяхъ Епископа. Градоначальникъ, разсматривая сребренникъ, спросилъ: «гдѣ нашелъ онъ сокровище?»—«Я не находилъ никакого сокровища, отвѣчалъ святый Ямвлихъ: а сей сребренникъ взялъ у моихъ родителей.»—«Или неправду говоришь, возразилъ градоначальникъ, или твои родители нашли *кладъ;* ибо такія деньги находятся только въ собраніи царскихъ рѣдкостей, а у частнаго человѣка быть не могутъ» — и показалъ ему тѣ деньги, которыя тогда употреблялись въ Греціи. Послѣ сего спросилъ: откуда онъ? и какъ именуется?—Когда Ямвлихъ объявилъ имя отца, матери и нѣкоторыхъ родственниковъ, то одни изъ присутствующихъ почли его юродивымъ, а другіе—притворяющимся. Святый юноша стоялъ въ недоумѣніи, безмолвствуя и потупя голову. Наконецъ градоначальникъ потребовалъ съ гнѣвомъ, чтобы Ямвлихъ непремѣнно объявилъ, гдѣ находится сокровище, имъ обрѣтенное, и въ случаѣ запирательства, угрожалъ жестокимъ наказаніемъ. Тогда устрашенный отрокъ сквозь слезы сказалъ» «заклинаю васъ Богомъ, скажите мнѣ — а я, ей-Господу, открою вамъ всю истину — здѣсь ли Государь нашъ Децій?»— «Чадо! отвѣчалъ на сіе удивленный Епископъ, Децій царствовалъ въ древнихъ лѣтахъ; а нынѣ владычествуетъ Ѳеодосій, Царь благочестивый.» — Потомъ, обратясь къ

градоначальнику продолжалъ: «сей юноша, кажется, потерялъ разумъ, а потому и должно съ нимъ поступать человѣколюбивѣе.» Тогда Ямвлихъ ободрился. «Умоляю васъ, идите за мною, сказалъ онъ: я покажу вамъ въ пещерѣ, которая находится въ горѣ *Охлонъ*, друзей моихъ; отъ нихъ узнаете вы, что все мною сказанное, есть сущая правда. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мы, за нѣсколько предъ симъ дней, бѣжали отъ лица Деціева и скрылись въ вертепѣ. Я самъ моими очами, вчера его видѣлъ; а что дѣлается сегодня, не знаю.» — Епископъ задумался; потомъ градоначальнику сказалъ: «вижу, что Богъ хощетъ открыть нѣчто дивное; идемъ съ нимъ, да узримъ волю Божію»—и всѣ немедленно пошли къ горѣ Охлонъ, сопровождаемы Ямвлихомъ. Когда достигли пещеры, Ямвлихъ первый вошелъ въ нее. Епископъ и прочіе, слѣдуя за нимъ, нечаянно увидѣли въ устьи пещерномъ, между двумя камнями выставившійся ковчегъ. Они съ любопытствомъ отверзли его, и нашли двѣ оловянныя дщицы, на коихъ было изображено, что седмь отроковъ: Максимиліанъ, сынъ Ефесскаго градоначальника, Ямвлихъ, Мартиніанъ, Іоаннъ, Діонисій, Еказакустодіанъ и Антонинъ, убѣжавъ отъ Деція, сокрылись въ сей пещерѣ и, повелѣніемъ мучителя заграждены каменіемъ, скончались за Христа страдальчески.—Всѣ удивились и прославили Бога.

Вошедъ въ пещеру, они обрѣли святыхъ отроковъ, спокойно между собою бесѣдующихъ. Лица ихъ цвѣли прежнею юностію и сіяли свѣтомъ благодати. Епископъ, градоначальникъ и прочіе облобызали ихъ съ благоговѣніемъ. Святые отроки сначала ужаснулись, почитая въ нихъ служителей Деціевыхъ, но видя прославляемо имя Христово, обрадовались и разсказали всѣ происшествія минувшихъ, какъ имъ казалось, дней. Немедленно къ

Царю Θеодосію отправлено было донесеніе, въ которомъ Епископъ и градоначальникъ просили его, чтобы прислалъ благочестивыхъ и мудрыхъ людей, заслужившихъ общую довѣренность, освидѣтельствовать седмь чудныхъ отроковъ, въ коихъ показался образъ *будущаго Воскренія*. Но возрадовавшійся небесною радостію Θеодосій, тогда же, со всѣмъ Дворомъ, самъ отправился въ Ефесъ.

Сопровождаемый Ефесскимъ духовенствомъ, чиновниками и народомъ, благочестивый Государь, вошедъ въ пещеру, узрѣлъ ихъ, какъ Ангеловъ Божіихъ, обнялъ и восплакалъ на ихъ выяхъ. Онъ бесѣдовалъ съ ними долго, прославляя Бога... Но посреди самыхъ разговоровъ, когда всѣ присутствовавшіе на нихъ прилежно смотрѣли, внезапно святые отроки преклонили главы свои на землю и, по Божію велѣнію, уснули сномъ смерти.

Подвиги преподобнаго Симеона (*).

1. Преподобный Симеонъ, нарицаемый *Столпникъ*, будучи осмнадцати лѣтъ, удалился въ пустыню. Положивъ на сердце упражняться въ единомъ богомысліи, онъ обрѣлъ нѣкоторый вертепъ и, подвергшись крестообразно на землѣ, съ плачемъ молился Богу, да покажетъ ему путь спасенія. Утружденный земнымъ поклоненіемъ, здѣсь юный Симеонъ уснулъ и узрѣлъ слѣдующее видѣніе: ему казалось, что копаетъ землю, чтобы положить основаніе для какого-то прочнаго зданія и слышитъ гласъ: *копай глубже*. Потрудясь нѣсколько времени и

(*) Сей подвижникъ жилъ при Θеодосіѣ I, Аркадіѣ, Θеодосіѣ II, Маркіанѣ и Львѣ Великомъ. Память его въ 1 день Сентября.

думая, что сей глубины довольно для твердаго основанія, Симеонъ остановился; но, опять услышалъ: *копай глубже*. Трудникъ началъ снова рыть землю, но утомившись, едва выпустилъ изъ рукъ заступъ, какъ тотъ же гласъ: *копай глубже*, услышалъ въ третій разъ. Тогда Симеонъ собралъ всѣ свои силы и трудился дотолѣ, пока невидимый гласъ сказалъ ему: «престань; основаніе будетъ твердо; въ упованіи на Бога созидай.» Пробудившись отъ сна, Симеонъ возблагодарилъ Бога за толь спасительный урокъ и всегда помнилъ, что основаніе добродѣтельнаго житія есть трудъ.

2. Преподобный Симеонъ восхотѣлъ трудиться по-своему. Восшедъ на одинъ высокій холмъ, онъ самъ себя приковалъ къ камню, въ томъ намѣреніи, чтобы не могъ оставить мѣста духовныхъ подвиговъ, хотя бы въ сердце и возродилось на то поползновеніе. Въ семъ удивительномъ самопринужденіи засталъ его Мелетій, Архіепископъ Антіохійскій, пришедшій посѣтить его, какъ величайшаго въ подвижникахъ Христовыхъ. Но, восхваляя труды Симеона, мудрый Архипастырь не похвалилъ сихъ вещественныхъ оковъ. «Человѣкъ и безъ оковъ можетъ владѣть собою, отечески сказалъ онъ: и ты, чадо мое, къ единому мѣсту можешь привязать себя не желѣзомъ, но волею и разумомъ.»—Услышавъ великую истину, Симеонъ немедленно снялъ съ себя оковы и, не оставляя намѣренія подвизаться на одномъ мѣстѣ, съ того времени помышленія свои обуздывалъ своею волею, и *плѣнялъ свой разумъ въ послушаніе Христово*, да будетъ узникъ Креста его.

3. Нѣсколько лѣтъ преподобный Симеонъ подвизался на семъ холмѣ; но будучи отъ всѣхъ сторонъ, какъ волнами, окружаемъ пришельцами, восхотѣлъ избыть молвы человѣческой; и для сего избралъ дотолѣ неслы-

ханный образъ уединенія: соорудилъ столпъ и на немъ тѣсную хижину, отъ чего и названъ *Столпникомъ*. Сіе новое и странное жилище сначала высотою было въ шесть лактей. Чрезъ нѣсколько времени, благочестивые посѣтители воздвигли ему другой столпъ въ двѣнадцать лактей, потомъ въ двадцать два, и наконецъ въ четыредесять лактей. Такъ святый Симеонъ различными столпами, какъ лѣствицами, восходилъ къ странѣ небесной, къ ближайшему лицезрѣнію Бога. Весь свѣтъ и самые строгіе пустынолюбцы удивлялись необыкновенному житію святаго Симеона; а нѣкоторые изъ нихъ, желая *искусить сущаго въ немъ духа*, послали трехъ достопочтенныхъ старцевъ, чтобы они, именемъ Собора, укорили его за новый вымыселъ и приказали жить по примѣру другихъ Отцевъ. Едва посланники объявили ему волю святаго братства, Симеонъ ступилъ ногою на лѣстницу, чтобы сойти внизъ: тогда три старца въ одинъ голосъ сказали ему: «не сходи, святый юноша, но останься въ подвигѣ, который началъ. Теперь знаемъ что твое намѣреніе внушилъ тебѣ самъ Богъ.» — Но какъ святый Симеонъ изъявилъ страхъ, чтобы преслушаніемъ не прогнѣвать собора Отцевъ, то старцы объявили ему, что они имѣли препорученіе свести его съ столпа насильно, если будетъ противиться приказанію, и напротивъ того, оставить на столпѣ, если захочетъ сойти самъ. — Послѣ его чудный Симеонъ остался на своемъ мѣстѣ; а старцы пошли отъ него, благославляя Бога, укрѣпляющаго своихъ избранныхъ въ дѣлѣ спасенія.

4. Хотя преподобный Симеонъ паче всего желалъ уединенія и безмолвія; но можетъ ли укрыться свѣтильникъ, стоящій на верху горы? Слава дѣйствующей въ немъ благодати столь велика, что не было на Востокѣ

народа, который бы не зналъ *Столпника*. Грузины, Армяне, Персы, Измаилиты стекались къ нему тысячами, и при его столпѣ принимали святое Крещеніе. Удивительная сила не только его словесъ, но и самыхъ взоровъ мгновенно поражала и умягчала ожесточенныхъ зловѣріемъ варваровъ; и — они съ воплемъ проклинали заблужденіе своихъ предковъ. Симеонъ, стоя на одномъ мѣстѣ, былъ столько же полезенъ для церкви, какъ если бы кто проходилъ вселенную, проповѣдуя и благодѣтельствуя. Посреди сихъ удивительныхъ подвиговъ и чудодѣяній, онъ былъ такъ кротокъ и смиренъ, что всегда и предъ всѣми показывался съ одинакимъ веселіемъ въ очахъ, съ одинакою любовію въ разговорахъ. Государи и земледѣльцы, вельможи и рабы, богатые и убогіе, добродѣтельные и порочные—даже общественные злодѣи видѣли въ Симеонѣ наставника и отца, всѣмъ благовѣствующаго спасеніе. Одни возвращались отъ него совершенными пустынолюбцами, другіе—великими поборниками православія—всѣ усердными гражданами. А нѣкоторые, желая всегда наслаждаться святою бесѣдою Симеона, при столпѣ его основали свои жилища, такъ что чудный домъ его казался стоящимъ посреди града, населеннаго множествомъ разноплеменныхъ народовъ.

5. Повседневный уставъ житія Симеонова былъ не менѣе достоинъ удивленія. Всю ночь и день, даже до девятаго часа, онъ стоялъ на молитвѣ, послѣ сего получалъ обитающій вкругъ столпа народъ и пришельцевъ; проповѣдывалъ Евангеліе, подавалъ совѣты, исцѣлялъ молитвою недугующихъ. Наконецъ начиналъ разбирать свары и пренія, и между всѣми водворятъ миръ. По закатѣ солнца, опять обращался на молитву. Но всѣ часы своей чудной жизни посвящая богомыслію и человѣколюбію, онъ не преставалъ помышлять о мирѣ церковномъ,

языческое безбожіе разоряя, Іудейскія хулы препирая, еретическое ученіе истребляя. Царей и всѣхъ сильныхъ земли своими мудрыми посланіями поучалъ страху Божію и возбуждалъ къ милосердію, любви и защищенію Церкви Христовой. Три Патріарха, одинъ послѣ другаго управлявшіе Антіохійскою церковію, поставляли непремѣннымъ долгомъ посѣтить *Столпника.* Святый Мелетій, наставляя Симеона, въ его юности, на путь спасенія, вмѣстѣ благословлялъ его неимовѣрные подвиги. Блаженный Домнъ приходилъ къ нему единственно для того, чтобы совершить при немъ *Литургію* и вмѣстѣ пріобщиться Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Святѣйшій Мартирій называлъ его защитникомъ Антіохіи отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, могущимъ утолять гнѣвъ Божій.

6. Посреди сего торжества вѣры и благочестія Святый Симеонъ въ 103 лѣто своей жизни достигъ блаженной кончины, которая была столько же торжественна.— Въ одинъ день, а именно въ великій Пятокъ, *Столпникъ* собравшемуся народу, по своему обыкновенію, не показался. Также въ Субботу и Воскресенье всѣ пришельцы тщетно ожидали отъ него спасительныхъ уроковъ и благословенія. «Наконецъ я, говоритъ Антоній, ученикъ преподобнаго Симеона, ужаснулся и восшелъ на столпъ. — Святый старецъ стоялъ, имѣя главу поникшую и руки на персяхъ крестообразно согбенныя; думая, что Симеонъ безмолвно молится, и я сталъ позади его въ безмолвіи; но вскорѣ узналъ, что святая душа оставила чистое тѣло. Восплакавъ горько, я положилъ его на землю и, цѣлуя очи, уста и руки, *опряталъ* его мощи. Недоумѣя, что сказать народу, а наипаче больнымъ, требующимъ отъ него исцѣленія, я не смѣлъ сойти внизъ и, опять облившись слезами надъ безды-

ханнымъ праведникомъ, отъ горести уснулъ. Потомъ, будучи утѣшенъ явившимся мнѣ въ сновидѣніи Симеономъ, тайно послалъ одного вѣрнаго брата въ Антіохію къ Святѣйшему Мартирію, возвѣстить о успеніи великаго старца. Но плачевная вѣсть въ одинъ часъ, какъ вихремъ, разнеслася повсюду; гласъ плача разливался на седмь стадій. Патріархъ прибылъ съ тремя Епископами и всѣмъ Священнымъ Соборомъ. Самъ Антіохійскій Градоначальникъ, сопровождаемый воинствомъ, пришелъ воздать честь усопшему праведнику. Въ таковомъ торжествѣ сіи святыя мощи пренесены въ Антіохію.» Георгій Кедринъ и прочіе историки свидѣтельствуютъ, что Императоръ Левъ Великій хотѣлъ нетлѣнные остапки Симеона имѣть въ своемъ царствующемъ градѣ; но Антіохіяне, въ семъ случаѣ, готовы были возстать на посланниковъ царскихъ, если не послушаютъ они моленія и слезъ.— «Градъ нашъ не имѣетъ каменныхъ стѣнъ, въ одинъ голосъ вопіяли они, для сего да почиваетъ у насъ святое Симеоново тѣло. Оно Антіохіи будетъ стѣна и защищеніе.»

О томъ, коль ненавистна Богу жертва, не отъ чистаго сердца приносимая (*).

Отступникъ Іуліанъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ находясь въ Кесаріи Каппадокійской, уговорился съ братомъ своимъ, Галломъ, построить великолѣпный храмъ надъ гробомъ святаго мученика Маманта. Не благочестіе (о чемъ свидѣтельствуетъ время его царствованія) къ сему побудило его, но или тщеславіе и зависть къ Галлу, котораго за Христіянскую ревность всѣ любили, или

(*) Изъ житія св. мученика Маманта. См. въ Четь-Минеи подъ 2 числомъ Сентября.

желаніе подать о своей вѣрѣ хорошія мысли Императору Констанцію, который, можетъ быть, уже подозрѣвалъ его въ приверженности къ идоламъ.

Какъ бы то ни было, Галлъ и Іуліанъ раздѣлили между собою, кому какія должно начать и совершить зданія; и каждый изъ нихъ съ возможною ревностію старался возвесть свою половину. Но Богъ видимо здѣсь показалъ, коль Ему ненавистна жертва, не отъ чистаго сердца приносимая... Между тѣмъ, какъ художники Галловы счастливо продолжали свою работу, невидимая сила противоборствовала строителямъ Іуліановымъ. Сначала они не могли найти твердой почвы подъ основаніе; потомъ отъ времени до времени показывалось землестрясеніе, которое даже изъ земли вырывало камни — и, что съ великимъ трудомъ было укрѣпляемо, испровергало въ одно мгновеніе. Иногда громъ ударялъ въ мраморные столпы, и разрушалъ ихъ на части. Иногда вихрь срывалъ крыши, гдѣ хранилась известь, и развѣвалъ ее по воздуху. Не видно ли изъ сего, что Господь еще тогда изобличалъ злочестіе Іуліана и давалъ знаменіе будущаго на святую Церковь гоненія?

Христіяне! сіе чудное происшествіе да научитъ и насъ, какія жертвы должно приносить Богу.

Священномученикъ Вавила (*).

Сей пастырь Антіохійскія церкви, живши въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., былъ для духовнаго стада совершеннымъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей. Наставлялъ дѣтей своихъ словомъ, житіемъ, любовію, вѣрою и кротостію. Толь святый и славный человѣкъ могъ ли при гонителяхъ Христіянства избѣгнуть страдальчества?

(*) Память его Сентября въ 4 день.

Однажды Цезарь Нумеріанъ, будучи въ Антіохіи, приносилъ торжественную жертву идоламъ, а святый Архіерей между тѣмъ совершалъ безкровную жертву во храмѣ Христа Спасителя. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, Нумеріанъ, возвращаясь домой, услышалъ пѣніе Христіянъ и захотѣлъ войти въ ихъ церковь, сколько изъ любопытства: а болѣе для того, чтобы разогнать молящихся; но святый Вавила воспротивился и, употребивъ власть Архипастыря, при прагѣ храма удержалъ Нумеріана. Императоръ могъ бы, съ помощію стражи, исполнить свою волю; но видѣвъ множество правовѣрныхъ, убоялся кровопролитія и, соркывъ досаду, на тотъ разъ оставилъ святаго человѣка въ покоѣ.

На другой день, по повелѣнію Императора, Христіянская церковь сожжена, и святый Вавила въ оковахъ представленъ къ нему для отвѣта. — «Подлый рабъ! воскликнулъ раздраженный Нумеріанъ, какое безуміе понудило тебя оскорбить твоего Государя?» — «Я не оскорблялъ Государя, отвѣчалъ Вавила: ибо знаю, что преступленіе противу величества Предержащей власти превыше всякаго неистовства; я только не допустилъ идолопоклонника, обрызганнаго кровію богомерзкихъ жертвъ, оскорбить святыню Господню.» Нумеріанъ, внѣ себя отъ гнѣва, велѣлъ праведника водить по всей Антіохіи, а народу — надъ нимъ ругаться.

Но какое торжество для человѣка Божія! трое младыхъ учениковъ (*), воспитанныхъ святымъ Вавилою, за нимъ слѣдуютъ, предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствуютъ, что они съ великимъ наставникомъ въ жизни и смерти неразлучны; и презирая ласки и обѣщанія Нумеріана, не хотятъ оставить святаго Вавилы. Въ юномъ возрастѣ

(*) Имена сихъ юныхъ страдальцевъ: Урванъ 12 лѣтъ, Прилидіанъ 9 и Епполоній 7.

совершенные мужи, они не устрашились ни мученій, ни смерти.

Вытерпѣвъ всѣ неистовства народа и всѣ мученія, наконецъ учитель и ученики осуждены были на казнь смертную. Когда пришли на лобное мѣсто, *обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь облагодѣтельствова тя* (*), сказалъ святый Вавила и, поставя предъ собою отроковъ, повелѣлъ ихъ *предпослать къ Богу*, въ томъ намѣреніи, дабы они, лишась наставника, не лишились твердости противу ужасовъ смерти. Дѣти приняли вѣнецъ страдальческій, а праведникъ воскликнулъ: *се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, Боже* (**), и самъ подъ орудіе смерти преклонилъ главу свою.

Гнѣвъ Божій за оскорбленіе святыхъ мощей.

Въ предградіи Антіохійскомъ было пріятное и веселое мѣсто, отъ природы осѣненное кипарисными и лавровыми древами и орошаемое быстрымъ и прозрачнымъ источникомъ. Оно называлось *Дафною*, отъ имени баслословной дѣвицы Дафны, за которою будто нѣкогда гнался Аполлонъ и тутъ настигъ ее. Но какъ язычники въ лицѣ своихъ идоловъ покланялись порокамъ, то и сіе происшествіе заслужило новую честь Аполлону; и на томъ мѣстѣ сооруженъ былъ ему великолѣпный храмъ, въ которомъ лжебогъ на всѣ вопросы давалъ отвѣты. Галлъ, братъ Іуліановъ, соцарствовавшій Констанцію, стараясь распространить Христіянство, соорудилъ тутъ же небольшую церковь, и изъ Антіохійскаго Собора перенесъ въ нее мощи Священномученика Вавилы и трехъ отроковъ, съ нимъ пострадавшихъ, дабы непрестанно стекавшійся народъ, видя чудеса отъ гроба его, мало по малу обра-

(*) Псал. CXIV. 6. (**) Исаіи VIII. 18.

щался къ вѣрѣ Евангельской. Съ того времени словоохотный идолъ онѣмѣлъ; и сколько ни курили предъ нимъ ладану, сколько ни закалали тельцовъ—не давалъ отвѣта.

Вскорѣ воцарился злочестивый Іуліанъ. Имѣя пламенную приверженность къ богамъ язычества, онъ паче всѣхъ благоговѣлъ предъ Аполлономъ, какъ предъ Богомъ-покровителемъ просвѣщенія; ибо Іуліанъ любилъ называться Философомъ. Зная по слуху, что его любимаго бога поразилъ недугъ нѣмоты, онъ увѣрился въ томъ и лично, будучи въ Антіохіи и, удивляясь толь необыкновенному, по его мнѣнію, чуду, неотступно вопрошалъ идола о томъ и о другомъ; но вмѣсто всѣхъ отвѣтовъ, едва наконецъ получилъ одинъ, что Аполлону препятствуетъ говорить злой сосѣдъ, который лежитъ близь его капища. Это относилось къ мощамъ Священномученика Вавилы. Огорченный зловѣръ сначала велѣлъ было разметать по стогнамъ или предать огню святые останки человѣка Господня; но его объялъ священный ужасъ, отъ котораго не могутъ защититься и самыя буйныя головы. И такъ, по нѣкоторомъ размышленіи, онъ приказалъ Антіохійскимъ Христіянамъ гробъ святаго Вавилы и трехъ отроковъ унести обратно въ Соборную церковь: что и было исполнено.

Послѣ сего христоненавистникъ привелъ въ прежнее состояніе храмъ Аполлоновъ, уставилъ всю рощу изображеніями баснословныхъ происшествій, предъ которыми должны были руками закрывать лице свое вѣра и благочестіе, и намѣревался сдѣлать туда торжественный *ходъ*, чтобы снова освятить, или говоря, правду, осквернить мѣсто, Христіянскими молитвами освященное. Но живъ Господь, наказуяй неправду и нечестіе! Въ ночи на 22 Октября съ неба упало на капище пламя и мгно-

вѐнно объяло всѣ зданія. Сей огненный вихрь, въ присутствіи Іуліана пожралъ храмъ, жертвенникъ и самого идола, такъ что остались одни растрескавшіеся камни. Богоотступникъ вмѣсто того, чтобы въ толь чудномъ происшествіи познать десницу Господню, приписалъ сей пожаръ мщенію Христіянъ; и чтобы сіе подозрѣніе сдѣлать неопровергаемымъ, онъ захотѣлъ выслушать предъ судилещемъ языческихъ жрецовъ, которые, чредуясь день и нощь, охраняли капище. Но Господь разрѣшилъ тогда языкъ ихъ на прославленіе истины. Идолослужители не сказали того, что хотѣлъ слышать Іуліанъ — за что и преданы были пыткѣ. Однако и посреди мученій они не переставали говорить, что пламя упало съ неба. То же подтвердили съ клятвою и поселяне, которые на тотъ разъ шли мимо *Дафны*, и увѣряли Іуліана предъ всѣмъ народомъ, что ночью, при ясномъ небѣ, вдругъ низверглось множество огня прямо на капище.

Такимъ образомъ Господь отмстилъ святые останки своего Угодника и посрамилъ буйное предпріятіе язычниковъ. Но Іуліанъ, столь видимо вразумляемый отъ Того, *Иже не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*, насильно сремился къ своей погибели: онъ изліялъ горькое мщеніе на Христіянъ Антіохійскихъ; заключилъ ихъ церкви, отнялъ и осквернилъ употребленіемъ при идольскихъ жертвоприношеніяхъ священные сосуды и обнародовалъ указъ, чтобы Христіяпъ впредь не называли Христіянами, но Галилеянами—а это на его языкѣ означало презрѣннѣйшаго человѣка.

О томъ, сколько споспѣшествуетъ къ нашему спасенію милостыня.

У одного Арфриканскаго Князя былъ придворный чиновникъ, имепемъ Петръ, который имѣлъ обязанность

доставлять съѣстные припасы для стола Княжескаго: отчего нажилъ великое богатство. Но при всемъ томъ былъ столько скупъ, что ни однажды, какъ началъ помнить себя, не подавалъ милостыни ни одному нищему.

Казалось, что человѣкъ, столь жестокосердый погибъ невозвратно. — Но милосердый Богъ привелъ Петра на путь покаянія слѣдующимъ образомъ. Однажды, отправляя во дворецъ печеные хлѣбы, онъ увидѣлъ предъ собою нищаго, который просилъ у него милостыню. Петръ закричалъ на него съ ругательствомъ; но нищій не переставалъ его умолять и просить *ради Христа*. Тогда Петръ началъ озираться на всѣ стороны, не попадется ли ему камень, чтобы ударить столь наглаго, какъ думалъ онъ, бродягу; но какъ камня вблизи ни случилось, то онъ, въ крайней досадѣ, схватилъ хлѣбъ и бросилъ въ лице нищему. Нищій подхватилъ хлѣбъ и пошелъ, благословляя милостынодавца.

Чрезъ два дни послѣ сего, Петръ разболѣлся такъ тяжко, что находился близь смерти. Въ семъ состояніи онъ узрѣлъ себя въ видѣніи на нѣкоемъ судилищѣ истязуемаго. Предъ нимъ стояли вѣсы, на которые съ одной стороны черныя, злообразныя страшилища возлагали его дѣянія, а съ другой стороны Ангелы Господни стояли въ недоумѣніи. Первые рукоплескали и хохотали, видѣвъ тяготу грѣховъ; другіе съ уныніемъ говорили между собою: «а мы что положимъ сюда? нѣтъ ничего, кромѣ одного хлѣба, который Петръ бросилъ въ лице нищему.»— Потомъ сію милостыню возложили они на вѣсы; но хлѣбъ едва-едва приподнялъ чашу, грѣхами обремененную. Тогда святые Ангели сказали ему: «иди, убогій Петръ, и приложи къ сему хлѣбу еще нѣсколько хлѣбовъ, чтобы не похитили тебя наши соперники и не увлекли въ геенну огненную.»—Въ сіе мгновеніе Петръ пришелъ въ

себя и, размышляя о видѣніи, позналъ, что оно было— не мечта разстроеннаго недугомъ воображенія, но самая истина, урокъ милосердія свыше; ибо увидѣлъ на вѣсахъ всѣ грѣхи, отъ юности имъ содѣянные. — «Если одинъ хлѣбъ, съ лютою досадою брошенный, столько мнѣ помогъ, обливаясь слезами, сказалъ онъ: то сколько человѣка ублажаетъ милостыня, чрезъ всю жизнь съ благосердіемъ подаваемая.» — И съ того времени поклялся предъ Богомъ быть милосердымъ; а Богъ, видя сердечное покаяніе, вскорѣ возставилъ его отъ одра болѣзни.

И дѣйствительно, Петръ столько наблюдалъ данный Богу обѣтъ, что положилъ на сердцѣ на щадить и самого себя. Нѣкогда встрѣтился съ нимъ незнакомецъ, обнищавшій отъ кораблекрушенія и, припадая къ ногамъ его, просилъ чѣмъ нибудь прикрыть наготу его. Немедленно Петръ снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ несчастному. Но какъ ему не чѣмъ было не только одѣться, но и насытиться: то онъ, желая сдѣлать оборотъ, отдалъ ее купцу для продажи. По случаю, Петръ шелъ мимо и, увидѣвъ оную на торжищѣ, весьма оскорбился; отъ печали въ тотъ день не вкусилъ пищи и, заключившись въ уединенной храминѣ, плакалъ и рыдалъ: «Господь не принялъ моей милостыни, думалъ онъ: видно, я недостоинъ того, чтобы предъ нимъ поминали имя мое убогіе, возлюбленные рабы его!» Скорбя и воздыхая, онъ уснулъ, и—вдругъ видитъ предъ собою благообразнаго мужа, паче солнца сіяющаго, крестъ на главѣ имѣющаго и въ его одежду облеченнаго—«Видишь ли сію одежду? сказалъ ему явльшійся? «Ей, владыко! отвѣчалъ Петръ: она прежде была моя».—«И такъ не скорби, продолжалъ явльшійся: я отъ тебя принялъ ее; я ношу ее и благословляю тебя за то, что меня, отъ хлада погибающаго, ты одѣлъ оною.»—Удивился воспрянувшій Петръ

и сказалъ самъ въ себѣ: «когда Христосъ заступаетъ мѣсто убогихъ, то не умру и я, если содѣлаюсь единъ изъ нихъ.» Послѣ сего все свое имѣніе роздалъ нищимъ, освободилъ рабовъ и ушелъ въ Іерусалимъ. Тамъ, поклонившись животворящему гробу, именемъ Господнимъ упросилъ одного старца, чтобы продалъ его въ рабство, а цѣну раздѣлилъ нищимъ.

Долго святый Петръ служилъ своему господину, и остался бы тутъ до смерти, если бы не узнали его пріѣхавшіе въ Іерусалимъ единоземцы. Тогда рабъ Божій, убѣгая славы человѣческой, скрылся въ неизвѣстное мѣсто и тамъ пребылъ до блаженной кончины. Единъ Богъ вѣдаетъ гдѣ почиваетъ многострадальное тѣло его; но святая Церковь по всей вселенной восхваляетъ имя его (*).

Прилежаніе и трудъ, а паче молитва, все преодолѣваютъ.

Преподобный Сергій (**), Радонежскій Чудотворецъ, въ отроческихъ лѣтахъ обучался *чтенію* и *пѣнію* вмѣстѣ съ братьями своими, старшимъ Стефаномъ и младшимъ Петромъ. Но сколь счастливо они успѣвали, столько Сергій былъ неудобопонятенъ, и отнюдь не могъ достигать своихъ сверстниковъ—за что и отъ родителей былъ, какъ лѣнивый, укоряемъ и наказываемъ отъ учителя. Нестерпимая горесть для благонравнаго отрока, когда всѣмъ сердцемъ и душою желаетъ снискать просвѣщеніе, но какими либо естественными затрудненіями отъ того удерживается. Но чего не преодолѣетъ приле-

(*) Его память Сентября въ 22 день.
(**) Его память Сентября въ 6 день.

жаніе и трудъ, а паче молитва, отъ усердныя души восходящая къ Отцу свѣтовъ?

Возбуждаемый нетерпѣніемъ получить истинную мудрость, юный Сергій изыскиваетъ благонадежное средство; возстаетъ на молитвы, прибѣгаетъ къ Тому, *Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*, проситъ съ проліяніемъ слезъ, да отверзетъ его разумъ разумѣть писанія, и стѣсняющія его узы да расторгнетъ. *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его:* Онъ скоро открываетъ Сергію благопріятный случай.

Въ одинъ день сѣтующій отрокъ, посланъ будучи отцемъ своимъ для сысканія коней, и ходя по разнымъ мѣстамъ, увидѣлъ нѣкотораго старца, саномъ Пресвитерскимъ почтеннаго, благообразнаго и душевною добротою сіяющаго, который, стоя подъ дубомъ, молился Богу вездѣсущему. Сергій приближился къ нему и ожидалъ конца молитвы; не дерзая возмутить его Божественнаго размышленія. Но когда старецъ престалъ отъ молитвы, самъ вопросилъ святаго отрока: «чего ищешь, или чего хощешь, чадо?» Сергій, хотя посланъ былъ искать коней, но, имѣя всю душу объяту желаніемъ ученія, отвѣчалъ старцу: «болѣе всего желаетъ душа моя изучиться *грамотѣ;* и я весьма скорблю, что не имѣю къ тому понятія.»—Старецъ, услышавъ доброе намѣреніе отрока и проникнувъ сквозь завѣсу его лица доброту его души, возвысилъ очи и руки свои на небо и произнесъ прилежную молитву, испрашивая юному Сергію просвѣщенія свыше. Послѣ того далъ ему часть просфоры, повелѣлъ оную съѣсть и сказалъ: «сіе тебѣ дается въ знаменіе благодати Божіей и разумѣнія Священнаго писанія.»—Съ того времени даръ Божій воздѣйствовалъ въ юномъ Сергіѣ, и свѣтомъ Слова Божія столько про-

свѣтилась мысль его, что вскорѣ сдѣлался онъ первымъ своего времени наставникомъ и просвѣтителемъ.

Духъ смиренномудрія.

Въ одно время преподобный Сергій своими къ Владыкѣ живота и смерти молитвами воскресилъ умершаго младенца. Отецъ, узрѣвъ дитя свое живымъ и будучи объятъ страхомъ и радостію, припалъ къ ногамъ человѣка Божія и воздавалъ ему боголѣпное благодареніе. Святый сіе свойственное единому Богу дѣло не только себѣ не присвоилъ, но и самое мнѣніе о томъ почелъ для себя тягостнымъ. «Нѣтъ, чадо мое! сказалъ онъ: сынъ твой не былъ мертвъ, но отъ стужи изнемогъ и ослабъ; только тебѣ показалось, что дитя умерло. Будь увѣренъ, что, принесено будучи въ теплую келлію, оно согрѣлось, и отнюдь не думай, что ожило; ибо прежде общаго воскресенія не можно ожидать никому воскресенія.

Откровеніе преподобному Сергію о духовномъ его потомствѣ.

Нѣкогда преподобный Сергій, по своему обыкновенію, въ полунощи стоя *на правилѣ* и о своихъ ученикахъ прилежно молясь Богу, услышалъ гласъ: *Сергій!* Удивленный старецъ перекрестисля и отверзъ окно, чтобы увидѣть, кто заветъ его; и узрѣлъ свѣтъ великій, отъ небесъ простирающійся къ его Лаврѣ, такъ что ночь сдѣлалась свѣтлѣе дня. Тогда вторично услышалъ тотъ же гласъ: *Сергій! ты молишься о твоихъ чадахъ, и воспріято моленіе твое; зри и виждь число братій*

во имя Святыя Троицы собирающихся въ обитель твою. Въ сіе мгновеніе Святый узрѣлъ множество прекрасныхъ птицъ, не только въ Лаврѣ, но и окрестъ ея сидящихъ и сладкогласно поющихъ. Преподобный Сергій забылъ свое *земное бытіе* и думалъ *быть* въ Раю посредѣ лика Ангеловъ; но вдругъ услышалъ въ третій разъ: «Сергій! сколько видишь здѣсь птицъ, столько умножатся ученики твои; сколь разнообразна красота сихъ пернатыхъ, столь чудно и различно они украшены будутъ добродѣтелями.» Съ симъ гласомъ видѣніе престало.

Глаголъ небесный оправданъ событіемъ. Лавра преподобнаго Сергія всегда процвѣтала великими по вѣрѣ и благочестію мужами. Его духовные чада и потомки были наставниками всей Россіи: соорудили святыя обители; украшали Архипастырскіе престолы; млекомъ духовнымъ воспитывали юношество; гласомъ Евангелія созывали воинства на защиту Отечества; питали тысящи гражданъ и ратоборцевъ (*); сокрывали Царей отъ враговъ и злодѣевъ (**); на гласъ страждующаго Отечества метали громъ брани изъ тѣхъ рукъ, которыя въ молитвахъ простирали къ небу, и не преставая служить Богу мира, единоборствовали съ Голіаѳами (***).

Россіяне! Благословите святую обитель святаго Сергія... А вы, отцы семействъ, подражайте въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ сему духовному родоначальнику духовныхъ потомковъ. Тогда ваши дѣти и дѣти дѣтей вашихъ будутъ въ пользу и украшеніе всякому званію, въ какомъ бы ни повелѣлъ имъ подвизаться непререкаемый гласъ Отечества. Добродѣтели предковъ въ сей жизни и молитвы ихъ въ будущей — суть незыблемое утвержденіе ихъ

(*) Все сіе было въ страшную годину междуцарствія.

(**) Напр. Петра Великаго.

(***) Таковы были Пересвѣтъ и Ослябь.

рода. Вотъ почему въ ужасное время самозванцевъ и междуцарствія ожесточенные Поляки не могли овладѣть Сергіевымъ святымъ домомъ; и Галлы, уже поглощавшіе въ своихъ мысляхъ его сокровища, невидимою силою отражены были, или не допущены къ Лаврѣ святаго Сергія.

Христова невѣста.

Святая мученица Харитина (*), въ нѣжномъ отрочествѣ лишась родителей, была воспитана однимъ благочестивымъ старцемъ, по имени Клавдіемъ, и поелику Харитина была благоразумна, кротка и послушна, то Клавдій любилъ ее какъ родную дочь, и радуясь о ея добродѣтеляхъ, назначилъ ей особливыя комнаты, куда собирались усерднѣйшія того времени Христіянки. Старшія изъ нихъ поучали ее закону Господню, изображая славу Его человѣколюбія, долготерпѣнія и будущее блаженство Его послѣдователей, а младшія сему учились — уже отъ святой Харитины.

Въ сіе время Діоклитіанъ воздвигъ гоненіе на людей Христовыхъ и повелѣлъ вѣздѣ искать ихъ на мученія, а наипаче тѣхъ, которыхъ разумъ, ревность по вѣрѣ и добродѣтельная жизнь не могли укрыться отъ взоровъ идолопоклонствующаго свѣта. Удивительно ли, что Харитина первая была оклеветана? За нею пришли стражи и, объявивъ повелѣніе судилища, гдѣ старались обезславить поступки Христіянъ, невинную дѣвицу повлекли за собою. Возрыдалъ чадолюбивый Клавдій и, крѣпко держа ее въ объятіяхъ, дерзнулъ сопротивляться воинамъ. Тогда святая дѣвица, отъ обѣихъ странъ разрываемая, своему благодѣтелю сказала: «отпусти меня, второй мой

(*) Ея память Октября въ 5 день.

отецъ, отпусти во слѣдъ сладчайшаго Іисуса и не скорби, но паче радуйся, что о своихъ и твоихъ грѣхахъ буду благопріятная Богу жертва.»—Послѣ сего, она отдалась въ руки жестокосердой стражи. Клавдій сопровождалъ ее, сквозь слезы и рыданія произнося только: «помяни меня у небеснаго Царя, когда предстанешь Ему въ ликѣ святыхъ мученицъ.

Домиціанъ (имя судіи), при первомъ воззрѣніи на святую Харитину, назвалъ ее упрямою Христіянкою, которая развращаетъ другихъ. На сіе неробкая дѣвица отвѣчала: «исповѣдую предъ Богомъ и людьми имя Іисуса Христа и упрямство, въ семъ случаѣ, почитаю высочайшею добродѣтелію; но совершенная ложь, будто развращаю другихъ: нѣтъ; я не развращаю ихъ, но отъ разврата отвращаю.» Домиціанъ, удержиная гнѣвъ свой, совѣтовалъ святой Харитинѣ умилостивить боговъ, оскорбленныхъ, какъ говорилъ онъ, ея отступничествомъ; предлагалъ милость царскую и, выхваляя младость и красоту ея, увѣщевалъ пощадить оныя. Но мученица возвела очи свои на небо и, оградившись крестомъ, сказала: *Тебя единаго, Іисусе, женише мой, люблю: Тебѣ распинаюся, да и живу съ тобою.* Тогда-то неправедный судія началъ надъ ней ругаться: онъ велѣлъ обрѣзать ея власы; но власы въ то же мгновеніе выросли предъ очами всѣхъ. Пламень и желѣзо были орудіями ея страдальчества; но Ангелъ укрѣплялъ рабу Господню. Въ волнахъ морскихъ назначенъ былъ гробъ ея; но влажная стихія огустѣла подъ ея стопами. Наконецъ святая дѣвица, прешедъ *сквозь огнь и воду*, помолилась Господу, да пріиметъ душу ея, и уснула блаженною смертію.

Любопытство святаго путешественника.

Преподобный Иларіонъ (*), имѣя отъ рожденія своего шестьдесятъ три года, по внушенію неба, предпріялъ путешествіе не для того, чтобы обозрѣть рѣдкости свѣта и чудеса рукъ человѣческихъ, но чтобы обогатить себя сокровищами духовной мудрости. Оставивъ Пелестину, онъ преходилъ высокія горы и знойныя степи, посреди рыкающихъ звѣрей и скитающихся разбойниковъ; посѣщалъ ветхихъ деньми пустынниковъ и юныхъ отшельниковъ, чтобы отъ однихъ научиться, а другихъ научить своимъ примѣромъ; бесѣдовалъ съ Пастырями и Святителями, въ заточеніи за исповѣданіе Евангельскихъ истинъ страждующими; своими молитвами избавлялъ встрѣчающіеся города и веси отъ гнѣва небеснаго; всюду проповѣдывалъ благочестіе и братолюбіе. Наконецъ, три дни путешествуя страшною пустынею, святый Иларіонъ достигъ высокой горы, гдѣ обиталъ величайшій изъ пустынножителей, преподобный Антоній.

Здѣсь, сопровождаемый двумя учениками въ Бозѣ почивающаго Антонія, преподобный путешественникъ нѣсколько времени молился надъ святыми его останками, и потомъ восхотѣлъ обойти всѣ мѣста, гдѣ печатлѣлись слѣды великаго старца. Съ того времени, какъ Иларіонъ удалился въ пустыню, казалось, въ первый разъ любопытство объяло всю его душу. Исаакъ и Пелусіонъ (имена Антоніевыхъ учениковъ) показывали ему все, что приводило на память ихъ учителя. — «На семъ мѣстѣ, говорили они, великій Отецъ пѣлъ священные гимны, тамъ безмолвствовалъ, здѣсь молился, тамъ сидя плелъ кошницы, здѣсь отдыхалъ отъ трудовъ, а тамъ вкушалъ

(*) Сей великій Отецъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его въ 21 день Октября.

краткій, но сладостный сонъ; здѣсь принималъ благочестивыхъ посѣтителей, а тамъ поучалъ братій житію равноангельному. Сіи древа насадилъ и сіе гумно устроилъ своими руками; сей прудъ ископалъ съ великимъ трудомъ и потомъ; вотъ заступъ, который употреблялъ святый старецъ чрезъ все время своего пустынножительства.» Они пришли на то мѣсто, гдѣ стояло убогое ложе Антоніево. Иларіонъ съ благоговѣніемъ и радостію возлегъ на него. На верху горы были двѣ каменныя келліи, куда Антоній иногда удалялся отъ докукъ приходящаго народа; туда по ступенямъ, его рукою изсѣченнымъ, возвели Иларіона и, показывая разныя древа, обремененныя плодами, разсказывали, когда какое древо насаждалъ Преподобный... Здѣсь святый Иларіонъ отдохнулъ, воспоминая великаго трудника, вкусилъ отъ плодовъ его и опять возвратился къ его гробу. Тутъ, съ колѣнопреклоненіемъ прочитавъ молитву, простился съ Исаакомъ и Пелусіопомъ, и пошелъ далѣе, продолжая благочестивое и общеполезное путешествіе.

Похвально любопытство молодыхъ людей, которые, путешествуя по знаменитымъ городамъ, посѣщаютъ святилища наукъ и другія благодѣтельныя заведенія правительства, обозрѣваютъ рѣдкости искусствъ и чудеса природы и удивляются памятникамъ минувшаго времени. Но если между сими занятіями они забываютъ бесѣдовать съ мужами, прославившимися благочестіемъ и любовію къ роду человѣческому, то теряютъ изъ очей главную цѣль, для которой должно предпринимать путешествіе. Что же скажемъ о тѣхъ странствователяхъ, которые ѣздятъ въ царство роскоши и такъ называемаго вкуса только для того, чтобы послушать пѣвицъ и посмотрѣть на плясавицъ? Ничего не пріобрѣтая для своего разума, они отравляютъ свое сердце и теряютъ истинное благополучіе.

Улыбка праведника.

Святый мученикъ Карпъ (*) посреди всѣхъ страданій, какія звѣроправное изувѣрство могло выдумать, весь обліянъ кровію, раздробляемъ ударами и огнемъ опаляемъ, вдругъ улыбнулся и сія небесная улыбка долго сіяла на лицѣ праведника.

Всѣ зрители, а наипаче грубый и свирѣпый Валерій, главный надъ исполнителями казни, удивились и наперерывъ спрашивали о причинѣ столь неумѣстной, по ихъ мнѣнію, радости. — «Я вижу благодать Христа моего, отвѣчалъ святый Карпъ: какъ же могу удержать восхищеніе моего сердца?»

И по истинѣ! можно ли не улыбаться побѣдителю всѣхъ адскихъ соблазновъ и ужасовъ, когда предъ нимъ отверзты небеса, и Господь, на престолѣ сѣдящій, Ангелами окруженный, призываетъ его въ нѣдра блаженной вѣчности? Меньшая скорбь уничтожается большею радостію. Всѣ скорби земныя противу наслажденій будущей жизни суть не что иное, какъ мгновенная боль отъ укушенія малаго насѣкомаго.... Гонимая добродѣтель! дерзновенно улыбайся въ глазахъ свирѣпѣющаго порока.

Юные исповѣдники имени Христова.

Максиміанъ Галерій, убійца святаго Анфима Никомидійскаго (**), святаго Петра Александрійскаго (***) и святаго Лукіана Пресвитера (****), столько ненавидѣлъ Христіянъ, что не хотѣлъ оставить въ покоѣ и дѣтей, ими

(*) Его память Октября въ 13 день.

(**) Память Святителя Христова Анфима въ 3 день Сентября.

(***) Память Священномуч. Петра Александрійскаго Ноября въ 25 день.

(****) Память святаго Лукіана Пресвитера Октября въ 15 день.

рожденныхъ, предписавъ закономъ, чтобы они или были поклонники идоловъ, или — погибли. Сіи-то невинныя жертвы отвсюду собирая въ Антіохію, Максиміанъ старался обезславить предъ ними имя Христово, то воспитаніемъ въ языческихъ училищахъ, то блескомъ придворнаго кумирослуженія, то ласками и угрозами.

Посреди сихъ ухищреній соблазна и тиранства, предъ нимъ обнесены были, какъ упрямые и нераскаянные Христопоклонники, два отрока, родные братья, дѣти знаменитыхъ родителей. Императоръ употреблялъ всѣ средства преклонить ихъ къ нечестію: соблазнялъ ихъ сладкою отъ идольскихъ жертвъ пищею, и неоднажды приказывалъ осквернять ею насильно. Но когда благочестивыя дѣти сказали дерзновенно, что ни за какое благополучіе въ свѣтѣ, ниже за страхъ смерти, они не согласятся поступить вопреки наставленій родительскихъ, тогда второй Иродъ приказалъ ихъ нещадно бить розгами.... Потомъ отдалъ одному изъ придворныхъ софистовъ, повелѣвъ испытать послѣднее усиліе—какъ будто Философія язычниковъ имѣла власть надъ совѣстію!

Въ самомъ дѣлѣ, сей любитель не мудрости, а юродства (сохрани Боже всякой Дворъ отъ такихъ Философовъ!), не полагаясь на свои доказательства, устроилъ нѣкоторый ѣдкій составъ и, намазавъ ихъ головы, заперъ въ горячей банѣ. Здѣсь, какъ огнемъ палимы или молніею поражаемы, умерли юные исповѣдники имени Христова. Посреди лютѣйшихъ страданій они утѣшали другъ друга и, прославляя сладчайшаго Іисуса, пали бездыханны сначала юнѣйшій, а потомъ старшій, лобызая тѣло своего брата.

Награды должно ожидать не въ началѣ, но въ концѣ подвига.

Авва Іоаннъ Ѳивскій двѣнадцать лѣтъ служилъ одному удрученному лѣтами и недугами старцу, и почти не отступалъ отъ одра его. Не взирая на сіе, старецъ, повидимому, не уважалъ неусыпные труды Іоанновы, и никогда не сказалъ ему даже обыкновеннаго привѣтствія: *благодарю*. Но когда приближился къ смерти, то въ присутствіи собравшихся иноковъ, взявъ Іоанна за руку и возвышая, сколько можно, умирающій голосъ, сказалъ: *благодарю тебя, чадо мое! благодарю тебя, чадо мое!* Потомъ поручилъ его покровительству старшихъ Отцевъ, примолвивъ: *это Анѣлъ, а не человѣкъ*.

Красота Евангельскаго слога.

Святый Александръ, Епископъ Команскій (*), поучая людей Христовыхъ, не старался о красотѣ слога и изящности выраженія, но имѣлъ попеченіе о единой истинной пользѣ душъ, и для простаго народа проповѣдывалъ хотя сильно, но весьма просто. Однажды случилось быть въ Команахъ молодому Аѳинскому софисту. Услышавъ проповѣдь Александрову, онъ началъ смѣяться, что нѣтъ въ ней Аѳинской остроты и краснорѣчія. Но Богъ вывелъ его изъ заблужденія слѣдующимъ образомъ. Въ одну ночь Философъ узрѣлъ въ сновидѣніи стадо голубей бѣлыхъ, весьма благолѣпныхъ, по словамъ Псалмопѣвца, *крылѣ сребренѣ и междорамія ихъ въ блещаніи злата* имѣющихъ, и услышалъ гласъ: «се глаголы Святителя Александра, которымъ ты, легкомысленный человѣкъ,

---

(*) Его память Августа въ 12 день.

столько смѣешься!» Софистъ, воспрянувъ отъ видѣнія, такъ устыдился своего неразумія и суетности, что немедленно пошелъ къ святому Александру и, сердечно раскаявась, просилъ отпустить ему оскорбленіе, въ сердцѣ Христову проповѣднику учиненное.

Истинное человѣколюбіе.

О преподобномъ Исидорѣ, Пресвитерѣ Скитскомъ, повѣствуютъ, что онъ, видя брата слабаго, или нерадиваго, или малодушнаго, или буйнаго, за сіи пороки отъ старцевъ изгоняемаго, всегда приглашалъ къ себѣ, и съ помощію то терпѣнія, то дружелюбныхъ замѣчаній наставлялъ его на путь спасенія. Коль рѣдко толь Ангельское усердіе и толь благословенное искусство!

Безопасное мѣсто для сбереженія сокровищъ.

Одна знаменитая Римлянка, именемъ Маркелла, не имѣя у себя наслѣдниковъ, раздала всѣ свои богатства бѣднымъ семействамъ и святымъ обителямъ. Вскорѣ Готѳы опустошили Римъ, о чемъ услышавъ, праведная Маркелла воздѣла руки свои къ небу и радостно воскликнула: «благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты, милосердуя о мнѣ недостойной, наслѣдство мое привелъ въ безопасность и сохранилъ отъ восхищенія варварскаго!»

Какое величество души въ сихъ словахъ рабы Христовой! Исполнивъ Евангельскую заповѣдь: *скрывайте себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и дѣже татіе ни подкопываютъ, ни крадутъ* (*), она достойно радовалась, что несчастіе Рима застало, а не сдѣлало ее убогою.

(*) Матѳ. VI. 20.

Безтрепетный пастырь стада Христова.

Святый Аверкій (*), Епископъ Іерапольскій, ночью въ капищѣ Аполлоновомъ сокрушилъ всѣхъ идоловъ и спокойно возвратился въ свой домъ, какъ побѣдитель, совершившій волю небеснаго подвигоположника Іисуса Христа.

Поутру узнали, кто былъ виновникъ истребленія идоловъ, и нарядили стражу, чтобы взять святаго Аверкія. Между тѣмъ нѣкоторые изъ благочестивыхъ сосѣдей извѣстили о томъ Святителя и просили его гдѣ-нибудь укрыться. Но безтрепетный Пастырь отвѣчалъ: «Іисусъ Христосъ повелѣлъ своимъ Апостоламъ проповѣдывать *Слово спасенія* дерзновенно: я ли осмѣлюсь бояться возстающихъ на Него? Братія! мы идемъ подъ знаменемъ того же Господа; Онъ нашъ помощникъ и покровитель: да не отчаеваемся убо, да не страшимся.»—Послѣ сего, окруженный Христіянами, вышелъ онъ на среду града и началъ всенародно прославлять Бога, въ трехъ лицахъ покланяемаго.

Градоначальство и народъ, услышавъ о дерзновеніи Святаго, еще болѣе разсвирѣпѣли и, скрежеща зубами, на него устремились. Но въ то самое время, когда хотѣли его истребить, Аверкій именемъ Христовымъ исцѣлилъ двухъ бѣснующихся: и — гонители его измѣнили свою ярость. «Единъ есть Богъ истинный, котораго проповѣдуетъ Аверкій! воскликнули они, и припали къ стопамъ его, умоляя, дабы научилъ ихъ вѣровать въ Іисуса Христа. Только нѣкоторые изъ начальствующихъ удалились безмолвно, чтобы не подвергнуться той участи, какую готовили исповѣднику Христову. Аверкій простеръ про-

(*) Его память Октября въ 22 день.

повѣдь Евангелія даже до вечера, благословилъ народъ и повелѣлъ готовиться къ отрожденію водою и Духомъ.

Съ того времени святый Аверкій безпрепятственно отправлялъ великую должность Архіерейства.—Когда же, для отвращенія распространившихся болѣзней, молитвами извелъ онъ источникъ теплыхъ и цѣлительныхъ водъ: весь Іераполь присоединился къ Царству Іисусову. Но совершенное торжество Христіянской вѣры въ его паствѣ наступило тогда, когда Чудотворецъ Божій былъ призванъ въ Римъ и, противу чаянія всѣхъ придворныхъ врачей, отъ смертнаго одра возставилъ дочь Императора Марка Аврелія. Благодарный Государь немедленно повелѣлъ остановить гоненіе на Христіянъ по всей вселенной и, не взирая на общую къ нимъ ненависть язычниковъ, по просьбѣ Святителя, опредѣлилъ изъ государственной казны отпускать убогимъ Іерапольскимъ Христіянамъ каждогодно по три тысячи мѣръ пшеницы (*) и при теплыхъ водахъ построить для нихъ бани.

Возвратясь въ отечество, сей великій Святитель въ преподобіи, правдѣ и подвигахъ благовѣствованія жилъ до глубокой старости и съ миромъ предалъ святую душу свою въ руцѣ Господни, оставя примѣръ, что вѣра и добродѣтель, хотя имѣютъ опредѣленное имъ торжество—только на небеси, однако часто торжествуютъ и на земли, вопреки всѣхъ усилій нечестія и разврата.

Инокъ, ходатайствующій за свою родину.

Въ царствованіе Юстиніана Великаго, Самаряне взбунтовались, и подъ предводительствомъ одного изъ богатѣйшихъ согражданъ, именемъ Іуліана, напали на Па-

(*) Сія милостыня продолжалась до Іуліана Отступника, который прекратилъ ее указомъ.

лестинскихъ Христіянъ, выжгли города и села, разорили до основанія церкви и вообще произвели ужасное кровопролитіе. Императоръ наказалъ ихъ строго; но послѣ, повѣривъ клеветѣ нѣкотораго Арсенія, родомъ Самарянина же, человѣка при Дворѣ случайнаго, будто сами Палестинскіе Христіяне были причиною возмущенія, обратилъ на нихъ весь свой гнѣвъ. Вся Палестина ожидала непріятныхъ слѣдствій.

Тогда Патріархъ Іерусалимскій Петръ предложилъ Саввѣ Освященному отправиться въ Царьградъ, чтобы перемѣнить мысли Царскія. Девятидесятилѣтній старецъ, благоденствіе отечества предпочитая своему спокойствію, съ радостію принялъ на себя тягость путешествія и, будучи принятъ отъ Царя съ уваженіемъ, какого достойны святые люди, исполнилъ свое дѣло такъ, какъ желали Христіяне. Юстиніанъ не только вышелъ изъ заблужденія, но и осудилъ на смерть клеветника: и сіе бы совершилось, если бы Савва же о немъ не ходатайствовалъ предъ Царемъ.

Отпуская святаго старца въ обратный путь, Императоръ хотѣлъ оказать ему всевозможную милость: онъ приказалъ изъ государственной казны выдать большія деньги для распространенія, украшенія и продовольствія его обители; но мудрый инокъ желалъ не богатствъ себѣ и своей братіи, а общей пользы Христіянъ и соотечественниковъ. Благодаря за щедрость Государя, онъ съ покорностію просилъ его отмѣнить на нѣсколько лѣтъ собираемыя съ Палестины подати, чтобы разоренные отъ Самарянскихъ мятежей жители могли поправиться: соорудить въ Іерусалимѣ страннопріимный домъ для приходящихъ къ гробу Господню издалека Христіянъ, учредить больницу для убогихъ и дать искусныхъ врачей, отъ стороны варварскихъ народовъ построить крѣпости

и снабдить оберегательнымъ войскомъ.—«За сіи благодѣянія, пророчески сказалъ онъ Юстиніану, самъ Богъ изліетъ на тебя свои благодѣянія и поможетъ присовокупить къ державѣ твоей тѣ страны, которыхъ лишились прежніе Государи.»—Императоръ на все безпрекословно согласился. Когда давалъ онъ повелѣніе Государственному казначею и прочимъ чиновникамъ, чтобы сдѣлали распоряженіе по просьбѣ Саввы: человѣкъ Божій, нѣсколько отступивъ, началъ молиться. Удивляясь сему, одинъ изъ его сопутниковъ съ нѣкоторою укоризною сказалъ: Отче! Государь столько заботится о твоемъ прошеніи, а ты, какъ посторонній человѣкъ, занимаешься другимъ.»—«Чадо! отвѣчалъ Савва: они занимаются своимъ дѣломъ, чтобы оказать милость людямъ; а мы занимаемся своимъ дѣломъ, чтобы испросить имъ милость небесную.»

Молитвы преподобнаго старца не остались у Бога тщетны. Благодѣтельный Юстиніанъ вскорѣ имѣлъ удовольствіе видѣть исполненіе пророчества: его военачальники возвратили достояніе Имперіи: Велизарій разрушилъ царство Вандальское въ Африкѣ, а Нарзесъ—царство Готѳовъ въ Гишпаніи.

Мать, наказанная безчадствомъ.

Въ бытность преподобнаго Саввы Освященнаго у Императора Юстиніана, Императрица Ѳеодора, прося у него благословенія, сказала: «помолись за меня, человѣкъ Божій, да подастся мнѣ плодъ чрева.»—На сіе старецъ отвѣчалъ: «Богъ, всѣхъ Владыко, да сохранитъ ваше царствованіе.» Императрица вторично сказала: «отче! помоли о мнѣ Бога, да разрѣшитъ мое неплодство и дастъ мнѣ сына.» — Старецъ и на сіе отвѣчалъ: «Богъ,

сокрушающій брани, да подастъ вамъ на враговъ побѣду.» — Императрица напоминала въ третій разъ, чтобы Савва помолился о разрѣшеніи ея неплодства; но Савва и тогда сказалъ: «Господь да соблюдетъ владычество ваше въ благовѣріи.» — Ѳеодора смутилась и оставила чуднаго старца. Когда же онъ шелъ изъ дворца, бывшіе съ нимъ иноки спросили, почто не исполнилъ онъ желанія Царицы и отвѣчалъ несогласно съ ея просьбою? «Повѣрьте мнѣ, отцы и братія, сказалъ Савва, что не изыдетъ отъ чрева ея плодъ; ибо сей плодъ отъ нея напоился бы лжемудріемъ Севировымъ, и паче Анастасія (*) возмутилъ бы церковь Христову. Не почитайте убо неплодство Императрицы несчастіемъ: оно есть наказаніе тайной ея ереси и залогъ Божескаго попеченія о будущемъ спокойствіи Христіянъ.»

Хвала Богохульныхъ устъ для любящихъ Бога есть хула (**).

Когда злочестивый Дунаанъ, Князь Омеритскій, истощалъ ужасы всѣхъ мученій на Святителя Христова Ареѳу и его христолюбивое стадо: тогда между прочими страдальцами представлена была одна благородная и добродѣтельная вдовица съ двумя юными дщерями. Мучитель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на красоту сихъ Христіянокъ и, противъ воли умягчивъ свирѣпое свое сердце, сказалъ кротко: «я всегда слышалъ съ удовольствіемъ о твоемъ разумѣ; теперь и самое лице твое свидѣтельствуетъ истину носящейся славы; и такъ совѣтую тебѣ, какъ Царь

(*) Еретичествующій Греческій Царь.

(**) Изъ житія св. мученика Ареѳы, котораго память въ 24 день Октября.

и другъ, поступать сообразно съ твоими достоинствами: оставь покланяемаго тобою Назорея, поносно жившаго и умершаго, и исповѣдуй единаго съ нами Саваоѳа (*). Тогда будешь подругою Царицы, моей супруги; и твои дщери будутъ воспитаны, какъ дѣти царскія. Все призываетъ васъ на сію высокую степень. Только Христіянское суевѣріе, зараза подлой и малоумной черни, преграждаетъ вамъ путь къ благополучію.»

Дунаанъ умолкъ, ожидая желаемаго плода отъ своихъ ласкательствъ. Но благочестивая жена, которая при каждомъ богохульномъ словѣ съ ужасомъ возводила очи свои на небо и ежемгновенно думала узрѣть громъ для пораженія зловѣра, съ дерзновеніемъ Христовой подвижницы отвѣчала ему: «Государь! тебѣ бы должно было почтить Того, Кто даровалъ тебѣ власть, порфиру и діадиму; Кто даровалъ тебѣ самое бытіе и жизнь: тебѣ надлежало бы первому почтить Іисуса Христа, Сына Божія. А ты, неблагодарный благопріимецъ, столь дерзко злословишь твоего благодѣтеля! Бойся, чтобы земля не поглотила тебя, подобно Дафану и Авирону. Но ты, погибая самъ, и всѣхъ погубить хочешь: тѣмъ ближе надъ тобою мстящая рука Іисусова. Ты обѣщаешься почтить меня всѣми отличіями свѣта; но всуе трудишься! Сія честь для меня ужаснѣйшее безчестіе. Государь! я даже не хочу, чтобы хвалилъ меня твой языкъ: несносна хвала хулителя Божія. Прославь прежде имя Іисуса Христа: тогда малѣйшая твоя хвала будетъ для меня истинно царскою милостію.»

Злочестивый Дунаанъ исполнился гнѣва и ярости; изрекъ звѣрскій приговоръ и — укрѣпляемая Христомъ вдовица и ея дщери спокойно пошли на мученія и смерть.

(*) Сей Дунаанъ былъ Жидъ.

Благочестивый вымыслъ, или рѣдкій урокъ дѣтямъ.

Одинъ исповѣдникъ имени Іисусова, будучи замученъ изувѣрами, оставилъ въ наслѣдство своей супругѣ только вѣру и нѣсколько малолѣтныхъ дѣтей. Христолюбивая вдовица ежедневно приносила ихъ Господу, какъ жертву непорочную, и прилежно учила заповѣдямъ Божіимъ. Наконецъ, исполнивъ разумъ ихъ и сердце упованія и вѣры, вдругъ объявила имъ, для испытанія ихъ бодрости, пришествіе мучителей. Дѣти мои! говорила она имъ, ставъ на колѣна: вы Христіяне; вотъ здѣсь убійцы Христіянъ: воззрите на небо и видите вѣнцы, которые Богъ вамъ готовитъ; идите въ слѣдъ вашему родителю.»—Показывая имъ примѣръ собою, она понуждала ихъ сдѣлать какъ бы первый обѣтъ мученичества. Сіе малое семейство исповѣдниковъ, преклоняя невинныя главы свои для принятія грознаго удара, и устроиваясь, яко Исаакъ на жертвенникѣ верху дровъ, ожидало, если бъ Богъ сіе попустилъ, окончанія своей жизни—жизни, которая только начиналась.

Примѣрная супруга.

Флакилла, супруга Греко-Римскаго Императора Ѳеодосія Великаго, происходила отъ древняго дома Еліановъ, и между своими предками считала Римскаго Императора Елія Адріана. Сіе столь уважаемое въ свѣтѣ преимущество наипаче возвеличилось тѣмъ, что она сама сдѣлалась Императрицею всего извѣстнаго тогда свѣта.

Но для Флакиллы сіи преимущества были бы совершенное *ничто*, если бы они, окружая свѣтомъ только ее одну, не могли распространить круга для ея благо-

честія и любви Христіянской. Благотворительность составляла истинную радость ея души. Не было въ Царѣградѣ бѣднаго семейства, которому бы она нѣсколько разъ въ году не подала руку помощи. Она имѣла у себя нарочныхъ людей, честныхъ и попечительныхъ, корые должны были навѣдываться, не приключилось ли кому какое либо несчастіе. Правители отдаленнѣйшихъ областей обязаны были доносить ей о всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ требовалась ея матерняя помощь. Вдовицы, сироты, жены, дѣти и матери убіенныхъ на брани, недужные и разорившіеся, даже незлонамѣренные преступники составляли нѣкоторымъ образомъ семейство Флакиллы, которому она благодѣтельствовала разными образами, какіе только для нея были возможны.

Часто она сама посѣщала убѣжища недугующихъ, утѣшала ихъ и изъ своихъ рукъ подавала пищу и лекарства; часто присутствовала, когда перевязывали ихъ раны. И когда представляли ей, что есть дѣла, не меньше благочестивыя, но ея сану приличнѣйшія, что ей не нужно и непристойно нисходить до самыхъ крайнихъ должностей человѣколюбія, и что она можетъ сіе поручить другимъ; тогда Флакилла отвѣчала: «попеченіе о дѣлахъ церкви и отечества, равно какъ и награжденіе заслугъ я оставляю Императору. Пусть онъ во славу благочестія и для блага подданныхъ употребляетъ свою царскую славу, а для меня довольно чести, если принесу въ жертву Богу малое попеченіе и смиренное служеніе моихъ рукъ. Я не могу иначе засвидѣтельствовать Ему моей благодарности, какъ нисходя съ престола, на который Онъ меня возвелъ, для служенія Ему въ лицѣ нищихъ.

Чрезъ сіе смиреніе она получала всегда большое почтеніе и власть надъ сердцемъ своего супруга; но сію

власть употребляла она только для поданія ему совѣтовъ, разговаривая съ нимъ о законѣ Божіемъ, который знала совершенно, и вдыхая въ него такую же ревность по вѣрѣ, какою сама пылала. Часто между разговорами о прошедшемъ времени приводила ему на память, кто онъ былъ и чрезъ то возбуждала его не употреблять во зло настоящаго величія. Желаніе видѣть супруга своего благочестивымъ было въ ней больше, нежели радость, что онъ былъ обладателемъ свѣта.

Сколько всѣ сіи добродѣтели дѣлали ее любезною супругу и народу, показала смерть, которая постигла ее въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Какъ скоро разнесся слухъ о ея кончинѣ, весь городъ облекся въ печаль, и народъ бѣжалъ толпами ко дворцу. Сѣтующій Ѳеодосій не могъ другимъ средствомъ снискать себѣ утѣшеніе, какъ оказавъ ей всевозможныя при погребеніи ея почести. Святый Григорій Нисскій говорилъ надгробную рѣчь, въ которой нарицалъ ее *утвержденіемъ Церкви, сокровищемъ убогихъ и прибѣжищемъ несчастныхъ.*

Домъ земный и домъ Небесный.

Когда святаго Акепсима, Епископа Персидскаго (*), за исповѣданіе имени Христова взявъ подъ стражу, повели изъ дому; то нѣкто изъ знакомыхъ, подступивъ къ нему, сказалъ на ухо: сдѣлай какое нибудь завѣщаніе о твоемъ домѣ.» Но святый Акепсимъ отвѣчалъ: «другъ мой! странное и безумное дѣло заботиться о сей убогой храминѣ, когда Царь небесный повелѣваетъ мнѣ переселиться въ домъ славы, *иже есть на небесѣхъ.*

(*) Святый Акепсимъ жилъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Память его Ноября въ 3 день.

Нелицепріятіе при раздаяніи милостыни.

Однажды церковный строитель донесъ Іоанну Милостивому (*), что между убогими людьми къ нимъ приходятъ за милостынею иногда люди хорошо одѣтые, и требовалъ разрѣшенія: надобно ли имъ подавать, какъ и другимъ нищимъ? На что Іоаннъ отвѣчалъ: «если ты рабъ Христовъ и послушникъ смиреннаго Іоанна, то милостыню подавай такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, не взирая на лица требующихъ отъ тебя помощи. Мало ли есть сребролюбцевъ, одѣтыхъ въ раздранныя рубища? И мало ли есть бѣдныхъ, достойныхъ всякаго сожалѣнія, всякой помощи, одѣянныхъ опрятно? Встрѣчаются тысячи случаевъ, что тотъ, кто вчера, при всѣхъ недостаткахъ, еще могъ обойтись безъ помощи другихъ, сегодня принужденъ требовать оной?... Или ты, можетъ быть, опасаешся что на безпрестанныя милостыни не достанетъ церковнаго имѣнія? Я не хочу быть причастникомъ твоего маловѣрія. Мы даемъ не свое: мы даемъ Христово; а кто можетъ быть богаче Іисуса?»

Каково подаяніе, таково и воздаяніе.

Однажды, когда святый Іоаннъ шелъ въ церковь, приступилъ къ нему прежде бывшій богатымъ, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ обнищавшій гражданинъ, и просилъ помощи. Патріархъ, сжалившись, что сей честный и благородный человѣкъ такъ разорился, приказалъ строителямъ дать ему пятнадцать литръ золота; но они, опасаясь, чтобы не оскудѣла церковная сокровищехранительница, выдали только пять литръ. Когда же

(*) Память св. Іоанна Милостиваго, Патріарха Александрійскаго Ноября въ 12 день.

Патріархъ возвращался изъ церкви, остановила его одна богатая вдова и вручила ему бумагу, въ которой было написано, что она въ церковь даетъ пятьсотъ литръ злата. Іоаннъ, читая хартію, позналъ отъ благодати Духа Святаго, что она отдаетъ не все, что̀ прежде положила въ умѣ своемъ. Пришедъ домой, онъ призываетъ церковныхъ строителей и спрашиваетъ: сколько они дали обнищавшему гражданину?—«Пятнадцать литръ злата», отвѣчали строители. — «Отъ васъ потребуетъ Господь то, что удержала у себя благочестивая вдовица», обличая ихъ ложь, сказалъ Святитель. Потомъ призываетъ къ себѣ вдовицу и спрашиваетъ: — Скажи намъ истину, сколько, изъ любви твоей къ Богу, ты намѣрена была принесть въ церковь злата?» Вдовица, видѣвъ, что ея намѣреніе отъ Святаго не утаилось, отвѣчала: «свидѣтельствуюсь Богомъ, Владыко святый, что за нѣсколько дней въ сей бумагѣ у меня было написано тысяча пятьсотъ литръ злата, которыя слѣдовали въ твои святыя руки; но сегодня, разогнувъ хартію, я увидѣла, что тысяча литръ, не знаю какъ и кѣмъ, изглажена. Я подумала, что не благоволитъ Господь отдать Твоему Святѣйшеству болѣе пятисотъ литръ, и такъ поступила.»— Экономы, услышавъ сіе, устыдились и ужаснулись своей неправды; а Святитель, напутствовавъ благословеніемъ вдовицу, сказалъ имъ:—«Вы не послушали меня и удержали десять литръ злата: за сіе Господь въ рукахъ сей благотворительницы удержалъ отъ насъ тысячу литръ злата. Помните убо, какова милостыня, таково отъ Бога и воздаяніе — помните и страшитесь суда Божія; ибо сколько бѣдныхъ отъ вашей неправды и ненадѣянія на Бога теперь лишились пропитанія!»

Слушай бѣдныхъ, если хочешь, чтобы тебя слушалъ Богъ.

Однажды, когда Іоаннъ Милостивый шелъ въ церковь, остановила его бѣдная женщина и, горько жалуясь на обиды, причиненныя ей нѣкоторымъ родственникомъ, просила защиты отъ святаго Патріарха. Но какъ было уже время начать *Служеніе*, то сопровождавшіе Іоанна совѣтовали ему выслушать вдовицу тогда, какъ возвратится домой. Но человѣкъ Божій отвѣчалъ: «а меня послушаетъ ли Богъ, если я не восхощу послушать ее?» И не двигнулся съ мѣста, пока разобралъ дѣло и приказалъ обидящему удовлетворить бѣдную женщину.

О томъ, коль трудно исправить сребролюбца.

Іоаннъ Милостивый, узнавъ, что нѣкоторый Епископъ, именемъ Троилъ, былъ весьма сребролюбивъ и скупъ, пригласилъ его въ больницу, посѣтить убогихъ и недугующихъ. Тамъ примѣтивъ, что Троилъ имѣетъ съ собою деньги, сказалъ ему: «Владыко! вотъ время и случай утѣшить тебѣ бѣдную братію, подавъ имъ милостыню.» Троилъ, опасаясь обнаружить свою скупость, началъ раздавать золото и, одѣливъ всѣхъ, издержалъ тридцать литръ; но, возвратясь домой, раскаялся о добромъ дѣлѣ и почувствовалъ такую скорбь, что легъ въ постелю.—Чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ; но Троилъ отговорился болѣзнію. Іоаннъ догадался, что и отъ чего съ нимъ сдѣлалось, и взявъ съ собою тридцать литръ золота, пошелъ навѣстить его.—«Я принесъ тебѣ деньги, которыя ты, по моей просьбѣ, роздалъ въ больницѣ; возьми ихъ, и своею рукою напиши, да будетъ отъ Господа мнѣ та

награда, которая слѣдовала тебѣ.»—Услышавъ сіе, можно бы Троилу сгорѣть отъ стыда; но сила сребролюбія неимовѣрна! Троилъ, увидѣвъ золото, затрепеталъ отъ радости и немедленно написалъ: «Боже милосердый! даждь мзду Господину моему Іоанну, Патріарху Александрійскому, за золото, которое я, грѣшный Троилъ, роздалъ въ больницѣ; ибо онъ мое возвратилъ мнѣ.»—Получивъ деньги, Троилъ возсталъ съ одра, какъ будто никогда не бывалъ боленъ, и пошелъ къ Патріарху обѣдать.

Іоаннъ, угощая его, въ сердцѣ своемъ молился Богу, да исцѣлитъ его отъ толь ужаснаго сребролюбія, и — Богъ услышавъ молитву его. Въ слѣдующую ночь Троилъ узрѣлъ въ сновидѣніи великолѣпный домъ, неизреченно украшенный, у котораго надъ вратами было написано золотыми буквами: *Обитель и покой вѣчный Троила Епископа*. Взыграло отъ радости сердце Троилово; но внезапно явился нѣкій благообразный и грозный Мужъ, и сказалъ къ бывшимъ тутъ слугамъ: «Господь всего міра повелѣлъ мнѣ изгладить имя Троила, и вмѣсто его начертать имя Іоанна, Патріарха Іерусалимскаго, который купилъ у него сей домъ за тридесять литръ золота. И такъ перемѣните надпись.» Троилъ вскричалъ отъ ужаса и жалости и—воспрянулъ отъ сна. Познавъ всю цѣну дома, который потерялъ на небеси, онъ началъ плакать и укорять себя въ златолюбіи. Едва дождавшись утра, пошелъ къ блаженному Іоанну и объявилъ ему сновидѣніе; далъ клятву исправиться и — сдержалъ свой обѣтъ; ибо съ того времени былъ щедръ и для всѣхъ милостивъ.

Не токмо сами милостынодавцы, но и дѣти ихъ Богомъ не оставляются.

Святый Іоаннъ услышалъ, что одинъ молодой человѣкъ, сирота богатыхъ родителей, живетъ въ крайней бѣдности; услышалъ, что сія бѣдность постигла его потому, что родители щедрою рукою расточали свое имѣніе на убогихъ, а оставшуюся часть расхитили безчеловѣчные опекуны; услышалъ, что юноша добронравенъ, благочестивъ и не ропщетъ на свою участь. Человѣкъ Божій положилъ на сердцѣ подать ему помощь, но такъ, чтобы юноша не могъ считать сіе милостынею. Онъ призываетъ къ себѣ Эконома и, взявъ съ него клятву хранить тайну, приказываетъ изготовить будто бы давно сдѣланное *духовное завѣщаніе* отъ имени нѣкоего Ѳеопемпта, въ которомъ Патріархъ и убогій сирота, какъ его родственники, назначены наслѣдниками имѣнія. Съ сею бумагою онъ посылаетъ Эконома къ юношѣ.

Экономъ исполнилъ волю патріарха слѣдующимъ образомъ. Будто самъ отъ себя призвавъ юношу, сказалъ ему: «ужели не знаешь ты, что Патріархъ тебѣ родственникъ и страждешь въ такой нищетѣ?» Юноша изумился и почелъ слова его за насмѣшку. Но Экономъ, показывая *Духовную*, будто бы въ тотъ день нечаянно между прочими бумагами имъ найденную, сказалъ: «если ты, другъ мой, стыдишься самъ открыться предъ святителемъ, то я доложу о тебѣ.» Удостовѣренный сирота обрадовался и началъ просить, чтобы сіе родство объяснилъ онъ Патріарху.

Когда Экономъ объявилъ Іоанну, что его приказаніе исполнено, тогда Патріархъ повелѣлъ привести къ себѣ убогаго юношу, и принявъ ласково, сказалъ: «прости меня, добрый юноша, что я такъ долго, по невѣдѣнію,

оставлялъ тебя въ бѣдности. Я помню, что дядя мой имѣлъ сына, но не зналъ, гдѣ онъ находится; а ты, по своей кротости, не хотѣлъ ко мнѣ явиться. Благодарю тебя, обратясь къ Эконому, продолжалъ онъ, что ты, отыскавъ бумагу, снялъ съ души моей этотъ грѣхъ, и нашелъ мнѣ родственника.»

Святый Іоаннъ не только отдалъ доброму юношѣ часть, въ мнимомъ завѣщаніи ему назначенную, но и купилъ ему домъ и все потребное, сочеталъ съ благородною дѣвицею и далъ почетную должность. Сія тайна между Экономомъ и Патріаркомъ хранилась до самой его кончины. Уже тогда сынъ благочестивыхъ родителей узналъ, что своимъ счастіемъ одолженъ онъ не родству съ Патріаркомъ, но Тому, Кто не хощетъ *видѣти праведника оставлена и сѣмене его просяща хлѣбы* (*).

Защитникъ Церкви и отечества.

У Императора Аркадія былъ военачальникъ, родомъ изъ варваровъ, именемъ Гаина, который хотя и принялъ Христіянскую вѣру, но держался Аріевой ереси. Будучи храбръ на брани и любимъ наемными войсками, онъ имѣлъ великую дерзость и часто заставлялъ—даже Императора—себя опасаться. Сей-то сильный, на все рѣшительный человѣкъ непрестанно просилъ Аркадія, чтобы позволилъ Аріанамъ имѣть въ Царѣградѣ церковь. Отказать ему —было опасно для престола, а позволить—опасно для православія. Аркадій, откладывая подъ разными предлогами удовлетвореніе его просьбы, наконецъ прибѣгнулъ къ Іоанну Златоусту (**) и требовалъ совѣ-

(*) Псал. XXXIV.

(**) Память Святителя Господня Іоанна Златоуста Ноября въ 13 день.

та. Положили, чтобы Патріархъ былъ у Царя, когда Гаина будетъ просить церкви, что и случилось вскорѣ.

Дерзкій и нетерпѣливый варваръ началъ требовать *милости* Аріанамъ, какъ должнаго воздаянія за бранные подвиги и свою храбрость. Но великій Святитель немедленно остановилъ его.—«Если Царь хочетъ быть богобоязненъ, гласомъ Вѣры сказалъ онъ, то не имѣетъ права надъ Церковію, въ которой отъ Бога поставлены духовныя власти; если же тебѣ нужна церковь, то войди, въ какую хощешь и молися: онѣ всѣ предъ тобою отверзты.»—Но я другаго исповѣданія, возразилъ Гаина, и для того хочу имѣть въ столицѣ съ моими единовѣрцами особенный храмъ; надѣюсь, что Государь исполнитъ мое прошеніе. Владыко святый! ты самъ знаешь, сколько я подъялъ трудовъ, сражаясь за ваше отечество, проливая мою кровь и полагая за Царя душу.»—«Никто хвалы твоей упразднить не можетъ и не хочетъ, отвѣчалъ ему Іоаннъ: но нельзя умолчать и того, что ты за всѣ подвиги, уже принялъ въ воздаяніе честь, славу, санъ и дары.»—Послѣ сего видя, что варваръ начиналъ разгорячаться, продолжалъ: «Кто имѣетъ совѣсть, тотъ долженъ размыслить, что̀ онъ былъ прежде и что̀ сдѣлался нынѣ; какія имѣлъ богатства по ту страну Дуная, и какія сокровища имѣетъ въ нашемъ отечествѣ; не хлѣбъ ли тамъ ѣлъ съ водою, и не всего ли свѣта плодами, птицами и рыбами нынѣ услаждаетъ свой вкусъ? не былъ ли тамъ простымъ человѣкомъ и не учинился ли здѣсь вельможею? Гаина! вотъ за труды твои воздаяніе! Будь же благодаренъ Царю и служи вѣрно его державѣ; а божественныхъ даяній за мірское служеніе не проси. Дерзнувъ на сіе, ты подвергаешься опасности быть обвиненъ въ оскорбленіи Величества; ибо хочешь твоего Государя содѣлать виновнымъ въ святотат-

ствѣ.»—Выслушавъ, хотя и съ великимъ принужденіемъ, сей урокъ истины, Гаина имѣлъ столько духа, что обратилъ разговоръ на дѣла, касающіяся до воинства; и съ того времени уже не просилъ для Аріанъ церкви. Аркадій, удивляясь убѣдительной мудрости Іоанна, благодарилъ его отъ всего сердца.

Но меньше нежели чрезъ годъ, Гаина, или въ отмщеніе за сей отказъ, или по общей ненависти варваровъ къ Греціи и ихъ хищному и мятежному духу, оказался вѣроломцемъ. Стоя на границахъ государства съ воинствомъ, изъ варваровъ же по большой части составленнымъ, вдругъ поднялъ оружіе и пошелъ прямо къ Царюграду. Аркадій, не имѣя готоваго войска, не зналъ, что начать, и опять прибѣгнулъ къ Іоанну Златоусту съ просьбою, чтобы употребилъ противу варвара то же оружіе слова, которымъ недавно защитилъ православіе. Іоаннъ хотя и зналъ, что прогнѣвалъ Гаину, хотя представлялъ все, что могла произвесть его мстительность; но, готовый положить душу свою за Царя и Отечество, небоязненно пошелъ въ руки звѣроправнаго мятежника. Богъ содѣйствовалъ рабу своему... Златоустъ, богоразумный витійствомъ, укротилъ гордаго варвара, изъ волка претворилъ въ агнца и былъ миротворцемъ между Царемъ и Гаиною. Аркадій по необходимости простилъ мятежника; а Гаина далъ клятву съ того времени служить вѣрно.

Мученикъ-младенецъ.

Святый мученикъ Романъ (*) терпѣлъ всѣ мученія съ удивительнымъ великодушіемъ, и въ безмолвіи только

(*) Святый мученикъ Романъ, Діаконъ Кесарійской церкви, замученъ въ Антіохіи, куда пришелъ проповѣдывать Евангеліе, въ царствованіе Діоклитіана и Максимиліана. Память его Ноября въ 18 день.

возводилъ очи свои на небо; но когда мучитель началъ укорять его безуміемъ, называя Христіянскую Вѣру изувѣрствомъ, мученикъ вступился за честь имени Іисусова и, показавъ на одного младенца, вблизи стоящаго, спокойно сказалъ Асклипіаду (имя мучителя): «это юное отроча безъ сравненія разумнѣе тебя, стараго безумца. Оно хотя и малолѣтно, но знаетъ истиннаго Бога; ты же исполненъ лѣтъ, а Бога не вѣдаешь.» Удивленный столь внезапною укоризною, мучитель подозвалъ къ себѣ отрока и спросилъ: «какого, другъ мой, ты почитаешь Бога?»—«Іисуса Христа», отвѣчалъ отрокъ.—«Да чѣмъ же лучше вашъ Христосъ всѣхъ боговъ нашихъ?» опять спросилъ Асклипіадъ.—«Тѣмъ, что онъ есть истинный Богъ и всѣхъ насъ создалъ и искупилъ», сказалъ младенецъ: «а ваши боги суть не что иное, какъ живописный холстъ, или изваянная мѣдь.»—Такъ въ юномъ исповѣдникѣ имени Христова дѣйствовалъ Духъ Святый, *совершая изъ устъ его хвалу*, да посрамитъ нечестиваго Асклипіада и всѣхъ идолопоклонниковъ. Мучитель не зналъ, что болѣе отвѣчать, и прибѣгъ къ обыкновенному средству: приказалъ нещадно бить его розгами. Изнемогшее подъ ударами дитя, наконецъ запросило пить. Но вдругъ изъ-за народа вышла мать его и начала увѣщевать, чтобы всѣ мученія терпѣлъ мужественно. Когда же, наипаче симъ раздраженный мучитель приказалъ отсѣчь ему голову, вторая Соломонія (*), взявъ его на руки, понесла на мѣсто казни. Объемля и лобы-

(*) Имя сей мужественной матери неизвѣстно. Юный мученикъ, ея сынъ, именовался Варулъ. А Соломонія, извѣстная также по мужеству, была мать седми мучениковъ, Маккавѣевъ: Авима, Антонина, Гурія, Елеазара, Евзеона, Алима, Маркелла, которые съ нею и съ учителемъ своимъ Елеазаромъ пострадали отъ Селевка, сына Антіоха Великаго, за 175 до Р. Х.

зая, она утѣшала его и укрѣпляла, чтобы не страшился, видя мечъ надъ своею главою.—«Не бойся, сладчайшее чадо мое, говорила она, не бойся смерти; ты не умрешь, но вѣчно живъ будешь: изъ подъ сѣкиры пріимутъ тебя Ангелы и возлетятъ съ тобою въ райскій вертоградъ, въ жилище вѣчнаго блаженства. Тамъ обыметъ тебя Христосъ; тамъ будешь другомъ всѣхъ Святыхъ, и я туда же приду къ тебѣ скоро—весьма скоро.»—Такъ мужественная мать, уговаривая свое дитя, принесла его на мѣсто *усѣкновенія*. Юный страдалецъ умеръ, не испустивъ вопля, не оказавъ страха; и она, взявъ тѣло его, омыла сладкими слезами, и погребая, веселилась, что младенецъ пролилъ кровь, отъ нея принятую, за Христа Спасителя.

Духовное братолюбіе.

Святый мученикъ Валеріанъ (*), обращенный въ Христіянскую вѣру своею невѣстою, съ толикимъ усердіемъ предалъ свою душу и сердце Спасителю міра, что удостоился узрѣть Ангела Божія, который вѣщалъ ему: «ты не упорствовалъ истинамъ, отъ дѣвицы тебѣ проповѣданнымъ; для того Богъ послалъ меня къ тебѣ, да пріимешь отъ него, чего восхощетъ душа твоя.» — Восхищенный Валеріанъ, поклонившись Ангелу, отвѣчалъ: «нѣтъ въ мірѣ семъ ничего для меня любезнѣе брата моего Тивуртія; молю убо Господа, да избавитъ его отъ гибельнаго идолопоклонства, да обратитъ къ себѣ и да содѣлаетъ обоихъ насъ столько же совершенными въ исповѣданіи Его имени, сколько совершенна обрученная мнѣ невѣста.» — Небесный посланникъ порадовался желанію Валеріанову и сказалъ: «благоугодно Богу твое

(*) См. Ноября подъ 22 числомъ.

прошеніе: какъ тебя спасъ чрезъ дѣвицу, такъ чрезъ тебя спасетъ Онъ и брата твоего, и всѣхъ васъ сподобитъ вѣнцевъ Царствія небеснаго.

Гдѣ слабаго человѣка укрѣпляетъ небесная благодать, тамъ не имѣютъ никакой тягости всѣ труды, для другихъ неодолимые; и святый Валеріанъ въ тотъ же день обратилъ на путь истины брата своего Тивуртія, да трое единодушно славятъ единаго Бога, въ Троицѣ покланяемаго.

Мѣсто свято тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ Богоугодно.

Святый Алипій (*), Діаконъ Адріанопольской церкви, за благочестіе и добродѣтели былъ любимъ Епископомъ и всѣми Христіянами. Духовное начальство всѣ важныя и до богоугодныхъ заведеній касающіяся дѣла возлагало на Алипія; а граждане Адріанопольскіе имѣли къ нему такое уваженіе, которое можно было назвать благоговѣніемъ. Но при всѣхъ преимуществахъ, сердцу Алипія недоставало важнѣйшаго преимущества — совершеннаго уединенія.

Побуждаемый симъ святымъ нетерпѣніемъ, вскорѣ Алипій, тайно отъ всѣхъ, испросивъ только благословеніе у своей матери, ушелъ изъ Адріанополя, чтобы водвориться въ какую нибудь изъ удаленныхъ пустынь. Но Епископъ, узнавъ о его отшествіи, чрезвычайно оскорбился; церковнослужители сѣтовали, что лишились сотрудника, украшавшаго ихъ братство; всѣ граждане почитали потерю его невознаградимою и послали искать его. Вскорѣ Богъ открылъ убѣжище святаго Алипія, и

(*) Преподобный Алипій жилъ въ VII вѣкѣ по Р. Х. Память его Ноября въ 26 день.

они то моленіемъ, то угрозами уговорили его возвратиться въ отечество. Но Алипій сѣтовалъ сердечно, что не совершилось его желаніе, и помышлялъ опять скрыться.

Но Богъ остановилъ его намѣреніе слѣдующимъ образомъ. — Въ одну ночь Алипій до того возскорбѣлъ, что началъ плакать, и въ сихъ слезахъ заснулъ. Вдругъ явился ему Ангелъ Божій и сказалъ: «не скорби, Алипій, что возвращенъ сюда отъ желаннаго тебѣ пути; Богъ устроилъ сіе для пользы твоего отечества: а любить отечество и ему служить—есть непремѣнный долгъ каждаго человѣка. Кромѣ сего, да будетъ тебѣ извѣстно, что *тамъ только свято есть мѣсто, гдѣ человѣкъ, любящій Бога, благочестиво и богоугодно жити начнетъ.*»— Симъ видѣніемъ будучи утѣшенъ, Алипій престалъ скорбѣть и всю жизнь проводилъ на своей родинѣ, прилежно подвизаясь и работая Богу и людямъ.

Дерзновеніе за Вѣру.

Греческій Императоръ Константинъ, по прозванію *Копронимъ*, стараясь истребить православную вѣру и на развалинахъ ея утвердить иконоборную ересь, не иначе надѣялся успѣть въ своемъ намѣреніи, какъ преклонивъ на свою сторону преподобнаго Стефана *Новаго* (*), котораго Греки и Римляне почитали, какъ единаго изъ древнихъ великихъ Отцевъ. Для сего послалъ къ ему своего Тайнаго совѣтника, именемъ Патрикія, искуснаго витію или, судя по витійству тогдашнихъ временъ, хорошаго *краснобая* Каллиста, и съ ними отправилъ дары — не сребро, не злато; ибо зналъ, что человѣкъ Божій въ сокровищахъ нужды не имѣетъ, но раз-

(*) Святый Стефанъ пострадалъ 767 года по Р. Х. Память его Ноября въ 28 день.

линные овощи и плоды. Стефанъ принялъ дары царскіе, желая, да благодать Божія просвѣтитъ душу Константина. Но когда Патрикій и Каллистъ объявили царскую волю, чтобы Святый подписалъ Соборъ, состоявшій изъ иконоборцевъ, Стефанъ сказалъ съ дерзновеніемъ Апостольскимъ:—«Собора вашего, празднословія и лжи исполненнаго, я не подпишу; иначе забвенна буди десница моя! и никогда не похвалю; въ противномъ случаѣ, да прилпнетъ языкъ мой къ гортани моей! Скажите Государю, что отнюдь не нареку горькое сладкимъ, тму—свѣтомъ, да не навлеку Божіей на главу мою клятвы. За святыя же иконы умереть готовъ и небрегу о царскомъ прещеніи.»—Потомъ простеръ руку свою и, согнувъ длань, продолжалъ: «если бы я имѣлъ въ себѣ крови одну только сію горсть, и ту за икону Христову пролить не пожалѣлъ бы. Скажите о семъ Государю; а сіи дары отнесите обратно; не требуя даровъ его, съ Божественнымъ Писаніемъ отвѣтствую: *злей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея* (*).»—Сказавъ сіе, преподобный Стефанъ ушелъ въ другую келлію, а посрамленные Патрикій и Каллистъ безъ всякаго успѣха возвратились къ Константину.

Казнь лжесвидѣтельницы.

Иконоборствующій Царь (**), потерявъ всю надежду поколебать преподобнаго Стефана ласкою и дарами, вознамѣрился предъ лицемъ святыя Церкви посрамить его имя, возложивъ на невиннаго старца грѣхъ, которымъ гнушаются даже молодые, но благовоспитанные люди. На совокупное съ нимъ безславіе обрекли одну молодую

(*) Псаломъ CXC. ст. 6.
(**) Константинъ Копронимъ.

инокиню, именемъ Анну, и подкупили ея служанку, чтобы лжесвидѣтельствовала на Ангеловъ въ тѣлеси. Безсовѣстная женщина сдѣлала все, чего желали ихъ гонители. Анна была при всемъ народѣ выведена изъ церкви и представлена къ суду. При допросахъ находился самъ Копронимъ и требовалъ только одного, чтобы она призналась въ преступленіи; послѣ чего обѣщалъ ей всѣ царскія милости. Но когда ни ласки, ни лжесвидѣтельство ея рабыни, ни самыя мученія, болѣзненныя и постыдныя, не могли поколебать ея твердости; то мучитель на тотъ разъ былъ принужденъ оставить преподобнаго Стефана въ покоѣ.

Между тѣмъ Копронимъ почелъ за нужное наградить клеветницу, чтобы и другія, въ подобныхъ случаяхъ, охотнѣе исполняли волю его. Она выдана была въ супружество за нѣкотораго чиновника, и чрезъ нѣсколько времени родила близнецовъ. Но, клеветники и лжесвидѣтели! вострепещите, видя казнь, которую на главу сей преступницы изліялъ Тотъ, Кто въ громѣ и молніи нѣкогда проглаголалъ: *не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.* Въ одну ночь, когда она спала съ дѣтьми своими, вдругъ они обуяли и, пріявъ нѣкую удивительную силу, схватили сосцы матерніе, и начали пить млеко ея не по младенчески, но какъ скимны, такъ, что она не могла освободиться отъ нихъ. Такимъ образомъ свирѣпствуя надъ своею матерью, они тогда же умертвили ее, и сами, какъ порожденіе ехиднино, вмѣстѣ съ нею погибли.

Безсовѣстнѣйшее коварство.

Хотя преподобный Стефанъ видѣлъ, что̀ для него пріуготовляетъ злоба, однако не преставалъ противустоять

иконоборству, и съ подвластными ему иноками сражался непоколебимо, какъ добропобѣдный воинъ Христовъ. Почему злочестивый Копронимъ, чтобы избавиться отъ человѣка Божія, прибѣгнулъ къ слѣдующему коварству, чрезъ которое надѣялся, для себя благовидно, погубить его.

Онъ призвалъ къ себѣ одного молодаго оруженосца, именемъ Георгія, и взявъ за руку, ласково спросилъ: «любишь ли ты меня, Георгій?» — «Можно ли не любить своего Государя?» отвѣчалъ удивленный симъ вопросомъ юноша. — «Но столько ли меня любишь, опять спросилъ Константинъ, чтобы отважиться за меня на самую смерть?» — «Государь! я съ радостію готовъ умереть за твое здравіе,» отвѣчалъ юноша.—Тогда Царь, потрепавъ его по плечу, сказалъ «вотъ новый Исаакъ! но будь спокоенъ, Георгій! я не приказываю тебѣ умереть за меня и не хочу, да постраждешь какое либо зло; окажи мнѣ только одну услугу: поди къ извѣстному мятежнику Стефану и упроси его, чтобы принялъ тебя въ иночество; а какъ скоро получишь *постриженіе*, немедленно сюда возвратись.»—Вѣтренный юноша безъ прекословія далъ обѣщаніе и, будучи настроенъ Копронимомъ, пошелъ на злое дѣло.

Приближась въ полночь къ монастырю, Георгій началъ жалобно вопіять: «помогите мнѣ! спасите меня! я заблудился и не знаю куда итти! Избавьте, да не погибну отъ лютыхъ звѣрей!»—Услышавъ вопль, человѣколюбивые иноки доложили святому Настоятелю, и Георгій въ ту же минуту былъ введенъ и къ нему представленъ. Тутъ-то ухищренный царедворецъ началъ извиваться зміею: онъ бросается къ стопамъ Стефановымъ, прося благословенія *и новой жизни;* не таится, что онъ *придворный*, но что оставилъ службу царскую, поелику

всѣ тамъ находящіеся заблудили отъ пути праваго и всѣ, послѣдуя Царю, предались гибельному иконоборству; что онъ, посреди ежеминутныхъ соблазновъ, едва очувствовался и прибѣгъ къ нему, да облечется въ образъ Ангельскій... Святый Стефанъ долго отрицался принять его, боясь, чтобы тѣмъ болѣе не оскорбить Царя, но безсовѣстный Георгій, заклиная себя, что проведетъ всю жизнь не выходя изъ святой обители, не преставалъ слезно умолять его: «Богу дашь отвѣтъ за душу мою, восклицаетъ онъ, если сегодня не пострижешь меня.»— Простосердечный старецъ умилился и, не познавъ коварства, наконецъ сказалъ:—«Если ты, чадо мое, съ толикимъ усердіемъ притекаешь къ намъ, то я, соблюдая заповѣдь Господню, *грядущаго не иждену вонъ*, и исполню твое желаніе.»—Довольно поучивъ, онъ тогда же облекаетъ его *въ новоначалге*, и чрезъ три дни постригаетъ... Но едва прошло нѣсколько послѣ сего часовъ, какъ льстецъ очутился у Царя.

Обрадованный Копронимъ, притворившись сѣтующимъ и раздраженнымъ, вывелъ новопостриженнаго инока къ народу и горько жаловался на Стефана и вообще на иноковъ, что они отъемлютъ дѣтей у Отечества и слугъ у Царя. Тогда цареградцы, по большей части зараженные иконоборствомъ, закричали въ одинъ голосъ: «да убіенъ будетъ Стефанъ, оскорбитель Величества и соблазнитель юношества!» Они срываютъ съ Георгія иноческую одежду и попираютъ ногами; а Копронимъ въ то же время посылаетъ воинскій отрядъ, чтобы разорить монастырь Стефановъ, сожечь церковь, разогнать иноковъ, а святаго старца, изувѣчивъ и оковавъ узами, отвести въ заточеніе — что въ тотъ же день и было исполнено съ невѣроятнымъ звѣрствомъ. Но святый Стефанъ, будучи біенъ и терзаемъ пѣлъ: *Пречистому твоему образу покла-*

няемся, Владыко, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ.

Священный ужасъ тѣла и крови Господней.

Въ одномъ Кипрскомъ монастырѣ, называемомъ *обитель Филоксенова*, былъ старецъ, родомъ изъ Митилены, именемъ Исидоръ, который безпрестанно плакалъ; и когда прочіе иноки просили его, чтобы хотя нѣсколько престалъ отъ рыданія, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, обыкновенно говорилъ: «я столь ужасный грѣшникъ, какого не бывало отъ Адама и до сего дня.» — Однажды пришелъ туда Авва Іуліанъ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ и, желая утѣшить рыдающаго старца, между прочимъ сказалъ ему: «будь увѣренъ, любезный о Христѣ братъ, что, кромѣ Бога, всѣ грѣшники.»—Увы мнѣ! отвѣчалъ старецъ: ни лѣтописи міра, ни устныя преданія не представляютъ грѣха, каковый мною содѣланъ; внемлите, что открою вамъ, и помолитесь за меня, окаяннаго. Я, живучи въ мірѣ, имѣлъ жену, и оба слѣдовали ученію Севира (*). Однажды, возвратясь домой, я не засталъ жены моей, и узнавъ, что она ушла къ подругѣ, чтобы съ нею пріобщиться Святыхъ и Животворящихъ Таинъ въ Православной церкви, побѣжалъ туда; увидѣвъ, что жена моя только что приняла *Святую часть*, схватилъ ее за гортань и тѣснилъ дотолѣ, что Святыня—о злодѣяніе! была извержена.—Въ бѣшенствѣ, я схватилъ оную и повергнулъ въ грязь.... Въ сіе мгновеніе блеснула молнія, и Божественную часть съ особою восхитила. Чрезъ два дни я узрѣлъ злообразнаго человѣка, который, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «мы друзья; на вѣкъ будемъ неразлучны.»—А кто ты? спросилъ я.»—«Я

(*) Одна изъ еретическихъ сектъ.

тотъ, отвѣчалъ онъ, который во время страсти Іисуса Христа ударилъ его въ ланиту.»—Могу ли послѣ сего, облившись слезами и задыхаясь отъ рыданія, присовокупилъ пустынникъ, могу ли сколько нибудь утѣшиться?»

Баготворящую кровь ужаснися, человѣче, зря: огнь бо есть недостойныя попаляяй (*). Ужасно согрѣшилъ послѣдователь Севира, Святыню повергнувъ въ грязь; но столь же ужасно согрѣшаютъ и тѣ, которые пріемлютъ оную, имѣя сердце всякія скверны исполненное.

О томъ, сколь ужасно возвращаться на прежніе грѣхи.

Когда преподобный Ѳеодоръ Студитъ (**), за поклоненіе святымъ иконамъ претерпѣвалъ въ области Смирнской всѣ бѣдствія заточенія, тогда воевода тамошнихъ войскъ, племянникъ Греческаго Царя, Льва Армянина, и столько же лютый иконоборецъ, жестоко заболѣлъ и былъ при послѣднемъ уже издыханіи. Одинъ изъ правовѣрныхъ чиновниковъ напомнилъ ему о преподобномъ Ѳеодорѣ, что онъ имѣетъ благодать отъ Бога исцѣлять всякіе недуги. Отчаяніе въ жизни принудило иконоборца обратиться къ человѣку Божію и просить у него помощи.

Незлобивый Ѳеодоръ не отвергъ просьбы умирающаго гонителя.—«Скажите моимъ именемъ Цареву племяннику, отвѣчалъ онъ, скажите сими словами:» помысли, что будешь отвѣчать въ день исхода твоего, столько сдѣлавъ зла православной церкви, столько умертвивъ святыхъ мужей! Они радуются нынѣ въ Царствіи Божіемъ, а тебя кто избавитъ отъ муки вѣчныя? однако, хотя при кончинѣ покайся

(*) Изъ послѣдованія къ святому Причащенію.

(**) Изъ житія преподобнаго Ѳеодора Студита, котораго память Ноября въ 11 день.

въ твоихъ злодѣяніяхъ.»—Болящій воевода принялъ Θеодорово обличеніе съ трепетомъ и, размысливъ о всемъ, что сдѣлалъ, вторично послалъ къ Преподобному, умоляя о прощеніи и обѣщаясь возвратиться въ нѣдра православной вѣры. Тогда святый Θеодоръ прислалъ къ нему икону Пресвятыя Богородицы, повелѣвъ имѣть ее у себя чрезъ всю жизнь и молиться съ глубокимъ благоговѣніемъ. Принявъ святый Образъ, воевода съ нимъ вмѣстѣ принялъ отраду болѣзнямъ и началъ выздоравливать. Къ несчастію, о семъ узналъ еретичествующій Епископъ Смирнскій и, желая присвоить себѣ честь его исцѣленія, послалъ къ нему елей, его молитвами благословенный. Но едва воевода имъ помазался, опять первый недугъ къ нему возвратился, и злой вскорѣ злѣ извергъ душу свою.

Патріотизмъ инока.

Михаилъ Травлій, воцарившійся послѣ Льва Армянина, хотя самъ былъ иконоборецъ, но каждому позволялъ вѣровать какъ хочетъ, и возвратилъ всѣхъ святыхъ Отцевъ, въ заточеніи бывшихъ. Онъ запретилъ только имѣть иконы въ Царѣградѣ. Преподобный Θеодоръ, не успѣвъ обратить Императора на путь истины, удалился въ пустыню.

Вскорѣ одинъ изъ вельможей, именемъ Θома, склонивъ на свою сторону нѣсколько войска и народа, возсталъ на Михаила. Возгорѣлась междоусобная брань, и каждый день страшились, что Царьградъ обагрится своею кровію; ибо мятежники приближались къ столицѣ. О семъ услышавъ, преподобный Θеодоръ Студитъ съ братіею немедленно пришелъ въ Царьградъ, и проповѣдуя тамъ вѣрность къ престолу и братолюбіе соотечественниковъ,

не допустилъ въ самомъ сердцѣ государства воспылать бунту. А между тѣмъ Царскіе военачальники успѣли разсѣять мятежниковъ.

Такъ воздавъ *Кесарева Кесареви*, святый старецъ возвратился въ свое уединеніе воздавать *Божія Богови*.

Не осуждай другихъ, а наипаче, гдѣ кроется что нибудь для тебя непонятное.

Въ обители преподобнаго Саввы Освященнаго былъ богобоязненный инокъ Іоаннъ, который служилъ братіи сначала въ поварнѣ, потомъ въ страннопріимницѣ, и наконецъ управлялъ экономіею. Когда же скончался Пресвитеръ обители, святый Савва восхотѣлъ произвесть его въ санъ Священства. Не сказавъ о томъ Іоанну, онъ пошелъ съ нимъ въ Іерусалимъ и, разсказавъ Патріарху Иліѣ всѣ его добродѣтели, просилъ рукоположить Іоанна въ Пресвитера.

Святый Іоаннъ узналъ о семъ—уже въ церкви, когда наступило время рукоположенія и, къ общему удивленію, изъявилъ чрезвычайный ужасъ.—«Владыко святый! сказалъ онъ, я имѣю открыть тебѣ нѣчто тайное и прошу выслушать меня безъ свидѣтелей. Если послѣ сего почтешь возможнымъ для меня рукоположеніе, то не отрекусь принять оное.» Патріархъ согласился на его просьбу и, послѣ краткаго разговора въ ризницѣ, показывая на лицѣ нѣчто необыкновенное, сказалъ преподобному Саввѣ: «Іоаннъ объявилъ мнѣ нѣкоторыя сокровенныя дѣла, по которымъ не можетъ быть Пресвитеромъ; и впредь повелѣваю тебѣ, не предлагать ему даже Діаконскаго сана.»— Огорченный Савва, не зная, что думать объ Іоаннѣ, отправился изъ Іерусалима, и всю дорогу не только съ нимъ не говорилъ, но не могъ равнодушно и воззрѣть на него.

По прибытіи въ Лавру, преподобный Сава немедленно удалился за тридесять стадій въ нѣкоторую пещеру... Тамъ повергшись на землю, со слезами воскликнулъ къ Богу: «почто, Господи, презрѣлъ меня раба твоего, и утаилъ отъ меня житіе Іоанна? Ахъ! я жестоко обманулся, почитая его достойнымъ Пресвитерства. Я думалъ, что Іоаннъ есть сосудъ святый и для благодати Духа Святаго избранный; а сей сосудъ предъ твоимъ величествомъ оказался непотребенъ... О семъ прискорбная душа моя до смерти.» Посреди сихъ слезныхъ молитвъ, гнѣвомъ и скорбію растворяемыхъ, вдругъ явился ему Ангелъ Господень и сказалъ: «не осуждай дѣла Іоанновы и не скорби на него; ибо Епископъ не можетъ быть рукоположенъ въ Пресвитера.»—Услышавъ сіе, преподобный Савва началъ объяснять тайный разговоръ Іоанна съ Патріархомъ и съ нетерпѣливою радостію пошелъ въ его келлію. Тамъ, повергшись къ его стопамъ, воскликнулъ: «Святитель Христовъ! прости грѣшнаго раба твоего, который, какъ слабая тварь, имѣлъ предосудительныя о тебѣ мысли. Но, благодареніе Богу! Онъ открылъ мнѣ твое свыше дарованіе.—«Сіе прискорбно мнѣ, отвѣчалъ Іоаннъ: ибо я, кромѣ Бога, никому открыться не хотѣлъ. Но Патріархъ узналъ отъ меня по необходимости: а тебя извѣстилъ самъ Богъ. Теперь признаюсь, что я, грѣшный Іоаннъ, есмь Епископъ; но оставилъ престолъ свой ради грѣховъ моихъ, и будучи тѣломъ крѣпокъ, осудилъ себя служить братіи, да помогаютъ молитвы ихъ слабой душѣ моей; ибо умножились безъ числа грѣхи мои (*).»

(*) Память преподобнаго Іоанна, нарицаемаго Молчаливымъ, потому что онъ, по открытіи своей тайны, заключился въ безмолвную келлію, Декабря въ 3 день.

Нѣтъ ничего пагубнѣе для каждаго сословія, какъ буйство и непокорность подчиненныхъ.

Часто посредѣ пшеницы раждаются плевелы и въ винограде терны. У Елисея былъ ученикъ Гіезій и въ ликѣ Апостольскомъ предатель Іуда. Равнымъ образомъ и въ обители святаго Саввы нашлись злонравныя братія, которые всемѣрно оскорбляли святаго отца, и вскорѣ злоумышленіе свое простерли до того, что скрытно ушли въ Іерусалимъ къ Патріарху Саллюстію съ просьбою, чтобы далъ имъ Игумена. Зная, сколь знаменито вездѣ имя Саввы, мятежники сначала старались сокрыть оное, и сказали только то, что предъ симъ незадолго они поселились при нѣкоторомъ пустынномъ источникѣ; однакожъ наконецъ принуждены были открыть истину; и когда Патріархъ спросилъ: гдѣ же Савва? отвѣчая не противу вопроса, начали клеветать, что Савва невѣжда и грубіянъ; не знаетъ, какъ управлять братіею и, сверхъ того, не хочетъ самъ и не позволяетъ другимъ принять Священство. Выслушавъ сіе, Патріархъ спросилъ: «вы ли приняли Савву? или Савва васъ принялъ?» и когда они сказали, что Сава принялъ ихъ, Саллюстій отвѣчалъ: «если сей старецъ въ пустынномъ мѣстѣ могъ васъ собрать, то не думаю, чтобы не могъ управлять вами.»— Потомъ, оставивъ ихъ безъ всякаго рѣшенія, послалъ за святымъ Саввою и, не поминая о жалобахъ, немедленно, хотя и противъ воли, посвятилъ его въ Пресвитера; и довольно поучивъ безпокойныхъ братій, приказалъ имъ съ преподобнымъ отцемъ возвратиться въ обитель.

Но злоба не погасла и только таилась подъ пепломъ: мятежники опять возстали на человѣка Божія. Къ большему огорченію, онъ узналъ, что нѣкоторые изъ братій, родомъ Армяне, заражены ересію и не хотятъ внимать

его наставленіямъ. Тогда-то Савва, уступая гнѣву и ожесточенію, удалился въ безмолвную пустыню; а злобствующіе иноки, обрадовавшись тому, распустили слухъ и даже донесли Патріарху Иліѣ, будто преподобный Савва съѣденъ звѣрями, и просили другаго Настоятеля; но Патріархъ хладнокровно сказалъ имъ только сіе: «я знаю, что Богъ праведенъ; не презритъ добрыхъ дѣлъ Отца вашего, и погибнутъ ему отъ звѣрей не попуститъ; ждите убо его, пока возвратится.»—Узнавъ о семъ, святый старецъ отчаялся о ихъ раскаяніи и самъ началъ просить Патріарха, чтобы не считать его болѣе Настоятелемъ Лавры; но Илія не хотѣлъ и слушать того.—«Не могу стерпѣть, сказалъ онъ гласомъ Святительскимъ, чтобы твоими трудами обладали другіе;» и послалъ его опять въ обитель съ грамотою, въ которой, укоряя мятежниковъ, повелѣвалъ принять его безпрекословно; а въ случаѣ непослушанія, грозилъ гнѣвомъ Божіимъ.

Казалось, сей гласъ Первосвятителя долженъ былъ, подобно грому, поразить буйныя души: *но обуяша лютые взыскатели!* Когда Патріаршую грамоту прочли посреди церкви, мятежники подняли крикъ: укоряли, досаждали, злословили невиннаго старца; и тогда же собравъ все, что имѣли собственнаго, пошли въ другую обитель. Но худая слава носилась предъ ними и мятежники отвсюду изгоняемы были съ безчестіемъ. Наконецъ удалились они къ такъ называемому *Ѳекутійскому потоку* и тамъ начали жить, Богомъ и людьми отверженные.

Преподобный Савва радовался, что духъ раздора удалился изъ его Лавры и болѣзновалъ о погибели буйныхъ братій—вскорѣ услышалъ, что они живутъ въ крайнемъ оскудѣніи, тѣснотѣ и разстройствѣ, какъ овцы, неимѣющія пастыря. Отеческое сердце забыло обиды и чувствовало одни ихъ несчастія. Онъ взялъ съ собою довольно пищи

и питія и пошелъ къ нимъ, желая утолить гнѣвъ и подать помощь. Встрѣченный ругательствомъ, святый старецъ благословлялъ ихъ и, уговаривая какъ чадъ и братій, предложилъ угощеніе. Послѣ сего отправилъ одного изъ своихъ учениковъ къ Патріарху Іерусалимскому, умоляя его принять ихъ въ свое покровительство, и бралъ на себя ихъ устроеніе. Получивъ согласіе Святителя и семьдесятъ златницъ въ пособіе, онъ пробылъ у нихъ пять мѣсяцевъ: создалъ церковь, устроилъ келліи, далъ изъ своей Лавры Настоятеля и, противу ихъ воли заставивъ себя возлюбить, возвратился спокоенъ.

Изъ каждаго происшествія можно извлекать пользу для сей и будущей жизни.

Преподобный Савва, обитая въ пустынѣ, увидѣлъ четырехъ Срациновъ, отъ глада и алчбы изнемогающихъ; и хотя зналъ, что сіи варвары всегда оскорбляли иноковъ, но, сжалясь надъ ихъ состояніемъ, подошелъ къ нимъ, велѣлъ сѣсть и, отдавъ послѣднюю пищу, угостилъ, какъ братій. Срацины, укрѣпившись, пошли съ благодарностію и, къ удивленію Саввы, съ великимъ вниманіемъ разсматривали мѣсто, считали изрѣдка стоящіе кусты и клали на земли нѣкоторые знаки. Но сей ихъ поступокъ вскорѣ объяснился. Срацины чрезъ нѣсколько дней возвратились и принесли съ избыткомъ хлѣба, сыра и разныхъ плодовъ, вторично благодаря Савву за его благодѣяніе. Возрадовался Преподобный, что изъ враговъ могъ сдѣлать друзей; но, поучая ихъ, чтобы и впредь не обижали беззащитныхъ пустынниковъ, вдругъ задумался и, прослезившись, сказалъ самъ къ себѣ: «горе, душе моя! горе тебѣ! Сіи люди за малое наши благодѣяніе, однажды имъ оказанное, видишь, сколь благодарны; а мы, каждый часъ,

пріемлемъ неизреченные дары Божіи, и что дѣлаемъ, неблагодарные? Живемъ въ лѣности и безчувствіи, не сохраняя святыхъ Его заповѣдей.»—Такимъ образомъ святый старецъ не оставлялъ ни одного случая, не пропускалъ ни одной встрѣчи безъ того, чтобы не сдѣлать добра, и изъ всякаго происшествія, какъ въ естественномъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ, извлекалъ для себя какое нибудь спасительное правило.

Чтобы быть хорошимъ начальникомъ, должно быть прежде хорошимъ подчиненнымъ.

Нѣкоторый черноризецъ, именемъ Іаковъ, человѣкъ безпокойный и гордый, уговорившись съ единонравными себѣ иноками, оставилъ обитель преподобнаго Саввы и, желая быть ему равенъ, началъ въ другомъ мѣстѣ строить свой монастырь. Святый старецъ, возвратясь изъ пустыни, гдѣ, по обычаю, проводилъ великопостное время въ безмолвіи, пошелъ къ нему и отечески совѣтовалъ оставить предпріятіе и возвратиться въ обитель. Но какъ Іаковъ не хотѣлъ его слушать, то святый Савва съ горестію сказалъ ему: «начинанія, порожденныя дерзостію и высокомѣріемъ, всегда были пагубны: блюдись и ты да не будешь наказанъ.»

Святый Савва ушелъ въ свою Лавру; а съ Іаковомъ и его братіею случилось подобное тому, что нѣкогда постигло строителей Вавилонской башни. Языкъ ихъ остался тотъ же, но смѣшались мысли: одинъ хотѣлъ того, другой инаго; самъ Іаковъ безпрестанно перемѣнялъ свои намѣренія, и строеніе монастыря совершенно остановилось. Что же касается до общежительнаго устава, въ такомъ неустройствѣ его и ожидать было невозможно. Но сего мало: Іаковъ при каждомъ начинаніи началъ

робѣть и ужасаться, самъ не зная чего. А за симъ постигла его столь лютая болѣзнь, что онъ болѣе полугода ничего почти не говорилъ, и—уже отчаявшись въ жизни своей, велѣлъ нести себя къ преподобному Саввѣ, чтобы при кончинѣ своей испросить у него прощеніе. Святый старецъ сдѣлалъ ему отеческое наставленіе и именемъ Господнимъ исцѣлилъ отъ болѣзни.

Іаковъ, познавъ всю важность преступленія, уже не возвратился на свое новое мѣсто, но остался въ гостинницѣ служить странникамъ. Однако, будучи нерадивъ, готовилъ пищи иногда много, иногда мало; и какъ однажды отъ трапезы осталось довольно вереныхъ стручьевъ, то Іаковъ бросилъ ихъ за окно въ потокъ. Преподобный Савва, давно примѣчая его небреженіе, какъ скоро о томъ узналъ, собралъ стручья, перемылъ ихъ, и въ келліи своей высушивъ на солнцѣ, чрезъ нѣсколько времени сварилъ ихъ, и позвавъ къ себѣ на обѣдъ Іакова, извинялся, что, не умѣя готовить снѣди, не можетъ такъ угостить его, какъ бы хотѣлъ. Когда же Іаковъ похвалилъ пищу и признался, что давно не ѣдалъ съ такимъ вкусомъ; тогда Савва сказалъ: «повѣрь же мнѣ, чадо, что это тѣ стручья, которыя ты, не задолго предъ симъ, изсыпалъ въ потокъ, и знай, что тотъ, кто не умѣетъ устроить въ мѣру горшка какой нибудь травы, не можетъ устроить монастыря, а кольми паче не можетъ управлять братіею! *Кто не умѣетъ своего дому правити*, говоритъ Апостолъ (*), *како о церкви Божіей прилежать возможетъ?*»—Симъ простымъ замѣчаніемъ мудрый старецъ заставилъ Іакова устыдиться и о небреженіи къ своей должности и о прежнемъ своемъ любоначальствѣ.

(*) 1. Тим. III. 5.

Время угождать Богу втайнѣ, и время угождать Богу въявѣ.

Святитель Христовъ Николай, прежде своего Архіерейства убѣгая славы человѣческой, всемѣрно старался скрывать свои добрыя дѣла; и если не погребъ себя въ пустынномъ безмолвіи для разглагольствованія съ единымъ Богомъ, то единственно изъ повиновенія гласу небесному, который повелѣлъ ему обратиться къ людямъ и служить ихъ счастію и спасенію. Однако, обитая въ многолюдномъ градѣ, онъ жилъ никому незнаемъ, яко одинъ отъ пришельцовъ, и показывался только въ дому Господнемъ, одно имѣя пристанище — Бога. Всѣ дѣла его частной жизни свидѣтельствуютъ, что святый Николай желалъ, чтобы не вѣдала шуйца, что̀ творитъ десница его... Но когда былъ возведенъ на престолъ Мирликійскія Церкви, тогда сказалъ самъ къ себѣ: «о Николай! сей санъ и сіе мѣсто требуютъ отъ тебя иныхъ обычаевъ; ты отселѣ долженъ жить не для себя, но для другихъ.» — Съ того времени, ревнуя порученное ему Христово стадо научить благочестію и добродѣтели Святитель Господень уже не скрывалъ своего благочестія и добродѣтелей. Прежде одинъ только Богъ вѣдалъ его житіе; а тогда просвѣтился *свѣтъ его предъ человѣки, яко да видятъ добрыя его дѣла* (*). Онъ служилъ Богу въявѣ, чтобы и другіе такъ же Ему служили; благодѣтельствовалъ ближнимъ, чтобы и другіе также имъ благодѣтельствовали. Толикократно чудодѣйствуя для спасенія невинно гонимыхъ, для избавленія посреди непріятелей, въ пламени и въ волнахъ моря погибающихъ, онъ объявлялъ свое имя; и сіе славное имя заставляло Царей царствовать благодѣтельно, Пастырей править Церковь

(*) Матѳ. V. 16.

богоугодно, народъ—жить богобоязненно. Святый Николай стоялъ предъ лицемъ вселенныя какъ зерцало добрыхъ дѣлъ, и былъ *образъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою и чистотою* (*).

Наказанная жестокость.

Когда жестокосердый Діоскоръ, отецъ святыя Великомученицы Варвары, съ обнаженнымъ мечемъ бѣжалъ за нею: тогда защитникъ невинности, исповѣдуемый ею Богъ повелѣлъ раздвигнуться каменной скалѣ и чрезъ разсѣлину свободно провелъ ее на верхъ горы. Разсвирѣпѣвшій отецъ, не узрѣвъ предъ собою Варвары, весьма удивился и, обходя гору, всюду искалъ ее. Наконецъ, встрѣтившись съ двумя пастухами, пасущими овецъ своихъ, спросилъ у нихъ: «не видѣли ли они бѣгущей дѣвицы?» Одинъ изъ нихъ, примѣтивъ, что Діоскоръ весьма разгнѣванъ, сказалъ: *не знаю*; но другой молча показалъ перстомъ на мѣсто, гдѣ скрылась святая Варвара. Діоскоръ обрѣлъ дщерь свою въ пещерѣ, какъ голубицу трепещущу, и попирая ногами, повлекъ за власы по жесткимъ камнямъ. Но Богъ, защищавшій невинность, тогда же наказалъ злодѣйскую услужливость пастуха: умертвилъ его смертію неслыханною—окаменѣніемъ.

Желаніе слѣпца и употребленіе чувства зрѣнія.

Нѣкогда къ преподобному Патапію (**) пришелъ отъ рожденія слѣпый юноша и умолялъ святаго старца, чтобы испросилъ ему у Бога прозрѣніе очей.—«Но для

(*) 1. Тим. 11. 12.

(**) Его память Декабря въ 8 день.

чего тебѣ наипаче нужно прозрѣніе?» приближаясь къ Распятію Іисуса, спросилъ у молодаго человѣка Патапій.—«Да вижу тварь, отвѣчалъ юноша, и отъ твари да приду въ совершеннѣйшее познаніе Творца, и его прославлю.»—Старецъ, умиленный разумомъ и благочестіемъ слѣпца, возопилъ къ Богу: «Іисусе Христе, слѣпымъ свѣтъ и мертвымъ жизнь дарующій! отверзи очи жаждущему свѣтомъ Твоего Богопознанія просвѣтиться.» — И въ то же мгновеніе прозрѣлъ слѣпорожденный юноша. Тогда святый Патапій сказалъ ему: «иди съ миромъ въ домъ твой; но опасайся, чтобы съ отверзеніемъ очей тѣлесныхъ не помрачились у тебя очи душевныя. Ни на какое чувство не могутъ такъ дѣйствовать соблазны міра, какъ на чувство зрѣнія. Горе, если возлѣпотствуетъ въ тебѣ внутренній человѣкъ. Тогда и при сихъ очахъ ты не узришь Бога тамъ, гдѣ всѣ слѣпцы узрятъ его—уже не вѣрою, но лицемъ къ лицу.»

Правило какъ жить на свѣтѣ.

Когда святый Амвросій Медіоланскій (*) приближился къ блаженной кончинѣ, то Стиликонъ, первый Министръ и Опекунъ Западнаго Императора Онорія, услышавъ о томъ, съ болѣзненнымъ вздохомъ произнесъ: «погибнетъ Италія, если умретъ сей святитель!» Потомъ отправилъ къ нему знатныхъ людей, которыхъ любилъ Амвросій, умоляя чрезъ нихъ, чтобы Угодникъ Божій испросилъ себѣ у Господа еще нѣсколько лѣтъ житія для пользы государства. Человѣкъ Божій возвелъ очи свои на небо и умирающимъ гласомъ сказалъ: «благодарю тебя Господи Боже мой, что я, хотя и грѣшный человѣкъ, жилъ такъ, что не стыжусь долѣе жить, и не боюсь смерти.

(*) Сего Святителя память Декабря въ 7 день.

Самъ Богъ не велитъ безъ нужды подвергаться опасностямъ.

Преподобный Даніилъ (*), обитая въ *оградѣ* святаго Симеона Столпника, вознамѣрился сходить въ Іерусалимъ для поклоненія *Богошественнымъ* мѣстамъ, и оттуда уйти на безмолвіе въ пустыню. Симеонъ, любя его, совѣтовалъ остаться съ нимъ, но не могъ преодолѣть желанія Даніилова; и—пѣшеходецъ съ душевнымъ рвеніемъ отправился въ путь.

Дорогою услышалъ онъ, что въ Палестинѣ свирѣпвуетъ брань; ибо тогда Самаряне взбунтовались и, истребляя Христіянъ, не щадили ни возраста, ни состоянія. Однако нетерпѣніе Даніила было столь велико, что онъ, презрѣвъ всѣ опасности и самую смерть, продолжалъ свой путь, но чрезъ нѣсколько времени встрѣтилъ ветхаго деньми инока, который, облобызавъ его, спросилъ по-Сирійски: «куда идешь, любезный братъ?» «Если Богъ благословитъ мой путь, отвѣчалъ Даніилъ, то хочу быть въ Іерусалимѣ.»—«Справедливо говоришь, *если Богъ благословитъ*, возразилъ старецъ; но теперь путь твой не отъ Божія благословенія. Ужели не слышалъ ты, что въ Палестинѣ мятежъ и кровопролитіе? — «Я слышалъ о семъ, сказалъ Даніилъ, но полагаюсь на Бога, что сей Помощникъ и Покровитель не попуститъ пріити на меня какому либо злу; а если и случится сіе, не боюся; *ибо аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (**).» На сіе старецъ съ прещеніемъ сказалъ ему: *не даждь во смятеніе ноги твоея*; тогда *не воздремлетъ и Хранящій тя* (***). Однако Даніилъ не преставалъ

(*) Преподобный Даніилъ, также Столпникъ, жилъ въ V вѣкѣ по Р. Х. Память его Декабря въ 11 день.

(**) Рим. XIV. 8.

(***) Псал. CXX. 3.

упорствовать и отозвался съ рѣшимостію, что онъ на семъ пути готовъ умереть за Христа. Старецъ, съ негодованіемъ отвративъ лице свое, еще строже произнесъ: «не повелѣлъ Богъ безвременно подвергаться смерти; не повелѣлъ искать случаевъ быть убіенными. Онъ вѣщаетъ, напротивъ того: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (*).» Послѣ сего Даніилъ задумался и, начавъ преклоняться къ совѣту старцеву, сказалъ: «если такъ благоугодно тебѣ, я возвращуся.»—Тогда старецъ, перемѣнивъ голосъ, сказалъ ласково: «сынъ мой! я не совѣтую тебѣ оставить твое намѣреніе навсегда; въ такомъ случаѣ я былъ бы безуменъ: но совѣтую не итти только въ сіе злое время. И такъ возвратись въ Царь-градъ, который святынею есть вторый Іерусалимъ. Тамъ можешь насытить твои очи и сердце видѣніемъ боголѣпныхъ рѣдкостей. Если же хочешь безмолвствовать, то Богъ укажетъ на пользу души твоей мѣсто или въ вышней Ѳракіи, или въ самомъ устіи Понта. Впрочемъ, не должно помышлять, будто въ Іерусалимѣ только обрящешь Бога, а въ Царѣ-градѣ нѣтъ. О возлюбленный! Богъ мѣстомъ не объемлется...

Между тѣмъ, какъ сей разговоръ продолжался, закатилось солнце; и они совратились къ близстоящему монастырю. Но старца вдругъ не стало... Даніилъ, разсуждая о семъ видѣніи, увѣрился, что это былъ или Ангелъ Божій, или самъ Симеонъ; и на другой же день пошелъ въ Царь-градъ.

Наказанный сребролюбецъ,

Въ Архипастырство преподобнаго Спиридона Тримифунтскаго (**), нѣкоторый богачъ, въ голодное время

(*) Матѳ. X. 23.

(**) Его память Декабря въ 12 день.

привезши на корабляхъ изъ другихъ странъ множество хлѣба, не хотѣлъ продавать за ту цѣну, какую засталъ въ Тримифунтѣ, но насыпавъ житницы, ждалъ, пока цѣна еще возвысится. Сколько бѣдные ни умоляли ненасытнаго хлѣбопродавца, онъ оставался глухъ, какъ аспидъ. Несчастные прибѣгли къ преподобному Спиридону и жаловались на его жестокость и свое бѣдствіе. Человѣкъ Божій, ободряя унывающихъ, сказалъ имъ: «не плачьте, но идите и утѣшьте упованіемъ на Бога ваши семейства. Тако бо глаголетъ Господь: яко заутра, наполнятся храмины ваши жита; богатаго же узрите молящаго васъ, и дающаго вамъ пищу безъ цѣны.» — Тихій лучъ надежды озарилъ сердца алчущихъ; однако не осушилъ слезъ ихъ.

Но въ первый сумракъ ночи повелѣніемъ Божіимъ вдругъ пролился великій дождь, сопровождаемый столь сильнымъ вѣтромъ, что опроверглись житницы немилосердаго богача, и стремящаяся потоками вода разнесла весь хлѣбъ. Хлѣбопродавецъ, съ домашними своими бросаясь туда и сюда, не зналъ, что дѣлать, и у собравшагося народа просилъ помощи. А неимущіе между тѣмъ, видя разнесенное по пути жито, собирали его и, унося домой, опять возвращались на тоже дѣло. Вспомнивъ пророчество святаго Спиридона, они на сей разъ не считали за грѣхъ брать, что даруетъ самъ Богъ; мужья, жены и дѣти старались наполнить свои одежды и все, что имѣли. Самъ лихоимецъ, почувствовавъ отяготѣвшую надъ нимъ руку общаго Отца, *Иже есть на небесѣхъ*, ободрялъ бѣдныхъ и просилъ брать, кто сколько можетъ и хочетъ.—А преподобный Спиридонъ, слышавъ о его усердіи, благословилъ Бога и за то, что Онъ далъ пищу требующимъ, и за то, что внезапнымъ несчастіемъ умягчилъ жестокое сердце сребролюбца.

Поступокъ святаго Спиридона съ хищниками.

Однажды въ Архіерейскій домъ святаго Спиридона закрались воры и, захвативъ нѣсколько овецъ, хотѣли уйти. Но Богъ, любя угодника своего и соблюдая убогое его имѣніе, связалъ ихъ невидимою силою, такъ что они не могли двигнуться съ мѣста и остались такъ до утра. Преподобный Спиридонъ, на разсвѣтѣ вышедъ изъ келліи и въ семъ жалкомъ состояніи увидѣвъ ихъ, далъ наставленіе, чтобы они не похищали чуждаго, но трудами своихъ рукъ питались; потомъ молитвою разрѣшилъ невидимыя ихъ узы и, отпуская, подарилъ имъ одного овна, примолвивъ: «возьмите его, да не будетъ всуе вашъ трудъ и всенощное бдѣніе.

Хищничество не обогащаетъ, но паче разоряетъ.

Одинъ купецъ, для оборота въ торговлѣ, часто у святаго Спиридона занималъ деньги; когда же, возвращаясь отъ купли, приносилъ ему долгъ свой, святый старецъ обыкновенно приказывалъ ему, чтобы самъ положилъ въ ковчегъ, изъ котораго взялъ. Не уважая временнаго стяжанія, онъ не любопытствовалъ, всѣ ли заимнопріимецъ отдаетъ ему деньги.

Многократно купецъ, съ позволенія Святаго, бралъ и отдавалъ золото, и—Господь благословлялъ его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положилъ принесенныхъ денегъ въ ковчегъ и, обманувъ святаго Спиридона, удержалъ у себя... Что же вышло? купецъ вскорѣ обнищалъ; ибо утаенное злато не только не принесло ему прибытка, но какъ огнь пояло и его имѣніе. Въ сей крайности купецъ опять пришелъ къ преподобному Спиридону и просилъ у него взаимъ злата. Святый, по обыкновенію,

послалъ его въ свою спальню, чтобы взялъ изъ ковчега самъ; но какъ купецъ ничего не положилъ, то и взять было нечего. Возвратившись съ пустыми руками, объявилъ онъ святому Спиридону, что въ ковчегѣ золота нѣтъ... «Кромѣ твоей руки, доселѣ ничьей въ ковчегѣ не было, спокойно отвѣчалъ ему святый старецъ: если бы ты положилъ тогда деньги, то бы теперь опять взялъ ихъ; роптать не на кого; самъ виноватъ.» Пораженный стыдомъ, купецъ палъ къ ногамъ Спиридона. Святый немедленно простилъ его, но отпустилъ въ домъ — уже не съ деньгами: ибо не имѣлъ ихъ, а только съ убѣдительнымъ наставленіемъ, впредь не осквернять совѣсти своей лестію и обманомъ.

Горкій плодъ роптанія.

Преподобный Ираклій имѣлъ у себя ученика, паче другихъ украшеннаго добродѣтелію послушанія. Въ одно время, сей трудникъ повергся къ ногамъ старца и просилъ, да облечетъ его въ образъ иноческій. Ираклій согласился; и когда соорудили особливую келлію, какъ учитель сказалъ ученику своему: «чадо, исполняй мою заповѣдь: когда взалчешь—вкушай; когда вжаждешь—пей; когда воздремлешь—усни. Только не выходи изъ келліи даже до субботы; а тогда посѣти меня.» — Юный инокъ два дни съ охотою исполнялъ приказаніе старца, но въ третій день почувствовалъ скуку и началъ жаловаться на строгое запрещеніе учителя... Онъ пропѣлъ, хотя съ нѣкоторымъ смущеніемъ, вечернее *правило*, и по закатѣ солнца пошелъ спать. Что же увидѣлъ? на его одрѣ возлежитъ нѣкто черный и злообразный и скрежещетъ на него зубами. Ужаснувшійся инокъ безъ памяти ринулся изъ келліи, прибѣжалъ къ старцу и застучалъ въ дверь.—

«Сжалься надо мною, Авва! вопіялъ онъ, отопри Авва!»— Но старецъ, провидя духомъ его роптаніе, которое было, безъ сомнѣнія, первымъ шагомъ къ преступленію заповѣди, не отверзъ келліи до разсвѣта. Когда впустилъ его: «Отче! воскликнулъ трепещущій ученикъ: отходя спать, я увидѣлъ на ложѣ моемъ чудовище; до смерти страшусь его.»—«Это сдѣлалось отъ того, сказалъ Ираклій, что ты, чадо мое, возропталъ и тѣмъ поползнулся къ преступленію заповѣди. Этотъ черный, злообразный духъ тебя ужасаетъ, но отъ него есть защита — Крестъ и молитва. Горе, если овладѣютъ сердцемъ твоимъ дѣла законопреступныя! тогда ты, самъ внутрь себя, въ твоей совѣсти обрѣтешь ужаснѣйшее чудовище, на тебя скрежещущее; оно поглотитъ тебя, пожретъ тебя, и—ты погибнешь.» Симъ и тому подобнымъ образомъ поучивъ юнаго пустынника, преподобный Ираклій чрезъ нѣсколько времени постригъ его, и—онъ вскорѣ изъ ученика содѣлался учитель.

Возможность спастися не есть исключительная принадлежность нѣкоторыхъ только состояній.

Одинъ градской житель сказалъ преподобному Нифонту (*):—«Обращаясь въ мірѣ, невозможно спастися; если человѣкъ самъ по себѣ и благонравенъ, то другіе приводятъ его въ соблазнъ. Сверхъ того, сколько переговоровъ! однимъ кажется, что боголюбцы слишкомъ умствуютъ; другимъ не нравится отмѣнный отъ прочихъ образъ жизни; тѣ осуждаютъ за то, что они не наблюдаютъ благоприличій свѣта; другіе называютъ ихъ нелюдимами—а сіе для поползновеннаго сердца весьма опасно.

(*) Память преподобнаго Нифонта, Епископа Констанціи Кипрской, въ 23 день Декабря.

Кто хочетъ быть совершенъ, непремѣнно долженъ жить въ монастырѣ или въ пустынѣ.»—Выслушавъ сіе, преподобный Нифонтъ отвѣчалъ: «чадо! мѣсто не спасетъ человѣка и не погубитъ; одни дѣла спасаютъ и погубляютъ. Нѣтъ пособія ни отъ святаго сана, ни отъ святаго мѣста тому, кто не исполняетъ заповѣдей Господнихъ. Саулъ жилъ посреди великолѣпія царскаго—и погибъ; Давидъ жилъ посреди того же великолѣпія—и принялъ вѣнецъ; Лотъ жилъ посреди беззаконныхъ Соомлянъ—и спасся; Іуда находился въ ликѣ Апостоловъ—и наслѣдовалъ геенну. Кто говоритъ, что не можно спастись въ мірѣ съ супругою и дѣтьми, тотъ льститъ своему безумію и порокамъ. Авраамъ имѣлъ супругу и дѣтей, триста осмьдесятъ рабовъ, столько же рабынь и множество злата и сребра, однако сіе не препятствовало ему пріобрѣсть имя друга Божія. Сколько спаслося служителей церкви и пустыннолюбцевъ! Сколько вельможъ и воиновъ! Сколько ремесленниковъ и земледѣльцовъ! Сколько посреди шумныхъ столицъ и безмолвныхъ пустынь! Прочитай житія Святыхъ, и узришь имена угодниковъ Божіихъ. Съ другой стороны, въ сихъ же санахъ и сословіяхъ, въ сихъ же мѣстахъ и въ то же время безчисленное множество людей погибло... Отъ Царей до рабовъ есть чада небеснаго Царствія, и отъ Царей до рабовъ есть чада погибели. Сынъ Церкви Христовой! не соблазняй ума твоего: на всякомъ мѣстѣ обрѣтается спасеніе Божіе, если исполняешь волю Его, Господь въ объятія свои пріемлетъ душу праведную равно—съ престола и отъ сохи, изъ алтаря и съ поля брани. Итакъ живетъ ли кто въ мірѣ, да не отчаявается. Согрѣшитъ ли—покаяніемъ можетъ опять приближиться къ Богу. Каждый исполняй всѣ добродѣтели званія, которое Богъ возложилъ на него; сверхъ того, будь благочестивъ и

человѣколюбивъ: тогда каждый спасется. Напротивъ того, если кто и удалится въ безмолвную пустыню, но злыхъ дѣлъ или злаго произволенія далече за собою не оставитъ, тотъ погибнетъ неминуемо.»

Урокъ, сколько надобно удаляться сообщенія съ нечестивыми.

Когда святый Преподобномученикъ Ѳеодоръ съ братомъ своимъ преподобнымъ Ѳеофаномъ (*), послѣ разныхъ страданій за поклоненіе святымъ иконамъ былъ осужденъ на новую и въ то время неслыханную казнь, чтобы на ихъ лицахъ раскаленнымъ желѣзомъ начертаны были нѣкоторыя ругательныя слова: тогда чиновникъ, которому поручено было сіе исполнить, сказалъ святымъ страдальцамъ: «только однажды причаститесь съ нами (**), и я отпущу васъ итти куда восхощете.» Услышавъ сіе, блаженный Ѳеодоръ разсмѣялся и чиновнику отвѣчалъ: «ты говоришь то же, какъ если бы кто сказалъ мнѣ: я ничего отъ тебя не требую кромѣ того, что однажды отсѣку твою голову, а потомъ иди, куда восхощешь. Великое благодѣяніе обѣщаешь намъ! Будь увѣренъ, что отвратить насъ отъ правовѣрія столь же трудно, сколь невозможно переставить между собою небо и землю.»— Послѣ сего преподобные отцы спокойно пошли на *мученія*.

(*) Преподобный Ѳеодоръ въ царство Ѳеофила иконоборца скончался мученически въ заточеніи 800 года по Р. Х. Память его Декабря въ 27 день. А преподобный Ѳеофанъ, по смерти Ѳеофила, былъ возвращенъ и скончался Митрополитомъ Никейскимъ въ IX вѣкѣ по Р. Х. Память его Октября въ 11 день.

(**) То есть, съ еретической церкви и дарами лжеосвященными еретичествующимъ Священникомъ.

Торжество христіянскаго смиренія.

Святая Меланія *старшая* (*), происходившая изъ знаменитѣйшаго въ Римѣ дома, дщерь и вдова Сенаторская, оставивъ свое отечество, странствовала всюду, единственно для украшенія святыхъ храмовъ и утѣшенія страждущаго человѣчества: посѣщала святыхъ Отцевъ, въ Нитрійской горѣ обитающихъ, благодѣтельствовала церквамъ и обителямъ, наполняла благотвореніями темницы и, наконецъ остановившись въ Іерусалимѣ, чрезъ тридесятъ и седмь лѣтъ была совершеннѣйшимъ образомъ страннолюбія Авраамова: питала, успокоивала, утѣшала и напутствовала всѣхъ, туда приходящихъ отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга.

Подвигъ, поистинѣ достойный, чтобы сопровождать на него съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ, нежели съ какимъ сопровождаютъ военачальниковъ, на пораженіе супостата идущихъ! И—святой Меланіи была воздана честь сія... Павлинъ, Епископъ Ноланскій, котораго она, въ своемъ путешествіи, посѣтила перваго, сіе зрѣлище описываетъ слѣдующимъ образомъ:—«Всѣ родственники праведной Меланіи, то есть, всѣ особы, бывшія тогда знаменитѣйшими въ Римской имперіи, вышли къ ней на встрѣчу и сопровождали ее съ великолѣпіемъ, приличнымъ столь великой особѣ. Дорога Аппіева покрыта была золотыми и блестящими каретами, лошадьми богато убранными и великимъ числомъ колесницъ всякаго рода. Посреди сего пышнаго снаряда ѣхала одна госпожа, достопочтенная по ея лѣтамъ, а еще болѣе по ея важному и кроткому виду, сидящая въ простой *коляскѣ* и одѣтая въ простое шерстяное платье. Однако жъ очи всѣхъ обращены были

(*) Сія праведная Меланія называется старшею для различія отъ младшей Меланіи, своей внуки, которой память празднуется Декабря въ 31 день.

на смиренную Меланію. Никто не смотрѣлъ ни на злато, ни на шелкъ, ни на пурпуровыя одежды, которыя блистали по всѣмъ сторонамъ: простая одежда помрачала весь сей тщеславный блескъ. Можно было, на сей разъ, видѣть въ дѣтяхъ ея и родственникахъ то же презрѣніе къ блестящей суетности, которое показывала ихъ мать, оставивъ и поправъ оное, дабы *сердце чисто и духъ сокрушенъ* принесть въ жертву Богу. Вельможи и госпожи, которые составляли великолѣпную свиту, не только не стыдились сего низкаго и въ очахъ свѣта презрѣннаго состоянія, въ которомъ видѣли святую вдовицу, но еще вмѣняли себѣ въ честь подходить къ ней и прикасаться къ ея одѣянію, думая, что чрезъ смиренное и почтительное уничиженіе они очищали гордость ихъ богатаго и блестящаго состоянія. Такимъ образомъ пышность Римскаго величія засвидѣтельствовала, въ семъ случаѣ, свою преданность убожеству Евангельскому.

Святость насильно исторгаетъ почтеніе.

Мятежникъ Максимъ, убійца Императора Граціана, сдѣлавъ внезапное нападеніе на Италію, гдѣ царствовалъ Валентиніанъ Вторый, всюду распространялъ опустошеніе и смерть. Разлившись вдругъ, какъ быстрая рѣка, онъ раззорилъ Піаченцу, Модену, Реджію и Болонію почти до основанія, и истребилъ мечемъ и пламенемъ все, на пути ему встрѣтившееся. Не было свирѣпства, хищенія, безстыдства, насилія и святотатства, котораго бы его войско не учинило. Половина жителей погибла, другая принуждена воздыхать въ жестокомъ плѣнѣ. Медіоланъ ожидалъ той же участи и болѣе прочихъ ужасался опустошенія; ибо извѣстно было, что тиранъ ненавидѣлъ святаго Амвросія, ихъ Архіепископа, приписывая ему свою остановку въ завоеваніи Италіи и почитая льсте-

цомъ, отвлекшимъ его, при первомъ посольствѣ, отъ завоеваній. Но Максимъ, сверхъ всякаго чаянія, оставилъ Медіоланъ, посреди окружающихъ его пожаровъ, въ покоѣ, и не захотѣлъ препятствовать святому Архіепископу проповѣдывать покаяніе и вѣрность къ законному Государю. Въ толикомъ почтеніи бываетъ святость и у самихъ тирановъ!

Жертва вѣрѣ, принесенная вельможею.

Юстина, мать Западнаго Императора Валентиніана Втораго, жестоко огорченная ревностію Амвросія, Епископа Медіоланскаго, который Аріеву ересь привелъ въ крайнее безсиліе, рѣшилась наконецъ погубить его.

Чтобы исполнить сіе, она вознамѣрилась, именемъ сына своего, Валентиніана, издать указъ, которымъ позволяла Аріанамъ явно отправлять богослуженіе, и всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлился дѣлать имъ какое либо препятствіе, объявляла мятежниками, нарушителями церковнаго мира, оскорбителями Величества и преступниками, достойными казни; для сего она призвала Бепевола, перваго государственнаго Секретаря, и приказала ему изготовить сей указъ... Но сей мужъ, почитая имя православнаго выше всѣхъ достоинствъ, отрекся исполнить волю ея. Императрица принуждала его, угрожала своимъ гнѣвомъ, обѣщала возвесть на высшую степень; но благочестивый вельможа отвѣчалъ великодушно: «я сею цѣною не хочу покупать вашихъ достоинствъ; отберите у меня и то, что я имѣю, но оставьте мнѣ мою совѣсть и мою вѣру.» При сихъ словахъ, онъ снялъ съ себя поясъ, который былъ знакомъ его достоинства, и положилъ къ ногамъ Юстины. Вскорѣ потомъ удалился онъ въ Бресу, гдѣ остальное время своей жизни провелъ въ строгомъ исполненіи Христіянскихъ добродѣтелей.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

REGIONE LAZIO · ASSESSORATO CULTURA · SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI
A 037422
12 37 7 300